

Ministry of Culture of the Russian Federation
Kemerovo State University of Culture and Arts
Changchun Normal University (China)
Russian Institute of Culturology
St. Petersburg Branch of Russian Institute of Culturology
M. I. Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature
Department of Culture and National Policy for Kemerovo Region
Department of Education and Science for Kemerovo Region

GLOBALIZATION AND WAYS TO PRESERVE TRADITIONAL CULTURE

Proceedings of the International Scientific and Practical Conference
November 16, 2009, Kemerovo

Министерство культуры Российской Федерации
ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»
Чаньчуньский педагогический университет (КНР)
Российский институт культурологии
Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии
Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино
Департамент культуры и национальной политики Кемеровской области
Департамент образования и науки Кемеровской области

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПУТИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Кемерово, 16 ноября 2009 года

Кемерово – 2009

УДК 008
ББК 71.0
Г54

Редакционная коллегия:

Е. Л. Кудрина – отв. редактор
В. Д. Пономарёв, М. В. Белозёрова, В. И. Марков, В. И. Бедин,
Н. И. Гендина, А. В. Шунков, Е. А. Коваленко, М. С. Клименок

Г54 Глобализация и пути сохранения традиционной культуры [Текст]:
сб. ст. Международной научно-практической конференции (г. Кемерово, 16 ноября 2009 года) / Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – 327 с.

В материалах конференции освещаются проблемы современных этнокультурных и этнополитических процессов, сохранения и развития традиционной национальной культуры в условиях глобализации.

ISBN 978-5-8154-0200-3.

Editorial board:

Managing editor *E. L. Kudrina*
Editors: *V. D. Ponomarev, M. V. Belozyorova, V. I. Markov, V. I. Bedin,*
N. I. Gendina, A. V. Shunkov, E. A. Kovalenko, M. S. Klimenok

Globalization and Ways to Preserve Traditional Culture [Text]:
Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Kemerovo, November 16, 2009) / Kemerovo State University of Culture and Arts. – Kemerovo: Kemerovo State University of Culture and Arts, 2009. – 327 p.

The conference examined the issues of contemporary ethnocultural and ethnopolitical processes, preservation and development of traditional culture under conditions of globalization.

УДК 008
ББК 71.0

ISBN 978-5-8154-0200-3

© Кемеровский государственный университет
культуры и искусств, 2009
© Авторы статей, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый сборник вошли статьи участников Международной научно-практической конференции **«Глобализация и пути сохранения традиционной культуры»**, которая проходила 16 ноября 2009 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств.

Конференция посвящена рассмотрению актуальных вопросов сохранения и развития традиционной национальной культуры в условиях глобализации. Этнокультурное наследие народов России является составной частью всего культурного наследия Российской Федерации и в целом культурного наследия мира, поэтому проблемы его сохранения и охраны приобретают особое значение в ходе реализации государственной национальной и культурной политики Российской Федерации, направленной на укрепление единства народов России и сохранение их традиций и этнокультурного многообразия.

Внимание участников конференции было сосредоточено вокруг обсуждения следующих проблем: сохранение традиционной культуры, коммуникационных предпосылок религиозной толерантности и нетерпимости, федеральных и региональных компонентов национальной политики, музейной коммуникации и межкультурного диалога, вопросов культурного наследия как источника творчества, языка, как основы межкультурной коммуникации, культурного разнообразия в сети Интернет и др.

В работе конференции приняли участие представители научной общественности Санкт-Петербурга, Омска, Новосибирска, Кемерова, Сургута, Новокузнецка, Республики Алтай и Республики Тыва, Китайской Народной Республики.

В рамках конференции проведены два круглых стола: «Научно-информационное обеспечение национальной и культурной политики субъектов Российской Федерации» и «Культурное разнообразие в сети Интернет: что дает глобализация и чего лишает?».

Е. Л. Кудрина

**ВУЗЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Осмысливая образ университета культуры и искусств, его наиболее существенные стороны деятельности, мы видим его как «Университет, открывающий мир». Каждый, кто обучается сегодня в КемГУКИ, открывает новый, удивительный мир не только благодаря специфике образовательных программ, но и благодаря тому, что сам университет, его коллектив представляют собой поликультурную среду, в которой целенаправленно культивируются дух уважения к другим народам, их обычаям, традициям, миротворчество и толерантность, радость общения, позитивное мышление и психология успешности. Все это характерно именно для нашего университета.

Глобализация является доминирующим процессом современности. Это совокупность сложных интеграционных процессов, охватывающих постепенно (или уже охвативших?) все сферы общественной жизни. В настоящее время все острее «встает вопрос об управлении и контроле их развития, о разумной организации процессов глобализации, ввиду ее абсолютно неоднозначного влияния на этносы, культуры и государства» [8].

Сам по себе этот процесс является объективным, исторически обусловленным направлением развития мировой цивилизации. Основная задача, стоящая перед любой страной в эпоху глобализации, заключается в нахождении равновесия между участием в мировой экономике и сохранением преемственности традиций, своего самосознания. Создание современной экономики, внедрение научно- и информационно-технологий возможны только в стране, которая не утратила своего самосознания, понимания своего места в мире, чувства собственного дома.

Можно сколько угодно спорить об определениях глобализации, о ее соотношении с интеграцией во всемирном масштабе и модернизацией, о времени ее зарождения и начала активного влияния на мировые процессы и об иных ее аспектах, но бесспорно, что глобализация – явление именно современного мира. Вбирая в себя многие свойства иных общемировых процессов, она представляет собой нечто принципиально новое в истории человечества, не являясь простым продолжением существовавших прежде интеграционных общемировых тенденций.

Термином «глобализация», появившимся в западной литературе во второй половине 1980-х годов, обозначается одна из ведущих тенденций социально-экономического и общественного развития современного мира, вызванная бурным прогрессом технологий, и прежде всего – развитием информационных технологий, воплотившихся

во «Всемирной паутине» и качественно расширяющих возможности установления глобальных связей. Вместе с тем, следует отметить, что впервые о глобализации заговорили не в плане развития охватывающих весь мир связей, а как об угрозе, нависшей над цивилизацией, когда было осознано, что человечество быстрыми темпами приближается к кризису во взаимоотношениях с природой, что ему грозит экологическая катастрофа, предотвращение которой возможно только усилиями всего мирового сообщества, т. е. на глобальном уровне.

Мировая экономическая система формируется как система глобальная, открытая, динамичная, основанная на информации, в которой социально-экономические процессы во многом определяются активностью субъектов общества в генерации и использовании нового знания. Это предъявляет качественно новые требования к образованию как базовому институту, ответственному за производство знания. Кроме того, глобализация обостряет и выявляет специфические грани в отнюдь не новой проблеме соотношения европейской и американской культуры и культур остального, главным образом, развивающегося мира. Задействовать в этих странах в конце XX века западную технологию невозможно было без распространения научно-технических знаний, интеллектуальной культуры, носителями которой являются квалифицированные специалисты. Вновь создаваемая современная система образования и особенно нахлынувшая в конце XX в. западная, преимущественно американская, массовая культура, вступили в прямое противоречие с местной традиционной духовной культурой. По мнению В. К. Егорова, «в более широком плане речь надо вести даже не об американизации, о чем чаще всего и не всегда справедливо говорится, а о вестернизации... Человечество, состоящее на две трети из того, что именуется не-Западом, что составляет мир Востока и Юга, никак не желает согласиться с тем, что многоликому, мозаичному и этим замечательному миру человеческой культуры будет придаваться одно лицо. И полагаю, не согласится, по крайней мере, в обозримом будущем. У человечества – убежден – общее цивилизационное будущее и будущее общекультурное, когда в самом «последнем будущем» будет утверждено многокультурье» [2].

Глобализация открывает широкие возможности для взаимного знакомства и сближения культур, исключаяющего их противостояние и антагонистические отношения. Межкультурные контакты нередко заканчиваются сильным влиянием взаимодействующих культур друг на друга. Посредством заимствований происходит проникновение культурных новаций из одних культур в другие, где подобные новации по объективным причинам возникнуть не могли. «В основе существования и развития любой культуры, общества лежат базовые системы ценностей – выступающие связующим ядром культуры, а также связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, культурные коды, символы и образцы. Тесно связанные между собой, они формируют единое поле культуры, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми; среди прочих, ценности определяют приоритеты и векторы дальнейшего развития» [9, с. 171].

Для любого общества культурные контакты имеют как положительное, так и отрицательное значение. Появление спутникового телевидения и Интернета не только значительно повышает возможности проникновения западной культуры во все страны, но и ставит под вопрос само существование не особенно сильных культур, которые

могут не удержаться перед экспансией чужеродной культуры, утратить свою культурную самобытность, изменить культурную идентичность.

«Неосознаваемая в обычных ситуациях проблема идентичности актуализируется по мере контактов людей и групп с представителями других культур. В результате таких контактов складывается осознание своей идентичности, что происходит в сопоставлении “своего” и “чужого”; и именно “чужое” способствует собственному восприятию, осознанию своей самобытности. При этом, сопоставление “своего” и “чужого” может способствовать как укреплению собственной идентичности, так и привести к ее изменению или разрушению. Изменение и разрушение идентичности происходит, как правило, в тех случаях, когда “свое” приобретает в глазах людей отрицательные черты, перестает отвечать текущим потребностям, изменившейся ситуации» [9, с. 172].

В периоды крупномасштабных общественных перемен, когда происходит радикальная трансформация основ функционирования социокультурных систем, люди не только испытывают чувство растерянности и неуверенности в своем будущем, но и лишаются надежных ориентиров. В это время они нуждаются в стабильных, проверенных образцах, упорядочивающих «их хаотический опыт, представление о том, кем они являются, откуда пришли и куда движутся. В процессе активной аккультурации ценностные ориентиры трансформируются, способствуя тем самым изменениям или утрате и поиску идентичности» [9, с.173].

Изменения являются неотъемлемым свойством культуры и включают в себя как внутреннюю трансформацию культурных явлений (их изменения во времени), так и внешние перемены (взаимодействие между собой, передвижение в пространстве и т. п.). Благодаря этому происходит поступательное движение культуры, ее переход от одного состояния к другому.

«В процессе культурных изменений рождаются, фиксируются и распространяются различные элементы культурного опыта. Значение, влияние и степень распространения этих элементов зависит во многом от источника их возникновения. В культурной антропологии принято выделять следующие источники культурной динамики: инновации, обращение к культурному наследию, заимствования, культурная диффузия» [3]. При их характеристике в этом источнике отмечается, что:

- инновации представляют собой изобретение новых образов, символов, норм и правил поведения, новых форм деятельности, направленных на изменение условий жизни людей, формирование нового типа мышления или восприятия мира. Причинами возникновения новаций являются неприятие отдельными индивидами или группами господствующих культурных ценностей, регулятивных норм, традиций, обычаев, правил поведения и поиск своих собственных путей культурного и социального саморазвития;

- обращение к культурному наследию как источник культурной динамики означает переоценку и использование в новых условиях всей совокупности культурных достижений данного общества и его исторического опыта. Такое наследие обладает для общества вневременной культурной ценностью, так как к нему относятся уникальные культурные достижения, не зависящие от времени их появления, которые переходят к новым поколениям и в новые эпохи;

– культурные заимствования являются наиболее распространенными источниками культурных изменений по сравнению со всеми другими. Этот источник культурной динамики может носить как прямой (через межкультурные контакты индивидов), так и косвенный характер (через действие СМИ, потребляемые товары, образовательные учреждения и т. д.). Культурные заимствования – есть использование предметов, норм поведения, ценностей, созданных и апробированных в других культурах. Данный вид культурной динамики развивается в тех случаях, когда одна культура подвергается влиянию другой, более развитой. Однако при этом большинство людей менее развитой культуры, несмотря на заимствование элементов другой культуры, сохраняют многие обычаи, нормы и ценности, присущие их родной культуре;

– в качестве отдельного источника культурной динамики следует выделить культурную диффузию – взаимное проникновение отдельных явлений культуры или целых ее комплексов из одной культуры в другую при их взаимодействии. Культурное взаимодействие – это культурный контакт, который может пройти бесследно, а может закончиться сильным влиянием взаимодействующих культур друг на друга либо односторонним влиянием. По своей сути диффузия означает «заимствование» каких-либо достижений одной культуры у другой [3].

Культурная диффузия как процесс стихийного и никем не контролируемого заимствования культурных ценностей имеет свои плюсы и минусы. К первым следует отнести возможность большего общения разных народов между собой и расширение познаний друг о друге, способствующих их сближению. Вместе с тем, чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности.

Распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение заставляют говорить о процессе глобализации современной культуры. «Глобализация культуры представляет собой процесс интеграции отдельных этнических культур в единую мировую культуру на основе развития транспортных средств, экономических связей и средств коммуникации. В межкультурной коммуникации она выражается в расширении культурных контактов, заимствовании культурных ценностей и миграции людей из одной культуры в другую» [3].

Процессы глобализации и культурной динамики, как показывает практика, не ведут к формированию единой мировой культуры. Современная культура состоит из множества самобытных культур, находящихся в диалоге и взаимодействии друг с другом. Культурные изменения ведут только к универсализации, но никак не к однообразию.

Организация Объединенных Наций провозгласила 2001 год Годом диалога между культурами. Сосуществование людей в современной цивилизации невозможно без стремления к согласию между культурами, которое может быть достигнуто только путем диалога между ними. В этом диалоге ни одна культура не может претендовать на право исключительного голоса или единственно верного мирозерцания. Отношения между культурами должны строиться на принципах консенсуса и плюрализма. Реальным основанием для такого типа отношений служит наличие в каждой культуре позитивных общечеловеческих ценностей, которые можно использовать для межкультурного консенсуса.

Таким образом, «культурная динамика развивается в направлении сотрудничества между культурами, основанного на культурном плюрализме. Культурный плюрализм представляет собой адаптацию человека к чужой культуре без отказа от своей собственной. Он предполагает овладение человеком ценностями еще одной культуры без ущерба для ценностей своей собственной культуры. При культурном плюрализме ни одна культура не теряет своей самобытности и не растворяется в общей культуре. Он подразумевает добровольное овладение представителями одной культуры привычками и традициями другой, обогащающее собственную культуру» [3].

Необходим поиск стабильных, проверенных ориентиров, которыми чаще всего выступают элементы традиционной этнической культуры, «культурное наследие». «Обращение к культурному наследию означает использование в новых условиях достижений и исторического опыта данной культуры. Современные условия определяют необходимость постоянной “расшифровки” прежнего культурного опыта, его переоценки и приспособления к новой ситуации. Обращение к культурному наследию призвано обеспечить поддержание привычных символов, норм и ценностей, сложившихся в обществе. Следование этим образцам, проверенным многолетней практикой, обеспечивает привычные условия жизни, самобытность культуры» [9, с.176].

Особое значение приобретают проблемы формирования толерантности в полинациональной, поликонфессиональной, полиэтнической России. В настоящее время в Российской Федерации созданы и работают различные центры толерантности. В Кемеровском государственном университете культуры и искусств создание Института толерантности в начале 2008 г. стало важным шагом в диалоге культур, в развитии нового уровня общественного сознания и современной этической доктрины, претендующих на центральное место «в оси координат XXI века». Это событие явилось объединяющим началом для студентов, ученых и преподавателей самых различных дисциплин в решении проблем формирования толерантности. Наш вуз является одним из университетских комплексов Сибири, реализующим систему непрерывного образования в подготовке специалистов высшей квалификации для культуры, искусства и образования, известным научным центром в области культурологии, социально-культурной деятельности, библиотечно-информационных технологий и информационной культуры личности.

Основными целями Института толерантности определены распространение идей толерантности и их формирование как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства. В связи с этим решаются задачи формирования средствами науки, образования, искусства и просветительства культуры толерантных отношений к иным взглядам, убеждениям, духовным, эстетическим и национальным ценностям в молодежной среде; поддержки инициатив и проектов в области науки, культуры, направленных на сохранение и развитие научно-творческого взаимодействия Кузбасса с регионами России, странами СНГ, зарубежными странами.

Наиболее важными направлениями деятельности Института являются гуманитарное, социокультурное, а также международная деятельность. В рамках первых двух направлений Институт обеспечивает:

- организацию и осуществление научных исследований, реализацию проектов и инициатив по формированию толерантности, как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства;
- развитие сотрудничества и координацию работы с организациями, занимающимися проблемами формирования установок толерантного сознания в российском обществе;
- организацию и проведение тренингов, конференций, семинаров, выставок, фестивалей, арт-проектов, посвященных проблемам межэтнического, межкультурного и этноконфессионального взаимодействия;
- формирование фонда учебной, научной и методической литературы по проблемам толерантности и др.

В рамках международной деятельности Институт в координации с проректором по творческой и международной деятельности обеспечивает межкультурное сотрудничество и академическое партнерство с зарубежными университетами, учебно-образовательными и научно-исследовательскими центрами, с творческими и гуманитарными организациями.

Институт толерантности в Университете был открыт 6 февраля 2008 г. совместно с Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы им. М. И. Рудомино, благодаря усилиям и личному содействию директора библиотеки и директора Благотворительного фонда «Институт толерантности» Е. Ю. Гениевой.

Общение участников мероприятий, проводимых Институтом толерантности, выстраивается в русле диалога и знакомства с культурой разных народов через научно-практические конференции и семинары, выступления-концерты творческих коллективов вуза, выставки, организуемые Институтом толерантности совместно с научной библиотекой вуза, кафедрами дизайна, декоративно-прикладного искусства, кинофото-мастерства и др., кемеровскими художниками, графиками и т. д.

Первыми творческими контактами стали мероприятия, проведенные совместно с Институтом толерантности ВГБИЛ, и именно они легли в основу дальнейших отношений по проблемам толерантности нашего университета и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино. В ходе обсуждения и контактов появился ряд проектов. Среди них:

- создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири;
- «Информационная культура и толерантность личности в мире разнообразия»;
- «Русский язык»;
- «Диалог культур (все – разные, все – уникальные)»;
- «Большое чтение».

Каждый проект уникален и значим, учитывая, что в истории человечества нетерпимость присутствовала всегда, порождая конфликты, войны, религиозные преследования и идеологическое противостояние. В повседневной жизни она выражалась и выражается в фанатизме, стереотипах, оскорблениях, а в государственном масштабе – в расовой дискриминации, в нарушении важнейших демократических свобод.

Толерантность приобретает особую актуальность в условиях существования межэтнической напряженности, как латентных, так и открытых форм ее проявления. Активизация последних стала объективной реальностью. Данный тезис актуален не

только для районов традиционно «конфликтных», как в сфере межнациональных, так и этноконфессиональных отношений (например, Северный Кавказ), но и такого, как Сибирский регион. Отчасти это связано с тем, что право называть себя коренными на территории Сибири имеют и алтайцы, и хакасы, и татары, и русские, и другие этносы, проживающее на этой территории не одно столетие, но не отнесенные к категории «народов Севера» или коренных малочисленных народов. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 45 малочисленных народов, 40 из которых распоряжением Правительства РФ № 536-р от 17 апреля 2006 г. отнесены к категории «коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Коренные малочисленные народы Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями [7]. Народы, имеющие статус малочисленных, проживают и в Кемеровской области: шорцы – 12,5 тыс. человек и телеуты – 2,6 тыс. человек [5].

Одним из шагов к нейтрализации межэтнической напряженности может стать линия на воспитание толерантности у подрастающего поколения и молодежи, вне зависимости от этнической принадлежности. Однако при воспитании толерантности не следует забывать и об ее оборотной стороне. А именно: по мнению ряда исследователей, подчеркнутое внимание к проблеме межэтнических отношений в целом и толерантности в частности не только не создает предпосылок к преодолению «межэтнических граней», но, наоборот, «порождает» условия для их обострения [1, с. 203]. С этим суждением трудно не согласиться, т. к. обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствуют их обособленности, и, наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам, что нарушало бы права большинства граждан государства, хотя может и соответствовать международным представлениям о правах национальных меньшинств.

В решении обозначенных проблем большое значение может иметь создание Института культуры и искусств коренных народов Сибири. Прежде всего его организация будет способствовать укреплению и усилению позиций университета как центра межэтнической и межкультурной толерантности; развитию и поддержке культуры коренных народов, как уникального пласта современной цивилизации; а также возрождению, сохранению и творческому развитию традиционной, многонациональной культуры народов России в целом, пропаганде лучших образцов современного мирового искусства.

Нами в основу развития Института культуры и искусств коренных народов Сибири положены три основных приоритета: образовательный, научно-исследовательский и творческо-исполнительский. При формировании системы обучения и воспитания молодежи коренных малочисленных народов необходимо учитывать два аспекта: 1) их стремление сохранять и развивать материальную и духовную культуру своих предков и 2) подготовку кадров для развития национальной культуры и «устойчивого развития» своей малой Родины. Кемеровская область – одна из немногих среди

регионов России, которая предоставляет право льготного поступления абитуриентам из числа коренных малочисленных народов. Основная задача такого поступления – обеспечить кадрами отдаленные поселки, а также местности, отнесенные к местам компактного проживания коренных малочисленных народов [6; 4, с. 33, 35].

В процессе создания Института культуры и искусств коренных народов Сибири нами был проведен международный учебно-творческий семинар «Хореографическое творчество коренных народов Южной Сибири и Монголии» (апрель 2009 г.), в котором приняли участие представители как коренных народов Сибири, так и других национальностей. Участники получили возможность ознакомиться с танцевальной культурой тюрко-монгольских народов, принять участие в мастер-классах, которые проводили специалисты КемГУКИ и хореографы Горного Алтая и Тывы.

В настоящее время разработаны Положение и Стратегия развития Института культуры и искусств коренных народов. Одним из основных разработчиков и координатором является Институт толерантности.

Реализация проекта «Диалог культур (все – разные, все – уникальные)», как межрегионального и международного, осуществляется Университетом культуры и искусств на протяжении нескольких лет на основе принципа разнообразия культур народов России и мира как основы для осуществления межкультурных коммуникаций и формирования культуры толерантности.

Уровни его реализации: внутривузовский, региональный, межрегиональный, всероссийский и международный – способствуют формированию толерантности: уважения и признания равенства, отказа от доминирования и насилия, признания многомерности и многообразия человеческой культуры, верований и отказа от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-либо одной точки зрения.

Важным компонентом в этой работе является проведение «Творческого Дня» в университете, который включен в расписание занятий (пятница). В этот день проводятся практически все творческие мероприятия вуза. Идет своеобразный «диалог»: вуз – власть, вуз – «другой» вуз, студент – преподаватель, студент – «другой» студент, наука – творчество и т. п. Последнее сочетание возникло в результате проведения совместных научных и творческих мероприятий, первым из которых стал научно-творческий проект «Информация в зеркале искусств».

Активное участие в формировании в университете научно-творческой, социально-культурной среды как условия для развития творческого мышления и мировосприятия, творческого подхода у студентов к решению задач профессиональной деятельности, обеспечения высокого качества художественно-творческой деятельности, удовлетворения потребностей общества в творческой личности, становления профессиональной культуры студентов и проведения конструктивного диалога между ними принимают творческие коллективы. В настоящее время в университете работает 16 концертирующих учебно-творческих коллективов, имеющих богатую концертную афишу. Все коллективы имеют признание в Кемеровской области и за ее пределами. Многие из них являются дипломантами и лауреатами всероссийских и международных конкурсов, участниками престижных фестивалей и смотров.

Наш университет активно сотрудничает с органами власти. Например, осуществляется партнерство на уровне г. Кемерово. Муниципальный проект «Досуг кемеровчан» является одним из важных направлений выполнения Договора о сотрудничестве между вузом и городом. Ежегодно проходит несколько десятков мероприятий для жителей города с участием студентов нашего университета. Более десяти лет осуществляется социальное партнерство с администрацией Кемеровской области. В рамках «Диалога культур» реализуются творческие проекты совместно с администрациями и предприятиями городов и районов Кемеровской области; поддерживаются и позиционируются инициативные, творческие работы студентов; происходит формирование профессиональной культуры специалистов для сферы культуры и искусства в Кузбассе.

В настоящее время активизировалось международное сотрудничество вуза. Международные связи установлены с Монголией, Китаем, Турцией, Германией, Польшей и др. Наиболее плодотворной является реализация международного научно-творческого проекта «Кузбасс – Монголия. Диалог культур». Главная идея проекта – диалог культур как эффективная форма межгосударственной и межнациональной коммуникации в многополярном мире. Он направлен на формирование учебно-образовательных, научных и культурных связей между Монгольской Республикой и Кузбассом, популяризацию творческого опыта лучших художественных коллективов Кемеровской области и Монгольской Республики, обмен опытом и проведение совместных научно-творческих проектов по изучению и сохранению самобытного культурного наследия (песенного, музыкального, хореографического и т. д.). В рамках «Диалога культур» проводятся творческие школы, мастер-классы, концертно-исполнительская деятельность профессоров, доцентов, руководителей художественно-творческих коллективов, студентов, презентации творческих идей и проектов. Подписаны Договор о сотрудничестве Университета культуры и искусств с Монгольским государственным университетом культуры и искусств и Протокол намерений о сотрудничестве между Университетом культуры и искусств и Институтом «Монголжингоо».

Установлены деловые отношения Университета культуры и искусств с двумя китайскими провинциями. В декабре 2007 г. в результате рабочего визита делегации нашего университета в Китай состоялось подписание двух документов: «Протокола о намерениях» и «Договора о сотрудничестве» с Чанчуньским педагогическим университетом и «Договора о сотрудничестве» с Институтом гуманитарных и естественных наук Сычуаньского педагогического университета. В перспективе планируется проведение Международного фестиваля «Арт-Дизайн», в рамках которого будет проведен научно-практический семинар «Изобразительное искусство и дизайн: Современные концепции и образовательные программы»; интерплер; международная выставка «ART-Design».

Все эти мероприятия нацелены на реализацию основной идеи – идеи формирования толерантности на основе диалога культур.

Рассматривая проблему формирования толерантности в системе высшей школы, на наш взгляд, следует отметить и еще ряд мероприятий и проектов, которые уже

реализованы или намечено их проведение. Одним из них стало проведение семинара «Толерантность в пространстве культуры и образования» (апрель 2008 г.). Он был организован и проведен при активном участии генерального директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино Е. Ю. Гениевой.

В процессе проведения семинара Е. Ю. Гениевой и А. Г. Николаевской (руководитель международных проектов одного из ведущих издательств нашей страны – «ВАГРИУСа») нашему университету было предложено осуществить совместный проект «БОЛЬШОЕ ЧТЕНИЕ», уже успешно реализуемый в ряде регионов Российской Федерации – в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Иванове, Сургуте в течение 2007–2008 гг.

Программа «БОЛЬШОЕ ЧТЕНИЕ – «BIG READ» – инициатива Национального фонда по культуре США, направленная на поддержку престижа художественной литературы в культуре и начавшаяся в 2006 году в десяти американских городах. В России инициатором реализации программы «Большое чтение» стала Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино (г. Москва). В феврале 2009 г. в Кемеровской области стартовал социально-культурный проект «Большое чтение». Он проходил в несколько этапов. На первом этапе в КемГУКИ была проведена акция «Подарок первокурснику» (октябрь 2008 г.). Торжественная встреча, на которую были приглашены все студенты 1-го курса, была посвящена жизни и творчеству одного из выдающихся людей XX столетия – Дмитрия Сергеевича Лихачева – и презентации его книги «Воспоминания». В конце встречи ректор университета Е. Л. Кудрина передала в дар каждому первокурснику книгу Д. С. Лихачева «Воспоминания». На втором этапе проходило чтение и обсуждение книги Д. С. Лихачева «Воспоминания» в старших классах ГОУ «Губернаторская женская гимназия-интернат» (с. Елыкаево). В рамках реализации «Большого чтения» Институтом толерантности для библиотеки гимназии в дар было передано 12 экземпляров книги Дмитрия Сергеевича Лихачева. Третий этап проходил в Кемеровском государственном университете культуры и искусств и Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Федорова. Состоялись два круглых стола: «Русская культура в контексте Российской истории XX в.» и «Проблемы чтения в индустриальном регионе», а также заседание Кузбасского межвузовского Совета по духовно-нравственному образованию и воспитанию студенческой молодежи (КМС). В адрес участников форума было передано Приветствие Фонда имени Д. С. Лихачева, подписанное председателем правления Фонда, выдающимся российским писателем Даниилом Граниным, и Обращение губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева. В рамках реализации проекта «Большое чтение» работали фото-выставка «Интеллигенция Кузбасса: XX в. ... начало XXI в.», книжная выставка «Личность в культуре: Д. С. Лихачев», «Культура русской провинции» и др.

Осуществление проекта «Большое чтение», на наш взгляд, имеет большое значение для молодежи Кузбасса, так как он может стать действенным шагом в решении задачи воспитания и образования подрастающего поколения и студенческой молодежи, в расширении их кругозора, в формировании личности и уважительного отношения к российской культуре и старшему поколению.

Помимо этого большого социокультурного проекта в течение 2008–2009 гг. Институтом толерантности совместно с другими подразделениями КемГУКИ (кафедра литературы и русского языка, научная библиотека и др.) был проведен ряд научно-практических семинаров. В июле 2008 г. состоялся международный научно-практический семинар «Толерантность в межкультурной коммуникации: проблемы и перспективы», на котором обсуждались вопросы, связанные с социокультурными основами толерантности, межкультурной коммуникацией на постсоветском пространстве, правовым статусом коренных народов России, США и Канады и др. В семинаре приняли участие ученые из Польши, Республики Кыргызстан, КНР, России (гг. Москва, Кемерово, Новосибирск). В ноябре 2008 г. прошел научно-практический семинар «Система взаимодействия органов власти, научных учреждений и национально-общественных организаций при проведении этнологической экспертизы на территории Кемеровской области». Институт толерантности являлся соисполнителем государственного контракта № 129 от 28.07.2008 г. администрации Кемеровской области «Разработка регламента на проведение этнологических экспертиз в Кемеровской области».

Сотрудники Института толерантности ведут и научно-исследовательскую работу в области национальной политики, социально-экономического и культурного развития коренных народов Южной Сибири, активно участвуют в реализации грантов, как отечественных, так и зарубежных: РФФИ, Университеты России, РГНФ, Fulbright, IVGIA, в выполнении научно-исследовательских проектов по заказу Администрации Кемеровской области, принимают участие в написании монографий.

В сентябре 2009 г. на X заседании Координационного совета по культуре при Министерстве культуры Российской Федерации университетом был представлен доклад «О формировании толерантности в обществе, развитии межнационального общения и борьбе с ксенофобией средствами культуры». Он был одобрен Министерством культуры РФ.

В 2009 г. совместно с Чаньчуньским педагогическим университетом (КНР) планируется организация и проведение международной научно-творческой конференции «Глобализация и пути сохранения традиционной культуры» (1-й этап – май 2009 г., 2-й этап – ноябрь 2009 г.). Предполагается обсуждение проблем, связанных с сохранением и развитием традиционной культуры, политикой в области культуры для сохранения и развития культурного наследия и поощрения культурного разнообразия, культурным наследием как источником творчества, языком как основой межкультурной коммуникации, информационной грамотностью и информационной культурой личности в эпоху глобализации и др. На конференции будут представлены арт-проекты.

Таким образом, в Кемеровском государственном университете культуры и искусств начали отрабатываться несколько моделей решения проблемы воспитания толерантности в студенческой среде. И здесь в достижении единой цели используется комплексный подход, реализуемый в координации деятельности различных организационных структур университета, перед которыми поставлены разноплановые по характеру задачи. При этом одним из наиболее важных факторов в формировании толерантных отношений является понимание и поддержка проектов университета со стороны органов региональной власти в русле инициатив, исходящих от федерального центра.

Мы живем в эпоху больших и быстрых перемен. И на высоте сегодня оказывается тот, кто умеет изменяться – причем достаточно быстро и в правильном направлении. На наших глазах осуществляется переход от индустриального к постиндустриальному обществу, реально формируется общество, основанное на знаниях. Происходит углубление процессов глобализации и интернационализации, все это оказывает колоссальное воздействие на высшую школу, которая испытывает активное проникновение рыночных сил и современных концепций менеджмента.

Кроме того, Болонской декларацией задан такой процесс, как формирование взаимно совместимых в мировом пространстве образовательных и научных систем и программ. Не случайно, сегодняшняя миссия университета определена как – образование, наука и творчество для качественной профессиональной подготовки и воспитания личности на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, способной к творческой, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и быстроменяющегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурыкин, А. А. «Односторонняя толерантность» как проблема взаимоотношений с миноритарными этносами в гражданском обществе в целом и в образовательном пространстве в частности / А. А. Бурыкин // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005.
2. Егоров, В. К. Культура как двигатель и тормоз глобализации [Электронный ресурс] / В. К. Егоров. – Режим доступа: spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm. – Загл. с экрана.
3. Источники и механизмы изменения культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.countries.ru/library/intercult/mktr.htm. – Загл. с экрана.
4. Многонациональный Кузбасс (История, практика) / сост. И. А. Свиридова, Л. И. Гвоздкова, А. Н. Садовой, Е. С. Кузнецова. – Кемерово: Изд-во «ТриЗ», 2003.
5. Постановление Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 24 февраля 1993 г. «Об отнесении шорцев, телеутов, кумандинцев к малочисленным народам Севера» // Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. – М.: Юридическая литература, 1994.
6. Садовой, А. Н. Национальное образование в стратегии устойчивого развития: региональный аспект (на примере Кемеровской области) / А. Н. Садовой, М. В. Белозерова, Е. С. Кузнецова, В. В. Поддубиков // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. Материалы международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 26–28 апреля 2005 г.). – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – С. 299–311.
7. Федеральный Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – М., 1999. – № 18.
8. Философское осмысление проблемы глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: revolution.allbest.ru/.../00057205_0.html. – Загл. с экрана.
9. Шаров, А.В. Взаимодействие культур и проблема идентичности [Текст] / А. В. Шаров // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / под общ. ред. И. И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С.171–176.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

**(по итогам Всероссийского совещания по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России
г. Москва, Министерство регионального развития РФ, 22–23.10.2009 г.)**

*Кемеровский государственный университет
г. Кемерово*

В настоящее время для специалистов Министерства регионального развития РФ (далее МРР РФ) характерен поиск новых политических технологий, предназначенных для корректировки проводимого на региональном уровне курса национальной политики. Основной целью по-прежнему является формирование в среде полиэтнического населения гражданской (общегосударственной) идентичности при всесторонней поддержке на региональном уровне «этнокультурного развития» национальных меньшинств. Предполагается, что именно на основе развития локальных вариантов национально-культурной автономии органам власти удастся не только снизить уровень межэтнической напряженности, прослеживаемой в отдельных субъектах РФ, но и снизить уровень существующих «рисков» (ассимиляционные и депопуляционные процессы, молодежный экстремизм др.).

Коренные малочисленные народы рассматриваются как самостоятельный объект национальной политики. По отношению к ним в соответствии с «Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р) предполагается использовать качественно иные технологии. С одной стороны, одним из основных принципов политики становится «*комплексность* решения задач социально-экономического и этнокультурного развития», что очень напоминает патерналистические подходы по «выравниванию уровней развития» титульной нации и национальных меньшинств, практикуемые в советское время. С другой стороны, предлагаются политические технологии, характерные для XIX в. Это проявляется в декларации предоставления национальным меньшинствам прав «рационального использования земель и других природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности», и получение возмещения ущерба от иных субъектов хозяйственной деятельности, расположенных на их «этнической территории». Из семи сформулированных в Концепции задач только две (пятая – «повышение доступа к образовательным ресурсам» и седьмая – «сохранение культурного наследия») можно отнести собственно к курсу развития национально-культурной автономии. Остальные направлены на качественное повышение уровня жизни на основе совершенствования систем местного самоуправления, землепользования, обеспечения занятости путем внедрения в традиционное природопользование новых технологий. Декларируемые в концепции подходы, не лишены внутренней противоречивости и во многом определены проблемой интеграции меньшинств, практикующих традиционные системы жизнеобеспечения, в рыночную экономику.

По содержанию докладов, представленных на международной конференции, посвященной Второму Международному десятилетию коренных народов мира (Москва, МРР Правительства РФ, 21.10.2009 г.), прослеживается, что принятие концепции во многом было предопределено рядом четко выраженных тенденций:

- широкой практикой нормотворчества как на федеральном, так и региональном уровне:
- сужением прав коренных малочисленных народов в использовании природных ресурсов на своей этнической территории,
- реформой системы образования, сориентированной на сокращение числа «малокомплектных» школ определившей угрозу исчезновения десятков населенных пунктов коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и распада системы «национального образования»,
- практикуемой в настоящее время органами власти система проведения «тендеров» при распределении грантов, отсекающей от «плановых мероприятий» часть национальных общественных объединений, действующих в сельской местности,
- предпринимаемые попытки обеспечить «приоритетное право» коренных малочисленных народов в отдельных субъектах РФ далеко не всегда поддерживаются как населением, так и теми органами власти, которые не несут прямой ответственности за реализацию национальной политики.

Несмотря на существенные отличия в апробированных на уровне субъектов РФ подходов в реализации НП прослеживается как идентичность перманентно возникающих перед органами власти проблем, так и стереотипные установки в их разрешении. Это достаточно отчетливо проявилось в ходе второго Всероссийского совещания по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России (г. Москва, МРР РФ, 22–23.10.2009 г.) Форум был достаточно представительен, что позволяет предполагать репрезентативность высказанных на совещании суждений и оценок. В совещании помимо специалистов департамента межнациональных отношений МРР, приняли участие представители Администрации Президента РФ, Департамента культуры и образования Правительства РФ, Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Государственной Думы Федерального собрания РФ, Генеральной прокуратуры, Федеральной миграционной службы, Министерства иностранных дел, органов исполнительной власти 65 субъектов РФ, эксперты. Предложенный министерством алгоритм оценки проблем, вставших перед органами власти в процессе реализации федеральной концепции, включал в себя презентации результатов социологических исследований, образовательных программ, конкурса массовой информации, «СМИротворец-2009», выступлений представителей органов власти федерального и регионального уровней.

В процессе совещания представителями МРР достаточно явно был обозначен механизм внутренних противоречий при координации взаимодействия между органами власти, научным сообществом, национальными общественными объединениями и СМИ в процессе реализации национальной политики как по властной «вертикали», так и на уровне регионов. Исходя из положений, приводимых участниками, суть перманентно возникающих проблем межэтнического взаимодействия можно выразить по нескольким линиям.

Во-первых, методологическими просчетами в формировании федерального курса. Концепция в России формируется в центре и «спускается» на уровень субъектов РФ. Она не является результатом «синтеза» разработанных на уровне регионов программ социального и этнокультурного развития, объединяемых нормами федерального законодательства. Все это приводит к тому, что, начиная с начала 90-х гг. прошедшего столетия, в политической практике субъектов РФ достаточно устойчиво стала проводиться линия, согласно которой национальная политика рассматривается исключительно как курс по удовлетворению «культурных потребностей» национальных меньшинств, а не форма политической регуляции межэтнического взаимодействия, охватывающего и другие сферы жизни регионов (включая экономику). Отстоять «свои» права на определенные федеральным законодательством преференции на уровне регионов представителям национальных меньшинств почти невозможно. Публикация же определенных тем же законом требований может быть рассмотрена как проявление «национализма». Несмотря на активную позицию специалистов МРР Правительства, скоординировать текущую деятельность министерств по решению «социально-экономических и демографических проблем населения страны с учетом его этнической структуры, преломить стереотипные установки «интернационализма» в регионах не удастся. Определяется это и тем, что проблемы, появившиеся в результате депопуляционных процессов, отсутствия контроля за трудовой миграцией, ухудшения качества образования, формирования взаимодействия с диаспорами, включены в сферу компетенции федеральных органов власти, не подотчетных в своей деятельности ни МРР РФ, ни структурам, отвечающим за реализацию национальной политики в субъектах РФ. В связи с этим, Министерство не может нести ответственность в полном объеме ни за реализацию Федеральной Концепции национальной политики, ни за Второе Международное десятилетие народов мира. Выделяемые Министерству средства не позволяют реализовать в полном объеме ни одного из пунктов программ. Как результат, Министерство и собственно Федеральная Концепция национальной политики подвергается в субъектах РФ перманентной жесткой критике за «декларативность», «неконкретность», «финансовую необеспеченность».

Выход прослеживается в кардинальном изменении подходов процесса «формирования Федеральной Концепции национальной политики». Она в большей степени должна быть сориентирована на существующие различия в локализации субъекта РФ, этнической структуре населения, наличия ресурсов и степени развития социально-экономической инфраструктуры, т. е. факторы определяющие подавляющее большинство проблем межэтнического взаимодействия. Вопрос, насколько этот процесс может быть «научно обеспечен» научными центрами г. Москвы, остается открытым. Однако по выступлениям представителей органов власти субъектов РФ достаточно отчетливо прослеживается, что различия в проводимом на местах курсе НП определяется «внутренними» факторами. Не случайно в отдельных выступлениях предлагалось «типологизировать» проводимые региональные курсы и на основе выявленного сходства и различий унифицировать механизм взаимодействия между МРР РФ и органами власти субъектов РФ.

Во-вторых, отсутствием нормального информационного обеспечения проводимого курса национальной политики. Несмотря на то, что большинство выступлений со-

держало упоминание о наличии системы «мониторинга» за ситуацией, в большинстве случаев он заключался в том, что речь велась только об одной составляющей этого понятия – «контроле». При этом контроль на местах распространялся в основном за содержанием информации в СМИ и за деятельностью национально-общественных объединений. Отмечалось, что в отдельных субъектах РФ практикуется и проведение социологических опросов, которые также достаточно трудно признать адекватным инструментом отслеживания латентных по своей природе этнических процессов. По сделанным презентациям социологических исследований Института этнологии и антропологии РАН (В. В. Тишков, г. Москва), Управления политических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ – С. В. Львов, г. Москва), Института государственного и муниципального управления Белгородского госуниверситета (В. П. Бабинцев, г. Белгород), Северо-Западной академии Государственной службы (И. Н. Белобородова, г. Санкт Петербург), Кемеровского госуниверситета (А. Н. Садовой, г. Кемерово) прослеживается парадоксальная ситуация. Презентации показали, что федеральные центры, традиционно считающиеся «головными», по не вполне понятным причинам используют научный инструментарий, не позволяющий считать полученные ими результаты репрезентативными. Незначительный объемы выборки, достаточно ограниченный перечень использованных индикаторов, не вполне обоснованный механизм отбора населенных пунктов, в которых проводился опрос, не позволяет экстраполировать материалы ИЭиА РАН и ВЦИОМ по факторам «формирования российской нации» и «распространение в среде молодежи этнического экстремизма и ксенофобии» на субъекты РФ. В целом же, сделанные презентации достаточно ярко отражают общемировую тенденцию, при которой качество научно-прикладных разработок определяется не столько местом расположения научных коллективов (центр – провинция), сколько способностью провинциальных коллективов выйти на уровень *комплексного* исследования (мониторинга) процессов, протекающих в регионах с выходом на *среднесрочное* прогнозирование изменения этносоциальной ситуации. На наш взгляд, в современной ситуации ни один из академических институтов федерального центра не способен взять на себя ответственность за организацию мониторинга за этносоциальными процессами по всем (или большинству) субъектов РФ. В данном контексте встает необходимость формирования и поиска механизма организационного и финансового обеспечения со стороны федерального центра рабочих групп локализованных в субъектах РФ. Групп, напрямую сориентированных на проведение научно-прикладных исследований (этнологических экспертиз), выступающих в качестве *информационного обеспечения* региональной национальной политики.

По материалам конференции и совещания, проведенных МРР РФ, прослеживается, что в ряде субъектов РФ эти группы уже есть. Оказался востребован и разработанный по Государственному контракту «Регламент проведения этнологических экспертиз в Кемеровской области», определяющий как алгоритм информационного обеспечения проводимой в регионах национальной политики, так и перечень индикаторов. В связи с имеющимися наработками в рекомендациях совещания специалистами МРР РФ была поставлена задача тиражирования накопленного опыта этнологических экспертиз и формирования компьютеризированного банка данных по результатам проводимых в РФ этносоциальных исследований.

В-третьих, проблемой подготовки кадров, способных проводить научное обеспечение курса национальной политики на всех этапах, от формирования федеральной концепции до мониторинга ее реализации на местах. Во всех выступлениях представителей субъектов РФ красной нитью прошла проблема этнографической безграмотности не только населения, но и представителей органов власти и силовых структур на уровне муниципалитетов. Отмечалось, что современная система высшего образования не сориентирована на подготовку специалистов в области межнациональных отношений. В выступлениях экспертов акцентировалось внимание, что круг специализированных кафедр по подготовке этнографов ограничен, а имеющиеся специалисты этнографы в подавляющем большинстве не сориентированы на исследование современных этнополитических процессов и недостаточно взаимодействуют с органами региональной власти в решение текущих проблем субъектов РФ. В качестве вариантов решения проблемы специалистами МРР было предложено использовать опыт Ярославской области и Московской высшей школы социальных и экономических наук при Академии народного хозяйства. Суть опыта – в открытии на базе госуниверситетов кафедр социальной антропологии и межкультурной коммуникации и подготовке кадров управленцев в рамках магистерской образовательной программы «Менеджмент этнокультурных проектов». Одним из предлагаемых специалистами с мест вариантов является и организация выездных летних школ и рабочих семинаров на уровне субъектов РФ.

Круг поднятых вопросов по научно-информационному обеспечению проводимого в регионах курса национальной политики выходит за пределы поднятых в публикации сюжетов. Процесс формирования федерального курса НП еще не завершен, он внутренне противоречив и «не лишен конфликтных зон». Это, на наш взгляд, ставит перед специалистами в области межкультурных коммуникаций, социальной и прикладной антропологии, работающих в субъектах РФ, достаточно конкретный перечень задач, требующих незамедлительного разрешения. К числу приоритетных следует отнести переориентацию научных исследований на текущие этно-демографические, социально-экономические, этно-политические и этно-культурные процессы; отработку инструментария и формирование единого информационного пространства, позволяющие выйти на организацию мониторинга; разработку и апробацию учебных программ по подготовке нового поколения специалистов. Специфика современной ситуации заключается в том, что для решения этих задач приходится полагаться в основном на местные ресурсы, что определяет выстраивание системы взаимодействия с региональными органами власти, целевыми фондами и программами.

ИСТОЧНИКИ

1. Министерство регионального развития России. Всероссийское совещание по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России (г. Москва, 22–23.10.2009 г.).
2. Министерство регионального развития России. Международная конференция, посвященная Второму международному десятилетию коренных народов мира (г. Москва, 21–23.10.2009 г.).
3. Правила распределения и предоставления из федерального бюджета субсидий бюджетам субъектов РФ на поддержку экономического и социального развития коренных мало-

численных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (в ред. Постановления Правительства РФ от 08.08.2009 г. № 648)

4. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Утв. Распоряжением Правительства РФ от 04.02.2009 г. № 132-р)

5. План мероприятий по реализации в 2009–2011 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (Утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.08.2009 г. № 1245-р)

Н. Ф. Хилько

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СИБИРИ

Сибирский филиал Российского института культурологии

г. Омск

1. Условия сочетания национального и общецивилизационного и их интеграции в культуру

Проблема диалога и взаимодействия культур, направленная на становление единого культурного пространства, является первостепенным условием устойчивого развития многих полиэтнических стран. Предпосылками этого процесса является единство человеческого рода, а также – факторы *инвариантности природных качества человека*, независимо от окружающей его культурой среды [1, с. 33]. Природное и национальное сочетается здесь в многообразии единства различных народов.

Анализу процесса динамики национальных культур посвящены труды ученых прошлого века и современности. Исчерпывающее определение этому процессу было дано Г. А. Аванесовой, которая считает, что взаимодействие культур – особый вид непосредственных (сопутствующих) отношений между двумя культурами, которые влияют на них и способствуют взаимным «бумеранговым» изменениям [2, с. 70–71]. При этом объективно изменяются качества, ценности, порождаются и обновляются формы деятельности, возникают культурные ориентиры, что существенно сказывается на образе жизни людей, который все больше начинает носить инонациональный характер.

Известно, что существуют три уровня взаимодействия культур: этническое, национальное и цивилизационное. В данной статье нас интересуют две последние, которые являются как бы завершающей цепочкой перехода этнокультурного фактора в общечеловеческие признаки, смыкающиеся с процессами глобализации. На этих двух уровнях, на наш взгляд, и должна осуществляться культурная политика в регионах.

Проблема преодоления *негативного влияния* этнического фактора на национальную безопасность и устойчивость полиэтнического пространства в России чрезвычайно актуальна. Этот процесс требует определенных социально-культурных условий.

1. Установление *этнокультурной идентичности* при существующих классовых, региональных, политических, религиозных и имущественных различиях.

2. Этнокультурный демократизм, миротворчество и разумное сосуществование народов, исключаяющих поляризацию в культуре по национальному признаку.

3. Усиление общественного внимания к *этноисторической памяти* народов, сохраняющей способы их единения, принципы отстаивания независимости, справедливости и гражданские идеалы.

4. *Культурно-экологические приоритеты* формировании социальной политики регионов.

5. *Этнолингвистические факторы*: возрождающийся билингвизм, расширение сферы применения национального языка в традициях, обычаях, обрядах.

6. *Этнохудожественное сближение* в народной художественной культуре: праздниках, обрядах, ремеслах, декоративно-прикладном искусстве, современных видах народного творчества.

7. *Этноконфессиональное сотрудничество* при проведении культурных акций, фестивалей, создании национально-культурных сообществ.

8. Стирание *различий* между национальным большинством и меньшинством в процессе этнокультурного сотрудничества.

9. Слияние *этнокультурных и региональных традиций*, исключая территориальные притязания.

10. Упор на *общечеловеческие ценности*, толерантные отношения и принципы этнокультурной солидарности.

2. Адекватность национального самосознания и культура народа

Становление гражданского общества происходит в условиях развенчания культа вождей. Преодоление межнациональных конфликтов способствует толкованию понятия «народ», под которым по утверждению С. Полей-оол. могут быть все и никто – так как его содержание максимально абстрактно [3, с. 35]. Это дает свободу множественности интерпретаций и представляет сложность понимания в условиях демократического общества. Несмотря на существующие различия понятие «народ» объективно всегда присуще всем – и эта истина несомненна. Именно эта позиция обеспечивает адекватность национального самосознания. Ей присущ максимум гуманности, отсутствие субъективизма, что позволяет преодолевать своеобразный культ своего народа, его исключительности, содержащий в своей основе предпосылки демонстрации преимуществ. Очевидно, что, возвеличиваясь перед другими народами, нация одновременно возводит собственную ментальность в культ. При этом игнорируются другие, в том числе рядом живущие народы и по принципу «бумеранга» создаются условия подобного отношения с их стороны.

Сглаживание различий между народами и культурами связано и с другим фантомом национального движения – борьбой за народную=национальную культуру. Стремление к подлинности, аутентичности, отход от имитации, активизация реконструктивных и возрожденческих процессов в сфере народной культуры более всего способствует раскрытию национальной специфики, распространению демократических установок и общечеловеческих ценностей [4].

3. К вопросу о природе национального и взаимоотношении с интернациональным

Таким образом, в антиномии противопоставления национального интернациональному как тождественности различного сменяются его подчинением национальному. В этом контексте само понятие «интернациональное» все более обретает смысл многонационального и полинационального, что становится следствием не противопос-

тавления, а сближения этих понятий. Новый подход к проблеме интернационализма определяет не только способности к национальной идентичности, но и реальную возможность ее проявления в культурной политике.

Нужно сказать, что отход от устоявшихся стереотипов в понимании природы и значения национального влияет на смену представлений о соотношении между национальным и интернациональным. Вероятно, что и здесь их противопоставление не допустимо. Тождественность интернационального в традиционном его понимании в советскую эпоху предполагало его всеобщую приемлемость. Сегодня эта всеобщность не является категоричной: что приемлемо для одной нации, может быть не специфично для других. Поэтому здесь речь может лишь идти о смене парадигмы интернационализма парадигмой национальной поликультурности с установкой на взаимное понимание, согласие и уважение. Тождественность при этом отнюдь не противоречит поликультурности, а предполагает активный сближающий диалог культур, межкультурное взаимодействие.

4. Влияние полиэтничности на процесс взаимодействия национального и общецивилизационного

Полиэтничность как следствие интернационалистской политики СССР присуща большинству народов России. Это явление также связано и с тем, что наша страна, по мнению А.А. Еромасовой, представляет собой «многорегиональное образование, состоящее из территорий, регионов, этнических и национальных культур». Основой полиэтничности являются формы регионального содержания в национальных культурах. Такого рода процессы, действительно, являются по сути «наднационально-территориальной формой культурной субъективности», что не может не способствовать самоидентичности, «поиску смысла жизни в условиях трансформирующейся России» [5, с. 28–29].

Особенно ярко она проявляет себя в силу некоторой культурно-исторической специфики ее формирования в период XIX–XX вв. Однако исторический переход от линейных (однонаправленных) к нелинейным (разнонаправленным), или поливариантным формам развития привел к своеобразному «освобождению» вектора, предоставлению возможности координации, сотрудничества и взаимодействия, к большей гуманизации, что оказалось реальным в начале XXI века. С этим связано и духовно-нравственное возвышение человека в культуре своего этноса [6, с. 61]. При этом общество как народ, под которым понимается полиэтничное сообщество, способное сохранять себя.

Многообразие культурных проявлений в России связано не только с сохранением, но и появлением новых традиций и направлений в этнокультурном развитии, направленном на прогресс цивилизации. Нужно отметить, что в основе существования и обновления культурных традиций народов как процесса социального творчества лежат их культурные ценности. Так как соотношение национального и общецивилизационного есть соотношение тождества и различия, то процесс развития традиций можно представить как переход общего в частное и, наоборот, как циклические изменения в народной культуре.

В полиэтничном регионе процесс взаимодействия национального и общецивилизационного происходит благодаря многообразию культур, их устойчивости, уни-

кальности, наличию взаимных связей и отношений. В Сибири практически все регионы полиэтничны. Существуют, тем не менее, отдельные общие группы коренных народов и переселенцев, живущих во всех регионах Сибири: русских, белорусов, украинцев, немцев, татар, казахов и др. Кроме них, новое национально-культурное пространство занимают появившиеся позднее, в начале XXI века, группы неопереселенцев, или национально-культурные диаспоры (литовцы, эстонцы, корейцы, китацы). Связующее влияние этих групп связано с аккультурацией и диалогом культур, но при этом нередко возникает своеобразный конфликт имиджей. Недосказанность, непонимание, неясность смыслов требует адекватной замены культурных смыслов или объяснения уникальности показываемого культурного явления, неизбежности его сосуществования с подобными другими и трудности культурной идентификации.

5. Развитие форм национальной культуры в условиях полиэтничности

Нужно сказать, что полиэтничность одновременно предусматривает поликультурность – и это кажется неизбежным. При этом диалог культур содержит в себе глобальное, общепланетарное начало. Наличие деклассированности, прослоек, неукорененности, аморфности усложняет процесс сохранения *этнокультурной целостности*: внутри традиционной народной культуры появляются нео-, супер-, субэлементы, способствующие развитию многообразных форм национальной культуры.

Рис. 1. Взаимодействие современной народной культуры с другими видами культуры как процесс формирования целостного пространства

Этот процесс можно проиллюстрировать следующей схемой. Рисунок показывает, как современная народная культура впитывает в себя результат взаимодействия элитарной и массовой культуры, проявлений которых имеются как в городской, так и сельской и вместе с тем – промежуточной провинциальной культурной средах. Однако особое основополагающее место отводится традиционной народной культуре, с одной стороны и высокой классике с другой, которые находятся в состоянии влияния первой на вторую. В свою очередь, высокая классическая культура оказывает серьезное воздействие на элитарную. Таким образом, взаимодействие современной народной культуры во взаимодействии с другими видами культуры показано как процесс формирования целостного культурного пространства.

Таким образом, если соотношению массовой, элитарной и народной культуры свойственны отношения взаимного пересечения, то городская, провинциальная и сельская являются сущностным ядром массовой и элитарной культуры и являют собой пример отношений взаимной дополнительности. Остальные типы отношений характеризуются взаимным подчинением. Проведенный анализ объясняет причину слабого сохранения культурных традиций в массовой культуре, которые все больше локализуются в элитарных своих проявлениях.

Далее рассмотрим, в каких формах традиционная народная культура наиболее всего отражает в себе элементы массовой, элитарной, классической и современной культуры. В результате анализа инновационных форм было выявлено шесть форм (см. рис. 2).

Рис. 2. Формы отражения традиционной культуры другими видами культуры

Оказывается, существует шесть форм такого взаимодействия. Массовая культура более всего проявляется в форме неофольклора, представляющего собой совершенно новые архетипы. Современная народная культура находит свое отражение в современных субкультурных явлениях, отраженно преломляющих в себе архетипы традиционного этнокультурного сознания. Элитарный и классический виды культуры обнаруживают совпадение по двум формам: аутентичный фольклор и культурно-экологический пласт, что одинаково характеризует их с точки зрения высокой степени гуманизации. И лишь классической культуре оказывается под силу отражение в формах аутентичного («чистого») фольклора. Таким образом, если рассмотреть цепочку форм традиционной культуры, то можно увидеть «угасание» традиционности от аутентичных форм к неофольклору. И этому способствует трансформация видов культуры от классической к массовой. Таким образом, рисунок показывает, в какой степени народные традиции, включенные в процесс сохранения национальной культуры и взаимодействия с процессами глобализации, отражаются в формах народной культуры.

Очевидно, что выявленная иерархия вертикальных взаимодействий породила систему последовательных тождественных и оригинальных форм неофольклора, субкультурных достижений, постфольклора, культурно-экологические пласты и традиционные архетипы аутентичного фольклора, насыщающие современное народное искусство.

Сегодня, когда массовая культура на равных соседствует с высокой» возникают неравные возможности выбора, что приводит к большей «массовизации», культивируя бездуховность, практицизм, утрату идеалов. При этом не хватает главного: подчинения культуры установке на диалог [7, с. 10]. Таким образом, здесь налицо сосуществование стимулирующих, с одной стороны, и тормозящих, с другой, факторов развития народной культуры. Этому способствует также некоторая закрытость определенной части массовой культуры, в частности, провинциальной. Потеря интереса к ней, ограниченность трансляции в нее этнокультурных ценностей. То же самое касается и местной культуры, слабо включаемое в российское и мировое этнокультурное пространство.

6. Рекомендации по выработке национально-культурной политики

На основании вышесказанного можно утверждать, что в настоящее время при выработке культурной политики можно порекомендовать следующее.

1. Учитывать многообразие этнопсихологических проявлений активности субъекта в полинациональном сообществе.
2. Не отказываться от устоявшихся культурных образцов и учитывать их при обновлении.
3. Расширять зону социокультурной адаптации в этнокультурных сообществах.
4. Обобщать духовный и этнокультурный типы, обусловленный многонациональностью.
5. Расширять социальное партнерство, сотворчество, препятствующие коммерциализации массовизации этнокультурного ядра, ведущих к деградации личности.
6. Интегрировать этнокультурное развитие в совокупности с социальной интеграцией в мировое сообщество, основанной на принципах толерантности, взаимопонимания, демократии и солидарности в контексте национальной безопасности России.

7. Проявление национального и общецивилизационного в этнокультурном развитии Сибири

Что преобладает в национально-культурном развитии: национальные или общецивилизационные черты? Какие глобальные процессы способствуют развитию, а что препятствует ему? Это выясняется в процессе анализа эффективности использования форм этнокультурного наследия, который отражает степень рассматриваемого взаимодействия.

Проявление национального в этнокультурном развитии Сибири, представленное в эмпирическом материале [8], обнаружено в следующих 11 национально-культурных доминантах (табл. 1).

Таблица 1

Проявление национального и общецивилизационного в национально-культурных центрах Сибири

№ п/п	Национально-культурные доминанты	Общецивилизационные черты	Формы сохранения этнокультурного наследия
1.	установление этнокультурной идентичности	массовизация народной культуры	народные дома
2.	этнодосуговое развитие	массовизация народной культуры	центры народного досуга
3.	этнолингвистическое развитие	элитаризация	центры фольклора
4.	создание культурно-экологических приоритетов	локализация	центры сохранения народных традиций
5.	этнокультурное сближение	проявление провинциализма	центры народных ремесел
6.	сохранение культурно-экологических пластов	регионализация	центры традиционной народной культуры
7.	стирание этнокультурных различий	осовременивание	центры национальных культур
8.	этнокультурный демократизм	урбанизация	национально-культурные объединения и центры
9.	слияние региональных и этнокультурных традиций	массовизация народной культуры	культурно-досуговые центры
10.	сохранение этноисторической памяти	урбанизация	культурно-исторические центры
11.	этноконфессиональное сотрудничество	сакрализация	религиозно-национальные центры
12.	этнохудожественное сближение	локализация	Дома народного творчества
13.	установление этнокультурной идентичности	проявление провинциализма	национально-культурные автономии

Сочетание семейных и православных традиций, возрождение благотворительности проявляется в ходе проведения культурных акций, встреч, балов, постановки авторских телепередач, театрализованных представлений, концертов, кинопоказов. Взаимо-

действию национального и общецивилизационного здесь способствовали ситуации создания праздничной атмосферы, формирования общей аудитории, создания положительного имиджа городов, поселков, сохранение народного колорита певцов и сказителей, мастеров, звонарей, скоморохов, ремесленников, народных танцоров. При этом следует отметить, что массовизация не препятствует локализации и проявлениям провинциализма, а также – регионализации, а урбанизационные процессы стимулируют выработку священного отношения к народной культуре (сакрализации) и осовремениванию национальных архетипов в различных видах художественной и досуговой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попей-оол, С. Соотношение национального и интернационального в культурной политике // Ориентиры культурной политики. – 2001. – № 10. – С. 33.
2. Культурология. XX век.: Энциклопедический словарь. – СПб., 1997. – С. 70–71.
3. Гамбия, С. Национальное государство, демократия и этнонациональный конфликт // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М., 1994.
4. Гамбия, С. Национальное государство, демократия и этнонациональный конфликт // Этничность и власть в полиэтнических государствах. – М., 1994.
5. Еромасова, А. А. Региональный менталитет: особенности этнокультурного развития народов Сахалина // Вопросы культурологии. – № 2. – 2009. – С. 28–29.
6. Шкалина, Г. Культурная политика в условиях российской полиэтничности // Ориентиры культурной политики. – 2001. – № 10. – С. 51.
7. Воронина, Н. Рефлексия фольклорного мировоззрения и культурных этносов // Ориентиры культурной политики. – 2001. – № 10. – С. 10.
8. Культура России: Сибирский федеральный округ. – М., 2006.

В. И. Марков

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Проблемная ситуация, рассматриваемая в данной работе, связана с поразительно резкой реакцией значительной части российской научной общественности на внедрение в научный дискурс невинного, вроде бы, понятия «толерантность», связанного в буквальном переводе с такими естественными для цивилизованного человека нормами как терпимость, уважение к Чужому и Иному, их понимание и принятие.

Это тем более парадоксально, что российская традиция даже в ее имперском варианте всегда включала в себя, в отличие от ряда других империй, опору на местные традиции, которые, кстати, охотно осваивались русским населением, отсутствие привилегий для великорусского народа, развитые межнациональные браки и другие признаки реально практикуемой межкультурной толерантности.

В аспекте собственно человеческих отношений внешних наблюдателей всегда поражало, например, сострадательное отношение к преступникам. Бредущий по бескрайним дорогам России этап каторжников в каждом селе встречал не хмурое отвержение и осуждение, а сочувствующих людей с куличами хлеба.

Если же брать основу терпимости – понятие терпения, то терпеливость русского народа, иногда излишняя, а иногда переходящая в свою противоположность, большинством авторов отмечается как фундаментальная черта национального характера великороссов.

В основе таких отношений, естественно, не только ряд особенностей российской истории, но фундаментальная христианская традиция милосердия и равенства всех народов перед лицом бога, ибо для него «несть ни эллин, ни иудей».

С учетом этого становится тем более неясно, что же вызывает, собственно, такую волну критики самого понятия толерантности. Ведь она, по сути, прочно закреплена в нашей исконной культурной традиции, вошла в плоть и кровь жизни народа. Может быть это тот случай, когда культурно Свое, родное, явившись в ином облике оказалось просто неузнанным? Или же этот новый облик оказался действительно настолько чуждым, что вызвал такое отвержение? Тогда надо говорить о двух разных типах толерантности и выяснять причины таких метаморфоз.

Попытка найти подходы к разрешению этих альтернатив и составляет основную цель данной работы.

Для уточнения ситуации посмотрим, каковы же основные возражения против исследуемого термина, а точнее – концепта, поскольку это понятие влечет за собой значительный ряд логических следствий в случае его принятия. На наш взгляд, основные из них следующие.

Во-первых, оно рассматривается как чисто идеолого- пропагандистский конструкт, оружие, своеобразный «троянский конь» в мировоззренческой борьбе современных цивилизационных миров. Его особая опасность при этом – именно в благовидной оболочке. Напрашивается сравнение с идеей «общечеловеческих ценностей» в той форме, в которой они пропагандировались во времена М. Горбачева, когда под именем таковых имелись в виду фактически ценности только одной культуры. Такая борьба действительно имеет место и толерантность в принципе вполне способна играть подсобную роль при определенных обстоятельствах.

Во-вторых, обычно отмечается несовместимость ряда акцентов западного понимания толерантности системе ценностей российской культурной традиции (однополюсные браки и т. д.).

В-третьих, в политике настойчивого продвижения толерантности в общественное сознание, и особенно в систему образования, обычно обнаруживаются знакомые двойные стандарты. Призывы и конкретное давление в пользу принятия совершенно определенной трактовки толерантности сопровождаются явно нетолерантной реакцией на то, что, вроде бы, не подходит под именно такое понимание. В этом моменте уже напрашивается аналогия с концептом демократии, когда эпитет «демократический» произвольно приписывается режимам и странам в зависимости не столько от их под-

линной демократичности, сколько от словесной приверженности именно западной форме демократии и, более того, практическим интересам своих покровителей.

С учетом различий систем ценностей такой подход оказывается толерантностью к меньшинствам различного рода, но нетерпимостью к традиционным системообразующим представлениям данной культуры. Тогда получается, что скрытая цель политики толерантности – не столько защита прав меньшинств, сколько именно развал культурной системы.

В дополнение к этому, сугубо конспирологическому взгляду на проблему, многие авторы аргументируют позицию, что и самом западном мире политика толерантности все более играет разрушительную роль, и тогда ее исток – мондиализм как таковой, стремящийся к разрушению любых государств и культурных систем ради построения нового космополитического мира в интересах наднациональных финансовых структур.

Итак, такова, на наш взгляд, ситуация с пониманием толерантности в критически к нему относящейся части научного сообщества.

Не претендуя на раскрытие всех аспектов этой нетривиальной проблемы, попробуем раскрыть ее под углом зрения определенной гипотезы.

Гипотеза эта состоит в том, что толерантность действительно выступает, по меньшей мере, в двух различных ипостасях в зависимости от того, в контексте каких глобальных процессов мы ее рассматриваем.

Методологически мы используем в анализе определенные моменты системного видения современных реалий. И, в частности, – известное положение о том, что любой элемент, в том числе идея, понятие, качественно меняются, оказываясь в другой системе отношений и связей. При этом потенциально заложенные собственные качества реализуются в зависимости именно от отношений, складывающихся в этих системах.

С этой точки зрения необходимо, прежде всего, разделить два современных глобальных процесса, накладывающихся один на другой, что затрудняет их осознание.

Речь идет о разделении понятий глобализма и глобализации. Глобализация есть объективный и в целом позитивный процесс сближения народов и культур, образования еще одного этажа культурной системы человечества, который, по идее, не должен подавлять ни развитие культур отдельных государств, ни этнических культур. Глобализм же – это сознательная политика ряда государств и финансово-экономических групп, паразитирующая на данной объективной тенденции в целях укрепления своего господства за счет культурной унификации мира. В итоге естественно возникающего сопротивления такой политике затрудняется развитие глобализации, подлинного единства человечества. Таким образом, глобализм есть не что иное, как использование в практически-политических целях естественно-исторической и необходимой тенденции к глобализации, к нарастающему единству человечества.

Собственно говоря, в этом нет ничего принципиально нового с исторической точки зрения. И ранее неоднократно возникали предпосылки такого единства в определенных регионах планеты. Этому способствовали торговые связи, межнациональное разделение труда и т. д. Но реализовались они всегда только тогда, когда имелся в наличии некий достаточно мощный и заинтересованный в этом субъект соответствующего уровня. Проявлялось это обычно в стремлении к созданию «мировых» империй, стре-

мнящихся оседлать эту объективную тенденцию и приспособить ее в своих интересах, в интересах собственного господства. Известно, что Л. Н. Гумилев усматривал подобную логику даже в завоеваниях Чингис-хана, созидавшего, по его мнению, необходимый для торговли порядок на гигантских пространствах Великой Степи. И это естественная логика событий. В истории вообще объективные тенденции реализуются только через интересы и деятельность определенных субъектов, а субъекта, озабоченного искренне благом всего человечества, что-то до сих пор не возникало.

Все это обычно заканчивалось одинаково. Империи Чингис-хана и Александра Македонского тому пример. На время проект иногда удавался, особенно если объективные основания были действительно достаточно фундаментальны, а силы субъекта действия соответствовали исторической задаче. Но потом исторически-конкретные формы реализации тенденции, связанные с господством одного субъекта, вызывали отторжение у тех, кому в новом «единстве» предназначалось отнюдь не господствующее положение. Возникало противоречие между объективной тенденцией к единству и формой ее политической реализации. И все в итоге кончалось крахом.

Отличие современной ситуации только в том, что в основе тенденции к глобализации не только позитивные объективные моменты (выгоды единства), но и негативные – глобальные угрозы и риски, которым можно противостоять только вместе. А также в мощности экономико-технически-информационного базиса тенденции, в ее поистине глобальном характере и, наконец, в огромной потенциальной мощи субъекта (субъектов) пытающихся использовать ее в своих целях. Но в принципе ситуация, и, скорее всего, итог, аналогичны прошлым историческим попыткам. По крайней мере, нарастающее сопротивление глобализации, реализующейся в форме политики глобализма, совершенно очевидно.

Соответственно и все идейные основы и элементы глобализации, при вхождении в мировоззренческую систему глобализма, являющегося отчужденной формой глобализации, претерпевают искажение, отчуждение от своей подлинной сущности, встраиваясь в рамки этой политики. Толерантность – не исключение. Идеологема толерантности, против которой высказываются основные возражения, это не подлинная толерантность, а именно извращенная ее форма, возникшая за счет включения понятия в систему глобалистских устремлений.

В качестве итога наших рассуждений хотелось бы отметить, что фактически уже включенное в общественное сознание и в научный дискурс понятие толерантности не может уже и не должно восприниматься только как коварная и не обоснованная иннокультурная инновация. Эта консервативно-охранительная тенденция, возможная как первая реакция, является в принципе бесперспективной с любых, даже ультрапатриотических позиций. Нужна не оборона и защита, а творчество. Только творчеством можно добиться освоения Чужого. С позиций системной методологии это понятие, включившись в отечественную мыслительную среду, уже начало претерпевать преобразование, меняясь в окружении новых системных связей и по форме и по существу.

Этот естественный процесс должен быть дополнен сознательной разработкой иначе акцентированного, по сути другого понятия толерантности, соответствующего нашей моральной, культурной и интеллектуальной традиции, представлениям о мире

человеческих отношений и взаимодействий, о пределах допустимой терпимости к Иному, определяющих возможность сохранения исторически изменчивой, но реальной идентичности.

Педантизм в данном случае неуместен. Право на подобное перетолкование дает хотя бы то, что и в истории западной культуры толерантность радикально изменила смысл. Родившись как символ веротерпимости на волне усталости от религиозных войн и распрей, оно сейчас изменило суть. И Дж. Локк не узнал бы своей идеи в нынешнем безграничном понимании этого слова.

Критика лукавых смыслов толерантности действительно во многом справедлива. Но нельзя с водой выбрасывать и ребенка, нельзя отдавать на откуп само понятие. Чужое надо не отвергать, а делать своим в процессе творческой разработки и преобразования. Иначе можно и не успеть. Ведь уже сейчас ретивые новаторы и реформаторы вовсю вводят идеологему толерантности в систему школьного образования, не задумываясь о многообразных оттенках и коннотациях этого термина.

А. Н. Садовой

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МОНИТОРИНГА

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

Согласно распространенной формулировке национальная политика это система мер, осуществляемых государством, направленная на *учет, сочетание и реализацию национальных интересов*, и решение на этой основе возникающих противоречий в сфере национальных отношений. Подразумевается, что национальная политика (далее НП) является *целенаправленной* деятельностью, направленной на регулирование взаимоотношений между нациями, этническими группами. Эта сфера регламентирована в соответствующих политических и правовых документах государственных структур разного уровня.

В данном контексте национальная политика представляет не только декларацию принципов, которым следует придерживаться государственным служащим в повседневной деятельности, но и одну из составляющих *процесса территориального управления*, опирающегося на действующие нормы права. Остается открытым, насколько возможно правовое регулирования отношений по отношению к десяткам этнических групп на уровне субъектов РФ? Например, в субъектах РФ, начиная с начала 90-е гг. XX в. принято несколько десятков нормативных актов, посвященных напрямую правовому статусу только одного социального слоя – коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. С учетом того, что уставные документы национальных общественных объединений (далее НОО), представляющих эти народы, содержит разделы, определяющие и порядок их взаимоотношений с государственными структурами, общее количество нормативных актов, которыми *должны* руководствоваться представители власти возрастает на порядок. Не случайно для современной ситуации

характерно, что уже на уровне муниципальных органов власти с содержанием этих актов не знакомы ни представители властных структур, ни большинство сельского населения. Эта ситуация «перехода» к правому регулированию и определяет, на наш взгляд, необходимость организации текущего контроля (мониторинга) за реализацией диктуемых центром принципов НП на уровне субъектов РФ.

Основные направления правового регулирования противоречий в области межнациональных отношений определены «Концепцией государственной национальной политики РФ», принятой Указом Президента РФ № 909 от 15.06.1996 г. Они далеки от совершенства. В настоящее время идет активная работа над новой редакцией концепции и следует ожидать корректировки ее структуры и внутреннего содержания.

В настоящее время в рамках действующей концепции в качестве *стратегической цели* НП Правительством РФ предлагается триада:

1. укрепление единства и сплоченности народов на основе национального возрождения и межнационального сотрудничества;
2. упрочение федеративных отношений и связей;
3. формирование государственно-политической и межнациональной общности («россияне»).

Достижение этой цели должно быть достигнуто через решение задач, поставленных перед органами власти различного уровня. К их числу отнесены: урегулирование межнациональных конфликтов, снижение напряженности в области межнациональных отношений, защита русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье, решение проблем беженцев и вынужденных переселенцев и т. д.

При определении форм и методов осуществления НП прослеживается и общая демократическая направленность, выраженная в установках на развитие национальных культур и воспитания «толерантного» отношения (терпимости) со стороны представителей региональных органов власти к проявлению самобытности традиционных социальных институтов и отношений. Согласно установкам, ставшими уже стереотипными, проводится и далеко не бесспорный тезис о том, что собственно этнические интересы, на основе которых формируются программы «национального возрождения», представляют перед органами региональной власти «уполномоченные представители» национальных меньшинств. Как показывает политическая практика, к «уполномоченным представителям» отнесены представители актива НОО, религиозных общин и организаций члены органов местного самоуправления в местах компактного проживания той или иной этнической группы, делегированные главами муниципальных объединений. Специфика современной ситуации заключается в том, что в субъектах РФ нет ни одного социального института, который делегирует в региональные органы власти «уполномоченных представителей» для отражения *этнических интересов* «титального большинства» в случае если они входят в противоречие с этническими интересами «национальных меньшинств».

Для учета *этнических интересов национальных меньшинств в целом* в постсоветский период были предприняты шаги по организации мониторинга этнополитической ситуации субъектах РФ. В 1993 году Институтом этнологии и антропологии при финансовой поддержке ЮНЕСКО, программы ТАСИС Фонда Джона и Кэтрин Мак-

Артуров была создана «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)» [14]. Идейным вдохновителем проекта и его основным инициатором стал директор ИЭиА РАН проф. В. А. Тишков [11, 12]. В 1999 г. Сеть была зарегистрирована Министерством юстиции РФ как Региональная общественная организация «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов». С 2006 г она получает финансирование из федерального бюджета, распределяемое через Общественную палату и представляет достаточно устойчивый социальный институт, определивший свою позицию, направленность деятельности и функции. В настоящее время с Сетью на постоянной основе сотрудничают более сорока экспертов из 25 регионов России и 11 постсоветских государств. В функции экспертов вменен мониторинг межэтнических отношений и конфликтов. На основе их сообщений формируются бюллетень, ежегодные доклады «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах», банк данных. Материалы, присланные экспертами и публикации сотрудников ИАиЭ РАН по заданной проблематике помещаются в специализированный банк данных Сети мониторинга Net Base, зарегистрированном в 1998 г. государственным информационным регистром НТЦ.

Значение Сети для оценки собственно этнополитической ситуации на территории субъектов нельзя недооценивать. Здесь мы разделяем точку зрения редактора журнала «Этнопанорама» проф. В. В. Амелина [1], что создание сети стало первым в международной практике проектом, осуществляющим *этнополитический мониторинг* (выделено автором статьи) на постсоветском пространстве. Сеть, несомненно, является достаточно серьезным фактором формирования и федерального курса национальной политики. Это определяется уже тем, что издания EAWARN распространяются методом адресной рассылки в заинтересованные учреждения. Среди постоянных адресатов – Администрация Президента РФ, Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания РФ, министерства и ведомства РФ, научно-исследовательские институты и центры РАН, неправительственные организации и исследовательские центры, посольства и представительства СНГ, стран Балтии и республик в составе РФ.

Что же касается воздействия на регионы, то влияние сети на формирование регионального курса национальной политики явно незначительно. Во-первых, далеко не каждый субъект РФ представлен экспертом. Во-вторых, социальным статусом представленных в списке экспертов: в перечне специалистов, работающих в субъектах РФ, не так много лиц, обладающих или прямым допуском к ведомственной информации, или возможностью организации крупномасштабных или выборочных полевых исследований в своих субъектах, что при несовершенстве муниципальной статистики является необходимым элементом мониторинга. Во-многом, это ставит вопрос о *репрезентативности* приводимых экспертами оценок и связанной с этим готовностью органов власти на местах эти оценки учитывать в своей повседневной деятельности.

Предлагаемой в Сети методологической основой мониторинга является сочетание двух подходов: качественного анализа ситуации на основе экспертных оценок и формализованный замер динамики ситуаций на основе модели из 46 индикаторов, ориентированных на изменение общественного климата по субъектам РФ. И здесь ключевая роль отводится именно эксперту. Именно его базовое образование, опыт проведения

исследований, знания методик, социальный статус, степень информированности о социальных процессах в регионах лежат в основе анализа и количественной обработки оценок, выставляемых через Сеть в течение последних десяти лет информации. На наш взгляд, в этом и заключается основная проблема – репрезентативности информации, проводимой через сеть. В среде экспертов, представляющих субъекты РФ, не так много лиц, имеющих базовое этнологическое образование, позволяющее выйти на уровень выявления и адекватного отражения *механизмов* межэтнического противостояния и уйти от широко распространенной практики оценки ситуации в жестком следовании политической конъюнктуры или негласным установкам руководства фондов, осуществляющим финансирование. В силу этого, декларируемый сетью «этнологический мониторинг» в большей степени представляется нам «мониторингом этнополитической ситуации», результаты которого представляют интерес, но далеко не бесспорны.

Возникает вопрос, насколько опыт, накопленный Сетью, может быть востребован при решении не менее актуальной проблемы – организации мониторинга за ходом реализации уже национальной политики и ее воздействием на региональные этнические процессы? Можно ли расширить количество постоянных респондентов сети за счет региональных специалистов, накопивших гигантский объем информации по этнической истории народов России, не разделяющих проводимых в сети оценок современных этносоциальных процессов? На наш взгляд, для этого, в первую очередь, необходимо наполнить новым содержанием введенное в научный оборот понятие «этнологический мониторинг». Как правило, под мониторингом, согласно определению, используемого Всемирным центром мониторинга охраны природы (ВЦМОП), понимается *«наблюдение за состоянием окружающей среды с целью ее контроля, прогноза и охраны»*. В сети основными направлениями деятельности респондентов являются *«наблюдение и оценка»*. Гораздо реже «прогноз» (кратко-, средне- и долгосрочный) и «контроль». А ведь именно «прогноз» является основой для принятия в регионах политических решений в рамках национальной политики как «целенаправленной деятельности». Не случайно, органы региональной власти, как правило, предпочитают работать только с теми специалистами, которые работают в регионах и готовы как разделить с властью ответственность за политическую линию, так и выступить посредниками между конфликтующими сторонами в случае возникновения межэтнической напряженности, обеспечивая «контроль» за ее нейтрализацией.

Нам не известно ни одного случая, когда специалисты РАН и Высшей школы выразили желание взять на себя эти функции, которые значительно шире, чем те которые имеют эксперты Сети. Связано это с проблематичностью реализации требования второго варианта определения содержания мониторинга как «систематического наблюдения за *процессом/ процессами* (а не ситуации) с целью фиксации соответствия (или несоответствия) результатов этого процесса первоначальным предположениям». В случае, когда объектом научно-прикладного исследования являются процессы с четко выраженной этнической составляющей, данное определение *более приемлемо* для понимания категории «этнологический мониторинг» и его составляющей «этнологическая экспертиза». Этнологический мониторинг в таком случае эта форма «единого и последовательного процесса сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации дан-

ных по всему спектру этнических и социально-экономических процессов, относящимся по своему состоянию на определенное время ко всем этническим группам в заданном субъекте (субъектах) РФ» [2, 7, 8, 10]. Этнологическая экспертиза в данном контексте представляет собою процесс более узкий, поскольку она сориентирована на решение частных задач, определенных как заказчиками, так и самой конфликтной ситуацией. При мониторинге же отслеживаются не столько современные этнополитические процессы, сколько процессы их *репродуцирующие на разных этапах этнической истории*. Эта работа, как показывают пилотажные исследования в Алтае-Саянском экорегионе, эффективна только при многолетней целенаправленной деятельности историков, этнографов, социологов и экологов, объединенных «интеграционными» по характеру проектами.

Систематическое наблюдение за социальными процессами (политическими, демографическими, социально-экономическими, экологическими, культурными) и выявление этнической составляющей подразумевает не только достаточно четкое определение хронологических, территориальных границ исследования.

Как показывает опыт самым сложным при организации мониторинга является определение перечня индикаторов процессов. Они должны быть адекватны параметрам, по которым отслеживались этнические процессы за достаточно протяженные временные отрезки и идентичны применяемым специалистами в области прикладной антропологии в англоязычных странах (США, Канада, Великобритания). Это требование определяется достаточно как определенным влиянием зарубежной историографии на современные оценки внутренней политики российской государства на всем протяжении его истории, так и необходимостью полной сопоставимости результатов мониторинга на территории РФ и аналогичных процессов за рубежом, где накоплен опыт снижения затратности программ социального развития на основе взвешенного анализа этносоциальной ситуации на местах [13].

Мониторинговые исследования определяют необходимость составления (по субъектам РФ) компьютеризированных регистров населения с учетом его этнической и гендерной структуры; определение механизма этнодемографических процессов; построение ГИСов традиционного природопользования с привязкой практикующихся систем жизнеобеспечения; локализацию очагов межэтнических поземельных конфликтов; определение этнической составляющей социальной стратификации; выявление и характеристику этнических секторов городской экономики и определяемых ими конфликтных участков и т. д. Как показывают уже имеющиеся разработки, только комплексное решение вышеперечисленных задач позволяет не только выйти на качественное обновление инструментария исследований, но и сформировать социальный заказ для развития относительно нового для регионов направления – прикладной антропологии. Отрасли знаний, ориентированной не столько на обслуживание политических элит, сколько на организацию мониторинга за ходом этнических процессов в каждом из субъектов РФ, определения механизма межэтнического взаимодействия; оценки эффективности затрат на реализацию декларируемого курса региональной национальной политики по строго заданным индикаторам и нескольким хронологическим срезам.

Задача это далеко не проста в чисто техническом смысле. По своему формату «Концепция государственной национальной политики РФ» не предполагает наличие формализованных индикаторов, по которым можно проследить как *возможность* кардинального решения поставленных задач, так и организовать со стороны собственно федерального центра текущий контроль за их решением на уровне субъектов РФ. Проблема определена и полной неопределенностью ресурсной (финансовой) составляющей мер, предпринимаемых регионами при решении поставленных концепцией задач. С одной стороны, финансируются федеральные программы, имеющие достаточно четко выраженную структуру показателей, попадающих под мониторинг. С другой, каждый регион проводит дополнительное финансирование уже «своих» проектов, направленных на решение социальных проблем в национальных районах, в рамках которых крайне сложно вычлениить «этническую составляющую». Достаточно часто это приводит к тому, что выделенное финансирование не подкрепляется эффективным менеджментом в области регуляции собственно межэтнических отношений.

Необходимость в РФ мониторинговых исследований, как инструмента оценки эффективности затраченных на проведение национальной политики средств уже начинает осознаваться на федеральном уровне. В качестве примера можно отметить публикацию статических бюллетеней об экономическом и социальном развитии коренных малочисленных народов Севера, осуществляемом Госкомстатом РФ, организацию Министерством природных ресурсов текущего мониторинга эффективности расходования средств, привлекаемых при реализации Программ развития ООН и Глобального Экологического фонда на территории РФ (экспертные оценки проектов в ходе реализации, социологические опросы). Проблема определения индикаторов применяемых в процессе этнологических экспертиз как составляющей этнологического мониторинга в последние годы неоднократно поднималась на рабочих совещаниях, организованных Департаментом межнациональных отношений с экспертами Правительства Канады и Европейской комиссии. Необходимость введения практики этнологических экспертиз как элемента мониторинга за решением строго заданных (семи) задач, поставленных перед субъектами РФ, определена и Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», принятой Распоряжением Правительства РФ (№ 132-р от 04.02.2009 г.).

Анализ имеющихся публикаций и результатов проведенных экспертиз, материалов проведенных конференций и рабочих совещаний позволяет утверждать, что основной перечень основных индикаторов, по которым можно проводить мониторинг, в целом определен. На его основе определены и в отдельных субъектах РФ уже апробированы комплексы методик сбора, систематизации и обобщения полученной информации. В отдельных случаях, например в Кемеровской области, исследовательские группы уже вышли на уровень оперирования созданными компьютеризированными банками данных по социальным процессам XIX – нач. XXI вв. (по отдельным этническим группам) и согласования инструментария и индикаторов мониторинговых исследований с органами власти в рамках «Регламента проведения этнологических экспертиз». Регламент экспертных исследований уже апробирован и оказался востребован специалистами Томской области, Республик Алтай и Коми, Алтайского края.

В целом можно сказать, что методологическая основа для качественного и целенаправленного формирования банка *сопоставимых и репрезентативных* данных, отражающих максимально полный спектр этнических процессов, выявляемых специалистами как центра, так и регионов создана. Остается проблема, кто и в каких организационных формах будет осуществлять этнологический мониторинг на уровне субъектов РФ. В очередной раз встает проблема поиска политического и финансового механизма создания уже не столько информационного пространства, отражающего широкий спектр оценок современной этнополитической и этноконфессиональной ситуации в субъектах РФ специалистами различных отраслей знания (политологов, историков, этнографов, социологов, экономистов), сколько создания *Государственной Этнологической службы*, результаты деятельности которой можно представить через действующую в настоящее время сеть ИЭиА РАН. Встает проблема создания *организационной структуры*, ориентированной не только на проведения экспертных изысканий и оценку современной ситуации в области межэтнических отношений, но и апробацию механизмов нейтрализации уже сформировавшихся межэтнических конфликтов. И здесь основной проблемой является подготовка привлекаемых в регионах специалистов.

Не снимая ответственности с научных учреждений федерального центра в части отработки методологических подходов и определения критериев качества научно-прикладных исследований в области прикладной антропологии и этнической социологии, стоит акцентировать внимание на месте которые должны занять прикладные антропологи, работающие в субъектах РФ. Исключительно низкая мобильность исследовательских кадров, специалистов подготовленных в европейской части РФ и «оседающих» в мегаполисах, подсказывает, что подготовку кадров необходимо проводить на региональном уровне. Этот процесс должен органически сочетать теоретическую подготовку идентичную программам подготовки этнографов на специализированных кафедрах Московского и Санкт Петербургского университетов, аспирантуру и докторанту в имеющихся центрах, лингвистическую подготовку, прохождение международных стажировок по выбранной специализации. При подготовке следует предусмотреть выполнение индивидуальных проектов по проведению полевых исследований и формированию компьютеризированных банков для отдельных субъектов РФ, позволяющих не только провести экспертные изыскания на уровне современных международных стандартов, но и выйти на качественно более высокий уровень мониторинговых исследований.

Острота поднимаемой проблемы заключается в ограниченном количестве во всех субъектах РФ специалистов-этнографов, специализирующихся на исследовании современных процессов, которых можно привлечь к подготовке кадров и работе в Службе. Не менее острой проблемой является и отсутствии прямой заинтересованности органов региональной власти *в текущем внешнем контроле* (со стороны федерального центра) за формируемой в регионах ситуации в области межэтнических отношений и проведения этнологических экспертиз [6]. В это же время стоит отметить, что исходя из международного опыта, современная ситуация не является исключительной. Демократические процессы в РФ неизбежно приведет топ -менеджеров к осознанию, что снижение затратности реализуемого курса национальной политики в регионах опреде-

ляет проведение экспертных исследований не только на стадии формирования, но и его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелин, В. О сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов [Электронный ресурс] // Валерий Тишков. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya/_set_etnolol/o_seti_etn.html. – Загл. с экрана.
2. Бойко, В. И., Шмаков, В. С., Нечипоренко, О. В., и др. Этносоциальный мониторинг коренных малочисленных народов Сибири // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово, 2004. – С 76–93
3. Бойко, В. И., Садовой, А. Н. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области. – Новосибирск, 2008. – Вып. 2.
4. Костюк, В. Г., Попков, Ю. В., Шпота, Л. И. О целесообразности разработки концепции и создания научной базы программы государственной национальной политики в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1998. – Вып. 2.
5. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. – М., (RAIPON); – М., 2002.
6. Рекомендации парламентских слушаний, проводимых Комитетом Государственной Думы по делам национальностей на тему: «О проекте федерального закона № 448425-4 «О защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации» 17.04.2008 года [Электронный ресурс] // Материалы Комитета Государственной Думы по делам национальностей Государственной Думы ФС РФ. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/komnacc>. – Загл. с экрана.
7. Садовой, А. Н. Организация этносоциального мониторинга (академическая наука и представительная власть) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV годовой сессии ИАиЭ СО РАН, Новосибирск, 1997.
8. Садовой, А. Н., Пруель, Н. А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика. – Кемерово, 1996.
9. Садовой, А. Н. Нечипоренко, О. В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел» на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М.О. «Город Мыски Кемерово, ИУУ СО РАН, 2005. – Вып. 1.
10. Садовой, А. Н. К методологии и методике анализа этносоциальных процессов на территории Кемеровской области // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово, 2004. – С. 38–76
11. Тишков, В. А. Сеть этнологического мониторинга десять лет спустя // Этнопанорама 2003. – №1–2.
12. Тишков, В. А. Европа под мониторингом. // Российская газета. – Федеральный выпуск № 4615 от 19.03.2008 г.
13. Cernea Michael M. Social Organization and Development Anthropology. The 1995 Malinowski Award Lecture. Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series. No 6. The World Bank. Washington. D.C. 1996.
14. Электронный ресурс. – <http://eawarn.ru>

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

(на примере Алтае-Саянского экорегиона)

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

Парадигма устойчивого развития человечества, в последние десятилетия играющая роль нового формата экологического мышления, основана на принципах сбалансированного сосуществования общества и окружающей природной среды. В соответствии с этим, большое внимание уделяется вопросам сохранения биологического разнообразия планеты. Для этой цели выделены специальные резерваты – экологические регионы – в пределах которых созданы и действуют особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ). Их основная функция состоит в защите эталонных природно-территориальных комплексов и ландшафтов от губительного антропогенного воздействия.

Однако большинство экорегионов отличает не только высокий уровень биологического разнообразия. Большинство из них также являются природными «вместилищами» и естественной средой обитания малых народов, самобытные культуры и исконный образ жизни которых исторически связаны с объектами природного наследия, а часто попросту от них неотделимы. По сути, сообщества малых народов представляют собой неотъемлемый компонент экосистем, а их этнокультурное наследие – столь же важная и нуждающаяся в сохранении часть разнообразия территории, как и сама охраняемая природа. В контексте такого подхода природоохранная деятельность на территориях присутствия сообществ коренных малочисленных этносов должна исходить из понимания единства природных и этнокультурных компонентов среды, на защиту которых в равной степени должны быть направлены проводимые ООПТ мероприятия. Однако на практике это не всегда достижимо из-за целого ряда проблем и затруднений, с которыми сталкиваются заповедники, национальные и природные парки при попытке практически содействовать сохранению этнокультурного наследия коренного населения. Опыт, накопленный в Алтае-Саянском экорегионе, позволяет дать краткую характеристику подобных проблем и возможных вариантов их решения.

Первое, на что следует обратить внимание, это отсутствие у персонала ООПТ системного представления о содержании этнокультурного наследия коренного населения, методах его сохранения и возможных формах использования в природоохранной деятельности. Существующие на сегодняшний день методические разработки в этой области не содержат четких практических рекомендаций [1], что говорит о явно недостаточном уровне проработанности данной проблематики, сравнительно новой для российской природоохранной практики. К компонентам этнокультурного наследия ООПТ обычно относят следующие главные области проявления культурных традиций коренных народов: традиционные формы природопользования; традиционные знания; эле-

менты живой традиционной культуры; культурные ландшафты, включая территорию населенных пунктов, места традиционного хозяйственного или иного использования, культовые и сакральные места и почитаемые природные объекты.

Обобщая опыт Алтае-Саянского экорегиона, можно отметить, что наиболее сложными объектами управления для руководства ООПТ являются компоненты этнических культур, связанные с традиционной практикой природопользования. С одной стороны, сама исконная традиция экстенсивного хозяйствования сибирских народов не предполагает массового антропогенного прессинга на осваиваемые ландшафты, ограничена в своем развитии лимитирующими экологическими факторами и в основном должна быть направлена на обеспечение самого населения необходимыми средствами к существованию в натуральном виде. Реалии традиционного природопользования сегодня говорят совершенно о другом.

В современных условиях большое значение имеет внешний экономический фактор, выраженный в виде постоянного спроса на продукцию традиционного хозяйства на региональных рынках пушнины, дикоросов и т. д. Кроме того, с развитием рекреационной инфраструктуры и туризма в местах проживания малых народов у коренного населения появляется возможность заработка в сфере обслуживания отдыхающих и туристов. Именно в этом контексте все большее распространение получает, к примеру, трофейная охота и спортивное рыболовство, при которых местные жители охотно оказывают услуги гидов-проводников всем желающим. Все это несколько выводит привычные для коренного населения формы хозяйствования за рамки исконной этнической традиции и способствует нарастающей коммерциализации экстенсивного природопользования, распространяющегося в значительной мере и на охраняемые природные территории. Любого рода природоохранные ограничения и запреты в таких условиях населением нарушаются и в целом воспринимаются им как посягательство на «святое право» жить за счет хозяйственного использования этнической территории, в соответствии с исконным образом жизни и культурными традициями предков.

Факты недовольства местных жителей излишне, по их мнению, жестким режимом охраны территории ООПТ были выявлены автором настоящей работы в результате социологического опроса, проведенного при его участии в 2007–2008 гг. на территории 12 ООПТ Алтае-Саянского экорегиона. Всего было опрошено немногим более 3000 респондентов из числа жителей охраняемых природных территорий и районов, непосредственно к ним прилегающих. Цель исследования состояла в выявлении характера отношения различных групп населения к деятельности заповедников, природных и национальных парков. Полученные результаты заставляют констатировать, что именно представители коренных народов Сибири склонны к неодобрению запретительных мер как механизма сохранения биологического разнообразия. В среднем по обследованной территории их доля составляет 22,4 % [2] в общем массиве опрошенного населения. Это говорит о существенной экономической и этнокультурной роли традиционного природопользования, в современных условиях ограниченного из-за присутствия на этнических территориях ООПТ. Несбалансированное решение таких, на первый взгляд взаимоисключающих задач, как охрана природы и содействие жизнеобеспечению ко-

ренного населения, в сложившихся условиях недопустимо, поскольку может провоцировать обострение этносоциальной ситуации в национальных районах.

Понимание этой ситуации в целом сегодня проявляется в деятельности особо охраняемых природных территорий. На повестку дня поставлен вопрос о целесообразных мерах, способных содействовать сохранению этнических традиций хозяйствования коренного населения при соблюдении в то же время требований природоохранного законодательства. Каковы должны быть эти меры? Это, пожалуй, наиболее сложный вопрос, решаемый каждой отдельной ООПТ, исходя из особенностей сложившейся ситуации. В этом отношении заслуживает внимания опыт ГУ «Шорский национальный парк», образованный в 1993 г. для сохранения эталонных участков черневой тайги – с одной стороны и этнокультурного наследия коренной малочисленной народности (шорцев) – с другой. Обе эти цели присутствуют в Положении о национальном парке в качестве уставных. Однако если защита природных комплексов и объектов представляет собой вполне ясную и привычную сферу деятельности национального парка, то определение возможных форм деятельности по сохранению этнической культуры коренного населения всегда вызывала значительные затруднения.

Во-первых, по заявлению персонала парка, не вполне понятно, что именно сохранять, поскольку большинство культурных традиций локальных групп шорцев давно вышли из употребления и может являться лишь объектом музеефикации, для чего на территории парка создан экомузей «Тазгол». Во-вторых, не совсем ясно, какова должна быть позиция ООПТ в вопросе о регуляции традиционных систем природопользования коренного населения. Такие исконные хозяйственные занятия шорцев, как охота, рыболовство и заготовки дикорастущего сырья не вполне соответствуют установленному режиму охраны территории национального парка. Они часто основаны на запрещенных действующим законодательством технологиях изъятия биоресурсов и охватывают значительную часть эталонных природных участков, выделенных в особо охраняемую зону, где не только хозяйственная деятельность, но и присутствие человека должно быть строго ограничено. Все попытки запретить местным жителям заниматься традиционными видами природопользования наталкивались на сопротивление местной общественности и непонимание со стороны коренного населения, считающее территорию национального парка именно этнической территорией шорцев.

Выход был найден в процессе составления плана управления шорского национального парка на 2008–2012 гг. Перед составлением документа планирующей командой было проведено сплошное Этносоциальное обследование населения национального парка, в ходе которого среди прочих вопросов выявлялся характер земельных отношений в местах традиционного природопользования шорцев [3]. Согласно полученным результатам выяснилось, что более 70 % особо охраняемых территорий парка активно используется местными охотниками, причем рассматривается ими как наследственные участки, передаваемые от одного поколения – к другому. Значительная часть семей, имеющих подобные участки, в существенной степени экономически зависима от возможности беспрепятственно охотиться и заготавливать кедровый орех на строго охраняемых территориях.

Для устранения сложившегося противоречия по результатам проведенного исследования было решено пересмотреть систему функциональных зон национального парка с выделением ранее в нем не существовавшей зоны экстенсивного этнического природопользования. Этот, достаточно решительный шаг позволил значительно снизить остроту этносоциальных отношений на местах и создал условия для взаимовыгодного сотрудничества ООПТ с сообществами местного населения. Однако проблема контроля за хозяйственным использованием территории все еще оставалась на повестке дня. Здесь всегда частыми были случаи незаконной охоты и собирательства со стороны не только местного населения, но и лиц приезжающих из близлежащих городов. Для борьбы с ними руководство парка пошло на еще одну беспрецедентную меру, заключив ряд соглашений с общинами коренного населения, предоставляя им право традиционного-хозяйственного использования выделенной территории взамен на их активное участие в ее охране и антибраконьерских рейдах.

Думается, что апробируемая в Шорском национальном парке управленческая модель, позволяющая одновременно решать проблемы охраны природы и поддержки традиционного природопользования вполне эффективна в реально сложившихся в России этносоциальных и законодательно-правовых условиях. Действующие законодательные нормы в области охраны природы – с одной стороны и защиты прав коренных малочисленных народов – с другой – крайне противоречивы и нередко являются взаимоисключающими. В такой ситуации, действительно, наиболее эффективным средством являются договорные отношения ООПТ и сообществ местного населения, которое таким образом непосредственно вовлекается в природоохранную деятельность и получает к тому же все необходимые возможности для сохранения основы своих исконных культурных традиций, а именно свойственных народам Сибири экстенсивных систем природопользования.

Другой важной проблемой в области содействия ООПТ сохранению этнокультурного наследия коренного населения является деятельность по защите и культурно-просветительскому использованию почитаемых природных объектов. Специфика духовной культуры многих народов Сибири, предполагающая элементы анимистических представлений как основы традиционных религий, приводит к существенным затруднениям. С одной стороны, природные объекты, важные для коренного населения и имеющие определенную культурно-историческую ценность, если они располагаются в пределах ООПТ, должны быть выявлены, инвентаризованы и подвержены особому режиму посещения и использования. Однако это не всегда возможно сделать.

Прежде всего, подобных объектов может быть много. Фактически, все реки, ручьи, возвышающиеся над местностью вершины, пещеры, скальные выходы горных пород и т. д. по традиционным представлениям коренного населения являются почитаемыми. Кроме того, даже некоторые уникальные места, где в прошлом проводились традиционные обряды, национальные праздники и ритуалы, сегодня в большинстве случаев забыты самими носителями культуры. Поэтому восстановить их не всегда становится возможным. Для этой цели многие ООПТ Алтае-Саянского экорегиона организуют специальные исследования с участием специалистов-этнографов и представите-

лей коренного населения. Подобные работы, в частности, ведутся в Алтайском биосферном заповеднике, природных парках Республики Алтай, Шорском национальном парке. Культовые и священные места, а также почитаемые природные объекты постепенно выявляются, восстанавливаются и в ряде случаев уже начинают использоваться для развития этнического туризма на ООПТ. Однако с живой традиционной культурой коренного населения эта деятельность ООПТ, к сожалению, связана далеко не всегда. В большинстве известных случаях речь идет о коммерческих проектах с целью повышения привлекательности территории для туристов и других групп отдыхающих.

Не менее сложным объектом изучения для ООПТ являются традиционные экологические знания коренного населения. Исходя из широко распространенного понимания исконной культуры природопользования аборигенов Сибири как экологически безопасной сферы деятельности, исконные знания коренных народов в области биоразнообразия имеют все перспективы практического применения в деятельности заповедников, национальных и природных парков. Их, в частности, предполагается использовать для развития этнического туризма, экологического просвещения, а также совместного (с участием не только ООПТ, но и населения) управления охраняемыми природными территориями. Для решения этих задач в Алтае-Саянском экорегионе в 2007–2008 гг. осуществлялся крупный проект по выявлению и систематизации традиционных экологических знаний коренных народов. Результаты этой работы были опубликованы в виде информационно-методического справочника для персонала ООПТ, национальных общественных объединений и представителей местных органов власти [4]. В перспективе запланировано дальнейшее развитие данного направления путем создания в виртуальном пространстве интерактивной базы данных по традиционным знаниям населения экорегиона. Думается, что это крайне важное направление работы не только ООПТ, но и ряда других сторон, заинтересованных в развитии территории, сохранении ее природного и этнокультурного наследия.

Однако нельзя не упомянуть и о проблемах, выявленных при попытке исследовать традиционные знания коренных народов экорегиона. Как показали уже первые результаты, реально сохранившийся массив знаний коренного населения об объектах биологического разнообразия весьма ограничен. Вряд ли это в полной мере экологические знания, поскольку часто присущи только тем сообществам, которые продолжают практику экстенсивного природопользования. И даже в этом случае носители традиционной культуры осведомлены лишь о тех аспектах биологии и экологии окружающей среды, которые практически необходимы для добычи охотничьих животных, заготовок дикоросов, рыболовства и прочих отраслей хозяйства. Иными словами, современный охотник из числа коренного населения сегодня знает об охотничьих животных лишь то, что помогает ему на охоте. Все знания, выходящие за эти рамки, полностью отсутствуют в современной культуре сибирских охотников. К примеру, в большинстве случаев в национальных языках коренных народов, не сохранилась даже специальная терминология, предназначенная для обозначения особей разного пола и возраста. Далеко не всегда опрошенные нами промысловики достаточно осведомлены о необходимых

для зверя кормовых, защитных и гнездопригодных условиях. Стоит ли в этом отношении ставить вопрос о степени сохранности традиционных обрядовых и ритуальных действий, а также норм и правил поведения на охоте, присущих этническим культурам охотников и собирателей Сибири еще в начале XX века? Единственный возможный сегодня путь к сохранению данного исчезающего пласта культуры традиционного природопользования – это реконструкция на основе литературных источников. Однако в этом случае и практическая ценность подобных «реконструированных» знаний, являющихся, по сути, вторичными формами культуры, несомненно, будет весьма ограниченной. Пожалуй, единственная возможна область их применения на практике – развитие этнического туризма в местах компактного проживания коренных малочисленных этносов. Хотя и это, безусловно, крайне важная задача с точки зрения природоохранной деятельности ООПТ. Коренное население с развитием туристической инфраструктуры получит дополнительные источники дохода, не связанные с практикой массового хозяйственного использования охраняемых природных территорий, что позволит снизить уровень антропогенной нагрузки на эталонные ландшафты и будет способствовать более эффективному сохранению биологического разнообразия.

Подводя итоги сказанному, следует отметить два важных момента. Во-первых, несмотря на отмеченные сложности в области содействия ООПТ сохранению этнокультурного наследия коренного населения, это все же критически важное направление деятельности и один из действенных механизмов сохранения биоразнообразия. Во-вторых, опыт, накопленный в Алтае-Саянском экорегионе, безусловно, важен для природоохранной деятельности в России в целом. Он может быть тиражирован в других регионах с учетом отмеченных нами проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Организация устойчивого жизнеобеспечения населения в Уб67 национальных парках России: концептуальные основы и практическое руководство. Дополнительные материалы к Стратегии управления национальными парками России. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы. – Вып. 9. – 2002. – 92 с.
2. ПРООН/ГЭФ «Сохранение биоразнообразия в российской части Алтае-Саянского экорегиона». Результаты социологического опроса по проблемам отношения населения Алтае-Саянского экорегиона к деятельности особо охраняемых природных территорий. Отчет по НИР [Текст, иллюстрации]: Отчет о НИР (итоговый): Программа развития Организации объединенных наций и Глобального экологического фонда «Сохранение биоразнообразия в Российской части Алтае-Саянского экорегиона»; В. В. Поддубиков. – Красноярск, 2008. – С. 82.
3. Мекуш, Г. Е., Поддубиков, В. В., Маженина, Е. А., Беркутов, И. И. Основные направления развития ГУ «Шорский национальный парк» на 2008–2012 гг. [Текст] / Г. Е. Мекуш, В. В. Поддубиков, Е. А. Маженина, И. И. Беркутов / – Кемерово-Красноярск-Таштагол, 2008. – 42 с.
4. Назаров, И. И., Бельгибаев, Е. А., Садовой, А. Н. и др. Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования. Информационно-методический справочник [Текст, ил.] / И. И. Назаров, Е. А. Бельгибаев, А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков, К. Ю. Кирюшин и др. / – Барнаул: Изд-во Азбука. – 2009. – 311 с.

**ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДОВ
ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920-х гг.**

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут

В конце XIX начале – XX вв. в обыденном сознании сложился образ вымирающих народов севера, не выдерживающих натиска «цивилизации», выразившейся в «форме спирта, сифилиса и торгового обмана». Эти представления были достаточно широко распространены в обществе и в органах власти. Меры, принимавшиеся правительством, не считались достаточными. Все это формировало образ ограбленного региона, в первую очередь его населения и во вторую очередь его ресурсов.

Этот образ был использован Советской властью для демонстрации радикального разрыва с прошлым и провозглашением новой политики по отношению к Северу и его коренному населению. На протяжении столетий Тобольский Север представлял собой пример систематического «ограбления природы», «...триста лет из него выкачивались богатства в виде мехов, дичи, рыбы и т. п.» [4, Л. 21]. Взамен север не получал ничего. Представители новой власти заявляли, что этот «трехсотлетний период безудержной эксплуатации Севера» [5, Л. 2] закончился. Декларировалось, что освоение региона должно строиться на рациональном использовании природных ресурсов.

По сути дела образ коренных народов Севера, определивший отношение к ним и проведение соответствующей политики в рамках следующей дихотомии: коренные народы Севера – субъект мирового исторического процесса – или коренные народы Севера – объект мирового исторического процесса. Другими словами тысячелетняя история народов Севера и ее результаты (соответствующий природно-климатическим условиям образ жизни, материальная и духовная культура, социальная организация и т. д.) – это история? Или история это только тогда, когда «английский фермер подвозит тележку с овощами или мясом к какому-нибудь городу по шоссе, проложенному во времена Юлия Цезаря»?

Первая позиция аргументировалась следующим образом. Коренные народы Севера создали самобытную, самоценную культуру, достижения которой необходимо использовать в современном обществе, особенно, при дальнейшем освоении Севера. «Что может быть удобнее в условиях Севера туземной ровдужной одежды для лета и меховой оленьей для зимы... Как превосходно приспособлены легкие, упругие, несокрушимые нарты северян к бездорожной езде по кочкам, кустам и речным торосам», отмечает известный знаток Севера С.А. Бутурлин [5, л. 9]. Малые народы Севера это «герои, стоящие на самом опасном фронте человечества» [7, с. 20–21]. Фронт этот необозримые северные пространства, богатые различными ресурсами.

Именно малые народы Севера должны были стать основной производительной силой, способной обеспечить продвижение общества, его экономики на Север, дать возможность «в будущем использовать разнообразнейшие богатства, которыми так изобилуют северные области нашего материка». Подчеркивалось, что северные народы

«не являются ныне объектом для эксплуатации или в лучшем случае клиентами совершенно недостаточного государственного патроната. Туземцы Севера признаются добытчиками весьма ценных и необходимых для Союза товаров, которым государство должно помочь встать на ноги, укрепнуть и всемерно развить свою самостоятельность» [6, с. 103].

Это ставило в свою очередь вопросы о темпах и направлениях развития народов Севера. Активно развивать промысловую деятельность или всемерно содействовать переходу туземцев на оседлый образ жизни. Логика сторонников перехода северян на оседлый образ жизни была следующей. С развитием экономики Север все активнее будет в нее включаться, причем на индустриальной основе – строительство промышленных предприятий, развитие ресурсодобывающих отраслей, транспортной инфраструктуры и т. д. Все это приведет к сокращению территорий пригодных для ведения традиционных промыслов местного населения. При том неуклонное и прогрессивное сокращение пушного промысла создало у некоторых работников Севера мнение, что «пушной промысел уже изжил себя, что он неудержимо катастрофически падает, что это падение является естественным, закономерным и неизбежным следствием экономического и культурного развития северных окраин, и всякие попытки приостановить его являются реакционной утопией и осуждены на полную безуспешность». Брюханов на VI пленуме Комитета Севера заявил, что «с охотничьим хозяйством сделать ничего нельзя» [1, с. 21].

Следовательно, зависимость населения от промыслов, в первую очередь от охотничьего – опасна. Такая зависимость может привести к голоду, потере доходов, и, в конечном итоге, гибели народов Севера. Стремление к сохранению «туземного хозяйства на охотничье-промысловой основе – не больше, как своеобразное северное народничество, все меры, предпринятые и предпринимаемые исключительно в этом направлении – большая ошибка, это фантасмагория» [1, с. 21].

Предлагалось сосредоточить внимание и направить наибольшие средства на перестройку «туземного» хозяйства на новой более устойчивой экономической основе, способствующей переходу на оседлый образ жизни. Это занятия животноводством, земледелием, оленеводством, кустарными промыслами, извозом, работа в горной и лесной промышленности.

Такая позиция подвергалась аргументированной критике. Безоглядное стремление «не только приветствовать всякое оседание чукчи или тунгуса на одном месте», но и поощрение «странствия на оленях за белкой заменить плохим огородом» приводили к печальным последствиям.

Приведем свидетельства В.В. Васильева, изучавшего экономику и быт хантов бассейна Демьянки. Он отмечает, что земледелие, скотоводство, огородничество им практически ничего не дают. «Например, пробуящий заниматься земледелием, с голодного 1922 года, остяк Тайлаков Трофим никогда вовремя не припасает семян, почему у него получается все «не как у людей». (Совершенно не знает элементарных правил земледелия). Коровы, у туземцев проходившие без быка 2–3 года с большим удовольствием съедаются. Табак, посаженный в копаную грядку, носит громкое название огорода, и только два туземца сажают картофель» [3, с. 11]. Традиционное хозяйство

давало большую отдачу. В 1914 г. семья Сипайловых, состоявшая в то время из шести человек сняла 470 пудов ореха, что дало ей возможность запастись всем необходимым почти на три года. Разница существенная.

Охотничий (в частности, пушной) промысел на Севере существует, и будет существовать, и играть значительную роль в северном хозяйстве, отмечали сторонники развития промысловой деятельности на Севере. Взгляд пессимистов на пушной промысел они считали глубоко ошибочным, так как они приписывали падение промысла – объективным, неустранимым причинам.

С точки зрения оптимистов на самом деле эти причины только стихийны, но не закономерны и в социалистическом государстве, ведущем общественное плановое хозяйство – они вполне устранимы. Рационализировать пушное хозяйство и установить его так, чтобы дальнейшее увеличение товарности шло не за счет уменьшения основного живого капитала, но за счет его увеличения, за счет прироста зверя – возможно даже в капиталистической стране (приводили в пример опыт США и Канады), тем более возможна такая рационализация в социалистическом государстве.

«В советском государстве мы можем принять меры и против чрезмерной эксплуатации природных охотничьих ресурсов, не соответствующей восстановительным возможностям, и против земледельческой колонизации, выжигающей враждебную ей тайгу, и против ненормального соотношения цен на продукцию различных промыслов, стимулирующего истребление зверя. Пятилетний план НКТ СССР по охоте предусматривает целый ряд мероприятий в этом направлении» [2, с. 56].

В отличие от позиции активного включения коренного населения Севера в хозяйственно-экономическую жизнь страны на новой индустриальной и старой традиционной основе, существовала и принципиально другая позиция. Она сводилась к тому, что народы Севера необходимо охранять от вмешательства современной, по сути индустриальной цивилизации, активно их изучать, как наглядную страничку прошлого человечества.

Такой подход не был популярным. Критика его опиралась на простые, но убедительные аргументы, что «мир существует не для хранителей музеев, и что живые, способные, симпатичные племена севера имеют иные исторические задачи, кроме облегчения этнографического преподавания». Подчеркивался тот факт, что «их (народов Севера – Е. Г.) физические и психические свойства, воспитанные в условиях севера, весь их быт, совершенно приспособленный к полярной жизни, – драгоценны и необходимы для всякой работы на севере, для всякого использования северных богатств. Эти народности сами – лучшее богатство севера, имеющее совершенно практическую, реальную ценность для государства» [2, с. 57].

Предлагался путь золотой середины. «Ни одна часть земной поверхности не может и не должна быть изъята из общего оборота мировой жизни. Население земли росло, растет и будет расти, и дальнейшее заселение редконаселенных пространств совершенно неизбежно. Разумное отношение к этому несомненному и неизбежному факту заключается не в том, чтобы попытаться строить плотины поперек течения исторических событий и создавать «туземные резерваты», никогда не удававшиеся и в Амери-

ке, – но и не в том, конечно, чтобы насильственно придавать этому потоку разрушительную скорость, в ущерб правам и интересам отсталых племен» [2, с. 57].

Надо придавать планомерность и научную обоснованность «стихийному историческому явлению», организуя, образовывая, пробуждая в нем самосознание и самодеятельность, материально его укрепляя. Таким образом, малым народам Севера создавалась возможность «безболезненно войти в русло мировой истории и стать главным активным элементом развития севера» [2, с. 57].

В этом направлении были сделаны реальные, имеющие большое значение для жителей Севера шаги. Был разработан и приведен в действие целый ряд законоположений регулирующих жизнь малых народов Севера: закон о торговле (декрет о снабжении туземного населения северных окраин продовольствием и предметами первой необходимости), положение об административно-правовом и судебном устройстве Севера, об освобождении туземных народностей от всех прямых налогов и сборов, о мероприятиях, защищающих туземцев от эксплуатации частного капитала, о снятии акциза на соль, с туземцев занимающихся рыбным промыслом и т. д.

На Севере работали санитарные отряды, создавались культурные базы, как пункты всесторонней помощи местному населению (медицинской, ветеринарной, культурно-просветительской, снабженческой).

Выдержать «золотую середину» в этом вопросе не удалось. Государство в конечном итоге пошло по пути реализации политики патернализма по отношению к малым народам Севера, формально поощряя их самосознание и самодеятельность. В реальности поле для самодеятельности сокращалось и в итоге свелось к полному государственному содержанию коренных народов Севера.

Очевидно, что попытка сформировать деятельный образ коренного жителя Севера не увенчалась успехом. Он не смог вытеснить укоренившихся в обществе и власти представлений о народах Севера как отсталых, забитых и несчастных, требующих особой опеки и заботы со стороны государства. В чем причина? Даже те специалисты, которые говорили о самобытности народов Севера, были европоцентристами и безусловными приверженцами идеи прогресса. В этой системе координат коренные народы Севера Сибири занимали определенное, невысокое место. Их необходимо было направить на прогрессивный путь развития, который уже прошли цивилизованные народы, чтобы они поднялись на более высокую ступень общественного развития.

Достаточно более внимательно посмотреть на лексику, которую они использовали в своих текстах: «отсталые племена», «подъем культуры народов Севера», «оседлые формы хозяйства являются высшей формой сравнительно с кочевым или бродячим хозяйством» и т. д. Все это говорит о том, что коренные народы, несмотря на свою самобытную культуру, великолепную адаптированность к северным условиям, рассматривались как объект государственных усилий, направленных на их ускоренное движение по пути исторического прогресса (из первобытности или феодализма в социализм, в светлое будущее и т. д., и т. п.). Самобытность, достижения материальной и духовной культуры народов Севера, их традиции природопользования признавались лишь на уровне этнографии. Повседневная реальность рисовала другую картину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкалов, К. Туземный вопрос и проблема сохранения пушных богатств на Севере // Пушное дело. – 1929. – № 4.
2. Бутурлин, С. А. Что такое «Север» кто там живет и будущее значение его // Советский Север: сб. ст. – М., 1929. – Вып. I.
3. Васильев, В. В. Река Демьянка. Экономико-этнографический очерк. – Тобольск, 1929.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 39.
5. ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 471.
6. Логанов, Г. Проблема Севера в пушном хозяйстве СССР и работа Комитета Севера при ВЦИКе // Пушное дело. – 1927. – № 1.
7. Налимов, В. П. К вопросу о сотрудничестве полярных народов в научной работе и в частности в охране природы // Охрана природы. – 1928. – № 1.

Е. К. Даваа

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ТУВИНЦЕВ-ТОДЖИНЦЕВ

Тувинский государственный университет

г. Кызыл

На сегодняшний день актуальной является проблема сохранения традиционной культуры тувинцев-тодджинцев. Актуальность изучения тувинцев-тодджинцев обусловлена изменением экономической ситуации в России в целом, в том числе в Республике Тыва, а также существованием проблемы устойчивого развития Республики Тыва.

В настоящее время, согласно итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., тувинцев-тодджинцев насчитывается 4 442 чел. Тодджинцы считаются подгруппой тувинцев, большинство которых проживает в пяти населённых пунктах Тоджинского района, расположенных в северо-восточной части Республики Тыва. Это деревни Адыр-Кежиг с населением 1 127 человек, Ий (1 141 чел.), Хам-Сыра (156 чел.) и Сыстыг-Хем (187 чел.). Население этих четырёх населённых пунктов почти полностью состоит из этнических тодджинцев. Ещё 200 тодджинцев числятся как проживающие вне населённых пунктов в тайге на территориях, входящих в состав Ийской и Азасской сельских администраций. Административный центр Тоджинского района, Тоора-Хем, является самым крупным сельским населённым пунктом района (2 727 чел.).

Как и большинство малочисленных народов Севера, тувинцы-тодджинцы со времени краха СССР переживали серьёзные социально-экономические потрясения. Последствия этих потрясений проявляются не только в уменьшении числа оленей и увеличении числа оленеводов, забросивших своё традиционное занятие, но и в таких социально-экономических показателях, как уровень безработицы, вероятная продолжительность жизни, злоупотребление алкоголем, преступность. Эти социальные проблемы более остро проявляются в отдалённом Тоджинском районе, чем в целом по Туве [Донахо, 2006]. Например, в 2005 г. в Тоджинском районе отмечен самый высокий показатель смертности населения по сравнению с другими районами Республики Тыва. В структуре смертности здесь преобладает смертность от несчастных случаев, травм и отравлений.

В начале XXI века происходит интенсивная трансформация культуры тувинцев-тоджинцев. Это связано, во-первых, с усиливающейся этнокультурной самоидентификацией, во-вторых – с ускорением проникновения ценностей иных культур и цивилизаций. Формируется сложная мозаика разнородных ценностных систем в различных сферах проявления социальной активности, в том числе и в культурной. Процесс увеличения интереса к национальной культуре в постсоветской истории Тувы включает в себя возрождение интереса к традиционным обычаям, обрядам, религиозным верованиям.

Конституция (Основной закон) Республики Тыва в статье 28 провозглашает: «В Республике Тыва разрешено создание религиозных объединений граждан в соответствии с действующим законодательством. Религиозные объединения, обладая правами юридического лица, организуют управление своими внутренними делами, пользуются и распоряжаются принадлежащими им имуществом и фондами. Религиозные объединения отделены от государства. Государство поддерживает общественно полезную деятельность религиозных объединений и взаимодействует с ними в решении гуманитарных задач, гарантирует невмешательство в законную деятельность религиозных объединений».

В Тодже в постсоветский период широко стали праздновать «Шагаа» (тувинский Новый год), возвратились некоторые традиции, связанные со спецификой хозяйственной деятельности тоджинцев. (Например, проводится традиционный ежегодный фестиваль оленеводов-охотников, где проходят состязания упряжек и гонки на оленях.) Возвратились также некоторые обычаи, связанные с культом природы – дошаманские и шаманские верования.

Современная религиозно-конфессиональная структура в Республике Тыва – результат исторически длительного и сложного процесса. Дошаманские культы (промысловые культы, тотемизм, культы хозяев местности и т. д.), шаманизм и буддийское вероучение к XIX–XX вв. составили религиозно-синкретическую систему, включавшую в себя комплекс религиозных взглядов, традиций, культов и институтов. Сложность сегодняшней религиозной картины Тувы определяется её поликонфессиональностью, которая характеризуется двумя тенденциями: возрождением и развитием традиционных религиозных верований и возрастающим влиянием новых религиозных направлений, ранее не имевших распространения в республике.

В настоящее время можно говорить о том, что религия в Туве имеет серьёзные основания для своего развития. Как многоплановое и многозначное явление, она порождается, воспроизводится закономерностями развития самого общества. Возрастает интерес людей к религиозной обрядности и происходит тесное переплетение национального и религиозного. Возможно, обращение к религии в важных случаях своей жизни, например, приглашение ламы на похороны, просьба родителей узнать у служителя культа благоприятный день для свадьбы и т. д., выражает стремление сохранить свою культурно – национально самобытность. Религию многие тувинцы рассматривают как средство защиты национальной целостности, как форму выражения национального самосознания.

Современная картина религиозной жизни в Туве характеризуется увеличением числа религиозных сооружений – буддийских храмов, молитвенных домов, различных религиозных и общественных организаций разной конфессиональной направленности, возрастанием интереса к религиозной литературе, появлением богословской литературы не только на русском, но и на тувинском языках [Хомушку, 2004].

Из религиозных конфессий наибольшее распространение в Тодже, кроме буддизма, получил протестантизм. Официально зарегистрированные организации христиан веры евангельской пятидесятников существуют в сёлах Тоора-Хем, Ий, Адыр-Кежиг. В селе Тоора-Хем руководителем является Оюн Карама Кок-ооловна, в селе Ий – Наадым Зинаида Балдановна, в селе Адыр-Кежиг – Кол Биикей Кескиевна.

В чём причины столь широкого распространения пятидесятничества в Тодже? На наш взгляд, их несколько, это финансовая поддержка зарубежных организаций, простота и доступность излагаемых проповедей, некоторое психологическое сходство культовых действий глоссологий пятидесятников и шаманского камлания (впадение в экстаз), кадровая политика (обучение последователей в библейских школах очной и заочной формы, библейские курсы и тому подобное), хорошая организаторская работа этих организаций.

Современные социально-экономические преобразования привели к разрушению сложившегося в обществе хозяйственного уклада и формированию новых моделей жизнеобеспечения. С сожалением приходится констатировать большое количество безработных, людей, которые живут на различные социальные пособия. Но также надо отметить, что новой важнейшей особенностью стратегии поведения сельского населения в современных рыночных условиях оказывается возрождение традиционных форм хозяйствования.

Наряду с положительными тенденциями – ростом национального самосознания и оживлением интереса к национальной культуре – наблюдаются тенденции явно негативного характера. Наиболее остро в Тодже стоят проблемы: криминализация общества, снижение уровня и качества жизни основной массы населения, ухудшение физического, психического и социального здоровья, расширение алкоголизации и наркомании. Особенно сильно эти тревожные тенденции проявляются в молодёжной среде, для которой характерными стали также рост иждивенческих настроений, индивидуализма и значительное преобладание материальных ценностей над духовными, что идёт в ущерб духовно-нравственному потенциалу.

Одним из последствий данного процесса является маргинализация массового сознания относительно базисных основ современного существования и развития культуры, ценностная и психологическая дезадаптация у значительной части населения. Особое внимание сейчас должно быть уделено проблемам формирования и трансформации системы ценностей культуры у молодого поколения тувинцев-тодджинцев в условиях глобализации культуры.

Являясь частью России, Тува не могла не испытать на себе как положительные, так и отрицательные последствия реформ переходного периода. Тем не менее, положение хозяйственно-культурных типов не выглядит драматично. Рыночная экономика привела к формированию новых моделей жизнеобеспечения. Важнейшей

особенностью поведения тувинцев-тоджинцев в современных рыночных условиях оказывается возрождение традиционных форм хозяйствования.

На начальном этапе перехода к рыночной экономике многие люди не понимали специфику рыночной экономики и у них не были сформированы такие социальные качества как предприимчивость, мобильность, оправданная расчетливость, экономическая рациональность, необходимые в условиях рыночной экономики. Несмотря на трудности, в настоящее время укрепляются новые типы хозяйства, такие как аратское (крестьянское) и личное. Таким образом, создалась своеобразная база для социальной активизации малого бизнеса, предпринимательства и личной инициативы граждан.

Исследования Г. Ф. Балакиной показали, что коллективистские традиции, закрепившиеся у населения, не препятствуют проведению социально-экономических реформ. «Не очень высокие притязания людей, обусловленные низким уровнем развития социальной инфраструктуры Тувы и отставанием от среднероссийских стандартов, помогают выдерживать трудности, а формирование нового, «рыночного», мировоззрения у молодёжи окажет благотворное влияние на перемены в республике», – считает экономист Г. Ф. Балакина [Балакина, 2000].

Поиск будущих моделей жизнеобеспечения – важнейшая задача, стоящая перед тувинцами-тоджинцами. Это может быть, например, развитие охотничьего туризма, возрождение пушного звероводства, промышленное освоение полезных ископаемых. В последнем направлении ведётся активная работа. Ведущая инвестиционная компания России «Базовый элемент» и крупнейший горнодобывающий холдинг Китая «Цзыцзинь» в ходе переговоров, которые состоялись в августе 2008 г. в Кызыле, договорились о начале сотрудничества, разрабатывают планы совместных проектов, которые они намерены осуществить на территории Тувы. Одним из таких проектов является открытие Кызыл-Таштыгского месторождения полиметаллических руд в Тоджинском кожууне.

Тоджа всё больше становится индустриальным районом. Но экологи – против вторжения большой промышленности в этот регион. По их мнению, в замкнутой котловине со своими климатообразующими особенностями, в десятки раз усиливающими процессы загрязнения, обязательно начнутся необратимые изменения окружающей среды. Котловина является естественным водосборным бассейном и истоком крупнейшей реки Сибири – Енисея. Кызыл-Таштыгское месторождение полиметаллов – это залежи сульфидных руд с большим содержанием меди, цинка, свинца, серы, мышьяка.

Особенно много вреда будет нанесено животному миру. В связи с малой освоенностью Тоджа является естественным резерватом для сохранения многих редких птиц и животных (тувинского бобра, дикого северного оленя, снежного барса, сапсана, скопы, орлана-белохвоста, беркута) и участком для воспроизводства многих видов животных и птиц не только для Тувы, но и для соседних регионов. Значительная часть видов, занесённых в Красную книгу природы Тувы, находится в Тодже. За десять лет, что строилась дорога Бояровка-Тоора-Хем, на озере Мюнь исчезли гуси, лебеди, косули, единственное нерестилище язя.

В октябре 2007 г. в Тора-Хеме прошло большое собрание, на котором многие местные жители высказались однозначно против прихода большой промышленности. Представители инициативной группы написали письмо в правительство республики, где особенно много говорилось о последствиях вредных выбросов котельных и самих комбинатов, о загрязнении воды и почвы. Дискуссии на эту тему продолжаются в Туве до сих пор, они получили отражение на страницах местной печати [Мурыгина, 2007].

В начале XXI века произошло возрождение традиционной отрасли животноводства тувинцев-тоджинцев – оленеводства. Сейчас в Тоджинском кожууне функционируют два типа товаропроизводителей-олeneводо-в: государственное (государственное унитарное предприятие «Одуген») и частное оленеводство (родовые общины «Улуг-Даг», «Хам-Сыра»). Как в «верхах» тувинского общества, так и в «низах» существует стремление сохранить оленеводство как отрасль хозяйства.

Правительству Республики Тыва, администрации Тоджинского кожууна необходимо модернизировать систему мер государственной поддержки сельских товаропроизводителей, принять меры к рачительному использованию уникальных природных ресурсов Тоджинского района Республики Тыва, сохранению традиционной культуры тувинцев-тоджинцев.

Правительство Республики Тыва и кожунная администрация активно рассматривают вопрос о создании перерабатывающих предприятий, чтобы эффективно организовать систему: производство – переработка – сбыт. Для Тоджинского кожууна с малым числом населения, но богатыми природными ресурсами создание малых современных перерабатывающих предприятий по изготовлению мясных, рыбных, грибных, ягодных консервов является большой перспективой для развития малого бизнеса, сокращения количества безработных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакина, Г. Ф. Динамика социокультурных процессов в республике Тыва в трансформационный период // Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000, – Вып. 3. – 267 с. – С. 200–201.
2. Государственный доклад «О демографической ситуации в Республике Тыва» // Тувинская правда. – 2006. – 16 декабря.
3. Донахо, Б. Оленеводство тувинцев-тоджинцев сегодня // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов. Материалы Международной научно-практической конференции 5–8 сентября 2006 года / сост. А. О. Дыртык-оол, У. О. Опей-оол. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2006. – 440 с. – С. 121–132; Brian Robert Donahoe. A line in the Sayans: history and divercent perceptions of property among the Tozhu and tofa of South Siberia. – Indiana University, 2004. – 300 p.
4. Конституция (Основной закон) Республики Тыва. – Кызыл, 1993. – С. 12–13.
5. Мурыгина, Г. Индустриальная Тоджа: «за» и «против» // Тувинская правда. – 2007. – 25 декабря.
6. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года = THE 2002 ALL – RUSSIA POPULATION CENSUS: MAIN RESULTS. – М., 2003. – 48 с. – С. 14.
7. Хомушку, О. М. Религия в Туве: история и современность. – Кызыл: Изд-во ТывГУ. 2004. – 53 с. – С. 25–27.
8. Галаганов, З. П. Индустриализация и коллективизация: национальный аспект. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН И НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НА ОСНОВЕ МУЗЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

В связи с актуализацией аспектов межкультурного обмена и необходимости принятия положений международной конвенции о нематериальном наследии, встает проблема правильного понимания терминологии, следовательно, и содержания, например, «народная традиционная культура» и «нематериальное культурное наследие», которые зачастую неоднозначно толкуются даже специалистами. По нашему мнению, существует подмена правильного понимания содержательной стороны нематериального наследия, сохранения, использования и популяризации истинных народных традиций. Поэтому недопустимо фривольное толкование, искажение данных относительно его происхождения, принадлежности, и использовании в межкультурном обмене, что может считаться серьезным нарушением.

В Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, понятие «нематериальное культурное наследие» включает фольклор, устные традиции, формы и их выражения, а также язык в качестве носителя такого наследия, сюда относятся исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, а также знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [1].

Исходя из положений «Конвенции» предполагается охранять и сохранять на государственном уровне, определенные специалистами и общепринятые различные элементы нематериального мирового достояния. Таким образом, возникает потребность в составлении полного перечня такого культурного наследия повсеместно, и в особенности находящегося под угрозой сохранения любого характера.

Подобными мерами отчасти уже сейчас занимаются специалисты, включились в этот процесс и некоторые музеи, но он носит порой стихийный характер, и поэтому требует координации и целенаправленных шагов. В частности, именно музеи и создание музейных центров и комплексов, призванных сохранить истинные культурные ценности помогут в решении этой проблемы, так как по своему роду деятельности занимаются этим, хотя в большей степени полем их деятельности остается материальное культурное наследие. Необходимо обратить особое внимание на сбор и сохранение лучших образцов литературного, музыкального, танцевального, декоративно-прикладного искусства, сегодня собран огромный археологический и этнографический материал в регионе. По мнению многих ученых первостепенной задачей является сбор этой рассредоточенной информации, перенос ее на электронные носители, и создание единого банка данных.

Меры по защите нематериального наследия, которые проводятся в некоторых регионах Западной Сибири, в частности в Кузбассе по отношению к коренным малочисленным народам очень своевременны, но требуют системности, координации и большей интенсивности. В Кузбассе, где проживают многочисленные коренные народы, эта тема весьма актуальна. Для коренных народов особо почитаемы священные

места захоронений, старых поселений, территории, связанные с какими-то этническими традициями. В таких исторических священных местах, они поклоняются духам местности, совершая свои традиционные обряды.

Вследствие чего выделяются локальные места их кочевок и стоянок, промысловые угодья, запретные священные зоны, в которых сохраняется или восстанавливается первозданное этно-традиционное многообразие. Остро встает вопрос о составлении полного реестра таких священных мест на локальной, отдельно взятой территории Кузбасса, а также карт и возможно «Красной Книги» с фиксацией в ней исчезающего самобытного культурного наследия коренных народов. В связи с этим своевременные меры по проведению мониторинга среди местного населения, респондентов. В результате чего, все Священные места будут внесены в реестр, занесены в «Красную книгу», и получают статус охраняемых территорий. Для решения комплексной задачи, необходимы следующие меры: установление порядка проведения экспертизы объектов нематериального культурного наследия, формирование государственного реестра этих объектов, осуществление повсеместного мониторинга, обеспечение безопасности и пополнение объектов нематериального наследия, утверждение региональных программ, направленных на выявление, развитие и поддержку талантов и дарований, развитие коммуникативного диалога и международного сотрудничества между народами.

Поскольку представители различных направлений в музееведении опираются на уже существующие коммуникативные, концептуальные модели, им не всегда удается прийти к согласованности по этим вопросам. Под «концептуальной моделью» в данном случае понимаются попытки осмысления всего разнообразия функций музея через какое-либо базовое понятие [2].

Наиболее распространенными концептуальными моделями являются:

- музей как коммуникативная система (Д. Камерон);
- музей рассматривается как научно-исследовательское и образовательное учреждение (Й. Бенеш, И. Неуступный);
- музей как специфическое отношение человека к действительности, осуществляемое посредством наделения объектов реального мира «музейным» качеством (З. Странский, А. Грегора);
- музей, может пониматься и как «культурная форма» (Т. П. Калугина), и как механизм культурного наследования (М. С. Каган, З. А. Бонами, В. Ю. Дукельский), как рекреационное учреждение (Д. А. Равикович, К. Хадсон, Ю. Ромедер).

Очевидно, что предлагаемые модели сами по себе, и отдельно друг от друга не могут в полной мере отражать действительность в соотношении музея и его деятельности, как важного фактора, определяющего развитие культуры в целом. В связи с этим многие исследователи отмечают еще недостаточную разработанность теоретических основ в области музейной коммуникации, и отсутствие общей базовой концепции музея как феномена культуры. Развитию теории музейной коммуникации, также препятствует попытка рассматривать музей изолированно от других сфер социально-культурной деятельности, а, музееведческие исследования, в большинстве своем носят эмпирический, констатирующий характер.

Основные принципы «музейной коммуникации» были сформулированы в концепции канадского ученого Дункана Камерона. Музей, он, рассматривает, как систему коммуникации, со специфическими чертами визуального и пространственного характера этого процесса коммуникации [3].

Именно музей с точки зрения коммуникационного подхода, является более мобильным институтом, позволяющим эффективно решать локальные проблемы любой культуры, на теоретическом, и практическом уровнях. Осуществляемый в рамках данного подхода межкультурный диалог затрагивает различные процессы музейной коммуникации протекающие, например, в формировании и сохранности коллекций, построении экспозиции и других. Он дает выход на традиционную проблематику, соответственно, на музейный предмет, профессиональную деятельность, аудиторию, корректирует традиционные представления. Например, в случае музейных коллекций существенным с позиций коммуникационного подхода является не столько их состав, сколько отношение к ним, т. е., типы взаимоотношений в культуре, и между культурами.

Таким образом, смена самой парадигмы историко-культурного развития определяет направление развития тех общественных институтов, которые могут и должны реализовывать актуальные задачи культуры. Если раньше музей «осуществлял отбор и сохранение образцов культуры, воплощающих общественные ценности» и, следовательно «рассматривался как дополнительное средство пополнения знаний» [6]. То, на современном этапе, музей значительно расширил свои рамки, и стал рассматриваться как информационный и коммуникативный центр культурного наследия.

Встреча людей, различных национальностей (этносов) – это встреча культур, которая представлена своими носителями и в силу этого возможно непонимание. «Встреча – особый процесс и акт взаимопонимания и взаимодействия субъектов в глубинном общении, в котором действуют принципы принятия и доминантности» [4].

В широком смысле межкультурное общение – это не просто разговоры «о чужом» в рамках музейного пространства, и не только понимание иноязычных текстов, оно включает в себя личностное развитие субъектов, и оказывает влияние на цели познавательного процесса. Межкультурная коммуникация не должна ограничиваться только изучением чужого языка [5].

Межкультурное познание использует не только язык для осмысления другой культуры, формирования толерантности и способности к преодолению национальных разногласий и конфликтов. Значение теории музейной коммуникации заключается в том, что музей рассматривается как знаковая система для понимания языка в широком смысле, в том, что формируется новая исследовательская позиция, с применением социологических и психологических методов исследования, которые помогут процессу мониторинга быть более мобильным. М. Б. Гнедовский, например, отмечает, что понятие «музейная коммуникация», является, одним из центральных в современной музейной практике на западе, так как позволяет определить социальные задачи музея как системы, обеспечивающей равный и полноценный диалог различных культур. И включает в себя конкретные разработки, направленные на совершенствование форм и методов взаимодействия музея с различной этнической культурой в различных ее проявлениях и разнообразной аудиторией.

На сегодняшний день, Распоряжением Правительства РФ от 8 мая 2009 г. за №631-р утверждены:

- перечень мест традиционного проживания;
- традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации;
- перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации [7].

Хочется надеяться, что эти меры будут носить системный характер, своевременно уточняться и дополняться новыми сведениями, характеризующими специфику культурных традиций того, или иного малочисленного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная конвенция о культурном нематериальном наследии.
2. Бонами, З. А. Музей и проблема трансляции культурно-исторических кодов // Музей и образование. – М., 1989.
3. Там же.
4. Столяров, Б. А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности. – СПб.: Спец. Лит, 1999. – С. 7.
5. Хадсон, К. Влиятельные музеи. – Новосибирск, 2001.
6. Шляхтина, Л. М. Современная методология реализации образовательной функции музея // Важский край: источниковедение, история, культура. – Вельск, 2004. – Вып. 2. – С. 125.
7. Распоряжения Правительства РФ от 8 мая 2009 г. – № 631.

А. М. Кулемзин

КУЛЬТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СРЕДА – ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Если принять за аксиому исходный тезис о том, что наше сознание формируется под воздействием внешних обстоятельств, то мы должны признать, что среда обитания, в которой мы находимся ежедневно, является тем фактором, который формирует нас как личность. Образованный человек, живущий во дворце (заработанном честным трудом) способен на созидание и благородные поступки. Нищий, живущий в хижине, обладает сознанием разрушителя, способен на поступки, унижающие человеческое достоинство. Поэтому каждый из нас стремится жить не на помойке, а во дворце, в комфортных условиях. Если бы было наоборот, то человечество остановилось бы на уровне неандертальца, а потом бы рухнуло в бездну безвозвратного регресса. Отвергнем мифы о Робин Гудах, который, кстати, ничего доброго не создал, а занимался разбоем и грабежами. Попытаемся разобраться в том, что такое историко-культурная среда как фактор, влияющий на формирование сознания, мотивирующего социальное поведение людей.

«Человек как всякое живое природное или естественное тело неразрывно связан с определенной геологической оболочкой нашей планеты – биосферой» [1] писал в свое время В. И. Вернадский. Вся среда обитания, в которой мы живем и развиваемся, как биологический вид со времен возникновения человека разумного состоит из двух частей: естественной среды и искусственной среды (по К. Марксу – второй природы). При этом тенденция такова, что в процессе использования и переработки природного материала (в процессе труда), естественная среда постоянно сокращается, а искусственная среда увеличивается. Следовательно, и усиливается ее влияние на наше сознание. Наступят времена, как предполагал В. И. Вернадский, когда человечество вступит в новую эпоху – ноосферу. Но это будет когда-то. А сейчас мы активно перерабатываем природный продукт и создаем себе за счет этого комфортные условия. При этом искусственно созданная среда обитания фиксирует в себе этапы нашего продвижения по пути познания законов природы и самосовершенствования. Это и есть материальная часть нашей культуры. Всю материальную часть культуры мы можем также разделить на две части: предметы утилитарного назначения и предметы, составляющие историко-культурное наследие. В свою очередь и это наследие подразделяется на две части: музейный фонд и недвижимые памятники истории и культуры (или просто «памятники»).

В чем ценность памятников истории и культуры, почему их надо сохранять и восстанавливать (но лучше всего не разрушать). На этот вопрос можно ответить словами известного памятниковеда В. П. Боярского: «Своеобразную организованность» биосферы в ее историческом развитии во многом раскрывают именно памятники истории и культуры, несущие в себе уникальную историческую информацию о взаимодействии человека и природы» [2].

Что такое памятник и какую роль он играет в историко-культурной среде?

Признаки памятника:

- 1) Материальность. Памятник – это, прежде всего, материальный объект, находящийся в агрегатном состоянии твердого тела. Это то, что мы считаем предметом, вещью.
- 2) Антропогенность. Памятник – это та часть предметного материального мира, которая создана людьми. Памятники – это результат деятельности человека. В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть мысль А. И. Мартынова о том, что объекты культуры не могут создаваться природой. Культура – явление социальное и она присуща только человеку [3]. Это в полной мере относится и к истории как социальному явлению.
- 3) Недвижимость. По этому признаку та часть объектов материального историко-культурного наследия, которая не помещается (или нецелесообразно помещать) в музей, отличается от предметов движимого музейного фонда.

Свойства памятника:

1 – Свойство сенсорного воздействия. По причине своей материальности и предметности памятники обладают свойством воздействия на органы ощущений (рецепторы) и вызывать раздражение нервных окончаний (т.н. «психофизический аргумент»).

Это является отправным моментом во всем последующем взаимодействии человека (общества) с памятником. Психофизический аргумент является одной из важнейших форм познания в процессе получения информации о внешнем мире, первой ступенью познания – эмпирическим познанием. Свойство памятников воздействовать на сенсорику является исходным, фундаментальным, без которого не может быть познание памятника и все дальнейшие взаимоотношения с ним.

2 – Свойство быть источником информации. Одним из главных свойств памятников является способность сохранять и передавать аутентичную историко-культурную информацию о прошлом. Являясь результатом деятельности человека, памятники несут на себе следы его преобразующего воздействия, в результате чего природный предмет становится продуктом человеческой деятельности. «Как всякое другое создание материальной культуры, памятник несет в себе информацию о создателе, его современниках, об их социально-политических, этических и эстетических идеалах» [4]. При этом надо отметить, что информация, исходящая от памятника является аутентичной, т. е. прямой, подлинной, объективной.

Информация, содержащаяся в памятниках, бывает следующих видов: историческая, эстетическая, технологическая. Для того, чтобы сохранить как можно больше объективной информации о своем историческом, эстетическом и технологическом прошлом, т. е. чтобы источники о прошлом представляли возможно полный, непрерывный ряд первоисточников, необходимо сохранить как можно больше памятников.

3 – Свойство эмоционального воздействия. Человеку, как и любому животному, свойственно эмоционально реагировать на необычные внешние объекты. Поэтому памятники истории и культуры обладают способностью вызывать психические переживания, воздействуя на органы чувств и сознание человека. При восприятии историко-культурной среды на уровне эмпирических ощущений человеком руководят подсознательные поведенческие программы в виде инстинктов и рефлексов. Памятники, являющиеся неординарными объектами внешней среды, становятся источниками высокого эмоционального восприятия.

В отличие от прочих объектов внешней среды памятник является носителем информации о социально-культурных ценностях, влияющих на формирование социального сознания личности. Поэтому памятник является фактором пробуждения духовных переживаний и формирования социальной памяти.

Социальные функции памятников. Общество, создающие объекты утилитарного или культурного назначения, само определяет функции того, что оно сочтет нужным отнести к памятникам истории и культуры. При этом, идеологические и аксеологические ориентиры общества постоянно меняются. Вместе с этим меняются и социальные функции памятников.

Тем не менее, в независимости от желания людей объекты, возникшие в прошлом, оказывают определенное воздействие на людей и тем самым по нашей воле или без неё выполняют определенные социальные функции. Естественно, что более эффективно это происходит при целенаправленном использовании памятников. Поэтому вопрос об использовании памятников является главным во всей памятникоохранительной деятельности.

1. Гносеологическая (познавательная) функция. Это использование памятников с целью получения объективной информации об исторических и культурных событиях и явлениях, т. е. познание памятников является одновременно и познанием реальности, их создавшей. Изучение памятников не является самоцелью, а способствует более глубокому проникновению в сущность прошлого. Детальное познание исторического процесса и связи его с настоящей реальностью чрезвычайно важно, ибо историческое сознание составляет основу мировоззрения человека, а в конечном итоге определяет его социальное поведение и умение прогнозировать будущее.

Как одна из разновидностей гносеологической функции выделяется образовательная функция памятников.

Памятники способны выполнять гносеологическую функцию в результате того, что они обладают свойством хранить и передавать информацию и таким образом служить более глубокому познанию прошлого.

2. Воспитательная функция. Это использование обществом памятников с целью воздействия на исторические знания, художественный вкус и тем самым влиять на формирование мировоззрения и социального сознания людей.

Эту роль памятники способны выполнять в результате того, что они являются источниками информации и обладают гносеологической функцией. Известно, что социальное сознание личности определяется той информацией, теми знаниями, которыми обладают люди. «Историческое сознание – это способ организации социального опыта, накопленного предыдущими поколениями» [5].

Культура и наука в демократическом обществе должна быть использована не в целях политико-идеологической пропаганды, а по своему единственному и прямому назначению. Действующим законодательством на историко-культурное наследие возложена функция – служить целям развития науки и культуры, образования [6]. Однако в памятники до сих пор вопреки законодательству все еще продолжают использоваться в целях политико-идеологического воспитания.

В обществах, разделенных на классы, нации, религиозные конфессии, политические партии исторические знания приобретают идеологический характер. Поэтому вопрос о целесообразности сохранения тех или иных памятников и их использования приобретает значение государственной важности, ибо информация, заключенная в памятниках, зачастую рисует иную историческую картину, нежели та, которая начертана в учебниках, средствах массовой информации, художественных произведениях, изображена в скульптурах на постаментах.

Борьба за историческое сознание больших масс людей с помощью памятников является борьбой прогрессивной общественности с официальной государственной идеологией. Тенденция в данной борьбе такова, что все больше и больше стран и народов становятся на демократический путь развития, освобождая сознание людей от идеологических догм. В таких странах сохранению подлинного историко-культурного наследия уделяется больше внимания и средств для восстановления. Полноценное сохранение памятников возможно лишь в условиях демократии, гражданского общества и общественного согласия.

3. Воспитательная функция – это наиболее значимая функция памятников истории и культуры, в результате реализации которой общество получает главный результат – мировоззрение своих граждан. И от того, насколько объективные знания будут донесены от памятников людям, зависит их социальное поведение.

Известный исследователь памятниковедческих проблем Э. А. Шулепова считает, что вопрос о том «что сохранять, не вправе решать ни с классовых, ни с прагматических, ни с эстетических или каких-либо иных преходящих, групповых позиций. Сохранять нужно все, т. е. наследие в целом как интеграционный компонент памяти поколений» [7].

4. Коммуникативная функция. Посредством памятников осуществляются определенные связи в обществе. Своеобразие этих связей заключается в том, что они осуществляются не путем передачи содержания информации, а путем восприятия знаковой формы памятника, символизирующей определенные идеи, понятия. Многие творения людей, пережив свою эпоху, продолжают жить в новых условиях, наполнившись новым смыслом, осуществляя тем самым связь поколений и выражая взгляды современников на прошлое. Эти символы могут обозначать территорию, эпоху, идею, нравственную категорию. Например, египетские пирамиды, Афинский акрополь, великая Китайская стена, Эйфелева башня, Храм Христа-Спасителя и др. означают для современных людей совершенно не то, что для своих создателей. С помощью коммуникативной функции посредством знаковой формы осуществляется объединение людей по интересам, по приверженности к идеям.

Наибольшей возможностью в этом отношении обладают символические памятники, так как они более выразительны, чем подлинники. Одной из важнейших функций, которую выполняют символические памятники, является организация общественного сознания и регуляция общественного поведения. С этой целью устанавливаются специально создаваемые монументально-изобразительные памятники в честь какого-либо лица, события или идеи. Эта форма деятельности получила в нашей стране название «монументальная пропаганда». С помощью монументальной пропаганды и особой заботы об идеологически значимых памятниках-подлинниках культивируются и закрепляются в общественном сознании избранные идеи. Коммуникативная функция памятников широко используется различными социальными слоями в идейной борьбе для решения своих политических задач. Коммуникативная функция является как бы соподчиненной воспитательной функции в идеологическом ее выражении.

Таким образом, мы констатируем, что историко-культурная среда, наполненная историческими объектами утилитарного назначения, историческими и культурными памятниками-подлинниками и памятниками-символами (средствами монументальной пропаганды), оказывают активное воздействие на эмоции, знания, сознание людей, что влияет на их мировоззрение и общественное поведение. От того, сколько и какие памятники мы сохраним, какую информацию они до нас донесут, будет зависеть состояние нашего сегодняшнего и завтрашнего общества.

Если люди будут воспитаны на правдивых, подлинных, объективных истинных знаниях о своем прошлом, то они быстрее освободятся от идеологических заблуждений

и предвзятостей, адекватнее оценят настоящее и правильное спрогнозируют будущее. Если же общество будет пользоваться ложными знаниями, необъективной информацией, то оно по-прежнему будет плутать в исторических лабиринтах, ища причины своих неудач в мифических врагах и истязать себя в бесконечных конфликтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский, В. И. Размышление натуралиста. – М., 1977. – С. 14.
2. Боярский, В. П. Теоретические основы памятниковедения // Памятниковедение. Теория, методология, практика: сб. науч. тр. НИИ культуры. – М., 1986. – С. 22.
3. Мартынов, А. И.. Культурогенез: учеб. пособие. – М., Высш. шк., 2008. – С. 17.
4. Азизян, Н. Мемориал: функция, концепция, композиция // Декоративное искусство СССР. – 1972. – № 3. – С. 10.
5. Дегтярев, С. И. Историческое сознание как фактор естественно-научного познания // Проблемы культуры и общественного сознания. – Барнаул, 1992. – С. 82.
6. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников (1991–1996). – М., 1998 .
7. Шулепова, Э. А. Наследие как интеграционный компонент памяти поколений // От краеведения к культурологии: Российскому институту культурологии – 70 лет. – М., 2002. – С. 158.

*Н. Т. Ултургашева, И. Г. Ултургашева,
Ю. И. Ташкенова*

ДУХОВНЫЙ МИР И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КОРЕННЫХ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Всестороннее изучение духовной культуры и экологических традиций обусловлено необходимостью выявления всего рационального и полезного в культурно-историческом наследии каждого народа для преодоления потребительских стереотипов в отношениях человека с природой, вызывающих острейшие экологические кризисы в современном мире. В связи с этим исключительно важное значение приобретает анализ исторического опыта народов Сибири, выработавших своеобразные методы регуляции взаимоотношений человека и природы, общества и природы, человека и общества.

С точки зрения экологии каждая этническая культура экологична, ибо она сформировалась во взаимодействии человека с определенной природно-ландшафтной средой путем адаптации к ней. Адаптация предполагает соизмерение воздействий на природу с ее возможностями, превышение которых и есть переход грани экологичности. Поэтому экологическая культура народа есть олицетворение его традиционной культуры [1].

Экологическая культура коренных тюрко-язычных народов Сибири – алтайцев, телеутов, тувинцев, хакасов, шорцев проявлялась в почитании родной земли: гор, лесов, степей, рек. Они, например, считали за грех рубить в лесу деревья, чтобы развести огонь, – для этой цели предпочитали собирать сушняк. Охотники не убивали дичи больше, чем было нужно для пропитания или уплаты ясака. Общество, благосостояние которого всецело зависит от Природы, всегда внимательно относится к ее сохранению. Но экологическая культура – это не только разумное природопользование. Это еще и сильное ощущение обществом своей соприродности. Ведь Природа еще не мыслилась чем-то внешним по отношению к человеку, грядущий разлад только-только намечался.

В традиционных обществах коренных народов Сибири осознавалась необходимость иного отношения к окружающему миру – сочувствия любому его проявлению, жизни в унисон с Природой. Эвристическая ценность подобной модели мира вряд ли может оспариваться. С точки зрения носителей традиции, в мире не может быть неразрешимых проблем, этот мир заведомо объясним [2].

Издавна почитались у тюрков Сибири источники-аржаны, часто с незамерзающей, минерализованной водой, обладающей целебными свойствами. Расположенные в укромных местах, источники нередко привлекали людей своим «обликом». Это могла быть гладко отполированная водой «чаша» весьма внушительных размеров. В Монгольском Алтае ламы еще в XIX веке устанавливали настоящие лечебницы на горячих источниках.

Интереснейшие сведения о почитании аржанов собраны В. П. Дьяконовой в небольшом селе Язула Улаганского района Республики Алтай, куда добираться можно либо вертолетом, либо по верховой тропе. Отправляясь к аржану, люди заранее готовили пищу: лепешки из пресного теста, обжаренный и растертый ячмень, сливки, чай. В целом поездка на аржан и правила поведения людей – это пребывание в гостях, на чужой территории. Женщины оставляли дома серьги и кольца. Чай и мясо на источниках варили без соли. Люди как бы стремились убрать максимум тех знаков, что обозначали их принадлежность к среднему миру. На месте располагались чуть в стороне от источника, все вещи ставили не на землю, а на чистые подстилки. Пили чай и молоко. Глава семьи из деревянной ложки кропил на огонь и брызгал в сторону аржана. Наконец, после молитвы люди умывались водой из источника, а уходя, бросали в воду серебряные монетки и кланялись. Здесь же к деревьям, что растут вокруг источника, привязывали ленточки ткани **ялама** белого, красного, синего цветов [3].

Как подчеркивает тувинский исследователь Кужугет А. К., в традиционной культуре тувинцев освящению объектов окружающей природы уделялось большое внимание. Безбедная жизнь в будущем, по представлениям тувинцев, обеспечивалась обращением к духам, жертвоприношением. Освящались, т. е. делались святыми родовые горы – **даг дагыры**, небо – **дээр дагыры**. Освящали явления водной стихии: исток реки – **суг бажы**, озера – **хол бажы**. Особенно боготворили и ежегодно освящали домашний очаг – **от дагыры**. Все коллективные моления были тесно связаны с традиционной деятельностью тувинцев. Жизнь кочевника-скотовода так же, как и земледельца, зависела от природных условий. Ритм жизни человека и всего общества соче-

тался с ритмом природы. Человек и природа были одним целым, человек ощущал себя частью природы. Древние тюрки, совершая обряды освящения мест, как бы приближали объекты природы к себе, своему жилищу, отделяя от чужого пространства [4].

Несмотря на различие освящаемых объектов, порядок проведения обрядов был общим для всех древних культов. Выделяются следующие основные части:

1. Шествие мужской половины рода (женщины не допускались) от аала-селения к обрядовой площадке. Подготовка обрядового пространства к совершению таинства. Ожидание начала действия.

2. Прямое обращение старейшины от имени всех членов рода к духам с просьбой о благополучии. Ритуальные действия – троекратный обход вокруг жертвенника и поклоны в четыре стороны света.

3. Возвращение в долину, где начинались спортивные состязания и пиршество.

Все обряды освящения проводились на горе, возвышенности [5].

На Алтае нет просто гор – каждая имеет имя, свой характер, за многими тянутся шлейфы легенд и поверий. Вершина одной часто закрывается облаками, другая неприступна к пришельцам и встречает их крутыми склонами и камнепадами, силуэт третьей напоминает голову богатыря в шлеме, с вершины четвертой в ветреную погоду слышится завывание. Ни одна из этих примет не остается без внимания и, если гора явно выделяется среди окружающих вершин, она может попасть в разряд **ыйык-ту** «священных».

Чем же была священная гора для членов рода? Очевиден факт, что в сознании людей постоянно взаимодействуют два начала: рациональное и мифологическое. Они нераздельны, и потому не стоит преувеличивать рационализм нашего обыденного сознания – и здесь за фасадом деловитости, прагматизма все та же игра сознания, не приемлющего оков однозначной и потому истинной скучной истины. Рациональное начало убеждает, что гора суть лишь нагромождение земли, скал и камней. Но отчего вершина тянется к небесам, – вопрошает начало мифологическое, – не потому ли, что это дорога в небо?

Еще более явна роль горы в шаманизме хакасов. Хакасский этнограф В. Я. Бутанаев опубликовал текст шаманского камлания по поводу бесплодия женщины. Шаман совершает путешествие за душой будущего новорожденного. Как следует из текста, он отправляется к горе Ымай-тасхыл. Название горы есть имя женского божества Ымай (Умай), о котором мы уже упоминали. Покровительница деторождения, богиня-мать Умай, вероятно, почиталась как представитель самых могущественных сил Природы. Ее имя означает «материнское лоно». Итак, шаман прибывает к горе богини-матери. Там, в глубине горы, висят колыбели с душами будущих детей. Из пещеры шаман перемещает душу в жилище и внедряет ее в организм будущей матери (та выпивает чашку молока, в котором плавает душа).

С горой – реальной или мифической – людей связывали незримые, но крепкие узы. Много раз людям приходилось сниматься с обжитых мест, оставлять погасшие очаги и могилы предков. Одних уводили силой, другие, спасаясь от нашествий, уходили в леса. Покидая родные кочевья, люди оставляли и свои священные горы. Порой их

новое пристанище оказывалось в сотнях километров от древней Родины. Но оставалась память о земле предков и той горе, что оберегала, помогала, дарила жизнь [6].

Иногда высказывается мнение, что поскольку в термине «экология» содержится составная часть «логия», т. е. «логос» – «знание», «учение», а в современном понимании – «наука», которой в традиционных культурах не было, то правильнее говорить об «отношении к природной среде в традиционных культурах», но нельзя говорить об «экологической культуре» или «экологической традиции» в полном смысле этих терминов. В этом утверждении правильным является, видимо, лишь то, что в традиционных культурах не было экологии как науки в современном смысле. Тем не менее, в каждой культуре прошлого, безусловно, существовал определенный пласт (или сфера, область человеческой деятельности), который так или иначе был связан с регуляцией процессов взаимодействия человека с природой, с «культуризацией» отношений «человек – природа».

Совершенно очевидно, что в таком своеобразном культурно-историческом регионе как Сибирь, в прошлом существовал свой особый, специфический тип отношения человека к природной среде, т. е. своеобразная экологическая культура. Ее характерные черты были детерминированы особенностями исторического развития этого региона, его природно-географических условий, традиционных для его обитателей методов ведения хозяйства и т. д. Сложившись на основе этнических, конфессиональных и социокультурных традиций тех народов, которые на различных этапах исторического развития внесли свой вклад в формирование общности, этот тип отношения человека к природе, конечно, не представлял собой чего-то раз и навсегда заданного и универсального для всех ареалов огромного региона [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии / отв. ред., к.и.н. Н. В. Абаев. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 3.
2. Сагалаев, А. М. Алтай в зеркале мифа / отв. ред. М. В. Шуньков. – Новосибирск: Наука. – 1992. – С. 68.
3. Сагалаев, А. М. Там же. – С. 85.
4. Кужугет, А. К. Тувинский летний праздник оваа дагыыры / ученые записки ТИГИ. – Вып. XIX. – Кызыл, 2002. – С. 67–69.
5. Кужугет, А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация [Текст] / А. К. Кужугет. – Кемерово: КемГУКИ, 2006. – С. 90.
6. Сагалаев, А. М. Алтай в зеркале мифа / отв. ред. М. В. Шуньков. – Новосибирск: Наука. – 1992. – С. 70, 76.
7. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии / отв. ред., к.и.н. Н. В. Абаев. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 9–10.

Е. Ю. Гениева

САДЫ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы

им. М. И. Рудомино

г. Москва

Максимилиан Волошин остался в нашей памяти как поэт, переводчик, художник, эссеист, искусствовед, мыслитель. Натуры, щедро наделенные талантами, встречаются редко. Но еще реже встречаются люди, обладающие помимо природных способностей, еще и особенным душевным складом, ценность которого не менее значима, чем плоды их художественного и интеллектуального творчества.

Именно таков случай Волошина – он притягателен той духовной позицией, которая нечасто в реальной жизни – вчерашней, сегодняшней, да и будущей, – ибо эта позиция не ищет похвал и наград, служит не партиям и правительствам, не «нашим» или «вашим». Она руководствуется немодным во все века понятием **совесть**, и подозрительным понятием **свобода**, причем не только на словах, но и в практической жизни. Такой выбор личности редко разделяют окружающие. Чаще всего он становится путем на Голгофу, но только он способен превратить слепой фатум в свободный выбор.

Именно такая судьба была уготована Максимилиану Волошину, но на ее примере мы можем проследить и более общее явление – крестный путь истинной российской интеллигенции, к которой он, несомненно, принадлежал и идеалам которой, в отличие от многих, остался верен до конца.

* * *

В минувшем – XX веке, проблема интеллигенции была одной из самых востребованных тем общественных дискуссий. Только самый равнодушный не писал об интеллигенции, только отчаянный циник ее не прославлял, и только ленивый не ругал. Чем же объяснялся этот интерес?

Вопреки распространенному мнению, интеллигенция не является чисто русским феноменом. Интеллигенция – это феномен общественного сознания, характерный для западной цивилизации в целом, и ее истоком является эпоха Просвещения, когда, под влиянием развития светских функций европейских государств, духовная монополия церкви была потеснена мирской культурой, в основе которой лежал рационализм. В результате выделился целый социальный класс, обслуживающий новые функции – его представителей стали называть клерками, белыми воротничками, а впоследствии – интеллигенцией.

Задачами этого социального слоя было обеспечение в обществе всех тех профессий, которые опирались на специализированное образование, связанное с гумани-

тарными нуждами – школьным и университетским образованием, медициной, гуманитарной наукой, а также так называемыми свободными профессиями – художественным творчеством, писательством, журналистикой. Со временем к гуманитарной специфике добавилась специализация, обеспечивающая технический прогресс – инженеры, естествоиспытатели. В наше время этот слой дополнился специалистами в области электроники и вычислительной техники, в области фундаментальной и прикладной науки. Всех этих людей зачастую и называют интеллигенцией.

Однако такое толкование является очень широким, обозначая, по сути, все профессии, использующие умственный труд, и мы понимаем, что это не совсем то, что мы имеем в виду, когда говорим об интеллигенции.

Так что же такое интеллигенция?

Если вернуться к истокам, когда понятие возникало, то мы обратим внимание, что уже в термине «клерк» (т. е. клирик) содержится указание на существенную черту, которая определяла миссию нового социального слоя. Клерк, являясь светским аналогом клирика, принимал у него эстафету нравственного отношения к жизни, на него возлагалась задача не простого «пролетария умственного труда», но задача поддержки в обществе некоторых духовных ценностей, хотя и являвшихся мирскими, но не бездуховными. Ценности эти можно определить как общечеловеческие, те, которые не отдаляют, но соединяют между собой различные группы людей, давая им возможность существовать не в пустом обезличенном или техногенном пространстве, а в человеческом, нравственном мире.

В противовес этой миссии в рамках «широкой» интеллигенции выделился иной слой, называющий себя *интеллектуалами*, которые попросту зарабатывали на хлеб насущный пером, скальпелем, «мозгами», продавая их как товар любому, кто испытывал надобность в продуктах интеллектуальной деятельности, не заботясь о том, кто является заказчиком, в какие руки этот товар попадет и как будет использован. Именно интеллектуалы являются в настоящее время превалирующим слоем работников умственного труда, тогда как доля интеллигенции неуклонно сокращается.

Отчего это происходит?

Один из ответов – современное общество уже не испытывает надобности в «совестливом гуманизме», который на нравственной основе формирует общественное сознание, как то было в конце XIX и в XX веке, когда, к примеру, крупнейшие европейские писатели являлись истинными «властителями дум», неформальный авторитет которых был очень высок. (Вспомним в связи с этим широчайший резонанс «толстовства» в России или «дела Дрейфуса» в Западной Европе, инициированное Эмилем Золя, или же знаменитый «поворот рек», остановленный российскими шестидесятниками). Время таких людей ушло, утверждают некоторые, поэтому место единственных «блюстителей совести» возвращается к возрожденным религиозным конфессиям, а сфера «социальной справедливости» более или менее успешно регулируется институтами гражданского общества.

Другой ответ – сама интеллигенция перестала соответствовать высоким нравственным критериям, «предала» интересы независимого и объективного служения общественным нуждам, заменив их служением партиям, власти, «денежным мешкам» –

т. е. *интересам* различных групп. А, сделав это, она своими руками уничтожила саму себя как инстанцию «суда совести». Примеров такого «предательства» также немало. Вспомним Союз писателей в советскую эпоху, отдавшийся власти за квартиры, дачи и привилегии. Вспомним доносы друг на друга, процветавшие в рядах красной профессуры. Вспомним болтовню на кухнях, выпускавшую пар впустую, и трусливые подписи на коллективных письмах, осуждавшие действия тех, кто предпочитал активное сопротивление несправедливости, – энергия таких интеллигентов «куда-то растворилась, им легче заниматься просветительской уравниловкой, чем идти вперед, в неисследованные высоты. Они не хотят брать на себя ответственности сказать что-то свое, новое, построить что-то, они лгут самим себе, изворачиваются...»¹.

Именно эти факты малодушия и соглашательства интеллигенции, ложно понятого и невнятного «служения народу» вместо активной защиты каждой личности, а также немалое самопрославление и высокая оценка собственных заслуг уже со времен «Вех» обрушили на интеллигенцию мощные потоки критики. «В своем отношении к народу, служение которому своею задачей ставит интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями – народопоклонничества и духовного аристократизма»², – пишет С. Н. Булгаков. И уточняет: «Наша интеллигенция, поголовно почти стремящаяся к коллективизму, к возможной соборности человеческого существования, по своему укладу представляет собой нечто антисоборное, антиколлективистическое, ибо несет в себе разъединяющее начало героического самоутверждения. Герой есть до некоторой степени сверхчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя, и при всем своем стремлении к демократизму интеллигенция есть лишь особая разновидность сословного аристократизма, надменно противопоставляющая себя обывателям»³. «Жизнь русского интеллигента – личная, семейная, общественная – безобразна и непоследовательна, а сознание лишено существенности и силы» – вторит ему М. О. Гершензон⁴.

«Виновницей всех несчастий страны за всю историю Советской власти»⁵ называет интеллигенцию Владимир Кормер (1939–1986), сам принадлежавший к российской интеллигенции, знавший эту среду изнутри, вынужденный публиковать свои произведения за границей и не доживший лишь года до той поры, когда они смогли появиться на родине, книга которого, однако, стала притчей во языцех среди шестидесятников, почувствовавших себя глубоко оскорбленными. А недавно Виталий Третьяков, создатель «Независимой газеты» в начале перестройки, а ныне один из самых известных ведущих интеллектуальных программ центрального телевидения, позволил себе высказаться в том роде, что, будь его воля, он бы выслал всех интеллигентов за границу, ибо именно они и не дают построить в нынешней России сильное и процветающее государство.

¹ Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура. – М.: Традиция, 1997. – С. 236.

² Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 64.

³ Там же. – С. 47.

⁴ Гершензон О. М. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. – С. 74.

⁵ Кормер В. Цит. соч. – С. 225.

Мы помним, что подобные решения не новы в истории России. Одно из них относится к 20-м годам – это знаменитый «философский пароход» Ленина, который лишил страну поистине лучших умов. Помним и последствия этого изгнания для России. Нелишне припомнить в этой связи и советский ГУЛАГ, который вполне можно назвать Холокостом российской интеллигенции.

* * *

Впрочем, надо понимать, что критика интеллигенции возможна с двух точек зрения.

Интеллигенцию, по определению, должны ругать все те, кому она мешает устанавливать «правила игры в одни ворота», утверждать единственно возможную истину, игнорирующую многообразие точек зрения в обществе.

И интеллигенцию можно и должно критиковать за забвение своей миссии, призывающей активно противостоять несправедливости, учитывать многообразие взглядов на мир, жертвовать собой ради других, утверждать общечеловеческие, а не партикулярные ценности.

В статье «О русской интеллигенции» Д. С. Лихачев скупно, но очень точно сформулировал кредо «истинного» интеллигента: «внутренняя свобода» и «умственная нравственность», «свобода, как нравственная категория». «Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести – это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни»⁶. И еще: «Интеллигентность <...> – это прежде всего независимость мысли <...> А независимость эта должна быть от всего того, что ее ограничивает, будь то <...> партийность, деспотически властвующая над поведением человека и его совестью, экономические и карьерные соображения и даже интересы специальности, если они выходят за пределы допустимого совестью»⁷.

Одним из таких интеллигентов и был Максимилиан Волошин.

* * *

«Зримая судьба» Волошина, благодаря усилиям многих исследователей (В. В. Базанова, В. П. Купченко, А. В. Лаврова, Э. С. Менделевича, В. Андреева и др.), теперь хорошо известна.

Он родился в 1877 году в Киеве. В детские годы семья все время переезжала – сначала в Таганрог, затем в Севастополь, Москву, и, наконец, в 1893 году осела в Коктебеле, небольшом поселке вблизи Феодосии, который стал для Максимилиана истинным домом на всю оставшуюся жизнь. В Крыму он написал свои первые стихи, здесь провел самые лучшие и творческие годы жизни, здесь же упокоен и его прах.

В 1899 году Волошин поступает в Московский университет, и тут же оставляет его ради путешествий – сначала в Италию, Швейцарию, Францию, Германию, а годом

⁶ Лихачев Д. С. О русской интеллигенции // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. – СПб.: АРС, 2006. – С. 382, 383.

⁷ Там же. – С. 384.

позже – в Среднюю Азию с инженерной экспедицией по строительству Оренбургско-Ташкентской железной дороги. С 1901 – Париж, где он сводит знакомство с едва ли не всеми известными писателями, художниками, мыслителями Европы, занимается живописью и поэзией. Затем – пешее путешествие по Испании, краткие набеги в Москву и Петербург, где происходит знакомство с поэтами-символистами из окружения Вяч. Иванова, и художниками из «Мира искусства». Затем – скоротечный брак с Маргаритой Сабашниковой, оставивший по себе горькое недоумение, знакомство с теософией, работа российским корреспондентом во Франции, первые сборники стихов, переводы французских поэтов, статьи по искусству...

Первая мировая война застает его в Швейцарии на строительстве антропософского храма Гетеанум, где «работа бок о бок с представителями всех враждующих наций, в нескольких километрах от поля первых битв <...>, была прекрасной и трудной школой человеческого и внеполитического отношения к войне»⁸. Немудрено, что Волошин сразу же заявляет себя ярким пацифистом. «Тот, кто убежден, что быть убитым лучше, чем убивать <...> не может быть солдатом»⁹, – пишет он, отказываясь от военной службы, на которую его призывают.

Не большой энтузиазм вызывает у Волошина и февральская революция 1917 года. В этом событии он видит лишь «шпионаж, цензуру, проскрипции, доносы и террор»¹⁰. Годы гражданской войны, да и все последующие он почти безвыездно проводит в Крыму, попеременно спасая белых от красных, и красных от белых, поминутно подвергаясь риску быть арестованным и теми и другими. Победившая советская власть налагает запрет на издание его сочинений, лишая автора единственно возможного способа поддержать существование. С тех пор он живет в постоянной нужде, пишет в стол, и при этом осознанно занимается... благотворительностью: «Все, что я произвожу, я раздаю безвозмездно. Свой дом я превратил в приют для писателей и художников, а в литературе и в живописи это происходит само собой, потому что все равно никто никому не платит»¹¹.

Под конец жизни Волошин составляет завещание, но не распоряжаясь доходами, а лишь мечтая о публикации того, что было создано:

«Вот в каком порядке мои стихи должны быть изданы:

Две книги лирики:

Годы странствий (1900–1910)

SELVA OSCURA (1910–1914)

Книга о войне и революции:

Неопалимая купина (1914–1924).

Путями Каина.

Из французских поэтов мною переводились: Анри де Ренье, Верхарн, Вилье де Лиль Адан «Аксель», Поль Клодель («Отдых седьмого дня», ода «Музы»), Поль де Сен-Виктор («Боги и люди»).

⁸ Волошин М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 206.

⁹ Цит. по: Волошин М. А. «Я охранял всеединство любви...». – Симферополь, 2005. – С. 35.

¹⁰ Волошин М. А. Все даты бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 16.

¹¹ Там же. – С. 208.

Из критических моих статей под названием «Лики творчества» вышел только первый том о Франции в издательстве «Аполлона» (СПб., 1912). Остальные же, посвященные театру, живописи, русской литературе и Парижу, – 4 тома, остались неизданными»¹².

Его воля исполнилось только спустя много лет. В 1962 году в период «оттепели» практически первую энциклопедическую статью о Волошине в «Краткой литературной энциклопедии» напишет Андрей Синявский (который вскоре, как мы помним, был осужден и выслан), в начале 70-х некоторые его переводы публикует в знаменитом сборнике «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX веков» Ефим Григорьевич Эткинд (и по странной игре судьбы он также был вынужден вскоре покинуть родину и обосновался во Франции). А целиком сборники стихов издаются не ранее конца 80-х гг. Итого – 15 лет полного забвения при жизни и почти еще 60 лет после смерти. Срок, достаточный, чтобы стереть культурную память по меньшей мере у двух поколений.

Почему же такое произошло со столь незлобивым, честным и открытым человеком? Вероятно, именно потому, что в нем все эти качества существовали в органичном, беспримесном и бескомпромиссном состоянии, не позволявшем изменить себе ни в одну из минут испытаний и искушений жизни. Такую цельность и постоянство не прощают.

Так все же почему?

Попробуем ответить на этот вопрос, реконструируя незримую судьбу Максимилиана Волошина, его интеллектуальный и психологический портрет, опираясь на его собственные высказывания, дневниковые записи и воспоминания современников.

* * *

Волошин, действительно, был одарен от природы, и прежде всего – неистощимой любознательностью, интересом к людям, фактам жизни, культурным феноменам.

Эта жажда впечатлений еще в гимназии стала мешать обучению, как мы сказали бы теперь, в рамках заданных образовательных стандартов. В своих дневниковых записях Волошин признается, что школьная программа казалась ему насилием над интеллектом, не допуская отвлекаться от указанных рамок заданий, следовать свободному полету фантазии. Поэтому задумчивый и впечатлительный юноша, несмотря на неординарные способности, имел самые низшие баллы почти по всем предметам. Нелюбовь к образовательной системе, как кажется, послужила причиной того, что он почти сразу же оставил и юридический факультет Московского университета, на который, продолжая семейную традицию, поступил по настоянию матери.

Настоящей же школой для него были «собственные университеты», избранные по душе и по призванию – самообразование, путешествия по странам, самостоятельные штудии трактатов по теории и истории искусств в крупнейших библиотеках Европы, курсы вольных слушателей, которые он посещал, но, прежде всего, – жадное чтение в течение всей жизни, которому он предавался во всех обстоятельствах жизни с пылом

¹² Волошин М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 209.

неофита и пристрастием гурмана. В результате он стал одним из образованнейших людей своего времени, истинным эрудитом, выделявшимся познаниями даже среди утонченных книжечеев «серебряного века».

Его корбила небрежная невежественность Мандельштама, надеявшегося на то, что некультурная публика «и так все съест». Он стремился пробуждать интерес к знаниям в каждом, кто был готов его слушать, читал лекции по самым разнообразным темам разной аудитории – от завсегдатаев художественных салонов до необразованных солдат красной армии, набранных из крестьян.

Характерным для Волошина было и отношение к знаниям: он всячески избегал навязывания односторонних мнений слушающим, стремился не доказать что-то, но пробудить интеллект, вызвать дискуссию. Любимым его занятием было не излагать, но спорить, не наставлять, но обсуждать. Этим он как бы утверждал право – и свое и оппонентов, – на свободу мысли, на самые противоречивые и парадоксальные суждения.

Любовь к парадоксу сочеталась в нем с необычайной любовью к театральным эффектам, розыгрышам, переодеваниям в разные личины, к «игре в маски». Все это как бы подчеркивало иллюзорность, несерьезность всякой односторонней точки зрения на мир, утверждало свободную, незаинтересованную игру фантазии, фонтанирующую небывалым разнообразием поворотов мысли и ситуаций.

В такой свободной игре было много детской непосредственности, которая иногда выходила боком. Одним из примеров может служить знаменитая история с Черубиной де Габриак. Черубина, собственно, была Лиля Дмитриева, знакомая Волошина, писавшая вполне приличные стихи, которые имела неосторожность предложить редактору «Аполлона» изысканному эстету Сергею Маковскому. Стихи невзрачной и хромой Лили, конечно, были отвергнуты. Волошин был заинтересован в ее судьбе и взялся придумать, как бы их опубликовать. Совместно с Дмитриевой им была создана биография вымышленной графини-католички Черубины де Габриак, писавшей изящные стихотворные безделушки в духе модного в ту пору декаданса. Под этим псевдонимом и были посланы Маковскому произведения Лили. Розыгрыш удался вполне: неординарная судьба графини поразила воображение Маковского, который с восторгом напечатал все присланное. Мистификация длилась почти год и кончилась скандалом, когда обманутый редактор все узнал.

Веселая условность столкнулась с серьезностью обиды, искусство – с его односторонним восприятием и неприятием.

Волошина же подобный исход дела отнюдь не обескуражил. В ношении маски он не видел ничего обидного, а главное – для самого него это не могло затронуть основ личности, коль скоро та жила собственной свободой. Так, сам он, совершенно не обращая внимания на мнение о нем окружающих и, потрясая воображение жителей Коктебеля, носил домотканый хитон, подпоясанный веревкой, ходил босым, а буйную свою шевелюру украшал кожаным обручем наподобие кузнецов и мастеровых. Живя в Париже, носил бархатную куртку художника, в Санкт-Петербурге многие помнили его в черном сюртуке и черным шелковым галстуке, модном в дореволюционную пору costume поэтических салонов.

Родиться такой «всеядной» и свободной натуре в немалой степени помогли внешние обстоятельства. С самого детства Волошин был освобожден от многих пут и односторонних ограничений, впитывал разнообразие окружающей жизни и наслаждался им.

Он не был связан узкими рамками одной национальности – отец его происходил из казаков, мать была наполовину немкой. Как во многих смешанных семьях, «национальный вопрос» снимался сам собой. Обосновавшись в Коктебеле, семья попала в естественный «садок» культурного многообразия; здесь издавна сосуществовали греки, итало-германская эмиграция, евреи, цыгане, армяне, татары, караимы, болгары и русские. В таких условиях нетрудно было научиться терпимости, она буквально впитывалась из воздуха. И этот воздух Волошин ценил больше всего на свете. Недаром он считал свою Киммерию самым лучшим местом на земле.

Эта любовь, однако, не помешала ему столь же сильно полюбить и Францию, свою вторую родину, а также попеременно влюбляться во все страны, которые он посещал, и во все культуры, которые жадно впитывал. Это была его мечта об Эдеме – вселенском саде, в котором цвели и смешивали свои ароматы плоды духа и таланта всех культур и всех народов.

Каковы могли быть плоды столь успешного сочетания природных склонностей, естественного окружения и высокого идеализма? Политическая индифферентность, Толерантность, Внутренняя свобода – страшные в ту пору, а, возможно, и по сей день, определения.

Но были ли истинными эти качества или продиктованы данью моде богемной среды рубежа веков? Жизнь очень быстро испытала их на прочность.

Первой была испытана толерантность в самой элементарной своей формуле – «непротивления злу насилием»: Волошин вполне сознательно отказался от службы в армии, хотя знал, чем это может кончиться в военное время: «Я знаю, что совершаю тяжкое и сурово караемое преступление, но я совершаю его в здравом уме и в твердой памяти, готовый принять все его последствия»¹³. Царская армия, по счастливому стечению обстоятельств, обошлась без своего солдата. Но будь то армия Красная, гадать над исходом, скорее всего, не пришлось бы.

Политическая индифферентность, как это ни странно, первое время даже приносила свои положительные плоды. В годы резкой политической поляризации общества в гражданскую войну, благодаря дару общительности Волошину удавалось быть ходатаем перед белыми за красных, и пред красными за белых. А поскольку Крым не единожды переходил из рук в руки, счастливое заступничество срабатывало не раз, спасая жизнь многим. Так, вовремя замолвленное слово уберегло от ареста Вересаева и Мандельштама, способствовало смягчению участи «красного» генерала Маркса. Это было опасное занятие подобно хождению по острию бритвы, хотя в результате все обошлось.

Однако что действительно погубило Волошина, – это верность принципу внутренней свободы, основы основ его личности.

¹³ Волошин М. А. «Я охранял всеединство любви...». – Симферополь, 2005. – С. 36.

Первым случаем «хождения не в ногу», оказалась «Репинская история». «Когда несчастный Абрам Балашов исполосовал картину Репина «Иоанн Грозный и его сын», я написал статью “О смысле катастрофы, постигшей картину Репина”»¹⁴, – вспоминает Волошин. В ней он посчитал пострадавшим не Репина, а Балашова, поскольку произведения искусства, изображающие ужасное, сами способны спровоцировать неадекватное восприятие. В наше время, в век распространения сцен насилия в средствах массовой информации, идея Волошина кажется не только здоровой, но и справедливой, однако в 1913 общественное мнение было не на его стороне. За то, что увидел в герострате несчастного человека, Волошин был буквально заклеен прессой за непонимание реалистического искусства. А поскольку авторитет Ильи Репина в ту пору был неколебим, это вылилось в прямую травлю: все без исключения издательства закрыли перед Волошиным двери и отказались печатать его произведения.

Нечто подобное произошло и в 20-е годы. «Чума на ваши оба дома» – лейтмотив всех стихотворений, написанных Волошиным во время революции и гражданской войны.

*«В смутах усобиц и войн постигать целокупность.
Быть не частью, а всем: не с одной стороны, а с обеих.
Зритель захвачен игрой – ты не актер и не зритель,
Ты соучастник судьбы, раскрывающий замысел драмы.
В дни революции быть Человеком, а не Гражданином:
Помнить, что знамена, партии и программы
То же, что скорбный лист для врача сумасшедшего дома.
Быть изгоем при всех царях и народоустройствах...»¹⁵.*

Врага еще можно простить, но стоящего «над схваткой» – простить невозможно, ибо эта позиция подрывает основы и лишает морального алиби любого борца за «справедливое дело».

Цинизм власти оказался абсолютным и убийственным. Когда Волошин прочитал свои стихи Каменеву, надеясь на то, что образованный человек способен по достоинству их оценить, он получил столь желаемое «понимание»: как только дверь за Волошиным закрылась, Каменев позвонил в издательства. С тех пор ни одно из них ничего волошинского никогда не печатало.

Однако и это еще не было пределом. Под конец жизни больной поэт вынужден был защищать единственное свое пристанище – дом в Коктебеле, который без его ведома был отдан в аренду. Дело опять утряслось – но ценой инсульта, от которого Волошин так и не оправился.

* * *

¹⁴ Волошин М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 92.

¹⁵ Там же. – С. 18.

Многие поэты и художники рубежа веков, дети «серебряного века», к числу которых причисляют и Максимилиана Волошина, разделили судьбу своего времени: ломку общества, революционный террор, невзгоды и лишения, ссылку, забвение.

Но очень немногие сами напроорочили себе такой конец. По правде говоря, большинство из них не предполагало, что непременно окажется в тюрьме или будет расстреляно за то, что пишет стихи или переводит. А если и предполагало, то надеялось...

Волошин же, подобно любимому им поэту Вийону, мог сказать о себе: «Я всеми признан, изгнан отовсюду»,

– потому что точно знал, что «в государстве нет места поэту»¹⁶,

– потому что «совесть народа – поэт»¹⁷;

– потому что «...приятно родится поэтом в России. Как приятно чувствовать сочувствие и поддержку безымянных масс своих сограждан. С каждым разом этот вопрос становится более и более остро: кто меня повесит раньше: красные – за то, что я белый, или белые – за то, что я красный?»¹⁸;

– потому что «молиться надо не за того, от кого зависит расстрел и от кого исходит приказ о казни»;

– потому что «из двух персонажей – убийцы и жертвы – в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а совсем не жертва»;

– «поэтому всегда надо молиться за палачей и в результатах молитвы можно не сомневаться»¹⁹.

И он молился за всех и всем богам. И этого права у него никто отнять не мог...

* * *

Дмитрий Сергеевич Лихачев, прошедший Соловки и не погрешивший против совести, видимо, имел в виду и Максимилиана Волошина, когда писал: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражала и поражает до сих пор»²⁰.

Эту мысль Лихачева можно продолжить. Дом Волошина, волею судеб оказавшийся среди людской толчеи, замурованный в гранит, тем не менее, остается садом. И всякий входящий в этот сад, должен ощутить величие судьбы интеллигента, заплатившего за свои убеждения дорогую цену. В этом завет хозяина этого дома сегодняшней интеллигенции.

Блажен тот, кто может услышать этот завет.

¹⁶ Там же. – С. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Волошин М. А. Автобиография. Статьи. Из переписки революционных лет (1917–1922) / Из творческого наследия советских писателей. – Л., 1991. – С. 198.

¹⁹ Волошин М. А. Все даты Бытия. О себе и о других. – М., 2004. – С. 279.

²⁰ Лихачев Д. С. Цит. соч. – С. 385.

КУЛЬТУРА, ИННОВАЦИИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Кузбасский государственный технический университет

г. Кемерово

Культура как целостная система, внутри которой пребывает человек и с которой он соучаствует, базируется на дозволяемых и воспроизводимых обществом (этносом, нацией, государством) нормах и ценностях. Процессы общественного воспроизводства могут носить как традиционный, так и инновационный характер в зависимости от решаемых обществом, властными структурами задач. "Открытость" общества своим собственным изменениям и инновациям означает одновременно и открытость его вовне, иным культурным нормам и принципам.

Формируясь на базе социокультурного опыта того или иного национально-государственного образования, толерантность проявляется в различных формах с учетом этого опыта. Культура выступает в качестве аксиологического основания толерантного сознания. Связь толерантности и инновационных процессов прослеживается на уровне нахождения возможных способов достижения взаимоприемлемых компромиссов. На пути поиска этих компромиссов существует множество факторов (техно-экономические, юридические, организационно-управленческие, социально-психологические и прочие), которые, в зависимости от позитивного или негативного проявления толерантности, способствуют или препятствуют инновационной деятельности.

Как социокультурное явление инновация не только включает в себе все тенденции настоящего культуры, но и как феномен, направленный на новое, несет в себе будущее культуры. На современном этапе развития, где все чаще и чаще воспроизводятся кризисные ситуации инновация сознательно продуцируется обществом и культурой, и предстает как своеобразный "регулятив", некое формообразующее начало социокультурного развития, если не полностью вытесняющее в этом качестве традицию, то, по крайней мере, доминирующее над ней. Таким образом, социокультурная модель объективации "нового" социума становится принципом рационализации, где плюрализм утверждает образ субъекта культуры – "человека играющего", обладающего высоким креативным потенциалом и достаточным уровнем практических средств. Ценностной ориентацией данного субъекта является не только стремление к новому, но и самовыражение через такие поведенческие приоритеты, как свобода выбора и возможность легитимным образом отстаивать собственное мнение.

Сознательное конструирование социальной реальности, в рамках «социального конструктивизма» (П. Бергер и Т. Лукман) позволяет выстраивать социальный порядок и функционирование социальных организации в соответствии с ценностными предпочтениями социального (индивидуального и коллективного) субъекта. Креативность социальных институтов и введение ими социальных инноваций позволяют управлять рисками социального развития при прохождении кризисных ситуаций. Субъект выступает в роли актера, который активно конструирует локальную и более отдаленную социальную среду, формируя инновационную культуру, превращая ее в организованный,

упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, правилами поведения и ответственностью.

Культура обеспечивает систему объектов, правил, рекомендаций и запретов, которые одновременно облегчают совершение действия и очерчивают границы его совершения. Она обозначает пределы классов целей и поведения, но предоставляет индивиду некоторую свободу выбора. Она устанавливает пределы, но в то же самое время снабжает эти пределы «зонами толерантности» (Э. Бош). Поведение, которое попадает в эти зоны, может казаться «дерзким» или «необычным», но оно все же не будет рассматриваться в качестве «девиантного». Культура может обеспечивать специальные ниши для девиантного поведения – как в случае с теми личностями, которые у европейцев определяются как шизофреничными или истеричными, но которым в других культурах приписывают роли ясновидящих и шаманов. «Зоны толерантности» имеют в культуре особое значение: без них не могли бы иметь место никакая инновация.

По мнению Буша, культура предлагает «возможности действия». Она создает те ощущения защищенности и безопасности, легкости ориентации («прозрачности») и предсказуемости, которые мы осознаем лучше всего, когда, например, в качестве эмигранта, лишаемся их. Это «ощущение того, что ты находишься дома», создает почву, на которой развиваются идентификации с «принадлежностью» культуре; но также и сильные стремления «куда-нибудь в другое место» и к «инаковости» [7]. Данный процесс хорошо иллюстрируется на примере поиска «центра» той или иной культуры, своего рода репрезентаций всех главных национальных стихий мира. По мнению В. Россмана, «вся история русской культуры пробегает перед нами калейдоскопом отраженной в самоваре», где «самовар – баланс и средоточие русского мира и русского мифа» [5, с. 50]. Более того, «цивилизационные различия могут восприниматься не как отрицание всеобщности прав человека, а как обогащение практики их реализации. В противном случае защита прав человека грозит превратиться в свою противоположность» [4, с. 41]. То, что для носителя европейской культуры выглядит унижением и неравенством, представитель исламской цивилизации может воспринимать как вполне естественное и даже одобряемое. И, наоборот, нормы, которые для европейца ассоциируются со свободой и правом выбора, мусульманин может считать символом вседозволенности, распущенности, унижения достоинства человека.

Стоит также обратить внимание на проблему культурной идентичности. Под культурной идентичностью мы понимаем сложную систему ценностей, убеждений, символов, образцов поведения и проч., которая развивается в процессах долговременной кристаллизации коллективного опыта членов одного сообщества. Она является интегральной частью социокультуры современности, выраженной посредством ценностей, образов поведения и отношений, оказывающих сильное влияние на все сферы общественной жизни. Культурная идентичность свидетельствует о принадлежности индивидов к определенной культуре, в которой они не видоизменяются полностью, но, усваивая базовые характеристики, становятся ее неотъемлемой частью. В случае признания индивидом некоторых всеобщих ценностей, остается нерешенной проблема формы участия в их реализации, которая выводит на выявление способностей и талантов.

Ни сам человек (нация, государство и т. д.), ни его окружение заранее не располагают теми категориями, какие необходимы для осознания своего потенциала инноваций. Гораздо хуже ситуация, когда субъект вынужден признать сделанный им выбор неправильным, поскольку выбранный путь не позволяет ему максимально раскрыть свои таланты. И еще более глубокий кризис идентичности будет результатом его неспособности обнаружить в своей прошлой жизни что-либо воспроизводящее себя. Например, даже человек со сложным порождающим принципом должен избегать двух крайностей, что только и может гарантировать успешность его развития. Целостность сознания может быть достигнута лишь в результате контакта и противоборства с миром, причем существует оптимальная мера противостояния (мера толерантности как мера допущения чужой свободы).

Сознание не способно вобрать в себя все то, что кажется возможным: оно не реализует подразумеваемую им тотальность. Мир не может не нарушить целостность сознания, ибо переполняет его; чрезвычайное богатство мира разрушает последовательность, необходимую для целостности сознания. Научиться интуитивно постигать оптимальную меру, раскрывать и в то же время контролировать свои таланты чрезвычайно важно для идентификации «я» с самостью. Однако даже достижение золотой середины может привести к кризису идентичности: «я» может прийти к выводу, что развитие самости закончено и дальнейшая жизнь более не имеет смысла.

Немногие люди могут сохранить свою идентичность в неприкосновенности, если сталкиваются с беспричинным презрением со стороны своего окружения, особенно же тех людей, которых они уважают. Однако завышенные оценки, даваемые им друзьями, также не идут на пользу, поскольку и в этом случае человек понимает, что его образ, сложившийся в глазах других людей, не соответствует реальности. Однако забавно и даже удивительно, как быстро люди привыкают обычно к своему образу в глазах других людей: они верят лести так же искренне, как и раскаиваются в своем поведении, осужденном другими без сколько-нибудь убедительных моральных аргументов.

Но не только конфликт между моим представлением о себе и «социальным Я», созданным другими людьми, может породить проблемы идентичности: не менее опасны и противоречивые представления обо мне других людей. Как друг, я могу иметь другие обязанности, чем как гражданин, и неспособность занять промежуточное положение между ними может причинять страдания «я», особенно «я» морального человека, который серьезно относится к своим обязанностям.

Мера ответственности человека должна опираться не только на репрессивность правовых законов, но и на добровольное уважение прав человека. Там, где человек активно отстаивает свои права и признает права «Других», а также относится к ним с пониманием, толерантность имеет глубокие корни. Возможно совпадение ожидания ответа государства с самостоятельным действием.

Человек может обрести стабильную идентичность только в том случае, если сумеет освободиться от подобных моделей взаимоотношений. Этот процесс не может инициироваться теми, от кого он должен освободиться. Такие императивы, как «больше не подчиняйся мне», вызывают у человека противоречивую реакцию: ведь если я подчиняюсь приказу, то я не подчиняюсь, если же не подчиняюсь – то, как раз подчи-

няюсь. Однако кризисы идентичности вызываются не только слишком жесткими моделями взаимоотношений, – они могут быть результатом разочарования человека в собственных ему моделях общения.

В экономически детерминированном мире, «Я» выступает как объект, осознающий свою представленность в мире. Субъект представлен как инструмент и средство осуществления своего выбора, ибо основания этого выбора заранее заданы и обоснованы, а на первое место выдвигаются «требования времени», «революционная целесообразность» и т. п. вещи. Полагая себя в ситуации выбора субъект исключает других как суверенных и автономных «Я» из сферы возможного партнерства, соучастия или совместного действия. Логика деятельности превращает мир в ее объект и воспроизводит себя в различных формах.

Сущностью коллективной идентичности является уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали. Причины этого кризиса отчасти аналогичны причинам кризисов индивидуальной идентичности. Здесь можно назвать: отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями. Имеет место также утрата веры в общее будущее, дисгармония между описательным и нормативным образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры.

Базируясь на моральном признании субъектов свободными и равными друг другу, общество предполагает существование политических и юридических институтов, в чем находит свое место рациональная свобода. С точки зрения «коллектива» оно (общество) связана с заинтересованностью человека в общем благе, гражданских добродетелях и т. п. Права субъектов и их отрицательная свобода институциональны и базируются на реальном соотношении социально-экономических, правовых и политических прав и свобод. Поэтому, идентичность, в том числе России складывается из совокупности личных идентичностей граждан. Россия сохранится настолько, насколько мы сами обладаем пресловутым идентификационным масштабом. Нормотворчеством здесь ничего не сделаешь, не сделаешь и средствами пропаганды. Не сделаешь с помощью силовых структур и боевых дружин. Это исключительно психолого-образовательная, культурно-политическая и, в первую очередь, духовная задача.

Национальная идентичность России сохранена в борьбе за национальное которое обращено к вершинам творчества, к многоцветию может быть культур, стилей и форм. Данное понимание национального, по сути своей наступательно и есть движение с целью интеграции в себя, а не выпихиванию за пределы себя, а, значит, на собирание, а не на разбрасывание, на внимание, а не на пренебрежение. Главный вопрос сегодняшней русской жизни – это вопрос о мере допустимого напряжения: сколько душ, отождествляющих себя с Россией, смогут выдержать конфликт между частным и национальным? Выдержать ситуацию, когда, с одной стороны, соблазняют Европой, а с другой, – русскими вилами и топором. С одной стороны, культивируется чувство местного, локального, теплого, скрупулезно чтимого, своего, а с другой – вселенского, которое способно к приращению иного, поощряет его, включает постоянно новое в свой состав, в объем своей души.

Проявление ответственности имеет место только на индивидуальном уровне, в большей степени как инерция прошлого, и способствует проявлению насилия и разобщения, а не сохранению целостности. Рассмотрение толерантности с точки зрения социокультурной и политической практик направлено на обретение ситуативного консенсуса «активных» субъектов (этносы, классы, гражданское общество и т. д.) социальной деятельности. С этой точки зрения, важным является определение стабилизирующих факторов культуры в аспекте толерантного взаимодействия. Одним из таких факторов может быть «вытеснительная реакция» по отношению к тем членам группы, поведение которых явно отклоняется от нормы

Например, в мусульманском мире сторонниками и проводниками глобализации являются вестернизированная интеллигенция, часть молодежи, технократы. В то же время те, кто разделяет ее идеи, боятся делать это открыто. В Иране и Пакистане, трудно найти выступления в защиту глобализационной тенденции, хотя признание ее как объективно неизбежного процесса все же встречается. Там нет ни одного идеолога глобализации. Эта тема поднимается мусульманскими интеллектуалами на Западе, но они выпадают из контекста собственно мусульманской общественно-политической мысли. Поэтому, добровольное расширение толерантного пространства как социальное обозначение ориентиров (ритуалов) действенных норм, зависит от меры нашей гражданской активности («ненасилие сильных»). Можно человека «поливать» и смотреть, как он к «солнышку поворачивается», таким образом, мы создаем культуру. А можно и так: отрубить все лишнее и сказать, что это подлинный человек. И то искусственно, и это искусственно, только одно проще делается, чем другое.

Понимание человека не как заданной цели, а как творящего и отвечающего за себя, впервые мы находим у Ф.Ницше, который говорил о человеке как смеющем обещать – обещать быть другим и обещать другому. Как постоянно обещающий, он (человек) не останавливается в каких-то пределах, ему никогда не удастся, ибо в нем всегда есть излишек, делающий его сверхчеловеком [6, с. 289]. В своей «неудаче» он получает многомерность и многоликость как способы состояться, «удастся», ответить. На этой основе он получает открытость «бытия-для-себя» и «бытия-для-другого» как видение не одного «пути», но «разных троп» (М. Хайдеггер), на которых встречается с другим и его принимает.

На основании «внеинтеллектуальной рефлексии» (символическая представленность объектов) и как интуитивное переживание, толерантность для А.Бергсона [2, с. 13] является способом реакции и ориентирования человека в процессе жизни. Например, в работе «Два источника морали и религии» обращается внимание на то, что «закрытая» мораль, при существовании многообразия различных систем поведения – не является врожденной, а есть следствие морального воспитания и существует как «общественный договор» в форме обычая. «Каждый из этих обычаев, называемых «моральными» – случаен. Но совокупность их, лежащая в основе общества и обуславливающая его существование имеет силу, схожую с инстинктом, как по интенсивности, так и по регулярности» [2, с. 21].

Характерной ситуацией является тот факт, что, живя в России, китайцы не смешиваются с русскими и тем более не растворяются среди них. Они селятся своими за-

крытыми общинами, живут в них по своим законам. Например, в Москве живет 300 тысяч китайцев [1]. Они имеют там свои газеты, свое кабельное телевидение, свои больницы и детские сады. Это настоящее китайское подгосударство внутри российской столицы. Но на улице встретить китайца непросто. Потому, что, в отличие от тех же черных, каждый китаец с полувоенной дисциплиной знает, что раньше времени раздражать чужое общество не надо. Китайцы никуда не торопятся. Их планы рассчитаны на десятилетия. Это народ, не знающий жалости и пощады. Понятия терпимости и «толерантности» им не знакомы. Китайцы жестоки, по-азиатски хитры и безоговорочно преданы своему государству. Все китайцы, живущие за рубежом, сами себя называют «хуацяо», что означает «мост на китайский берег». И именно по этому мосту Китай получает самую современную научную и техническую информацию и технологии и в свою очередь наводняет чужие рынки своими товарами.

В книге английского миссионера Д. Макгована «Китайцы у себя дома», написанной и переведенной на русский язык еще до 1917 года, отмечается: «Имея дело с китайцами, не надо забывать, что склад их ума и морали совершенно иной, нежели у европейцев. В то время как мы прямо выражаем то, что хотим сказать, говорить о чем-либо прямо не в натуре китайца, и он предпочитает кружить вокруг да около. Не нужно даже долго жить в Китае, чтобы подметить эту черту китайского характера. Из разговора с китайцем вы далеко не всегда догадаетесь, что ему от вас нужно. Он будет долго говорить с вами с самым откровенным и простодушным видом, и в то же время вы почувствуете, что между его словами и тем, что он думает, лежит целая пропасть. Привычка говорить одно и думать другое настолько вкоренилась в китайцах, что даже в самых простых случаях вам трудно заставить китайца прямо ответить на ваш вопрос... Прямо поставленный вопрос противоречит всем его привычкам и всему складу его ума. Прямая постановка вопроса кажется ему почти грубой... они никогда не говорят того, что думают, представляя своему собеседнику угадывать свои мысли каким угодно способом».

Одно из фундаментальных свойств культуры – инвариантность [3, с. 30]. Благодаря инвариантности единицы культуры существуют не как отдельные изолированные продукты культурной деятельности, а как взаимопереводимые семиотические образования. Единство различных культурных форм, инвариантность ее структур основано на присущих всем людям единых характеристиках их ума. Отсюда – структурное сходство мифов различных народов, логики обыденного сознания, а также единство законов построения в языках разных народов (работы З. Фрейда, К. Юнга, Леви-Стросса и мн. др.).

Изменение не является «нарушением» культуры, чья «природа» должна якобы иметь тенденцию оставаться постоянной. Напротив, оно способствует и стабильности и изменению; фактически, одной из его главных функций является устанавливать свой собственный баланс между кажущимися противоречивыми, но в реальности тесно связанными тенденциями целостности и трансформации. Даже в культурных мифах мы можем обнаруживать модели покорности и подчинения наряду с моделями мятежа, непокорности и девиантности. Иногда культура старается регулировать изменение, устанавливая правила и пределы инновациям; однако, силы, при этом высвобожденные, не

редко перевешивают такие попытки – инновация может также означать изменяющиеся правила. Каждый индивид, своими идиосинкратическими способами действия и мышления, вносит вклад одновременно в стабильность и в изменение внутри нашего общего поля действия. Индивиды устанавливают постоянства и являются инициаторами вариаций. Так, структуры должны быть объектом науки о культуре. Причины изменения или относительной стабильности окажутся многочисленные индивидуальные действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гильбо, Е. Перспективы китаизации России / Новый Петербург, № 38(625), 25.09.2003.
2. См.: Бергсон, А. Введение в метафизику: собр. соч.: в 5 т. – СПб., 1914. – Т. 5.
3. Золотухин, В. М. Стандарт и символ толерантности // Социогуманитарный Вестник (Кемеровский институт (филиал) ГОУ ВПО РГТЭУ). – 2007. – № 1 (декабрь). – С. 26–32.
4. Поленина, С. В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности // Государство и право, 2008. – № 1. – С. 37–43.
5. Россман, В. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии, 2008. – № 2. – С. 42–57.
6. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, – 1990. – Т. 2.
7. Boesch, Ernest E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin, Heidelberg, NY, L., Paris, Tokyo, Hongkong, Barselona, Budapest: Springel-Verlag, 1991, p. 36.

Г. А. Астаурова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

Взятая в широком смысле тема «глобализация», т. е. единства, целостности жизни планетарной и человеческой очень близка философии. Ещё древние греки пытались найти единые первоначала: Космоса (Гераклит), Бытия (Парменид), Единого (Плотин). До сих пор человечество стоит перед проблемой: как достичь единства при наличии многообразных различий. В. С. Соловьёв, говоря о единстве и целостности человечества, писал: «...естественное устроение дел человеческих, благодаря которому частные устремления ведут к общему успеху, выражает некоторое действительное единство человечества». Подчёркивая при этом, что такое единство – как «солидарность существ помимо их мысли и воли» – имеется уже в животном мире, и требуется сознательная, внутренняя духовно-нравственная и социальная организация, объединение в «собирательную» всечеловеческую общность» [5, с. 484].

Сегодняшний мир испытывает большой дефицит единства на всех его уровнях, в том числе в национальном и культурном плане. Ситуация в мире по своей сути такова, какой она была в XIX в., когда русские ясно ощутили и осмыслили кризис европейского единства.

До начала XX века в России сформировалась философия, которая начала выходить на мировой уровень, оставаясь вместе с тем глубоко оригинальной, связанной с национальными, социально-культурными традициями и проблемами. Она занимала определённое социальное и духовное пространство в обществе, её место в культуре было достаточно заметным и она обладала всеми достоинствами национальной философии. Во многом эти достоинства определялись неординарной, уникальной историей развития нашей страны.

Конечно, следует учитывать, что невозможно вывести некую «усереднённую» модель своеобразия русской философии, единую для всех периодов социально-экономического развития нашей страны, так же как нельзя вывести из идей какого-то отдельного мыслителя «полный набор» её национально-своеобразных черт. Поэтому охарактеризуем самые заметные и спорные аспекты данной проблемы.

Первый тезис. А. Лосев признавал русскую философию «самобытной», «самостоятельной» и в то же время отмечал её «подражательность». Соглашаясь с данной мыслью, Г. Флоровский призывал не преувеличивать этот факт и в связи с этим писал, что русская философия рождается из «господствующих вопросов и интересов родной жизни...», из исторического изумления, почти испуга, в болезненном процессе национально-исторического самонахождения и раздумья» [8, с. 236]. Этот вопрос о заимствовании русскими мыслителями идей Западных философов поднимается очень часто в нашей и зарубежной философии. Однако следует учитывать слова К. Кавелина, что: «люди и народы приходят к самосознанию через сравнение себя с другими» [3, с. 255]. Взаимодействие, обмен культурной информацией был всегда. Но так сложилось, что чаще писали о том, что Россия «взяла» у Запада, а не о том, что она дала Западной культуре.

Своё глубокое идейное родство с западноевропейской рационалистической традицией, идущей от греко-римской философии, сознавали многие русские философы. Вспомним, к примеру, признание А. Герцена: «Вступая в мир Греции мы чувствуем, что на нас веет родным воздухом – это Запад, это Европа» [2, с. 136]. И сегодня имеет место спор между теми, кто продолжает разделять универсализм П. Чаадаева, убеждённого в том, что «нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу [6, с. 28] и теми, кто вслед за К. Леонтьевым настаивает, что главная задача России – не подчиниться Европе, а «устоять в своей отдельности».

Русская философия непохожа на европейские стандарты, по которым до сих пор продолжают измерять уровень философской культуры любого народа. У неё свои цели, задачи и способы их решения, иные чем в Западной и Восточной философии. В этой непохожести и заключается её своеобразие и красота, которая не нуждается в чужих и чуждых стандартах. Благодаря этой особенности она занимает своё место в мировой культуре.

Второй тезис. Исследователи нередко обращали внимание, что мыслители, сформировавшие национальную философскую традицию в своих странах окружены особым вниманием: издаются их труды, функционируют философские общества, которые комментируют, развивают и рекламируют идеи того или иного мыслителя. В нашей стране ситуация всегда была иная. Десятилетиями мы обходились без трудов В. Соловьёва,

Н. Бердяева, Н. Федорова и других. У нас оказалась короткая память и удивительная наивность, что без всего этого можно обойтись. Мы забыли, что культура есть, прежде всего, богатство традиций. И если прерывается связь традиций, не культивируется умение понимать и ценить их, то разрушается и сама философия, в забвении философской традиции наносится урон всей культуре.

Подобное можно рассматривать как «печальную» особенность русской философии. Об этом в своё время писал П. Чаадаев: «Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведение его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия» [7, с. 323].

Третий тезис. В отличие от европейских мыслителей, русская философия близко к сердцу принимала доступность своих идей широким читающим массам. «Русская философия неразрывно связана с действительной жизнью, поэтому она часто является в виде публицистики, которая берёт начало в общем духе времени, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, со всеми его радостями, со всем его порядком и хаосом. Поэтому среди русских очень мало философов... зачастую их приходится искать среди фельетонистов, литературных критиков и теоретиков отдельных партий» [4, с. 74]. К перечисленному можно добавить и художественную литературу (вспомним Л. Толстого, Ф. Достоевского) и науку (П. Флоренский). А. Лосев писал, что «художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В сочинениях В. Жуковского и Н. Гоголя, в творениях Ф. Тютчева, А. Фета, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького часто разрабатываются основные философские проблемы само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме» [4, с. 74]. И особо обращал внимание на то, что «тот кто ценит в философии прежде всего систему, логическую отделанность, ясность диалектики, одним словом – научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания» [4, с. 38].

Таким образом, философия в России развивалась в постоянных исканиях как внутри самой философии, так и в отношениях с другими сферами общества.

Если обратиться к содержательной стороне поисков нашей философии, то следует заметить, что для всех течений русской философии было характерно преимущественное внимание к проблемам современности. «Русская философия, в отличие от европейской, и более всего немецкой философии, чуждо стремление к абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации взглядов. Она представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» – писал по этому поводу А. Лосев [4, с. 73–74].

Русские мыслители рассматривали объективную реальность как свою судьбу, не разделяли, таким образом, гносеологию с оценкой и моралью. Они всегда искали искренности, правды, сердечности не формальной, а жизненной.

Русские мыслители пытались соединить действительность и идеал. Поэтому для неё характерны такие колебания и крайности: от эмпиризма и антропологического материализма к мистицизму и религиозной философии.

Отмечая такую особенность русской философии как ориентированность на решение социальных проблем страны, Н. Бердяев писал: «Русская мысль всегда будет занята преображением действительности. Познание будет связано с изменением. Русские в своём творческом порыве ищут совершенной жизни, а не только совершенных произведений» [1, с. 91].

Итак, четвертый тезис – обращенность русских философов к проблемам социальной действительности, поиск идеалов для общества и человека. В XIX веке особо задумались: есть ли русские идеалы и в чем они состоят, зачем живет Россия, и что она сможет дать другим народам. Понимание А. Хомяковым и И. Киреевским и др. этих проблем открыло русскому обществу перспективу культурного развития в рамках своего культурно-исторического типа как наиболее благоприятного для русского человека.

Как пятый тезис обозначим постоянный, глубокий интерес к внутренней духовной жизни человека, его душе, совести, страданиям.

Именно через нравственный критерий (а не логико-гносеологический) рассматривались проблемы всех сторон жизни, как «личность и общество», «свобода и нравственность», «самоценность» человека, его «свобода».

Особенность антропологической ориентации русской философии выражается в том, что сущность человека осмысливается через духовный мир личности, духовно-нравственное измерение. Поиск смысла человеческого существования раскрывается как на пути идеи всеединства по В. Соловьеву, где находятся в единстве все стороны бытия (материалистическая, духовная и др.), так и идеи единства природы, Бога и человека, по Н. Федорову, и др.

Русская философия пребывала в глубоком убеждении о необходимости духовных идеалов для человека. Поскольку совершенствование общества невозможно без внутреннего совершенствования человека, мыслители воспринимали духовность как приобретение необходимой целостности, как способ бытия человека. Поэтому русские философы ищут именно это единство всех сторон реальности и всех движений человеческого духа.

Как писал Н. Бердяев сущностью человека «может быть лишь духовное начало, внутренняя опора свободы человека, начало, не видимое извне, из природы и общества» [1, с. 91]. Следует заметить, что в отличие от западной философии для русской не принципиально противопоставление общественного и личного. Именно этим обстоятельством некоторые исследователи объясняют тот факт, что у нас в стране слабо реализуются права человека, которые зачастую трактуются как права отдельного человека в противовес обществу.

Виднейшие представители современной западной метафизики понимают чисто светский характер философии как страсти к знанию, к мудрости.

В русской философской традиции дела обстояли иначе: для русского типа мышления только и возможно истинно духовная философия, и сама философия рассматривается не как «любовь к мудрости», а как «мудрость в любви», признавая тем самым жизненную важность истины как любви. В свою очередь это значит, что в отечественной философии по самой её сути знание, разум, наука не могут существовать отдельно друг от друга. Русская философия как мудрость в любви исходит из единства изначально (В. Соловьёв, А. Хомяков, Г. Сковорода и др.). Именно в этом виделась основа для

реализации нравственных норм в практической жизни человека и общества, например, у В. Соловьёва. Более того, русской философской мысли свойственно не просто восприятие мира, как целостной системы, а находящейся в постоянной динамике.

Чего бы ни касалось, в чём бы ни реализовывало себя русское мышление – будь то познание или отношение к природе, художественное творчество, религиозная вера, общественный и частный быт, внешние отношения с другими странами и народами и, конечно же, философия, – всюду мы прослеживаем попытку реализовать идею единства во всей её возможной полноте.

Формулируя очередной тезис, мы можем сказать: основная идея русской философии – это идея единства. И сама эта идея единства во всем его многообразии реализует себя в наибольшем объеме и полноте именно и, прежде всего, в русской философии среди всех европейских философий.

Особенность эта связана с православием. Русские так думают, так философствуют, потому что так верят. По мысли Д. Фонвизина русские ближе к христианским идеалам и поэтому они более человечны, чем их просвещенные современники на Западе. В поисках ответов на поставленные вопросы многие русские философы обращались к религии, и Богу. Они исходили из той мысли, что православие предполагает иное восприятие и понимание христианства, нежели католичество и протестантизм (за исключением П. Чаадаева).

В заключение отметим, что в истории русской философии сосредоточен огромный теоретический опыт нашего народа, опыт развития духовной культуры, психология нашего народа, что в общей сложности и придает ей своеобразие и особый колорит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, А. Н. Русская идея // А. Н. Бердяев. – Вопросы философии. – 1990. – № 1.
2. Герцен, А. И. Избранные философские соч. – Т. I–II. – М., 1971
3. Кавелин, А. Ф. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. – М., 1989.
4. Лосев, А. Ф. Русская философия // А. Ф. Лосев. Страсть и диалектика. – М., 1990.
5. Соловьёв, В. С. Соч.: в 2 т. // В. С. Соловьёв. – Т. 1. – М., 1988.
6. Чаадаев, П. Я. Философические письма. Письмо первое // П. Я. Чаадаев. Соч. – М., 1989.
7. Чаадаев, П. Я. Полн. Собр. соч. и изб. письма: в 2 т. – М., 1991.
8. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991.

S.V. Bondarenko, N.V. Goncharova

DIALOG OF THEORETICAL AND SCIENTIFIC PROGRAMMES IN CULTUROLOGY/ANTHROPOLOGY: RUSSIA – THE USA

Kemerovo State University of Culture and Arts

Kemerovo

Having appeared in the USA and extended in other western countries, cultural anthropology turned to research various spheres of public life through their reflection in cultural consciousness of people. Anthropological measurement of cultural processes enabled to de-

velop specific methods of research: the analysis of social-psychological features of interpersonal attitude in various social groups, ethnopsychological peoples' features. During its formation and development cultural anthropology used results of field researches of "primitive people" and also cultures of people of "the third world" countries. At present the science appeals to the analysis of life spheres of modern developed societies, to their daily occurrence, to demonstration of mass consciousness. Interdisciplinary orientation which was always peculiar to cultural anthropology causes the fact that the anthropological knowledge cannot be developed separately from achievements of other humanities.

Anthropology is very popular in Europe and the USA. So in Great Britain there are 44 universities which offer anthropology as the basic subject in the programme of higher education. In the structure of American universities there are 300 independent departments of anthropology or cultural anthropology.

Similar growth of interest to anthropology is caused not only by cognitive motives but also by peoples' aspiration to learn themselves in all cultural diversity. It is possible to explain this fact by practical purposes: modern globalization of public processes means an intensification of such interactions of various interests all over the world which can be carried out only in the form of intercultural contacts. Therefore the understanding of culture features sets up probability of an adequate estimation of possible results of peoples' interaction.

Anthropology studies social, cultural and biological diversity of people, as well as, attitudes which unite social and cultural phenomena, way of life, vision of the world, mentality, ethnic psychology, forms of spiritual activity of a person. Anthropology includes four disciplines: social/cultural anthropology, archeology, physical/biological anthropology, linguistics.

Cultural anthropology covers actually each aspect of human social activity: relationship, material culture, economy, policy, religion, knowledge. The emphasis of anthropology is on relations which connect social and cultural phenomena. While other disciplines pay attention to regularity (as, for example, in economical systems), anthropology concentrates on diversity; while others pay attention to distinctions (as in racial segregation), anthropology concentrates on a regularity.

In America the educational quality standards are set not by the state and its structures, but professional communities, national agencies and associations. In America the basic role is given to universities and to the independent certified organizations (professional organizations).

American universities offer students a plenty of courses in anthropology. As a rule, students prefer to get narrow specialization. For example, University of Boston has courses: "Chimpanzee and evolution of human beings' behaviour", "People of Asia in America.

The characteristic of programmes of the American universities:

- practical activities to satisfy the students' interests and needs;
- reflective approach for students' attraction in studying the problem how the anthropology corresponds to their own life;
- anthropology of home/Europe through field works carried out in different societies;
- fusion of borders between disciplines showing connection between anthropology and sociology, geography, history, etc.

American universities offer courses within cultural anthropology:

- History of anthropological theory.
- Principles of cultural anthropology. The given course acquaints students with directions of cultural anthropology: cultural ecology, social anthropology, economic anthropology, political anthropology and anthropology of religion.
- Cultural analysis (introduction in cultural anthropology).
- Ethnographic methodology. The course acquaints students with the comparative method used in cultural anthropology. Students learn how cultural anthropologists carry out the researches and collect material. So it is connected with applied studies.
- Culture and the person. The course considers interrelation between the person and socio-cultural environment.
- Social linguistics. Linguistics is a subject of the structure of language and its attitude to culture. The given course offers the basic concepts of linguistics, the analysis of cross cultural differences in the structure of language.
- Anthropology of law. Students get acquainted with theories of traditions, the rights and legal institutions.
- Courses focused on concrete areas of the subject: music of world cultures, anthropology of museums, gender and culture.
- Specialization: Latin America, the Caribbean Islands, Northern America, Europe, East and Northern Africa, South America, Asia.

Following to the interdisciplinary nature, elements of anthropological programmes depend only on a demand of experts in cultural anthropology for society. Practical activity is very important for anthropological programme realization. The cultural component of anthropological programmes includes visiting museums, galleries, representations, cultural celebrations and other events giving students an opportunity to demonstrate cultural diversity.

In the USA members of an examining board are compelled to get information about opportunities for graduates to make a career. It helps them convince people that their university is the best variant for them. But students prefer to choose one university for a bachelor's degree, another one for a doctor's degree and another one for academic work. Therefore universities try to help their students get a good job. This fact is then reflected in advertising statistics.

In the USA the higher education is under influence of the state, market and academic community. The market rather rigidly supervises education. It is expressed in a competition of programmes, teachers, students, researches and universities. Signals to universities from labour market can pass through various channels. It can be employers, university services of employment, federal and local authorities, alumni, etc. It is necessary to consider that American universities closely contact with regional authorities, firms, the research organizations and in a greater degree organize the work according to the needs of universities, in particular, in preparation experts for applied activities.

The dynamical labour market demands on graduates from universities the interdisciplinary training. Such training expands opportunities of graduates on labour market that allows them to feel themselves more confidently. Flexibility of curricula at American universities

when the significant part of courses can be chosen, gives a possibility to form the curriculum independently, to promote interdisciplinary teaching students. Besides, under the influence of requirements of labour market interdisciplinary courses are aimed at specific targets. These courses are on the base of theoretical key problems and problems of applied activities. Thus, the thematic orientation is connected with actual American and international activity.

Career opportunities of anthropologists:

1. Socio-cultural and medical anthropology:

- education and teaching, designing curricula, organization of museum exhibitions and educational programmes;
- public health services: UNICEF, the control over dissemination of diseases, research work in the field of public health services, an estimation of damage owing to mass diseases;
- public sector: international relations, justice, immigration policy, social service, cultural heritage;
- corporate sector: journalism, advertising, research of the market, intercultural communications;
- science: anthropology, cultural geography, cultural researches, social work.

2. Archeology:

- museums: drawing up and monitoring of exhibitions, administration, work with artifacts;
- public sector: cultural resources, cultural heritage;
- corporate sector: management of cultural resources, consultation of civil engineering firms, journalism;
- science: anthropology, classical archeology, historical archeology, geography.

3. Biological and physical anthropology:

- museums: educational programs, monitoring of exhibitions;
- zoology: protection of primates, preservation of primates;
- public sector: researches in the field of human rights, researches in the field of criminalistics;
- medicine: adaptation of the person, history of diseases;
- science: biological anthropology, bioarcheology, evolutionary anthropology, biomechanics.

4. Linguistics:

- education: teaching (languages, literature), designing programmes and curricula, the organization of museum exhibitions and educational programmes;
- public health services: pathology of speech, analysis of speech;
- computer linguistics: program of recognition of speech, translation, computer linguistic analysis;
- public sector: justice (translator), immigration;
- publishing: translation, lexicography;
- corporate sector: advertising, public relations
- science: anthropology (linguistic anthropology), computer technologies (computer linguistics), faculties of foreign languages, psychology.

“The project” model of training is presented in American education. The main result of work of the given model is to create new professional structures. Thus, cultural texts, textbooks and electronic means of training, projects and game imitations help to form professionals of new type.

The main difference of American education system from Russian is the minimum of compulsory disciplines, a maximum of personal responsibility for a choice made.

Competence “anthropology” includes:

- skill to distinguish, estimate and as much as possible to use various theoretical achievements of a discipline and to collect together links of the theory, such as sociology, philosophy, history;

- comprehension of a role of anthropologists and ethnographers in gathering and interpretations of information;

- acquaintance to collections of ethnographic and material cultures in museums and other educational establishments;

- ability to apply anthropological skills;

- awareness and skill to explain social and historical changes of customs;

- skill to distinguish and analyze contexts in which attitudes of authority, ethnos and racism influence the forms accepted by human community;

- estimation of interrelations between various aspects of social and cultural life.

Students who are going to get profession of anthropologist are focused practically. As a result they choose applied directions of education. Thus, students have an opportunity “to vote with the help of legs”. If the course is chosen by small amount of students, then this course is closed. If universities do not offer the courses which are necessary for students, they can lose students.

At present Russian universities draw attention to achievements of American researchers in the sphere of anthropology and make attempts to introduce them into Russian education. But there are some distinguishes from American education.

“Cultural anthropology” has recently entered into scientific use and in curricula of philosophical, sociological and culturological departments of Russian universities. In Russia, unlike other countries, there are no standards of the given discipline.

After introduction of a new anthropological discipline in curricula of Russian universities the problem with terms got confused. The matter is that Russia began to use not only the American term “cultural”, but also British “social” anthropology. The science studying socio-cultural similarities and differences was named “social/sociohistorical/sociocultural” anthropology [1].

In the review of programmes and courses of “anthropological knowledge” undertaken by Y.Reznik, there are four views interpreting the subject of the science. A number of researchers (K.Pirogov, V.Pulyaev, Y.Reznik, etc.) consider it as the philosophical discipline studying a person under a special point of view. They designate it as “social anthropology”.

The second group of researchers considers it as a science of culture, and name it “cultural” (S. Ikonnikov, L. Voronkova, etc.) or “cultural anthropology” (YU. Yemelyan, N.Skvortsov).

The third group of researchers actually levels “social/cultural anthropology” with “ethnology/ethnography” (Y. Bromlej, Y. Averkieva, L. Ionin).

The fourth group of scientists considers cultural anthropology as the independent discipline which is distinct from other anthropological and social sciences (N.Kozlova, F.Minyshev). This wider welfare context is introduced into a science; therefore the “socio historical anthropology” receives features of historical sociology [2].

The main aim of the course of cultural anthropology is to get knowledge, skills, which are necessary for professional work in the sphere of teaching cultural science in higher educational institutions, to learn basic concepts like “culture”, “succession in culture”, “national culture”, etc.

The main goals of cultural anthropology as a discipline in the Russian universities are: activization of cognitive independence; getting integral knowledge in the theory of Russian and foreign cultural anthropology; study the basic problems of culture in cultural anthropology; understanding the problems of culture and its development; using the comparative analysis for research of various cultures and different cultural communities.

The course “cultural anthropology” consists of 108 hours: lectures (80 hours) and seminars (28 hours). The structure of the program of the course consists of three sections:

- subject of cultural anthropology, the basic problems of ethnology. It deals with research of dynamics of culture among which there are problems of historical diversity of cultures, the role of an ethnic factor and evolution of world culture, forms and ways of ethnic communications;
- approaches, researches, schools and concepts. The purpose is to show modern pluralism of the view/points and different concepts;
- actual problems of psychological and sociopolitical anthropology through formation of Russian culture in a transitive period.

Employers do not know a field of activity of the anthropologist. Having vacancies, the employer has no any idea about skills which the anthropologist possesses, that obviously exclude him/her from potential applicants. It is caused by indistinct representations in a society about cultural anthropology. Besides, there are different approaches to understanding the problems of the given discipline, namely, different universities offer different preparation of professionals in cultural anthropology that often leads to confusion and misunderstanding.

Now in Russia cultural anthropology as science and discipline does not take an appropriate place. Cultural anthropology taking a special place in system of social sciences has also an important practical value. Its development as a discipline is one of priorities of modern Russian education. A weak point is the absence of traditions of field work which is very important for vocational training and successful work.

LITERATURE

1. Социальная антропология в вузе: Сборник учебно-методических материалов. – М., 1997.
2. Резник, Ю. М. Социальная антропология в системе гуманитарного образования (обзор отечественных учебных программ и курсов) [Текст] / Ю. М. Резник // Социальная антропология в вузе: сборник учеб.-метод. материалов. – М., 1997. – С. 11–19.

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКО-АРМЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

*Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить!
Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой!
С. М. Городецкий. 1916 г.*

Культурологу наших дней, который хоть мало-мальски сведущ в вопросах русско-армянских культурных отношений, нетрудно констатировать: в истории народов навряд ли можно указать другой подобный пример диалога как по своей продолжительности, так и по глубоко гуманному содержанию. Причем этот культуролог не подвергнет себя риску ошибиться, потому что многовековая история дружественных отношений между армянским и русским народами, которых никак не могли омрачить капризы и невзгоды времени, а также недруги этих народов, действительно выдержала испытание временем и в указанном смысле трудно найти ей аналогов.

В самом деле, армяно-русские связи насчитывают много веков и недаром их называют историческими. На долгом пути своего развития отношения между армянским и русским народами, в соответствии с духом времени и историческими обстоятельствами, имели разное содержание и прошли несколько этапов. Характерным для всех этапов, однако, было то, что в любом отрезке времени эти отношения детерминировались общими интересами двух народов, и посему они с самого начала отражали объективный процесс развития, исключая всякую случайность.

Взаимное доверие и взаимопонимание между двумя народами, как результат долголетних тесных контактов, к концу XVII – началу XVIII вв. создали в армянской действительности такую политическую атмосферу, когда войны России против шахской Персии и султанской Турции без колебания рассматривались в качестве освободительной миссии для армянского народа. Осознание этого факта стало почти общенациональной идеологией, постепенно овладевшей умами всех слоев армянского народа, начиная от идеологов и руководителей освободительной борьбы вплоть до рядовых борцов и сельских тружеников. Именно знание этого исторического факта побудило В. Сендерова, русского интеллектуала, свободного от всякого великодержавного чванства, прийти к следующей мысли: «Русские войска двигались по Кавказу. Не как присоединение – как веками чаемое освобождение рассматривали их неуклонное шествие армяне. В начале любой войны брались записываться в армию добровольцы – каждое освобожденное село отправляло дальше с русскими почти всех мужчин. Закончились

войны уже как общие: офицерский и генеральский корпус состоял из русских лишь наполовину». Да, войны закончились как общие! Так было во время всех русско-персидских и русско-турецких войн XVII–XIX веков.

За всеми этими событиями стояла древняя традиция отношений, берущих свое начало со времен Киевской Руси, с X–XI веков и делящихся на этапы. Отметим, что деление на этапы условно. На всех этапах имели место формы разностороннего диалога – экономического, политического, культурного, военного. Но, как правило, для каждого этапа были более характерны те или иные грани сотрудничества.

Первый этап армяно-русских отношений начался от Киевской Руси и длился до XVI века. Характерной чертой этого этапа была некоторая эпизодичность связей, что явилось неизбежным результатом феодальной раздробленности. На этом этапе особенно выделяются экономико-торговые связи, развитие которых обуславливалось ролью и участием Армении, в том числе Киликийской Армении, а также армянских колоний Крыма и Западной Украины в международной торговле, в товарообмене Запада с Востоком. Заметное место в отношениях этого этапа занимают и культурные связи.

На процесс возникновения и развития русско-армянских культурных связей наложила свой отпечаток историческая судьба армянского народа.

Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света – Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий.

В XI веке в результате длительной борьбы с византийцами, затем турками-сельджуками армянский народ лишился самостоятельности. Пала столица Армении Ани. Страна потеряла государственность. Эти тяжелые события вынудили многих армян искать убежища в других странах.

В конце XIV века Армения потеряла свою государственную самостоятельность. Северо-восточная часть ее стала добычей Персии, юго-западная перешла к Турции. В жизни армянского народа наступили тяжелые времена.

Ограбленные и обездоленные люди вынуждены были покинуть свою древнюю родину, скитаться в чужих краях в поисках работы и хлеба. Странническая жизнь становится одной из характернейших черт истории армянского народа. Вместе с тем, как указывает А. К. Дживелегов, «свободолюбивый дух и высокое национальное сознание позволили армянскому народу отстоять и сохранить свою национальность, свой язык и обычаи, пронести сквозь все испытания истории свою многовековую духовную и материальную культуру» [цит. по: 12, с. 13].

Второй этап – с XVI в. до 60-х годов XVII в. В этот период, в связи с активизацией южной и восточной политики России, армяно-русские экономические и политические связи приобрели более организованный характер. В них стало особенно заметно деятельное участие армянской диаспоры, в частности, персидских, польско-украинских, крымских и российских армян. Были даже десятилетия, когда вообще инициатива усиления и расширения этих отношений, первенство в них принадлежали почти исключительно представителям армянских колоний, оказавшихся в несравненно более свободных и выгодных условиях развития, чем их сородичи на родине, томившиеся под тяжелым бременем.

Особенно усилились торговые и культурные связи, а армянское купечество стало пионером, заложившим основы русской ориентации армянского народа и видевшим в лице России могучее государство, способное помочь делу освобождения армянского народа.

Третий этап – с 60-х годов XVII века до середины XVIII века включительно. Русская ориентация стала убеждением народных масс, а в начале XVIII века получила политическое оформление. На первый план четко выступали вопросы военно-политического сотрудничества в общей борьбе, диктуемые взаимными интересами обеих сторон – интересами восточного народа. Интенсивные контакты в эти бурные годы борьбы выдвинули целый ряд выдающихся деятелей освободительного движения, представлявших русскую ориентацию армянского народа – Израел Ори, Минас Вардапет, Иван Карапет, Давид-Бек. Кульминационным выражением армяно-русских отношений и сотрудничества явилась освободительная борьба армян Арцаха (Карабаха) и Сюника в 20-х гг. XVIII в., начавшаяся с надеждой на получение реальной помощи со стороны России, которая, однако, по ряду объективных причин не была оказана.

Четвертый этап – со второй половины XVIII в. до 1828 г., т. е. до присоединения Восточной Армении к России. С дальнейшим углублением армяно-русских политических, экономических и культурных отношений, в которых заметную роль сыграли также живущие в России армяне, разрабатывались конкретные программы и планы освобождения Армении с помощью России и образования независимой Армении под протекторатом России. Освободительное движение армянского народа против шахского Ирана и султанской Турции приняло доселе невиданный размах. Усилилось и расширилось армяно-русское военное сотрудничество, которое во время русско-персидских и русско-турецких войн первой трети XIX века приняло воистину всенародный характер и очень большие масштабы и завершилось присоединением Восточной Армении к России: восточные армяне сбросили шахское иго.

Пятый этап относился к западным (турецким) армянам, так как по примеру восточных армян, среди западных армян, особенно с последней четверти XIX века, усилилась тенденция добиться при помощи России если не освобождения Западной Армении от султанского деспотизма, то хотя бы, как минимум, проведения там реформ. Конечной целью русского правительства было занятие западно-армянских вилайетов. Ее поддерживало подавляющее большинство западноармянского населения. Однако европейские державы Германия, Англия, Франция не хотели допускать повторения восточно-армянского варианта и изо всех сил препятствовали России в осуществлении указанной цели. Воспользовавшись противоречиями между западными державами, младотурецкое правительство в 1915 г. приступило к завершению геноцида западноармянского населения, начатого еще Абдул-Гамидом II в 90-х гг. XIX века.

Шестой этап – армяно-российские отношения в 90-е гг. XX века:

а) 1991–1993 гг. – период приобретения и укрепления независимости: отношения осторожные, частично конфликтные;

б) 1993–1994 гг. – период начал движения к стабилизации: отношения нормализуются;

в) 1994–1997 гг. – период наиболее интенсивных дипломатических связей: подготавливаются и подписываются основные межгосударственные договоры и соглашения;

г) 1997–1998 гг. – период межгосударственной «инфраструктуры»: отношения развиваются без существенных колебаний;

д) 1998–2000-е гг. – период смены глав государств: новые веяния во внешней политике России, пересмотр позиций и корректировка приоритетов.

Выше было отмечено, что правительство Николая I не сдержало слово о создании армянского независимого государства. Суть вопроса состояла в следующем. Возникла дилемма: или с Россией или в составе восточнодеспотических режимов шахской Персии и султанской Турции. Другого не было дано, и вопрос касался прежде всего физического существования нации. При такой постановке вопроса невозможно отрицать жизненно важное значение присоединения Восточной Армении к России. Поэтому здравомыслящие армянские деятели, включая и очевидца событий великого Х. Абовяна, от всей души приветствовали Присоединение, рассматривая его как судьбоносное событие в истории армянского народа. История подтвердила правильность их позиции.

Начальный период русско-армянских культурных связей, частичное отражение которых можно проследить в памятниках письменности, относится к далеким временам.

Армения не была для русских летописцев неведомой страной. Опираясь на византийские источники, в частности на хронику Георгия Амортола, в общем введении «Повести временных лет», где рассказывается о том, «откуда пошла Русская земля», летописцы упоминают «Армению Великую и Малую». В летописи упоминаются также горы Араратские, или Раратские, не так туманное обозначение неизвестной далекой страны, а как конкретное географическое понятие, как крайний предел христианского мира. Когда русские летописцы хотели дать представление о больших географических пространствах, они прибегали к образу «гор Араратских», с которыми связывалось традиционное библейское представление о «всемирном потопе» и о Ноевом Ковчеге, якобы приставшим к Араратской горе. Так, например, в Симеоновской летописи, в «Повести о житии и храбрости благоверного великого князя Александра Ярославича» (Александра Невского), в той части, где рассказывается о возрастающей его славе, летописец говорит: «Начя же имя слыти великого князя Александра Ярославича по всем странам, от моря Варяжского и до моря Понтейского, и до моря Хупожьского, и до страны Тивирейския, и до гор Араратских, иже об ону страну моря Варяжского, и до гор Аравитских, даже и до Рима великого, распространи бос я имя его пред тмы тмами, и пред тысящами тысящ».

В «Русском хронографе» повествуется о крещении Армении. В основных своих элементах рассказ хронографа совпадает с национальным вариантом армянской исторической литературы, известным по «Истории» Агафангела: христианский проповедник Григорий спокойно и мужественно переносит все страшные истязания и мучения, которым его подвергает армянский языческий царь Трдат. Наконец, по повелению царя Григорий был брошен в глубокую яму со змеями и скорпионами, «чтобы эти гады съели его». Пятнадцать лет пробыл Григорий в этой яме. Он питался пищею, доставляемой одной вдовой. Божий гнев покарал Трдата, который обратился в дикого кабана.

«И великий страх напал на всю армянскую землю». Тогда открылось «тайное видение» сестре Трдата Хосровадухт. Григорий был извлечен из ямы. По его молитвам царь снова обрел человеческий облик. Трдат принял христианство и вместе с ним «была озарена светом» и вся Армения.

«Русский хронограф» кратко, но точно излагает содержание национальной версии об обращении в христианство Армении. Это же предание с незначительными вариантами повторяется и в одном официальном документе Московской Руси 1447 года.

Первые известные нам сведения о русском языке и письме в армянской литературе имеются в памятнике XII–XIII вв. под заглавием «Воскепорик» («Златочрев»).

Благодаря исследованиям выдающегося филолога Н. О. Эмина еще в конце прошлого века был установлен самый ранний факт литературного общения между армянами и Россией. Мы имеем в виду армянский пересказ русского сказания о Борисе и Глебе «Сказание о святых Романе и Давиде». Памятник датируется XIII веком и входит в армянские «Четьи-Минеи» – «Айсамвурк», что означает «в сей день». Н. О. Эмин предлагает обратить внимание на заключительные строки армянского текста: «Много других совершено чудес этими святыми (т. е. Романом и Давидом), и они записаны в пространной их истории; чудеса совершаются ими и поныне». Далее: «Многие из нашей страны (т. е. из Армении), видевшие эти чудеса, рассказывали нам о них».

Из этих слов можно сделать два вывода: во-первых, то, что многие из армян в эту далекую эпоху посещали Русь; во-вторых, нам представляется вполне основательным предположение Н. Эмина о том, что автор перевода не только был на Руси, в частности в Киеве, но долго жил там и настолько хорошо выучил язык, что предпринял перевод русского сказания, с целью ознакомления своих соотечественников с одним из образцов русской духовной литературы.

Армения и Россия... Многовековые культурные связи двух народов. Обращение католикоса Акопа Джугаеци к царю Алексею Михайловичу в 1673 году с просьбой защитить армян от иранского гнета свидетельствовало, что уже тогда армяне хорошо знали о растущей мощи северного христианского государства и надеялись на помощь России. В 1724 году в ответ на призыв армянских меликов (князей) Карабаха о помощи в связи с турецким вторжением Петр I заявлял об «особливой нашей милости» в отношении «честного армянского народа», он предлагал предоставить удобные земли для переселения армян в российские владения. После Петра I благожелательная позиция России в отношении армян стала постоянной и утверждалась Екатериной I, Екатериной II, Павлом I. Происходило и переселение армян в Россию. Их значительные поселения образовались на Дону (Новый Нахичеван), Северном Кавказе (Армавир). При Александре I и Николае I Восточная Армения вошла в состав Российской империи, что было окончательно закреплено Туркменчайским договором 1828 г.

Более чем полутровековая совместная жизнь в едином государстве была в целом плодотворной для армянского и русского народов. Она, несомненно, сблизила их, взаимно обогатила их культуры. Армяне и русские оказывали друг другу бескорыстную помощь, они кровью скрепили свое братство в борьбе с германским фашизмом. Были в их совместной истории и трагические страницы, одинаково тяжелые и для армянского, и для русского народов.

Но главное, о чем свидетельствует исторический опыт диалога двух народов – это чувство дружбы, уважения и взаимопонимания друг к другу.

Обобщая результаты, полученные в ходе анализа армяно-русских культурных взаимосвязей, необходимо сделать следующие выводы. В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что на всем протяжении истории культурных взаимоотношений России и Армении, в двухсторонних отношениях не было спада и они развивались по нарастающей. Значительный потенциал для дальнейшего углубления культурных взаимосвязей России и Армении принадлежит армянской диаспоре в России. На современном этапе она переживает стадию своего институционального развития, но уже сейчас об армянской диаспоре в России можно говорить как о ведущей силе в общемировой армянской диаспоре, так и о локомотиве целого ряда перспективных культурных, гуманитарных, экономических проектов между Россией и Арменией.

В сравнении с армянской диаспорой в России российская диаспора в Армении обладает значительно более меньшим потенциалом (политическим, культурным, экономическим). Но в то же время проблемы ее жизнедеятельности являются важнейшим индикатором продуктивности межкультурного общения.

В целом армяно-русские культурные отношения развиваются по возрастающей. Дальнейшие перспективы отношений будут во многом зависеть от того, в какой мере политическим элитам двух стран удастся, используя положительный опыт взаимодействия на двустороннем и многогранном уровнях, сконцентрироваться на решении вопросов текущей повестки, а также выйти на совершенствование основополагающих документов армяно-российского сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абовян, Х. «Раны Армении» [Текст] / Х. Абовян. – М.: «Художественная литература», 1978. – 290 с.
2. Абрамян, А. А. XXI в. будет веком диалога цивилизаций [Текст] / А. А. Абрамян. – М.: Теревинф, 2003. – 640 с.
3. Агаян, Ц. П. Россия в судьбах армян и Армении [Текст] / Ц. П. Агаян. – М.: Наука, 1978. – 317 с.
4. Агаян, Ц. П. Роль России в исторических судьбах армянского народа [Текст] / Ц. П. Агаян. – М.: Наука, 1978. – 311 с.
5. Агаян, Г. З. А. Фадеев и армянская литература [Текст] / Г. З. Агаян. – Ереван: Ереванский университет, 1985. – 145 с.
6. Акопова, А. Образы-символы Армении в русской поэзии XX века [Текст] / А. Акопова. – Ереван: «АСОГИК», 2001. – 72 с.
7. Алексанян, Е. Армянский реализм и опыт русской литературы [Текст] / Е. Алексанян. – Ереван: «Лингва», 2007. – 442 с.
8. Амирханян, М. Д. Россия и Армения. – Ч. I. Очерки русско-армянских литературных отношений [Текст] / М. Д. Амирханян. – Ереван, 2003. – 298 с.
9. Амирханян, М. Д. А. С. Пушкин и Армения [Текст] / М. Д. Амирханян. – Ереван, 1999. – 87 с.
10. Амирханян, М. Д. Армения в русской литературе до присоединения к России [Текст] / М. Д. Амирханян. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1976. – 223 с.

11. Амирханян, М. Д. Протест В. Я. Брюсова против геноцида армян [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://Genocide.ru>. – Загл. с экрана.
12. Григорьян, К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений [Текст] / К. Н. Григорьян. – Ереван: АН Армянской ССР, 1974. – 367 с.
13. Григорьян, К. Н. В. Я. Брюсов и армянская поэзия [Текст] / К. Н. Григорьян. – М.: Восточная литература, 1962. – 132 с.

В. А. Бурнаков

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ МЕДВЕДЯ У ХАКАСОВ

Отдел этнографии Института археологии и этнографии СО РАН

г. Новосибирск

В духовной культуре сибирских народов наиболее архаичными являются образы почитаемых животных. Важнейшее место, отводимое им в традиционном мировоззрении, обусловлено «значением, которое имели животные на ранней стадии развития человечества» [16, с. 440]. В разнообразных анималистических представлениях особое внимание уделялось медведю. В мировоззрении и мифо-ритуальной практике хакасов медведь наделялся особым сакрализованным статусом. Он воспринимался в качестве священной фигуры, связанной с культом предков. *«Шорцы и хакасы и сейчас отдают большое предпочтение к медведю. И иногда называют его «Улуг кизи (шорцы – Улуг киши)», что значит большой человек, древний предок человека, от которого когда-то произошли современные люди»* [3, л. 15]. Более того, для некоторых хакасских сеоков (родов) этот зверь являлся тотемом. Так, представители сеока *Аба* ведут свое происхождение от медведя [6, с. 65]. Представление об этом звере, как о тотемном предке было широко распространено среди алтайцев и шорцев [13, с. 9; 7, с. 137; 14, с. 17].

В хакасском языке медведь обозначается термином *’аба’* – *’отец’*, *’тайга аба-зы’* – *’таежный отец’* [5, с. 16]. Кроме того, в лексическом фонде хакасского языка имелось еще два наименования медведя – *азыг* и *могай (могалах)* [2, л. 29; 3, л. 15; 5, с. 62; 6, с. 66]. В настоящее время эти слова являются архаизмами и полностью вышли из употребления. По общетюркской традиции во многих ситуациях медведя запрещалось называть фактическим именем. Чаще это правило действовало при нахождении человека в тайге. Данное представление основывалось на убеждении, что нарушение запрета произносить имя медведя влечет за собой определенные негативные последствия, в том числе и неудачу в промысле. Со слов нашего информанта: *“Когда ходили в тайгу, то не называли слово медведь. Бывалые люди именовали его дедушкой. Медведь является хозяином тайги. Он оберегает и мудро распределяет таежные богатства среди ее обитателей”* (ПМА-2000, Тасбергенова (Тюкпеева) Н. Е., с. Аскиз РХ).

Наиболее употребительные по отношению к этому животному эвфемизмы, опять-таки подчеркивают его связь с культом предков. Приведем некоторые из них: *“аган”* – *’дедушка’*, *“улаба”* – *’дедушка’*, *“улуг ага”* – *’прадедушка’*, *“тайга адазы”* – *’таежный отец’*, *“чир кизизи”* – *’земляной человек’*, *“абай”* – *’старший брат’* [6, с. 66; 12, с. 28], *“апсах”* – *’старик’*, *“улуг кизи”* – *’великий человек’*, *‘старец’*, *“хайрахан”* –

'господин', "тайы" – 'дядя (родственник) по матери', "ээзі" – 'хозяин', "тайга ээзі" – 'хозяин тайги', "таг ээзі" – 'хозяин горы' и др. Аналогичные обозначения встречались и у других тюрков Южной Сибири. «Алтайцы называют медведя "абагай" – 'дядя по отцу'; тубалары говорят: "ол" – 'он' или "апишах" – 'старик'; каларцы (род) "абај" – прадед, "улу кіжі" – 'великий человек', телеуты "тај" – 'дядя по матери', "абагай" – 'дядя по отцу', шорцы "тај" – 'дядя по матери', "улда" – 'отцов старший брат', "адалык" – 'почтенный'» [14, с. 2].

Условные названия медведя, как точно заметил Л. П. Потапов, указывали на представления о родстве с медведем, причем, как по мужской – отцовской линии, так и по женской – материнской [14]. Среди приведенных эвфемизмов наибольший интерес вызывает "тайы" – 'дядя, родственник по материнской линии'. Как справедливо отмечала Н. П. Дыренкова: "Термином тај первоначально обозначались вообще все родственники по линии матери, а лишь впоследствии этим термином стали обозначать по преимуществу брата матери, как представителя материнской семьи" [8, с. 20]. Тайы отводилось одно из центральных мест в социо-нормативной практике тюрков. Он выполнял важнейшую роль при проведении семейно-родовой обрядности, в промысловой деятельности и пр. Среди хакасов довольно распространенным было убеждение, что тайы мог обладать сакральными знаниями и сверхъестественными возможностями. Верили, что благословление, полученное от этого родственника, способствует обретению счастья и удачливости, помогает в преодолении всевозможных препятствий и жизненных невзгод. С другой стороны, полагали, что и сам тайы, давая благословление или оказывая материальную помощь своему племяннику – *чеен*, умножал свои жизненные блага и материальный достаток. "У всех без исключения алтайских народностей", – сообщала Н. П. Дыренкова, – "было широко распространено представление о том, что помощь, оказываемая дядей своему племяннику – сыну сестры, приносит дяде благополучие и счастье, а подарки, полученные племянником, обеспечивают ему удачу в личной и семейной жизни" [8, с. 28]. Охотники полагали, что если в промысловую артель одновременно входили тайы и *чеен*, то при условии соблюдения всех сопутствующих охотничьих норм и правил, успех, якобы был обеспечен. Поясняя данные поверья, верующие лаконично говорили: "Это хозяину тайги нравится" [8]. Любопытно, что под названием 'хозяин тайги' – "тайга ээзі" хакасы, как и другие соседние народы имели в виду с одной стороны – духа-покровителя определенной местности (гор), который нередко воспринимался в качестве прародителя, а с другой – непосредственно медведя. В прошлом хакасы устраивали специальное моление духу тайги. К нему обращались со специальной молитвой:

*Парчанг тайганынг кюштуг
махтаглыг, аарлыг ээзі
Пеери чыылган чон сага патырча!
Пеери чыылган чон сени улуглапча!
Пеери чыылган чон сенг улуг адангны
алганча
Пеери чыылган чон сага поэзынг
энгне аарлыг небезиненг улуг тайых перча!*

*Сильный, прославляемый, дорогой
хозяин всей тайги!
Собравшийся сюда народ тебе молится!
Собравшийся сюда народ тебя величает!
Собравшийся сюда народ благословляет
твое великое имя!
Собравшийся сюда народ, приносит тебе
жертву из самого дорогого!*

Палалар абазынанг небе суранап парда
хайды чалганчалар чон сага эдок чалганча!
народ также ласкается к тебе!
Сен тезанг чахшы позынг анынг патырганын
хыя этпессин!
Анынг сураан небезин перерзинг!
Эдде этпеченг ползанг сен сен пос
позынгна тейи полбас эденг!
Сага патырбанчатхан тайых пербенчатхан
Тайгадагы парчан хурттарды сенг азран чазынг
жертвы!
Сага патырбанчатхан, тайых пербенчатхан
тайгадагы ангнарды, хуштарды сен тайги,
аштатпанчазынг! приносят жертвы!
Сага пажырчатхан, тайых перчатхан кижилер
Оларданг аарлыг эбестербе?
Тайгадагы могай кижселерге шайбаг этпезин,

Ол инг холынгдагы небе
Сен аны хайды ла этсенг, эде эдерзинг,
Ол кижилерди едирбезин,
Ол пыр даа кижсага тегбезин,
Кураган ошкаш чабаиш ползын,
Кижилер тезанг анны едирзиннер,
Анынг эдин, чагын терезин тузаланзаннар,
кожей (шкурой)

Сенг холыдагы тайгалардагы тингнер
чылданг чылга узулбезиннер, че уламох
хожылызыннар,
Холнахтар даа кеп ползыннар,
Харахузурухтар тайгада ползыннар,
Албагалар даа кептелзиннер,
Тулгулер маллар чилеп чорзиннер,
По даа ангнар, пашка даа ангнар
чылданг чылга хызырылбазыннар
че, нандыра оксенинең устине ёссиннер!
больше и больше!
Пурундагы кижилер тайгадагы ангнарды
хайды одирченгнер,
Шагамдагы кижилер эдок едирзеннер
люди
Тайгадынг эзининг чахшызы тооза чоннга
четсин
Анынг адын улунг, кичиглер алхан, махтан
чёрзиннер

Как ласкаются к отцу дети, что-либо
просящие у него, собравшийся сюда

Ты же, по своей доброте, моление его
не оттолкнешь!

Просьбу его исполнишь!

Если бы так не сделал бы, то был бы
не похож сам на себя!

Ты кормишь всех насекомых тайги,
которые тебе не молятся и не приносят

Ты не моришь голодом птиц и зверей
которые тебе не молятся и не

А разве люди, которые тебе молятся и
приносят жертву, не дороже их?

Пусть таежный медведь людям
не вредит,

Он в твоих руках,
Ты что хочешь, то и сделаешь с ним,
Пусть он людей не убивает,
Пусть он не тронет ни одного человека,
Пусть будет тихим, как ягненок,
А люди, пускай его убивают,
Пусть пользуются его мясом, салом,

Пусть в твоих тайгах белки из года в год
не переводятся, но еще больше
увеличивается,
И колонки пусть множатся,
И горностаев пусть будет в тайге полно,
Пусть и соболи умножаются,
Лисицы пусть ходят как скот,
И эти звери и другие,
из года в год пусть не сокращаются, но
напротив того, пускай их будет все

Как прежние люди убивали зверей в
тайге,
также пускай убивают и теперешние

Пусть доброта духа тайги
распространится на весь народ
Пусть его имя благословляют большие
и малые (взрослые и дети)

[2, л. 27 об.-31].

Несмотря на то, что упомянутый в данном молитвенном обращении медведь, несколько дифференцирован от хозяина тайги, все же в мышлении народа эти фигуры довольно часто образовывали двуединый образ.

Среди хакасов, проживающих в подтаежной природной зоне, был распространен охотничий фетиш (*тöс*) – *тайгам*, представляющий собой небольшую куклу с глазами из синих бусинок. Верили, что он помогал охотникам добывать пушных зверей [5, с. 133]. Во время устраиваемого перед охотой камланья, посвященного *тайгаму*, шаман брызгал на подвешенное к стене ружье *абыртхой** [17, с. 18]. Очевидно, что *тайгам* имел прямое отношение к мифо-ритуальной практике, связанной с хозяином тайги. Подобные материализованные изображения духов и обрядовая практика широко бытовали среди шорцев и алтайцев [7, с. 329; 15, с. 159–203].

Слово *тайга(м)*, как обоснованно полагают некоторые лингвисты, этимологически связано с термином “*таг*” – ‘гора’, который, в свою очередь, образуется от основы “*тай*” в значении опоры (основания). Вероятно, гора воспринималась в качестве опоры неба. В дальнейшем в процессе эволюции и трансформации мифологических представлений, сформировался образ хозяина горы. Как считают исследователи, от “*тай*” в хакасском языке получило название слово-понятие “*тайыг*” – ‘жертвоприношение’ [10, с. 64]. В связи с этим, вызывает интерес то, что у хакасов лексема “*тайы*” еще используется в значении: 1) подбрасывать вверх, качать, 2) приносить жертву (т. е. поднимать ее вверх). Помимо этого, термин “*тайыг ээзи*” обозначал ‘хозяина жертвоприношения’ – человека, ответственного за проведение данного мероприятия [5, с. 133–134]. Не исключено, что в прошлом в качестве одного из основных исполнителей обрядов жертвоприношений предкам и др., выступал *тайы* – родственник по материнской линии. В любом случае, это слово в мифологическом сознании хакасов соотносилось с понятием “основополагающего”, “сакрального”, “потустороннего”, “сверхъестественного”, “благостного” и т. д. По всей видимости, не случайно в религиозно-мифологической терминологии тюрков Южной Сибири заменителем настоящего названия медведя явился термин “*тайы*”.

На связь медведя с культом предков указывает упоминавшееся условное наименование этого зверя “*таг ээзи*” – ‘горный хозяин’, “*таг кизи*” – ‘горный человек’, “*таглыг ниме*” – ‘с горной сущностью (природой)’. Как известно, образ хозяина горы (*Таг ээзи*) или горного человека (*Таг кизи*) является лейтмотивом всей религиозно-мифологической системы хакасов. Они до сих пор считают себя “*таглыг чон*” – ‘горным народом’, произошедшим от брака хозяина горы с земной девушкой. В настоящее время, среди хакасов широко бытуют поверья о родстве с горными духами, об их активном воздействии на жизнь и судьбы людей. В сознании верующих некоторые горные духи нередко наделяются ярко выраженными звериными признаками. В отдельных описаниях их образов, в них выявляются черты медведя [4, с. 16–42, 136–194]. Любопытно, что подобное типологическое сходство в мифологических воззрениях о медведе – горном человеке, дальнем родственнике и прародителе людей обнаруживается у нивхов – этноса, не имевших прямых этнокультурных контактов с хакасами [11, с. 175–240].

* *Абырты* – национальный молочный продукт

Анализ терминов “тайгы”, “таг”, “тайы”, “тай” указывает на возможное семантическое единство понятий “основа”, “сакральность”, “предки”, “родство”, “медведь”. В связи с этим, подставное наименование медведя “тайы”, очевидно свидетельствует о глубокой архаичности этих мифологических воззрений, вероятно, восходящих к матриархату. Это слово в религиозной лексике тюрков Южной Сибири встречалось при обозначении духов, связанных с материнским родом. Так у алтайцев, по сообщению А.В. Анохина, существовала особая категория духов, носивших название *озогы таидалар* (*mai+ada*) – предки по женской линии [1, с. 1]. Можно предположить, что среди этих духов у саяно-алтайских тюрков вполне мог быть и медведь. В шаманской традиции таким же термином – “*mai-ada*” обозначались маленькие бубны, изготовлявшиеся в память умерших предков-шаманов по материнской линии [1, с. 118–119]. В материалах Д.К. Клеменца имеется упоминание о том, что в прошлом некоторые хакасы использовали шкуру медведя при изготовлении шаманского бубна [9, с. 8].

Итак, рассмотренные религиозно-мифологические воззрения о медведе позволяют сделать вывод о том, что в прошлом, он играл важнейшую роль в духовной культуре хакасов. Большое значение этот зверь имел в промысловой деятельности. В мировоззрении народа медведь воспринимался в качестве сакрального существа. Более того, при анализе мифо-ритуального комплекса хакасов выявились семантические звенья «медведь – человек – первопредок». Обнаружены определенные связи образа медведя с культом предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин, А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю с 1910–1912 гг. // Сб. Музея антропологии и этнографии, 1924. – Т. IV. – Вып. 2. – 152 с.
2. Архив МАЭ, ф. 5, оп. 6, д. 15.
3. Архив МАЭ, ф. 5, оп. 6, д. 17.
4. Бурнаков, В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
5. Бутанаев, В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1999. – 240 с.
6. Бутанаев, В. Я. Медведь по воззрениям хакасов // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 65–67.
7. Вербицкий, В. Алтайские инородцы. – Изд-е 2-е. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1992. – 270 с.
8. Дыренкова, Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков // СЭ, 1937. – № 4. – С. 18–45.
9. Клеменц, Д. К. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение, 1884. – № 5. – С. 7–9.
10. Косточаков, Г. В. Культ гор и его влияние на словообразование тюркского языка (слово “таг” и его фонетико-смысловые модификации) // Чтения памяти Э. Ф. Чиспиякова (к 70-летию со дня рождения). – Ч. I. – Новокузнецк, 2000. – С. 61–68.
11. Крейнович, Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М.: Наука, 1973. – 495 с.

12. Патачаков, К. М. Некоторые сведения об охоте хакасов. – Абакан, 2006. – 37 с.
13. Потанин, Н. Г. Очерки Северо-Западной Монголии. – Изд-е 2-е. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.
14. Потапов, Л. П. Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнографический исследователь, 1928. – С. 15–22.
15. Потапов, Л. П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
16. Топоров, В. Н. Животные // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 440.
17. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. – Ч. 5. Духовная культура. – Кемерово: «Кузбассвузиздат», 1999. – 136 с.

Н. С. Модоров, А. С. Фетисов

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕЧЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: ПРОВАЛ ОДНОЙ АВАНТЮРЫ

Горно-Алтайский государственный университет

г. Горно-Алтайск

Конфессиональная ситуация в Российской Федерации и в ее субъектах превратилась на рубеже XX–XXI столетий (в отличие от советских времен нашей истории) в одну из составляющих государственной политики. Не стала исключением в этом плане и Республика Алтай (РА). К концу XX века в ней, наряду с традиционными религиозными культами (православием, мусульманством и буддизмом – в форме ламаизма), «об-рели» силу и стали активно действовать и новые, нетрадиционные религиозные учения. Примечательной чертой на первом этапе их жизнедеятельности стало, как это ни странно, их стремление к экуменизму. Одним из свидетельств такого «всемирного объединения нетрадиционников», зарегистрированных в Республике Алтай, безусловно, стала их попытка возвести (в 1998 году) в регионе – на берегу Телецкого озера (в заповедной зоне Улаганского района – Авт.) так называемый «Храм всех религий» («Храма всех народов»). Начало этой «эпопее» положило, как известно, «видение» гражданке Австрии – некой Агнесс Риттер, – впервые познакомившейся в 1998 году с репродукциями видов Телецкого озера. Увиденный ею горный пейзаж в районе данного озера, так понравился вышеназванной госпоже, что она не замедлила тут же заявить о «святости этого места». Последнее она подтвердила тем, что именно на это место указала ей богородица, явившись ей – Агнесе Риттер – в недавнем видении». Основываясь на этом, последняя и заявила, что именно здесь (т. е. на указанном ей Богородицей месте) должен быть построен «Храм всех народов». Побывав в туристической поездке по Горному Алтаю, госпожа Риттер окончательно утвердилась в своем намерении: возвести культовое сооружение в устье р. Чулушман, между урочищами Актра и Какаиха. В состав планирующегося ею туристического комплекса должны были войти: гостиница (на 19 мест), два деревянных домика (на 14 мест), храм и домик для проживания священника. Причем, судя по планировке, «Храм всех народов» должен был быть католическим, всецело повторять тот который был построен в 1998 году Ватиканом в Волгогра-

де. Новую попытку такого строительства католиками, но теперь уже в Улаганском районе, можно было расценивать как подготовку плацдарма для деятельности католических миссионеров в Горном Алтае. Это их намерение в полной мере отражал текст послания (на немецком языке – Авт.), где говорилось, что строительство «церкви всех наций» призвано,.. чтобы покорять Россию и помочь [этим] всему миру» [1].

Но, чтобы проникнуть в полюбившийся госпоже Риттер район, мешало одно обстоятельство: отсутствие развитых транспортных артерий в регионе. Потому-то инициаторы строительства нового храма начали «его возведение» со строительства дороги. Однако для реализации своего плана, им необходимо было заручиться поддержкой местной администрации, т. е. с. Артыбаш. Потому-то «посланники госпожи Риттер» заявили ее представителям: «Если будет [вашем селе наш] храм, [то] мы дадим деньги [и] на строительство молодежного комплекса» [2]. Так было куплено согласие местных властей на строительство храма. И это при том, что местное население было против возведения на берегу Телецкого озера «гнусного экуменистического храма, направленного на раскол единства народа, на разжигание межрелигиозной розни» [3]. Потому-то в адрес Главы Республики Алтай С. И. Зубакина стали поступать коллективные письма от жителей Турачакского и Улаганского районов, в которых высказывалась их просьба пресечь попытки тех, кто пытается «осквернить святыни наши и землю нашу» [4, л. 6–7]. Следует отметить, что в дореволюционное время на месте, где католики вознамерились возвести «Храм всех народов» функционировал православный мужской монастырь, а поэтому строительство на его месте католического храма было воспринято местным населением (большая часть которого и по сей день исповедует православие – Авт.) не иначе, как святотатство. Именно так говорилось в одном из заявлений, под которым стояли подписи заявили 131 человека [5]. Словом население Турачакского и Улаганского районов выступило против строительства на их территории католического храма. Их позицию поддержали и представители традиционных религиозных организаций, справедливо полагая, что строительство «Храма всех народов» в Горном Алтае, есть ничто иное, как стремление римско-католической церкви проникнуть в новый для себя регион.

Столкнувшись с прямым протестом местного населения против строительства «Храма всех народов», инициаторы его возведения, в частности, представитель австрийской стороны, господин Альфред Манько. Будучи полномочным представителем Австрийского коммерческого советника господина Иоханна Брейтштофа (сторонника строительства храма «Храма всех народов» и главного спонсора его возведения – Авт.), он тут же обратился с просьбой в Барнаульское Епархиальное Управление, об оказании содействия в преодолении негативного отношения местного населения к идее строительства «Храма всех религий». И, надо сказать, Барнаульская епархия оперативно отреагировала на просьбу г. Манько. Уже 24 декабря 1998 г. епископ Барнаульский и Алтайский Антоний (И. И. Масендич) отправил свое послание Главе Республики Алтай (копия его была отправлена и г. Манько), которым он извещал С. И. Зубакина о том, что вопрос о строительстве «Храма всех народов», на месте впадения р. Чулышман в Телецкое озеро был рассмотрен на расширенном заседании епархиального Совета. Принятое на нем решение однозначно: Епархиальный Совет Барнаульской епархии

Русской Православной Церкви может одобрить строительство «в вышеозначенном месте только православного храма». Но «Храм всех народов» таковым не является. Поэтому Барнаульская епархия никоим образом не поддерживает планов возведения последнего» [4, л. 8]. В силу ходатайств общественности, а также решения Епархиального Совета Барнаульской епархии Русской Православной Церкви, строительные работы по возведению «Храма всех народов» Правительством РА были в 1998 году приостановлены.

Однако подобное положение не устраивало инициаторов его строительства, поэтому 1 января 1999 г. на имя Главы Республики Алтай С. И. Зубакина поступило обращение Алтайско-Австрийского общества, подписанное его Президентом Ж. К. Садыковым (коренным жителем Республики Алтай – Авт.). Надо сказать, что такая практика (привлечение местного населения к продвижению своих проектов по строительству культовых зданий или регистрации нетрадиционных религиозных общин в Горном Алтае – Авт.) уже имели место. Прибегло к ней и Алтайско-Австрийское общество: оно просило Главу Республики дать ему разрешение на оформление документов по отводу земельного участка в устье р. Чулышмана, на его правом берегу, у Телецкого озера для «возведения здесь «Храма всех народов» [4, л. 10].

В ответ на это обращение, Правительство Республики Алтай сообщило ходатаям, что согласно ст. 28. «Земельного Кодекса России», организации, заинтересованные в строительстве того или иного объекта, обязаны обращаться в местную администрацию с ходатайством о предварительном согласовании с нею места размещения объекта строительства, обосновав при этом хотя бы условные размеры земельных участков, а также сроки пользования ходатаями землёй и т. д. Иначе говоря, Правительство РА заявило, что для решения указанных в обращении вопросов, в том числе и по отводу земельного участка разрешения Правительства не требуется [4, л. 11]. Но ответив, таким образом, оно все же направило в Улаганский район своего представителя (в лице специалиста Комитета по информационной и национальной политике, связям с общественностью Правительства РА С. Ч. Пустогачевой – Авт.), чтобы он на месте разобрался с положением дел. Прибыв на место, он сразу же включился в непростую для себя работу. 12 февраля 1999 года в селе Балыкча (Улаганский район, Республики Алтай) состоялся сельский сход, обсуждавший вопрос о выдаче разрешения на оформление документов по отводу земельного участка в устье реки Чулышман (на его правом берегу) у Телецкого озера под строительство «Храма всех народов» [4, л. 10]. «Просителем» на нем выступал представитель австрийской стороны (г. Альфред Манько), который заявил, что храм должен быть построен в честь Девы Марии, которая, по его словам, уже несколько раз «являлась» австрийке Агнесс Риттер во сне. При этом он горячо убеждал собравшихся, что намерения австрийской стороны носят чисто религиозный характер, а посему он крайне удивлен отказом в отводе земельного участка, тем более, что за «согласие» на предоставление нам (т. е. австрийской стороне – Авт.) такого, мы могли бы оказывать гуманитарную помощь жителям с. Балыкча. Кроме того, уверял господин Манько, строительство храма может привлечь дополнительные инвестиции в бюджет как села Балыкчи, так и Улаганского района в целом. Выслушав его, местные жители прямо заявили ему, что в Чулышманской долине уже более 130 лет

присутствует Русская Православная церковь и что все ее жители крещены по православному обряду. Однако на все эти возражения балыкчинцев, господин Манько выдвигал один аргумент: место для строительства «Храма всех народов» указано Пресвятой Богородицей, а посему дискуссии на эту тему, по его мнению, излишни. Выслушав австрийца, участники схода задали ему резонный вопрос: «А почему же Пресвятая Богородица не явилась никому из жителей села Балыкча, чтобы указать место для возведения храма, ведь мы тоже христиане»? Однако этот вопрос сельчан, высокий австрийский чиновник оставил без ответа?

Суммировав все «за» и «против», сход принял одно решение: «Храм всех народов» на их земле – не строить, а раз так, то земельный участок под его строительство – не отводить. Мнение жителей села поддержал и Глава районной администрации И. С. Куюков. Основываясь на вышеизложенном, Глава Республики дал поручение, председателю земельного комитета (И. В. Седашеву), министру культуры (В. И. Чичинову) и юристу Правительства РА (Е. В. Савченко) изучить (в 15-дневный срок) все нормативные документы, касающиеся отвода земельных участков, прав религиозных и общественных объединений в этой сфере, и изыскать возможности для мотивированного отказа в выделении земельного участка под строительство «Храма всех народов» в просимом представителями Австрии месте. Это необходимо было сделать точно и в срок, поскольку данный вопрос находился на контроле у Главы Республики [4, л. 14]. Наряду с этим, последний запросил подготовить ему соответствующий ответ и Комитет по информационной и национальной политике общественным связям Республики Алтай. И таковой им был получен 22 февраля 1999 года [4, л. 38–39]. В нем говорилось, что обращение Алтайско-Австрийского общества об отводе ему земельного участка для строительства «Храма всех народов», было всесторонне обсуждено на расширенном заседании Комитета. А, обсудив его, последний пришёл к заключению, что выделение земельного участка под строительство вышеозначенного «храма» невозможно по целому ряду причин. Во-первых, руководствуясь федеральным законодательством «Об общественных объединениях», Комитет отмечает, что Алтайско-Австрийская общественная организация была зарегистрирована в министерстве юстиции Республики Алтай 5 января 1999 года (№ 277). Однако Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» (ст. II п. 5), гласит, что «для государственной регистрации местной религиозной организации учредители обязаны представить в соответствующий орган юстиции документ, подтверждающий существование религиозной группы на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет». Римско-католическая церковь в Горном Алтае не зарегистрирована, а следовательно, и таковой религиозной конфессии в регионе не имела. Основываясь на вышеизложенном, комитет постановил, что строительство «Храма всех народов» (по просьбе Алтайско-Австрийского общества – Авт.) невозможно. Согласно традиционным верованиям коренного населения Горного Алтая, Земля и Вода («Јер-Суу») для него священны и с давних пор являются объектами их религиозного поклонения. Если же говорить о месте предполагаемого «Храма всех народов», то у основания горы, на вершине которой Алтайско-Австрийское общество намерено его воздвигнуть, находится целебный сероводородный источник «Адышту», который с незапамятных времён является объектом поклонения всего алтайского населения и пользуется широкой известностью, благодаря его целебным свой-

ствам. Уважая религиозные и национальные чувства алтайцев, жители села Балыкчи (Улаганского района) и собрали по своей инициативе 306 подписей, которыми и удостоверили свое крайне отрицательное отношение к строительству Храма всех народов» [6]. Это решение балыкчинцев поддержала и сессия депутатов Улаганского района, состоявшаяся 15 декабря 1998 года [4, л. 12–13]. Выразили депутаты района своё отрицательное отношение действиям представителей Алтайско-Австрийского общества, которые, по словам депутатов, даже не сочли нужным обратиться к администрации района по интересующему их вопросу [4, л. 12–13].

Но, несмотря на полученные ответы, Алтайско-Австрийское общество продолжало «атаковать» различные инстанции, лишь бы добиться желанного для него результата, т. е. получить земельный участок для строительства «Храма всех народов». В ответ на это, жители села Балыкча вновь собрали 12 февраля 1999 года свой очередной сход, на котором в снова единодушно высказались против строительства католического храма на своей территории. Свой отказ они снова обосновывали тем, что основная часть населения и в дореволюционный период и сейчас исповедовала и исповедует православие и наличие другой религиозной организации может спровоцировать раскол и вражду между верующими. Мнение данного схода снова поддержал глава районной администрации И. С. Куюков. Руководствуясь поступившими в Комитета по информационной и национальной политике и общественным связям Республики Алтай документами, а также выражая общее отношение населения Республики, религиозных конфессий и общественных организаций к строительству «Храма всех народов» у Телецкого озера, он вновь подчеркнул в своем решении, что возведение последнего в указанном районе весьма нежелательно, а потому запрос Алтайско-Австрийского общества на отвод ему земельного участка следует отклонить [4, л. 12–13]. Такой же всесторонне обоснованный ответ был подготовлен и отправлен на имя Главы Республики Алтай и Министром культуры Республики Алтай [4, л. 38–39].

Суммировав весь комплекс поступивших документов, а также мнение различных государственных ведомств относительно отвода земельного участка под строительство «Храма всех народов» в районе Телецкого озера, Правительство Республики Алтай приняло окончательное решение: просьбу представителей Алтайско-Австрийского общества о выделении им земельного участка в районе Телецкого озера для возведения «Храма всех народов» не удовлетворять. Об этом своем решении оно официально известило 29 марта 1999 года Президента Алтайско-Австрийского общества Ж. К. Садыкова [4, л. 5]. В письме, направленном на его имя говорилось: «Рассмотрев просьбу общества о выдаче ему разрешения на оформление документов по отводу земельного участка в устье р. Чулышман (правый берег, у Телецкого озера) под строительство «Храма всех народов», Правительство Республики Алтай сообщает, что, в соответствии со статьей 28 «Земельного кодекса Российской Федерации» (от 1991 г.), при отведении земельных участков под строительство и другие цели, в местах проживания малочисленных народов и этнических групп, местные власти учитывают мнение этих граждан, общественных организаций и объединений путём проведения референдумов, собраний или иных форм выяснения коллективного мнения, что и было сделано с жителями с. Балыкча и депутатами Улаганского районного совета. Жители с. Балыкча по своей инициативе собрали 306 подписей под заявлением о несогласии на проведение строи-

тельства «Храма всех народов» на их территории. Сессия депутатов Улаганского районного Совета. поддержала 15 декабря 1998 г заявление, подписанное жителями с. Балыкча, и также приняла решение о не разрешении строительства, в полном соответствии со ст. 16 Конституции Республики Алтай, где сказано, что владение, пользование и распоряжение природными ресурсами не может осуществляться в ущерб интересам народа, проживающего на соответствующей территории, а также в соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. (№ 125–ФЗ) «О свободе совести и религиозных объединениях», где указано, что ходатайствовать об отводе земельного участка под строительство религиозного объекта «Храма всех народов» может только официально зарегистрированная в Министерстве юстиции религиозная организация, т. е. будущий землепользователь. Однако Алтайско-Австрийское общество зарегистрировано 5 января 1999 г. (за № 277) как общественная, нерелигиозная организация и поэтому отведение и закрепление за ней земельного участка для указанных целей противозаконно. Наконец, против строительства вышеуказанного объекта выступили 20 общественных союзов, организаций и объединений Республики Алтай, опубликовавших своё заявление в республиканском еженедельнике «Звезда Алтая» (11 марта 1999 г.). В соответствии с вышеуказанными основаниями, Правительство Республики Алтай не сочло возможным дать согласие на оформление документов на отвод земельного участка под строительство «Храма всех религий» на запрашиваемой территории [4, л. 51–52].

Однако австрийская сторона (в лице Ж. К. Садыкова, как уполномоченного коммерческого советника И. Браетштофа) стала искать другие возможности для строительства религиозного объекта, но уже не «Храма всех народов», а католической церкви. Она предложила, по договоренности с дирекцией Эколого-экономического региона «Алтай», возвести в Турачакском районе, на берегу Телецкого озера, туристический комплекс с католической церковью [5]. В таком предложении, естественно, нет прямого нарушения Федерального закона «О свободе совести и религиозных организациях», поскольку религиозные организации католиков являются официально зарегистрированными в России. Комитет по информационной и национальной политике и общественным связям Правительства Республики Алтай провёл, в связи с поступившим предложением, специальное заседание круглого стола на тему «Строительство католической церкви на берегу Телецкого озера» [7]. Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на нем, был вопрос о конфессиональной принадлежности инициаторов строительства «Храма всех народов». В связи с этим, организаторы круглого стола направили запрос в Преображенскую Епархию Римско-Католической церкви (г. Новосибирск), епископу Иосифу Верту, с просьбой дать официальное подтверждение, что строительство католического храма в Турачакском районе благословлено им, а место, где встанет церковь, освящено духовными лицами римско-католической церкви. Ответ епископа Иосифа был предельно краток: «Строительство католической церкви на берегу Телецкого озера и туристического комплекса – дело частной инициативы группы лиц и отношения к официальной католической церкви Западной Сибири (куда входит и территория Республики Алтай – Авт.) не имеет» [1]. Таким образом, зная строгую иерархию и дисциплину в католицизме, можно с полным правом констатировать, что инициатива строительства «Храма всех народов» исходила от совершенно неизвестной религиозной организации из Австрии.

Но, несмотря на все перипетии вокруг этого вопроса, строительство храма в 2002 году, в обход общественного мнения, было продолжено. Это стало возможным, благодаря разрешению, полученному инициаторами строительства от главы администрации Улаганского района И. С. Куюкова. Кроме того, если в 1998 году местное население активно выступало против строительства храма, то в дальнейшем жители посёлков Артыбаш и Иогач уже не проявляли присущих им до этого беспокойства и активности. Из 1200 человек взрослого населения этих посёлков было опрошено 838 человек. За продолжение строительства высказалось 798 граждан, против – лишь 40 [4, л. 6–7]. Такого рода метаморфоза в их сознании объяснялась тем, что Артыбаш был одним из туристических центров Горного Алтая и возведение здесь католического храма сулило приток туристов, в том числе и иностранных. Однако общественность Республики своего отношения к строительству не изменила и продолжала настаивать на недопустимости строительства «Храма всех народов» в районе Телецкого озера. Под давлением общественного мнения, Правительство Республики Алтай (теперь уже во главе с М. И. Лапшиным – Авт.), вновь подтвердило – в 2002 году – запрет на строительство вышеназванного храма.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, можно с полным правом констатировать, что на рубеже XX–XXI вв. в Горном Алтае появились и развили достаточно активную деятельность нетрадиционные религиозные организации. Это стало возможным, благодаря наличию у них значительных материальных ресурсов, что и позволяло им проводить активную работу по вовлечению в свои ряды новых адептов из числа коренного населения региона, отдельные представители которого и выступили, в конечном счете, инициаторами как в деле регистрации религиозных общин, в частности, католиков, так и в деле строительства их культовых зданий. И подобная практика была характерна не только Горному Алтаю, она бытовала почти повсеместно. Однако в ситуации со строительством «Храма всех народов», общественность Республики Алтай (в том числе и представители коренного алтайского населения, и власти региона (всех уровней) проявили редкое единодушие, что позволило «миром» поставить надежный заслон на пути проникновения в Горный Алтай нетрадиционной для него религии и разного рода ее настоящих и мнимых последователей, преследовавших свои корыстные цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Страсти по костёлу. Межконфессиональные распри докатились до Горного Алтая // «Звезда Алтая». – 1 мая 2002 г.
2. Пустогачева, С. Пора поставить точку // «Звезда Алтая». – 19 сентября 1999 г.
3. Варванец, В. Вторжение в Горный Алтай // «Звезда Алтая». – 14 ноября 1998 г.
4. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. Р-725. Оп. 3. Д. 49. Л-6-7.
5. Борисова, О. Не стать соучастниками преступления // «Звезда Алтая». – 30 мая 2002 г.
6. «Звезда Алтая» от 12 января 1999 г.
7. Текущий архив Комитета по информационной и национальной политике, связям с общественностью при Правительстве Республики Алтай.

О КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И НЕТЕРПИМОСТИ²¹

Кузбасский институт экономики и права

г. Кемерово

Кузбасский институт ФСИИ

г. Новокузнецк

Проблема религиозной терпимости и реализации права на свободу совести актуальна как для всей Российской Федерации, так и для каждого субъекта в отдельности. Ее решение зависит от того, насколько точно удастся определить характер взаимодействия религии и общества в России сейчас и потенциальные возможности этого взаимодействия в перспективе. Атмосфера духовной жизни в последние десятилетия российской истории претерпела глубочайшие изменения. Крушение единой партийно-государственной идеологии и как следствие – ощущение ментального вакуума. Настойчивые попытки обретения недавними «атеистами» сакрального основания и как следствие – появление огромного количества новых религиозных движений в качестве ответа на этот мировоззренческий запрос.

Складывается внутренне противоречивая, отягощенная взрывоопасным потенциалом ситуация взаимодействия, в которой субъектами выступают общество в своем калейдоскопическом разнообразии, государство, религии, которые принято называть традиционными, и, наконец, новые религии. О том, что в этой сфере далеко не все благополучно говорит, в частности Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год В. Лукина. Он обращает внимание на то, что разделение вероучений на «традиционные» и «нетрадиционные», навеянное преамбулой Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» иногда приводит к негативным последствиям. Кое-где понятие «нетрадиционная религия» произвольно отождествляется с понятием «секта», термином неправовым, имеющим однозначно негативную коннотацию. Ни в коей мере не опираясь на Конституцию и законы, ведомственные нормативные акты и пресс-релизы органов государственной власти и местного самоуправления пестрят такими терминами, как «секта», «деструктивный культ», «адепты» и т. д., произвольно и злонамеренно применяющимися для характеристики отдельных вероучений с самыми неблагоприятными для них последствиями [1]. Имеют место случаи, когда органы власти предоставляют право представителям одной конфессии от имени государства проводить экспертизу, для оценки социальной опасности другой конфессии. Например, Информационно-консультационному центру по вопросам сектантства при Соборе Святого Благоверного князя Александра Невского при Русской Православной Церкви.

Показателен факт, который недавно освещала пресса и на который ссылались источники в сети. В начале апреля 2009 года на официальном сайте прокуратуры Хаба-

²¹ Исследование выполнено при поддержке гранта губернатора Кемеровской области молодым ученым – кандидатам наук 2008 г.

ровского края появилось сообщение, что «вступило в силу решение Центрального суда г. Хабаровска по иску прокурора Хабаровского края. В решении суда листовка «Осторожно секта! «Международное общество сознания Кришны», выпущенная региональным отделением «Молодая гвардия Единой России», признана экстремистским материалом». Решением этого же суда такие религиоведческие термины как: «секта», «сектант», «тоталитарная секта» и многие другие, следует считать выражениями, направленными на возбуждение религиозной розни, и, следовательно, употребление которых следует квалифицировать по ст. 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации [2].

Число подобных примеров можно умножать, но очевидно, что реализация прав человека на свободу совести, поступательное развитие демократических институтов в стране требует выработки справедливого, юридически обоснованного взаимодействия субъектов религиозных отношений, усвоения ими навыков диалога. Но возможен ли он, когда предметом такого диалога выступают ценности, имеющие для конкретных социальных групп сакральный характер?

Критическое осмысление такой возможности продиктовано следующим обстоятельством: в то время как одним из условий диалога выступает осознанная релятивность позиций субъектов коммуникации, религиозная практика, в сущности, напротив, направлена на утверждение неких духовных абсолютов.

Действительно, эффективная коммуникативная ситуация предполагает в качестве своего результата достижение как можно более полного понимания между субъектами, а, следовательно, вероятность компромисса между ними. Интеллектуальная установка «со-беседников» такова: когда я вхожу в диалог, то допускаю возможность корректировки позиции собеседника, моей собственной, или и моей, и его одновременно. Вряд ли необходимо специально обосновывать социальную значимость сформулированной позиции. Только смысловая гибкость, осознание относительности наших суждений суть предпосылки мировоззренческой терпимости, условия социального сосуществования.

Прямо противоположная ситуация наблюдается тогда, когда совершается манифестация религиозных абсолютов. Они по определению догматичны. Их изрекают, заявляют, декларируют, утверждают. Если диалог выступает как коммуникация равных сторон, то религиозные отношения изначально иерархичны, так как это в первую очередь отношения между Богом и человеком. Религиозным святыням поклоняются, религиозные истины безоговорочно принимают. Монологизм подобной коммуникативной ситуации столь же социально целесообразен, как целесообразен для общества и диалог. Именно такая безапелляционность сакральных знаков обеспечивает религии роль духовного основания бытия отдельных индивидов, так и общества в целом.

Однако социальный статус религии часто проявляется своей обратной стороной, в форме деспотизма, как идейного, так и действенно-практического. Здесь и нетерпимость в отношении к иноверцам, и подавление несанкционированных «свыше» попыток свободомыслия внутри конфессии, и нежелание поддерживать диалог со светским обществом.

Значит, диалог в рамках религиозных отношений невозможен и попытки взаимодействия «на равных» между светским обществом и церковью, между церковью

и государством, между религиозными конфессиями непродуктивны? Диалог возможен и об этом свидетельствуют многочисленные примеры: Вселенские Соборы, «Исповедь» Августина Блаженного, жаркие диспуты средневековых схоластов, религиозно-философские встречи представителей духовенства и светской интеллигенции в России на рубеже XIX–XX веков.

Конечно, говоря об этих и других подобных событиях как о диалоговых формах коммуникации, следует различать понятие «диалог» и конкретную коммуникативную ситуацию. Дело в том, что если понятие представляет собой логический конструкт, по определению лишенный указания на случайное, нехарактерное, то конкретная коммуникативная ситуация, именуемая диалогом, представляет собой столкновение самых разных, часто противоположных по своей природе черт и особенностей.

Так, история первого Вселенского Собора в Никее (325 г.), посвященного, в частности, борьбе с арианством, содержит эпизод, когда император Константин потребовал от присутствующих поименного голосования текста вероисповедования, угрожая ссылкой тем, кто не признает соборного решения. И те два епископа, которые дерзнули противостать императорскому решению, были сосланы вместе с Арием. Очевидно, что на диалог это похоже мало.

Но, вместе с тем, следует помнить, что созыв Вселенского Собора впервые позволил представителям всех поместных церквей встретиться и **обсудить вместе** важнейшие церковные дела. В первый раз мог быть услышан голос **всей** церкви. Примечательно, что когда император вышел к собранию, он сел не на трон, который был приготовлен для него, а рядом с епископами. Обратим внимание и на то, что когда при составлении «Символа Веры» обнаружились несовпадающие позиции, к обсуждению были привлечены **примирительные** формулировки, одна из которых, Осия Кордубского, о единосущности ипостасей Бога и была принята значительным большинством. В этом нам видятся приметы диалоговой коммуникации.

Таким образом, в рафинированном виде диалог обнаруживает себя лишь в теории. Конкретные коммуникативные ситуации содержат в себе как элементы диалога, так и монолога. И если мы используем понятие диалога для определения какой-либо конкретной коммуникации, то не потому, что в ней монолог отсутствует, а лишь потому, что диалогичность в этой ситуации преобладает.

Итак, диалог, даже когда речь идет о религиозной вере, возможен. Но что же препятствует реализации его потенциальных возможностей, что мешает ему воплощаться более полно в сфере религиозных отношений? Обычно религиозное мировоззрение предписывает человеку руководствоваться двумя заповедями. Первая из них предписывает ему любить Бога и, следовательно, ненавидеть зло, другая – любить человека. И если в отношениях между людьми основным принципом выступает принцип равенства, то в отношении человека к Богу действует противоположный принцип неравенства. Принцип равенства, как основа моральных норм, действующих в обществе, делает вражду, нетерпимость безнравственными. Этот принцип оказывается скорее предпосылкой «любви к врагам», кротости, и, соответственно, предпосылкой диалога. Отношение человека к Богу по природе иерархично. Это отношение господина и слуги, высшего и низшего; это коммуникация монолога.

На практике между принципом любви к Богу и принципом любви к человеку часто наблюдается противоречие: тот человек, которого я должен уважать, оказывается моим противником, поскольку не разделяет моих идеалов (не любит «моего» Бога) [3, 122]. Такое противоречие есть результат интеллектуальной процедуры, когда Бог сводится с неба на землю, Истина отождествляется с какой-либо земной инстанцией (человеком, церковью, отдельной верой). Но недопустимо игнорировать тот факт, что служение Богу всегда более или менее субъективно, всегда зависит от наших личных особенностей. Во всей своей полноте Абсолют не раскрывается никому и его понимание, следовательно, относительно. Если эту позицию полностью принять и отказаться от претензий на обладание абсолютной истиной, то возможности диалога даже и в сфере религиозных отношений можно оценить как весьма реальные.

Правда, это слишком общее утверждение. Оно игнорирует вероятность диалога и степень его продуктивности в зависимости от позиций потенциальных собеседников. Точнее от того насколько эти позиции совпадают и насколько отличаются. Так, например, допустимость диалога между мусульманами, с одной стороны, а иудеями и христианами (как «людьми Писания»), с другой, санкционирована Кораном и сунной. Этими же священными для мусульман источниками возможность диалога с язычниками весьма сокращена.

Можно выделить несколько вариантов взаимодействия в зависимости от степени совпадений и различий в позициях сторон. Так диалог в принципе невозможен, если субъекты предполагаемого взаимодействия находятся в непересекающихся информационных пространствах. Это ситуация, когда «люди говорят на разных языках». По аналогии можно попытаться представить себе разговор православного священника и члена сатанинской секты. Вероятно, разговора не получится. Отсутствуют условия диалога и тогда, когда информационные поля виртуальных субъектов полностью совпадают: дефицит смыслового «зазора» исключает обмен информацией.

Возможность продуктивного диалога возникает тогда, когда между собеседниками существует согласие по наиболее значимым для них информационным блокам, но сохраняется несовпадение по менее важным вопросам. Так, например, основой диалога между различными религиозными конфессиями, а так же между религиозными и светскими институтами, могли бы послужить (и уже служат), например, **общечеловеческие** моральные ценности, декларируемые ими. Другой основой диалога в сфере религиозных отношений могло бы стать обсуждение глобальных проблем современности, перед лицом которых многие конфессиональные проблемы культа и догматики наглядно демонстрируют свою релятивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета – Федеральный выпуск № 4892 от 17 апреля 2009 г. Электронная версия // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/04/17/doklad-lukin-dok.html>
2. Православие на Дальнем востоке: Информационно-аналитический портал // Режим доступа: <http://www.pravostok.ru/ru/news/index.php?id=2313>
3. Франк, С. Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии, 1992. – № 3.

**СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА СИНКРЕТИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БУДДИЗМА И ТРАДИЦИОННЫХ
ДУХОВНЫХ СИСТЕМ ЮЖНОЙ СИБИРИ)**

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

Ярчайшей иллюстрацией культурогенерирующей функции религии является религиозный синкретизм. На сегодняшний день совершенно очевидно то, что это явление свойственно подавляющему большинству духовным систем. Более того, понятно, что оно лежит в основе процесса их зарождения, становления и развития. Вместе с тем, в современном социально-гуманитарном знании набирает силу интерес к изучению сущности тех трансформаций и взаимопроникновений, которые приводят к видоизменению религиозного сознания и дают дорогу выделению из материнской конфессии новых направлений. Однако само понятие «религиозный синкретизм» трактуется неоднозначно ввиду разных причин: дисциплинарных расхождений, разницы в подходах отдельных авторов и т. д.

Религия как неоднозначное и многогранное явление является объектом изучения целого ряда наук (философии, истории, социологии, психологии и т. д.). Специалисты-исследователи предлагают разные ответы на вопрос о сущности религиозного синкретизма. Стремясь дать всестороннее объяснение таким категориям, как религиозная вера, сверхъестественное, сакральное, пытаюсь определить место и роль религии в процессе восприятия окружающей действительности, осмыслить место веры в поиске человеком смысла жизни, философы и культурологи воспринимают религиозный синкретизм как важнейшую ступень формирования культуры, как один из главных принципов социально-гуманитарного познания общества в традиционную, индустриальную и постиндустриальную эпохи [1, с. 17–18; 4, с. 11–25; 7, с. 15–16; 10, с. 4–9].

Психология религии, в свою очередь, рассматривая конкретную личностную составляющую религиозного сознания, степень влияния религиозного на поведения человека (фанатизм, аскетизм, «уход от мира» и прочее), отличия психику верующего от психики атеиста [16, с. 27], как правило, трактует религиозный синкретизм как свойство человеческого и общественного сознания воспринимать духовные новации и с течением времени считать их традицией.

В ином ракурсе на религиозные явления смотрит социология религии, преследуя цель охарактеризовать их как составную часть жизни общества, одну из главных сфер его существования. Главным образом, она сосредотачивается на изучении религии как социального института, взаимодействующего с другими, политическими, экономическими и социальными институтами общества [6, с. 9–12]. Исходя из этого, религиозный синкретизм будет интересовать исследователей-социологов с точки зрения влияния на такие важнейшие процессы формирования и упорядочивания социума, как стратификация и социализация.

И, наконец, историки и этнографы, рассматривая религию как неотъемлемую составляющую эволюции любого общества, изучая основные аспекты ее появления,

развития вероучения и институциональных основ (сект, школ, деноминаций, церквей), анализируя влияние всего, относящегося к сакральному и религиозному, на исторический процесс, воспринимают религиозный синкретизм как некую закономерность духовного развития человеческого общества, реализующуюся посредством межэтнических контактов и конфликтов, которые позволяют духовным системам соприкасаться и влиять друг на друга [3, с. 13–16; 18, с. 163–164; 5, с. 376–379; 15, с. 3].

Для отечественной научной мысли использование дефиниции «религиозный синкретизм» уже стало традиционным. Под ней на сегодняшний день, во-первых, применительно к первобытным сообществам подразумевают «состояние религиозного явления, характеризующееся невыделенностью качественно различных элементов или их смешением во внутренне противоречивую систему» [8, с. 467]. Во-вторых, в рамках традиционного и индустриального этапа развития человечества религиозный синкретизм трактуют как «взаимопроникновение одних религиозных представлений в другие, всегда имеющее место при распространении той или иной религиозной системы» [18, с. 163–164].

Однако, сегодня, вместе с привычным терминологическим обозначением тех процессов, которые лежат в основе генезиса вероучения и церковной организации, в научный оборот уверенно входит понятие «процесс синкретизации». Возникает вопрос: каковы же причины выделения этой категории в качестве самостоятельной? В первую очередь, нужно заметить, что религиозным синкретизмом, в большинстве случаев, называли и продолжают именовать уже сложившуюся картину духовного облика изучаемого этноса. Исторические источники фиксировали религиозную ситуацию глазами этнографов и путешественников в том состоянии, которое уже имело в своей основе некое конфессиональное сочетание элементов разных религиозных представлений. Но отдельные процессы такого синтеза протекали параллельно с деятельностью наблюдавших и должны были как-то отделяться от того, что имело место в прошлом и было представлено в религиозном сознании как более или менее завершенная картина.

Так возникла идея смыслового разграничения категорий «религиозного синкретизма» и «процесса синкретизации». Под последней на сегодняшний день, если обратиться к словарю, понимается «соединение религиозно чуждых элементов в одну целостность» [8, с. 467]. Однако к этому весьма общему определению хотелось бы добавить несколько важных характеристик.

На наш взгляд, к семантическому полю понятия «процесс синкретизации» также следует отнести такие сущностные черты как активное взаимодействие элементов разных духовных систем, рассматриваемое во времени и протекающее при определенных исторических условиях (в рамках конкретной этнической среды, при особой государственной вероисповедной политике). Обоснованность этого замечания ярчайшим образом могут проиллюстрировать духовно-культурные процессы, протекавшие на территории Русского Алтая в конце XIX – начале XX вв.

К тому времени указанная территория стала местом встречи двух мировых религий: христианства восточного обряда и северного буддизма. Этническая среда, где произошло соприкосновение двух этих развитых духовных систем, безусловно, не единожды испытывал на себе их влияния, но никогда эти конфессии не стремились так ак-

тивно и настойчиво освоить территорию Южной Сибири. С северо-запада на протяжении XIX в. во внутренний мир и социально-экономическую жизнь региона посредством интенсивной миссионерской деятельности входило русское православие, являясь инструментом политики властей Российской империи, стремившихся перестроить внутренний уклад инороднического населения. С юго-востока, подчиняясь многовековой тенденции распространения в северном направлении среди народов Центральной Азии, конкуренцию христианству составил буддизм в тибето-монгольской махаянистско-варджаянистской форме. Духовное противоборство этих вероучений не обошлось без влияния других конфессиональных факторов, в частности мусульманского (эта вера была привнесена на Алтай казахами-кочевниками) и старообрядческого (раскольники были одними из первых русских, осваивавших эти территории).

В процессе данного конфессионального взаимодействия, первостепенное значение имела этническая среда, которая, в конечном итоге, предопределила многие особенности сложившейся духовной картины на Алтае в первой трети XX в., а также в постсоветский период. С одной стороны, анимистические традиции в тесном сочетании с шаманским культом, стали основой для восприятия духовных новаций. Несмотря на то что шаманизм подвергался порицанию со стороны православных миссионеров, он очень часто не исчезал бесследно с принятием православия, существуя параллельно с христианской догматикой и обрядами [9, л. 19–19 об.]. Буддизм же, в свою очередь, как это показала практика его распространения среди народов Тибета, монголов и бурят, не противопоставлял себя духовной традиции этноса, а наоборот воспринимал ее и трансформировал в рамках своего вероучения. С другой стороны, этнический комплекс мифологии и легенд алтайских народностей, наложил свой отпечаток на особенности того, духовного комплекса, который сформировался в итоге [17, с. 151–155].

Также определяющую роль в рассматриваемых процессах сыграла политика государственной власти в отношении буддийских «прозелитов» на Алтае. Если на межгосударственном уровне императорское правительство преследовало цель не допустить усиления Великобритании на территории Тибета и оказывало весьма осторожную и сдержанную поддержку Далай-ламе XIII, в некоторой степени аргументируя эти шаги заботой о вероисповедных правах российских буддистов [11, с. 114; 2, с. 76–217], то на региональном уровне, в частности на территории Южной Сибири, стремилось пресечь малейшие попытки составить конкуренцию православию [14, л. 295 об.].

Эта совокупность факторов привела к складыванию нового синкретического вероучения, которое получило название в исследовательской литературе «бурханизм», а среди его приверженцев – «белая вера» («ак-жанг»). Это духовное явление имело в своей основе сочетание анимистических традиций алтайцев и буддийских постулатов. Немаловажный факт, что именно бурханизм появился ответом на деятельность православных миссионеров и целенаправленную политику российских властей.

Обратим внимание на то, что описанные выше процессы протекали на глазах у многих этнографов, путешественников, краеведов того времени [13, с. 3; 19, с. 3], фиксировавших этапы трансформации традиционного религиозного сознания алтайцев чуть ли не поэтапно.

Примечательно, что процессы, связанные с генезисом нового вероучения не закончились под натиском антирелигиозной политики советского периода истории России, а лишь замедлились, чтобы потом проявиться с новой силой. С кризисом и распадом СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. происходит возврат коренного населения Южной Сибири к своим духовным корням, что фактически говорит о том, что процесс синкретизации получил второе дыхание и был усложнен обстоятельствами новой религиозной ситуации (деятельность неопротестантских организаций и т. д.). Сегодня уже современные исследователи могут наблюдать следующий его этап на Алтае [12, с. 59–61].

Таким образом, характеристика межконфессионального взаимодействия как динамического явления, протекающего в определенной этнической среде и под влияние целенаправленной государственной политики, представляется чрезвычайно важным, поскольку позволяет безотрывно рассмотреть конфессиональные процессы, в их связи с другими аспектами жизни общества в конкретный промежуток времени. Вместе с тем, в современных условиях глобализирующегося мира анализ религиозного развития с точки зрения процесса синкретизации видится еще более важным, поскольку позволяет выявить, с одной стороны, специфику приспособления элементов традиции к образцам массовой (усредненной и зачастую обезличенной) культуры, а с другой стороны, отчасти определить, как глобализация влияет на процесс воспроизводства самой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулаева, Э. С. Синкретизм духовной культуры: взаимосвязь общего и особенного: автореф. дис. ... канд. филос. наук. 24.00.01 / Абдулаева Элита Султановна. – Майкоп, 2007. – 24 с.
2. Андреев, А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России / А. И. Андреев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. – 464 с.
3. Арзютов, Д. В. Шорцы и северные алтайцы в XIX – начале XXI в.: этноконфессиональные аспекты взаимодействия традиционных верований и христианства: автореф. дис. ... докт. истор. наук 07.00.07 / Арзютов Дмитрий Владимирович. – СПб., 2007. – 21 с.
4. Белогубова, Е. В. Социально-философский анализ соотношения мифологического и эстетического сознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11 / Е. В. Белогубова. – Воронеж, 2007. – 26 с.
5. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – 2-е изд. – М.: Восточная литература, 2001. – 488 с.
6. Гараджа, В. И. Социология религии / В. И. Гараджа: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – 3-е изд., переработанное и дополненное. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 348 с.
7. Дандарон М. Б. Социальное конструирование религиозного сознания: автореф. дис. ... докт. филос. наук. 09.00.11 / Дандарон Мэдэгма Бидияевна. – Улан-Удэ, 2009. – 42 с.
8. Забияко, А. П. Синкретизм религиозный / А. П. Забияко // Религиоведение: словарь / отв. ред. Е. С. Элбакян. – М., 2007. – С. 467–468.
9. Записка диакона Михаила Ялбачева (июнь 1915 г.) // Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. 164. Оп. 2. Д. 101. Л. 19–24.

10. Иванов, А. Н. Перспективы мировых религий: ревитализация и проблемы взаимодействия / А. Н. Иванов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 4. – С. 4–10.
11. Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета (18 августа 1907 г.) (Соглашение, касающееся Тибета) // Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914 / сост.: Е. А. Белов, О. И. Святецкая, Т. Л. Шаумян. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 114–115.
12. Паклин, М. И. Современная религиозная ситуация в Горном Алтае: состояние, проблемы, пути возможного ее развития / М. И. Паклин // Мир Евразии. – Горно-Алтайск, 2008. – № 2(2). Июль – Сентябрь. – С. 58–61.
13. Потанин, Г. Н. В Чемальском тупике / Г. Н. Потанин // Сибирская жизнь. – Томск, 1910. – 29 июня. – № 142. – С. 3.
14. Рапорт старшего советника Томского губернского управления барона А. Бруннова томскому губернатору К. С. Старынкевичу от 22 июля 1904 г. // Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688. Л. 293–301 об.
15. Таевский, Д. А. Синкретические религии и секты: словарь-справочник / Д. А. Таевский. – М.: INTRADA, 2001. – 160 с.
16. Угринович, Д. М. Психология религии / Д. М. Угринович. – М.: Политиздат, 1986. – 352 с.
17. Хомушку, О. М. Традиционные религиозные верования народов Саяно-Алтая и проблемы религиозного синкретизма / О. М. Хомушку // Движение Ак-янг (белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / редкол.: Н. В. Екеев, Н. М. Екеева, Н. А. Майдунова, С. П. Тюхтенева, Е. Е. Ямаева. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2004. – С. 149–163.
18. Шерстова, Л. И. О религиозном синкретизме алтайцев в конце XIX – начале XX в. (на примере алтай-кижи) / Л. И. Шерстова // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: тезисы докладов / под ред. Э. Л. Львовой. – Томск: Изд-во Томского университета, 1985. – С. 163–165.
19. Шишков, В. Я. По Чуйскому тракту / В. Я. Шишков // СЖ. – Томск, 1913. – № 154. – 14 июля. – С. 3.

Т. И. Кимеева

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА К РЕГИОНАЛЬНОМУ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ
СРЕДСТВАМИ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ**

Музей физкультуры и спорта Кузбасса

г. Кемерово

Актуальной задачей современного общества является обеспечение жизнеспособности национального материального культурного наследия, сосредоточенного в фондах российских музеев. Требуется своего решения и вопрос о приобщении к культурным ценностям своего региона будущих специалистов в области использования и сохранения традиционной культуры. Их профессиональной задачей должно стать не столько

сохранение отдельных памятников и артефактов, но и включение в жизнь, в реальности современного мира всего культурного наследия в его целостности и многообразии. Систематизация, исследование музейных материалов на базе музеев составляют часть образовательного процесса студентов специальности «Музейное дело и охрана памятников» специализации «Историко-культурное наследие Сибири».

Обучение студентов в рамках спецкурса «Материальная и духовная культура народов Сибири» организуется, наряду с аудиторными, осуществляется посредством практических занятий в музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, с которым Кемеровский государственный университет культуры и искусств связывает договор о совместном сотрудничестве. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ первоначально был создан как учебно-вспомогательное подразделение при кафедре археологии. За годы своего существования с помощью соответствующих кафедр и ученых университета в нем, кроме археологического, сформировались этнографический и зоологический отделы [2]. Развитие научных исследований происходит непосредственно в самом музее, где зарождаются научные идеи, создаются кандидатские и докторские диссертации. На его базе проводятся лекционные занятия, даются основы научно-исследовательской работы. Музей формирует историческое сознание и чувство сопричастности к региональному культурному наследию. Специфика многих вопросов спецкурса предполагает изучение вопросов по региональной народной культуре и обязательную самостоятельную внеаудиторную творческую работу обучающихся с материалами музейных коллекций. Таким образом, в ходе изучения данного спецкурса наряду с пассивными методами обучения студентов в виде лекций преподавателя, широко используются активные методы, среди которых:

- наглядные методы обучения, включающие работу с материалами экспозиций по традиционной культуре народов Сибири: источником знаний в данном случае являются наблюдаемые подлинные музейные предметы, включенные в структуру экспозиции;

- практические методы обучения, заключающиеся в выполнении заданий по описанию этнографических памятников, определению их хронологии и т. д.

Основная часть занятий по данной дисциплине ориентирована на изучение материалов этнографической экспозиции музея, отражающей специфику материальной культуры региона. В основе построения музейной экспозиции лежит принцип подразделения традиционной культуры народов Сибири на материальную и духовную. В состав большей части этнографической экспозиции включены подлинные предметы, характеризующие сферу материальной деятельности и её результаты – жилища, орудия производства, оружие, предметы повседневного обихода, одежду, средства транспорта и др. Меньший по объему раздел экспозиции составлен из материалов, представляющих духовную культуру – религиозные верования, мифологию, народное искусство и т. д.). Предметы по этнографии народов Сибири датированы концом XIX – I половины XX в.

Одна из тем спецкурса – «Традиционные жилища народов Сибири» – включает самостоятельную работу студентов, состоящую в описании интерьера срубной юрты скотоводов Южной Сибири. Внимание студентов при выполнении работы акцентируется на особенностях хозяйственно-культурного типа скотоводов, сложившегося в

степной и лесостепной зонах Южной Сибири. В соответствии со спецификой музейной образности в отделе этнографии воссоздана многоугольная срубная юрта, отражающая переход кочевников на оседлость к концу XIX в. Интерьер юрты составлен из предметов хакасской коллекции. Посреди жилища под отверстием в крыше для выхода дыма расположен очаг с треногой и казаном. Особенностью художественного решения экспозиции является изображение части интерьера – кровати с занавеской над ней, а также акцентирование проектировщиками экспозиции на условное деление юрты на женскую (правую половину), где изображена полка с фарфоровой посудой, и мужскую (левую) с расположенными ближе к ней православными иконами. Женская часть жилища обставлена подлинными предметами женского труда – зернотеркой, ступой, маслобойкой, и другой – деревянной, берестяной и металлической утварью. В мужской части жилища помещен сундук с висящими над ним ружьем, седлом и другими деталями конского снаряжения. Неподалеку от кровати расположилась характерная для кочевников детская деревянная люлька «*небей*» с дугой и короткими ножками в изголовье.

Особенности иной культуры, сложившейся в рамках хозяйственно-культурного типа таежных охотников-собирателей-рыболовов, становятся предметом исследования студентов на примере экспозиций диорамного типа «Хозяйство и быт шорцев» и «Охота народов Сибири». Жилище таежных охотников-собирателей иллюстрирует в этнографической экспозиции «*сенек*» шорцев конца XIX – начала XX вв. Этот тип жилища отражает русское влияние в архитектуре автохтонного населения Сибири и представляет собой срубное однокамерное сооружение с двускатной крышей. Отличительной чертой от русской избы является отсутствие потолка и отверстие в крыше над очагом для выхода дыма. Создание экспозиционного образа усилено художественно-изобразительными средствами: очаг, устроенный у противоположной входу стены, подвешенная над ним жердь с котлом, сидящая на широкой лавке шорская женщина, занятая приготовлением пищи.

Традиционные занятия шорцев мотыжным земледелием, собирательством и домашними ремеслами – обработкой дерева и бересты характеризуют расположенные на подиуме диорамы подлинные предметы: 1) орудия собирательства: корнекопалка «*озуп*», вальки для растирания кедровых шишек «*набрык*», ступа «*сак*» с пестом; 2) домашняя утварь: чашки, ковши, берестяные туеса и коробки. Часть музейных предметов отражает русское влияние: цеп с путцом, ухват. Представлены в экспозиции и историко-бытовые предметы, появившиеся у автохтонов под влиянием городской культуры, например, тульский самовар.

Такие женские занятия как ткачество, пошив одежды и ее декорирование отражает представленный в диораме кендырный халат. Ткань «*кендырь*», изготовленная вручную из волокон крапивы или дикорастущей конопли, использовалась для пошива рубах «*кендырь кунек*», штанов «*кендырь штан*», халатов «*кендырь шабыр*», шитья голенищ сапог. Воротники халатов украшает несложный вышитый орнамент, иногда с использованием аппликации из ткани.

Размещенные в этнографической экспозиции копии фотографий к. XIX – нач. XX вв. дают представление о жилище шорцев и других охотников-собирателей таежной зоны Южной Сибири до русской колонизации – тофаларов и челканцев. Это со-

оружия каркасно-столбовой конструкции, покрытые снаружи колотыми полубревнами, переложенными берестяными тисками, без окон, с навешанной дощатой дверью. Кроме того, расположенные у витрины фотографии раскрывают ряд домашних занятий шорцев: приготовление «*талкана*» и алкогольного напитка «*араки*».

Раскрытию содержания темы охоты как присваивающей формы хозяйственной деятельности народов Сибири способствует использование художественно-изобразительных средств. На задней стене диорамы просматриваются зимний пейзаж горной тайги, охотничье-промысловый стан со срубной стационарной юртой и члены охотничьей артели. На подиуме помещен манекен охотника-шорца на камусных лыжах с универсальным лыжным посохом «*каек*» в руках. Охотник одет в халат и штаны из кендырной ткани. Шапка из такого же материала обшита по околышу шкуркой кабарги. Ноги обуты в сапоги из сыромятной кожи, в которые помещалась трава «*азагат*» (высушенная осока), предохраняющая ноги от холода. В большие морозы охотник надевал два или три кендырных халата. Через плечо охотника перекинута сумка из шкурки барсука с боеприпасами и специальный ремень «*натруска*» с набором охотничьих принадлежностей (пороховницей из коровьего рога, кожаным мешочком для дробы и пистонов, костяными мерками и металлическими отвертками для ремонта ружья). Сзади за поясом заткнут топор.

Активный способ охоты, сложившийся к началу XX в., отражен в диораме наличием огнестрельного оружия. Охотник с ружьем обычно выслеживал пушного зверя с помощью собаки. Или в марте-феврале преследовал на своих широких камусных лыжах крупных копытных, которым трудно передвигаться по насту. Пассивные способы охоты характеризуют расположенные справа и слева от манекена ловушки: орудие лучкового боя – черкан для ловли мелких пушных зверьков и дуговые железные капканы, появившиеся вместе с промышленным освоением региона русскими.

Новый этап в жизни автохтонных народов Сибири и начало взаимовлияния традиционных культур отражено в витрине «Многообразие культур народов Сибири», где рядом с макетом городища древнего населения Притомья – тюльберов – расположен макет сибирского казачьего острога XVII–XVIII вв. Городище представляет собой часть оборонительного вала с воротами, мост через ров, мастерскую древних металлургов с плавильной печью, жилые землянки и культовый жертвенник. Острог состоит из комплекса архитектурных сооружений, характерных для русских европейской части России. Острожная стена включает аналоги башен различных сибирских острогов: 1) проездная башня – реконструкция башни Казымского острога; 2) угловая башня Сосновского острога; 3) угловая башня Томского города; 4) башня Братского острога; 5) проходная башня-рентория. Церковь деревянная, срубная, представляет собой уменьшенную копию церкви Мангазейского города. Воеводский двор состоит срубного дома XVII–XVIII вв., двухъярусного амбара, бани. Приказная (сезжая изба) и постройки усадьбы казачьего атамана Теплинского срубные, соответствуют стилю XVII в.

Этническое многообразие Сибири представлено с помощью рельефной карты, висящей над макетом городища и острога. Разнообразие декоративного народного искус-

ства автохтонного и переселенческого населения передано расположенными в плоских прозрачных витринах справа и слева от карты подлинными серебряными украшениями телеутов и мордвы-эрзя.

Экспозиционное решение витрины «Женский костюм скотоводческого населения Южной Сибири» позволяет отметить различия в одежде двух соседних народов, относящихся к одному хозяйственно-культурному типу – телеутов и алтайцев, что способствует овладению студентами методами сравнительно-исторического анализа.

Экспозиция построена с использованием двух манекенов, одетых в телеутский и хакасский костюмы. Нижняя рубаша телеутов «*кунек*» длинная – до щиколоток, туникообразного покроя, расширенная к подолу за счет боковых клиньев. Ее прямой пазушный разрез обшит декоративным шнурком, образующим с одной стороны петли для многочисленных сферических пуговиц. Рукав широкий, слегка зауженный к обшлагам, пришит прямо к основе. Для удобства подмышками пришиты ластовицы. Невысокий и жесткий стоячий воротник украшен декоративными квадратиками. Подобные украшения нашиты и на нагруднике вытянутой овальной или прямоугольной формы с треугольным завершением. Серьги ажурные, массивные, по форме напоминающие стилизованный цветок, опущенный лепестками вниз; на концах лепестков укреплены сферические подвески, характерные для среднеазиатских ушных и височных украшений. Женская рубаша хакасов «*когонек*» длиной немного ниже колен, с вышитыми растительным орнаментом поликами (наплечниками), с широким станом, собранным у ворота и наплечников в мелкие складки. Отложной мягкий воротник с длинными заостренными концами застегивался на одну пуговицу у прямого пазушного разреза. Широкие рукава украшались манжетами с вышивкой. Нагрудник «*ного*» полуовальной формы, с растительно-геометрическим орнаментом, выполненным бисером, бусинами, пуговицами. Вместо сережек, хакаски носили ушные подвески «*зерга*», украшенные серебряными монетами, бусинами и кисточками из шелковых ниток. Женский халат телеутов «*чиймек*», сшитый из шелка на х/б подкладке, с накладным шалевым воротником, украшенным полосой парчи и кистями не имеет аналогии у соседей хакасов. Женский костюм последних дополнен распашным жилетом «*сегедек*», декорированным вышивкой и цветной тесьмой вдоль пройм рукавов и полоч, напоминающим «*чигедек*» алтайцев. Женские калоши «*чарык*», обшитые полосками темного и красного сукна и надеваемые с суконными и вязаными чулками, были характерны для телеутов. Хакасской женской обувью служили сапоги на мягкой подошве.

Экспозиционное решение витрины позволяет использовать метод сравнительного анализа при характеристике декоративно-прикладного искусства телеутов и хакасов. Ткачество телеутов ограничивалось изготовлением поясов, декором которых являлись цветные горизонтальные полосы. Хакасы занимались изготовлением поясов, применяя технику браного ткачества, создавая геометризованные растительные композиции. Для вышивки хакасов характерно наличие растительных мотивов – вьющегося стебля, пальметты, завитков. Сложные элементы растительного орнамента выполнялись по рисунку, нанесенному с помощью лекал, представленных на подиуме витрины. Для телеутов вышивка цветными нитками не характерна. Последние особым способом нашива-

ли аппликацию из берестяных квадратиков, устилая их золотной или серебряной нитью. В технике аппликации из цветных лоскутов телеуты изготавливали покрывала и подзоры для кровати.

Выполнению сравнительно-исторического анализа костюмного комплекса скотоводов и таежных охотников Южной Сибири способствуют введенные в витрину копии фотографий из архива МАЭ (Кунсткамеры) Санкт-Петербурга с изображением костюма алтайцев, хакасов, телеутов нач. XX в.

Экспозиционное решение четырех небольших витрин, объединенных общим названием «Хозяйственные занятия русских старожилов и переселенцев в Сибири» и посвященных отдельным моментам материальной культуры русских старожилов и переселенцев, призвано показать взаимовлияние разных культур в условиях Сибири. В самой большой из витрин выставлены два стилизованных манекена, характеризующих комплексы русского женского костюма: сарафанный (южнорусский) и паневный (северорусский). Подлинные женские рубахи дополнены реконструкцией сарафана и паневы. Демонстрация данных типов женского костюма помогает опровергнуть мнение о заимствовании русского типа одежды автохтонами и говорить о переходе разных народов Сибири на городские формы одежды, появившиеся под влиянием новых социально-экономических условий. В данном случае студенты вновь обращаются к методами сравнительно-исторического анализа при характеристике костюмных комплексов русских Сибири.

Женские занятия русских переселенцев представлены прядением, ткачеством и вышивкой через подлинные музейные предметы: самопрялку, гребень для чесания льна, веретено, образец кудели, холст, тканые вышитые полотенца и вышитые рубахи из домотканого полотна. Мужские занятия переданы через музейные предметы-подлинники в трех небольших витринах. В одной из них кузнечество и деревообработку иллюстрирует набор кузнечного и плотницкого инструмента. Принятое при создании экспозиции решение разместить рядом орудия кузнечества и деревообработки русских и шорских мастеров позволяет говорить о бытовании у них одинаковых орудий труда в данных видах деятельности. В другой витрине представлены образцы берестяных сосудов – туесов и плетеных из берестяных полос корзин. В третьей витрине показаны сосуды русских гончаров из с. Красное Ленинск-Кузнецкого района – бывшего с. Брюхановского, где проводились регулярные торговые ярмарки и предметы могли быть приобретены представителями автохтонного населения.

Разницу и сходства в мировоззрении народов Притомыя студенты могут проследить при анализе уникальной коллекции музея по традиционным религиозным верованиям, представленной в витрине и диораме, где продемонстрировано мирозерцание народов Притомыя и из соседей. С помощью различных визуальных средств передаются сложные понятия, лежащие в основе искусства, мифа, ритуала. Экспозиция помогает понять смысл ситуации, события, объекта.

Использование детального показа подлинных предметов духовной культуры «Религиозные верования автохтонного населения Сибири», позволяет студентам обратиться к понятию «религиозного синкретизма», сложившегося в Сибири к к. XIX в., когда происходило неорганическое слияние различных культов и религиозных систем.

Через музейные предметы, на примере телеутов и шорцев, обучающиеся дают характеристику на основе прослушанной на предыдущих занятиях лекции о бытовании у автохтонов Сибири родовых культов: семейных покровителей «эмегендер», «енекелер» (тел.) и «орекенер» (шор.); охотничьих покровителей «курмуш» (тел.) и «шалыг», «тайгам» (шор.), отголоска культа огня «от ээзи», почитание духов «пайана» (тел.). Наличие в коллекции высушенной лапы медведя позволяет говорить о его культе: медведю посвящали специальные ритуальные праздники, а отсеченную лапу «апшак» подвешивали над входом в жилище для отпугивания злых духов.

Представленные в витрине миниатюрные бубны «чалулар» свидетельствуют о формировании шаманизма на основе родовых верований. Такие предметы изготавливали для «эмегендера», если изображающая его фигурка олицетворяла предка-шаманку.

Принятие большинством народов Сибири православия показано в данной витрине на примере деятельности Алтайской духовной миссии. Над витриной размещена карта деятельности миссии, портрет одного из видных ее деятелей – протоиерея В. Вербицкого – не только священника, но и этнографа. Его работу в Горной Шории олицетворяют копии фотографий из фондов МАЭ (Кунсткамера) Троицкой церкви в улусе Усть-Анзас и священника из местных аборигенов с семьей.

Художественное решение диорамы «Культовые обряды автохтонных народов Сибири» вводит студентов в предстоящее действие праздника тюркоязычных народов Сибири, совершаемого на почитаемой родовой горе. У телеутов это было моление *ыйыкам* – духам, охраняющим горы. Хакасы называли моление с целью испрашивания приплода скоту *таг тайых*.

В диораме на фоне гор, мужская часть населения улуса в традиционных костюмах, двух разведенных костров и привязанного к жертвенному столбу коня белой масти размещены два манекена, изображающие шамана и его помощника. За отсутствием в музейной коллекции шаманского костюма, манекены одеты в традиционные шелковые рубахи хакасов с поясами. На голове шамана – реконструкция шаманской шапки. Шаман камляет с помощью бубна и колотушки. Помощник разбрызгивает жертвенный напиток на четыре стороны света и ведет за собой жертвенного барана.

Реконструированный бубен в руках шамана играет важную роль в этнографической экспозиции. С его помощью студенты выполняют самостоятельную работу, характеризуя представление древних тюрков о структуре Вселенной, о населении их мифическими духами, о формирующихся вместе с шаманизмом божествах: верховном – Ульгене и подземном – Эрлике.

Отправление религиозного культового обряда Кочо-Кан – испрашивания весеннего плодородия шорцами, кумандинцами и хакасами представлено фотокопией из фондов МАЭ (Кунсткамера). Атрибутами праздника были специально вырезанный из березы фаллос жеребца, берестяная маска с усами и бровями из беличьего меха и посох. Бескровное жертвоприношение показано с помощью устроенного рядом с диорамой жертвенника «сомо» из молодых березок с привязанными синими и красными ленточками. На жертвенник брызгали – «кропили» молоком или водкой в случае болезни членов семьи.

Таким образом, структура экспозиции по этнографии отвечает современным требованиям образовательного процесса в вузе. Через экспозицию происходит целенаправленная передача знаний. Пояснительные стенды к экспозициям, составленные на основе современных научных знаний, представляют своеобразные учебные пособия по этнографии народов Притомья. Проводимые в музее занятия со студентами дают возможность проявления их творческой активности. Помимо занятий по программе спецкурсов, они участвуют в обсуждении экспозиций, им предоставляется возможность «пробы пера» в создании тематико-экспозиционных планов. В ходе занятий студенты принимают участие в обсуждении этнографической экспозиции, составляют предложения по ее реконструкции. Музей, таким образом, предоставляет студентам широкие возможности для приобретения навыков музейной работы и приобщения к историко-культурному наследию своего региона.

Кроме работы студентов с «живой экспозицией», музей «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета в настоящее время успешно решает вопросы расширения образовательных возможностей на базе музейных коллекций путем внедрения новых информационных технологий в учебное, научное и культурно-образовательное пространство музея, создание открытого объединенного информационного ресурса [1]. Сайт музея предоставляет студентам возможность детального изучения отдельных музейных предметов, знакомства с археологической, этнографической и зоологической экспозициями [3]. Созданные коллективом музея виртуальные экскурсии на электронных носителях могут быть широко использованы в образовательной деятельности за пределами стен музея.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова, Н. А., Кимеева, Т. И., Боброва, Л. Ю., Гатилова, О. Б. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и его роль в сохранении историко-культурного наследия региона // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Т. 1. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. Ин-т угля и углехимии СО РАН. – Кемерово: Изд-во «СКИФ», 2004. – С. 425–435.
2. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. – Вып. 1. – Кемерово: ФГУИПП «Кузбасс», 2006. – С. 83–96.
3. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Электронная версия. Режим доступа: <http://museum.kemsu.ru>

Е. А. Ковешникова

МУЗЕЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Актуальные задачи культуры в современный период глобализации показывают необходимость сохранения традиционной культуры посредством развития функционального поля музея. Впервые проблемы расширения музейной деятельности встали во второй половине прошлого столетия. В соответствии с новыми потребностями, музеи

должны «выйти за пределы традиционных задач и функций: идентификации, консервации и просвещения – и перейти к осуществлению более широких программ, которые позволят им активнее участвовать в жизни общества и полнее интегрироваться в окружающую среду» [1]. Возросла потребность в более четком определении и реализации функций музея, позволяющих осуществить его миссию в обществе.

Значение музеев, по мнению некоторых исследователей, заключается, прежде всего, в нравственно-эстетическом воспитании. Располагая, широкими возможностями для развития межкультурного диалога и отдельно взятой культуры, музеи способствуют формированию творческой личности, которая «усвоив текст гуманитарной культуры, интерпретирует его в контексте собственной жизни» [2]. Реализация таких задач возможна вследствие личностно-ориентированных технологий, истоки которых лежат в диалоговой концепции культуры Бахтина – Библера, где обосновывается идея всеобщности диалога, как основы человеческого сознания [2]. Концепция, в которой диалогические отношения понимаются практически как универсальное явление, позволяют сделать вывод о том, что «там, где начинается сознание, там начинается и диалог» [10]. В свою очередь, музей, способствует развитию широкого диалога межличностного, внутрикультурного, межкультурного.

М. С. Каган, З. А. Бонами, В. Ю. Дукельский и ряд других исследователей определяют основную функцию музея как хранение и передачу негенетического опыта культуры. Данная трактовка опирается на представление о культуре как механизме социального наследования, иными словами, культура понимается как система хранения (сохранения) и передачи информации. Музей, как место сохранения памяти культуры становится в один ряд с архивом и библиотекой, системой образования и другими очагами искусства. Но, в то же время музей – это специфический аккумулятор культуры, он появляется на определенном этапе исторического развития, именно с характерными только для него функциями.

Так, например, одной из важнейших задач музея З. А. Бонами называет подключение человека к «культурному коду» современной ему культуры [3]. Она рассматривает культуру, как систему хранения и передачи информации, и особенно выделяет коммуникативный характер культуры в целом. Функционирование культуры, преемственность культурной традиции возможны лишь в результате социального взаимодействия, которое осуществляется посредством обмена различными культурными кодами. Культура в целом, есть совокупность различных культурно-исторических кодов. Способность участников коммуникации оперировать данными кодами (своеобразными языками культуры), является необходимым условием возможности межкультурного диалога и информационного обмена и, как следствие, передачи культурной традиции. Сущность образования сводится именно к овладению человеком, определенным количеством культурных кодов, позволяющих ему адекватно взаимодействовать с культурной средой и другими людьми в ней. Образование, как процесс познания (подключения) к культурным кодам, только не сводится к овладению научным знанием, а требует от человека приобщения к культурным кодам политики, искусства, морали и религии, включает в себя бытовой уклад и традиционный образ жизни. То есть, задачей музея является не только получение фундаментальных знаний, о какой либо области общест-

венного развития, но и прежде всего формирование определенных качеств личности, получение целостного мировоззрения. Очевидно, что в любой культуре, отличающейся большой степенью специфических традиций, знания, необходимы институты, являющиеся точками пересечения различных областей. В. Ю. Дукельский, рассматривает музей как один из инструментов, «призванных компенсировать разрушившийся механизм традиции и отчасти восполнить разрыв между потребностями общества и реально производимой предметной средой» [6]. Наиболее четко устанавливает связь между музейным предметом, как носителем значения, и музейной коммуникацией, понимаемой как трансляция памяти культуры.

Такая ситуация связана с осознанием историчности человеческого бытия. «Среди бесчисленного множества вариантов отношения человека к вещи музей в первую очередь реализует те из них, которые связаны с осмыслением вещи в рамках прошлой и современной культуры. На первый план при этом выступает двойственность вещи, выраженная в сочетании конкретности формы с полифункциональностью и полисемантичностью» [4]. Музейная деятельность тесно связана с процессом культурной коммуникации, следовательно, межкультурного диалога, которая носит информационно-знаковый характер, то есть коммуникативный, и является следствием непрерывного процесса возникновения новых значений в культуре и потерей других. Функция музея заключается, в первую очередь, в целенаправленном выявлении всего комплекса значений, свойств, присущих вещи (предмету). «Феномен музейного предмета возникает лишь потому, что сами вещи в исторической действительности выступают как средство взаимосвязи людей, живущих в обществе, как своеобразная форма посредничества между ними» [3]. В. Ю. Дукельский рассматривает музей как институт, выявляющий культурно-формирующую функцию вещи, то есть позволяет им выступать в качестве посредников «знаков» в коммуникативных процессах. Большая часть необходимой для формирования личности информации передается, по мнению исследователя, только через предметно-вещевые формы культуры. Таким образом, возникает необходимость привлечения таких понятий, как эмоциональное восприятие, опыт, мировоззрение и ряд других, отражающих значение музея для разнообразных процессов, происходящих в современном обществе, и его роли в формировании личности.

Определяя типологические характеристики субъектов и моделей музейной коммуникации, интерпретируя и синтезируя имеющиеся музееведческие знания, необходимо привлекать релевантный для данного подхода эмпирический материал. Развитие теории музейной коммуникации, определяет специфику музея в ряду других коммуникационных систем, и его функции как особого организма коммуникации, воспроизводства культуры, взаимодействия, и диалога различных культурных общностей. Теория музейной коммуникации, является важной составной частью общего процесса культурного познания и системы научных знаний.

Музей с точки зрения коммуникационного подхода, является более мобильным институтом, позволяющим эффективно решать локальные проблемы любой культуры, на теоретическом, и практическом уровнях. Осуществляемый в рамках данного подхода межкультурный диалог затрагивает различные процессы музейной коммуникации, например, коллекции, экспозиции. Он дает выход на традиционную проблема-

тику, соответственно, на музейный предмет, профессиональную деятельность, аудиторию, корректирует традиционные представления. Например, в случае музейных коллекций существенным с позиций коммуникационного подхода является не столько их состав, сколько отношение к ним, т. е., типы взаимоотношений в культуре, и между культурами.

Основные принципы «музейной коммуникации» были сформулированы в концепции канадского ученого Дункана Камерона. Музей, он, рассматривает, как систему коммуникации, со специфическими чертами визуального и пространственного характера этого процесса коммуникации.

Коммуникация происходит посредством, какого-либо носителя, а в качестве носителя могут выступать материальные объекты, логические построения, речь, знаковые системы, ментальные формы и другие проявления. Когда субъекты коммуникации не вступают в прямой контакт, коммуникация происходит посредством текста или другого носителя информации. Главная особенность коммуникации — это возможность для субъекта понять получаемую им информацию. Понимание сущности коммуникации предполагает единство языка между коммуникаторами, единство ментальностей и сходство их уровней социального развития. Возможна коммуникация далеких во времени и пространстве культур, в таком случае понимание культур может протекать, как реконструкция или конструкция на основе принятых норм в воспринимающей культуре.

Это заставляет обратиться к задаче построения базового музееведческого представления, отвечающего основным принципам коммуникационного подхода. Такое представление должно быть абстрагированным от эмпирических черт институциональной организации, характерных для музея той или иной эпохи, должно создавать большие возможности для коммуникационной интерпретации музейного «универсализма». Этим требованиям удовлетворяет моделирование процесса музейной коммуникации.

Всякое собрание предметов, изъятых из среды бытования, возникает как собрание осмысленное, это означает, что у его истоков стоит субъект, наделяющий вещи ценностными значениями. Он реализует при этом определенную культурную норму отношения к предметному миру или задает ее. Кроме субъекта, формирующего осмысленное собрание, всегда существует субъект воспринимающий, ибо собрание, которое никто не осматривает, нельзя считать фактом культуры. Вторым субъектом является также носителем каких-то культурных установок, если его установки совпадают с установками первого, между ними возможно взаимопонимание, и смысл, заложенный в собрание, будет адекватно воспринят. Происходит элементарный акт музейной коммуникации — минимальная единица коммуникационного анализа в музейной коммуникации, в данном случае акт успешный. Если же культурные установки субъектов различны, коммуникация может быть нарушенной. Для устранения коммуникационных нарушений и достижения взаимопонимания необходим диалог между субъектами, возможно, с участием третьих лиц, направленный на выработку «общего взгляда на вещи». Диалог этот может найти продолжение в деятельности, включающей комментирование или попытки пространственной визуальной организации собрания (коллекции), делающей его смысл наглядным.

Такое представление допускает развитие «вширь», путем включения по тем же принципам новых участников. Это позволяет анализировать структуры музейной коммуникации разного уровня сложности, рассматривая его и конкретизируя входящие в него параметры, можно осуществлять: теоретическую, историческую, и проектную интерпретацию исходной модели.

Данный подход является более мобильным образованием, позволяющим эффективно решать локальные проблемы, теоретического и практического характера. В наиболее общем виде музейная коммуникация характеризуется рядом принципов (тезисов), задающих особый взгляд на всю музейную деятельность.

1. Гуманитарный, антропоцентристский подход, в основе которого стоит человек. Коммуникационный процесс предполагает двигаться от «субъекта», а не от «вещи».

2. Культурологический подход, использует в процессе коммуникации знаки и символы, независимо от их материальных носителей, существующих в определенном поле культурных значений. Поэтому субъекты, включенные в музейную коммуникацию, выступают как носители культурных позиций, а музейные предметно-пространственные «высказывания» – как культурные, и межкультурные тексты.

3. Диалогический подход, рассматривающий разные культурные структуры с участием как минимум двух разных субъектов. Поэтому основным элементом любой модели музейной коммуникации, является «разность культурных потенциалов» или культурно-историческая дистанция, имеющая, синхронное и диахронное измерения.

4. Аксиологический подход, основывается на ценностном представлении межкультурного общения. Поэтому ценностный аспект музейной коммуникации рассматривается как ведущий, а другие аспекты, такие как, передача информации, знаний и т. д., как подчиненные.

До появления коммуникационного подхода музееведческие представления были в основном целенаправлены на музейные собрания и на институциональную организацию музейной деятельности. Коммуникационный подход, добавил направление на музейную аудиторию [9]. Развивая данный подход, исследователи путем соединения новых представлений со старыми взглядами, последовательно включали в рассмотрение модели других участников коммуникации, уходя в музейно-предметную и музейно-институциональную парадигмы, которые требовали коммуникационной интерпретации. Этим объясняется несогласованность представлений используемых для создания структурных моделей музейной коммуникации.

Представители различных направлений в музееведении опираются на существующие концептуальные модели, а под «концептуальной моделью» в данном случае понимаются попытки осмыслить все разнообразие функций музея через какое-либо базовое понятие [8].

В соответствии с ними получили распространение, следующие структурные модели музейной коммуникации:

1. Познавательная – коммуникация (общение) посетителя с сотрудником музея, задача которой получение знаний через музейный экспонат (К. Хадсон).

Эта модель приемлема для любого типа музея и носит или монологический, или диалогический характер.

2. Эстетическая – посетитель в музее, непосредственно общается с экспонатом, который приобретает самоценное значение (Г. Осборн, Д. Вайлер). Такая модель коммуникации направлена, прежде всего, на эмоциональную сферу.

3. Знаковая – через экспонат, который представляет собой некий знак культурно-исторического наполнения, посетитель музея «общается», восстанавливает связь времен прошлого, настоящего и будущего (Ю. Ромедер). По концепции Ю. Ромедера, музейный предмет лишь знак некоторого общественно – исторического содержания [11]. Музей и музейная экспозиция представляются как коммуникативная знаковая система, отражающая различные историко-культурные явления и процессы через экспонаты как знаковые компоненты. Данная модель музейной коммуникации используется для общения с другой культурой, эпохой на основе преодоления культурно-исторической дистанции. В этом процессе общения коммуникатор (музейный работник) выступает в роли посредника между двумя культурами.

4. Диалоговая – посетители музея общаются между собой, диалог возникающий между разными категориями посетителей, развивает функции музея, как центра культурной и общественной жизни (Р. Стронг, Е. Александер).

5. Междисциплинарная – в основе лежит междисциплинарный подход сотрудничества специалистов различного профиля – музееведов, историков, психологов, социологов и других, а также сотрудничества разнопрофильных музеев (М. С. Каган, Б. А. Столяров).

6. Информационно – коммуникативная – посетители в музее рассматриваются, как функционирующие в социокультурном пространстве объекты, которые являются компонентами, составляющими особое биосистемное образование «музей – посетитель», включенное в социокультурную среду (С.В. Пшеничная).

Музей так же может пониматься как «культурная форма» (Т. П. Калугина), как механизм культурного наследования (М. С. Каган, З. А. Бонами, В. Ю. Дукельский), как рекреационное учреждение (Д. А. Равикович, К. Хадсон, Ю. Ромедер).

Предлагаемые модели разнообразны, возвышают музей до уровня определяющего фактора, развитие культуры в целом. Но отсутствие общей базовой концепции музея как феномена культуры, препятствует развитию теории музейной коммуникации и рассматривает музей изолированно от других областей социально-культурной деятельности. В рамках институционального направления музей рассматривается как один из институтов, предназначенных для хранения, собирания, интерпретации объектов. Если рассматривать функции, выполняемые различными коллекциями предметов, то оказывается, что они не все одинаковы. Собрание может иметь сакральные функции, рассматриваться как признак высокого социального статуса и т. п. Таким образом, возникает необходимость определения того, что отличает музей от других институтов, чья деятельность связана с накоплением предметов. В рамках институционального подхода ответа на этот вопрос не дается. Надо отметить, что большинство авторов описывают развитие исторических форм музея вне контекста культуры в целом. Сторонникам институционального подхода более свойственно рассматривать музей как социальный институт, выполняющий утилитарные функции, например, как научно-исследовательское и просветительское учреждение. Среди исследователей нет единого мнения,

какую из функций музея следует считать основной. Некоторые, например Й. Бенеш, на первое место ставят общественное значение музея, его роль в развитии общества, предполагается, что главная задача музеев – развивать и просвещать посетителей, а все остальные функции, должны быть ей подчинены. Другие, в частности И. Неуступный рассматривают музей, в первую очередь, как научно-исследовательское учреждение, особо отмечая необходимость проведения музейными работниками фундаментальных исследований. Функции собирания, хранения и популяризации коллекций являются вторичными и должны быть подчинены требованиям научно-исследовательской работы, которая должна использовать весь потенциал какого-либо научного знания.

Таким образом, смена самой парадигмы историко-культурного развития определяет направление развития тех общественных институтов, которые могут и должны реализовывать актуальные задачи культуры. Если раньше музей «осуществлял отбор и сохранение образцов культуры, воплощающих общественные ценности» и, следовательно «рассматривался как дополнительное средство пополнения знаний» [14]. То, на современном этапе, музей значительно расширил свои рамки, и стал рассматриваться как информационный и коммуникативный центр культурного наследия.

Встреча людей, различных национальностей (этносов) – это встреча культур, которая представлена своими носителями и в силу этого возможно непонимание. «Встреча – особый процесс и акт взаимопонимания и взаимодействия субъектов в глубинном общении, в котором действуют принципы принятия и доминантности» [12].

В широком смысле межкультурное общение – это не просто разговоры «о чужом» в рамках музейного пространства, и не только понимание иноязычных текстов, оно включает в себя личностное развитие субъектов, и оказывает влияние на цели познавательного процесса. Межкультурная коммуникация не должна ограничиваться только изучением чужого языка [13].

Межкультурное познание использует не только язык для осмысления другой культуры, формирования толерантности и способности к преодолению национальных конфликтов. Значение теории музейной коммуникации заключается не только в том, что музей рассматривается как знаковая система для понимания языка в широком смысле, но и в том, что формируется новая исследовательская позиция, с применением социологических и психологических методов исследования. М. Б. Гнедовский, в частности, отмечает, что понятие «музейная коммуникация», является, одним из центральных в современном музееведении на западе, так как позволяет определить социальные задачи музея как системы, обеспечивающей диалог различных культур, и включает в себя конкретные разработки, направленные на совершенствование форм и методов взаимодействия музея с аудиторией.

Музей, в данном случае, предстает как феномен, равнозначный по степени ценностных установок эпохи таким феноменам, как художественное или литературное творчество и т. д., а его основной коммуникационной стратегией является сохранение и передача культурного наследия. Понимание сущности музейной коммуникационной деятельности на современном этапе продиктовано гуманистическими идеями культуры, которая рассматривается как своеобразный способ познания мира. Инкультурация становится основой коммуникативной деятельности музея, и обращением музееведения к

гуманистическим началам. Определение этих ориентиров связано с необходимостью создания методологических принципов, соединяющих все сферы музейной деятельности в единую концепцию. «Сознание каждого должно найти в музее образную среду, позволяющую мыслить и чувствовать, исходя из индивидуального мировоззрения, но с учетом коллективного задания, смысла того социума, которому адресовано, для которого создавалось и которым создавалось музейное действо» [7]. Культурный потенциал современного музея, способен реализовывать духовные потребности индивида и времени. При правильной музейной коммуникации исходным точкой сопоставления различных культур является их равноценность, а к образовательным целям межкультурного воспитания относятся терпимость к разнообразию и готовность критического отношения к собственным нормам. Жизненный опыт и универсальные потребности человека, должны быть цепью между «чужим» и «своим». Необходимо стремиться находить путь в жизненный мир другой (не такой уж чуждой) культуры, опираясь на собственный жизненный опыт.

Преодоление коммуникативных препятствий на основе музейной коммуникации может иметь место в случае достижения межкультурной компетентности, которая является продуктом «диалога культур». В научной литературе существует множество определений феномена «диалог культур». Отчасти релевантным, на наш взгляд, является определение, что диалог – это взаимодействие контактирующих культур в процессе комплексного изучения.

Межкультурная компетентность необходима не только тогда, когда в процессе межкультурной коммуникации возникают разногласия, проблемы, предрассудки и, непонимание. Межкультурный диалог (компетентность) – это знание традиций, нравов, обычаев, установок данного социума, которые формируют индивидуальные и групповые установки. Познание индивидуальных мотиваций, форм поведения, невербальных компонентов, таких как, жесты и мимика, это система ценностей национально-культурных традиций, процесс познания другой культуры. При наличии межкультурного диалога субъект, общаясь с носителями языка, посредством музейной коммуникации, прочтения «текстов» не будет подвергаться фрустрации, испытывать «культурный шок».

Новый тип личностно ориентированного образования – это образование, центром которого является человек, познающий и творящий культуру путем диалогического общения, обмена смыслами, создания «произведений» индивидуального и коллективного творчества» [9]. Для создания и развития культурно – информационной и предметно развивающей образовательной среды, необходим высокий уровень общей и музейной культуры. Музей – это место систематической встречи обучаемых с «чужой» культурой, которая на коммуникативных занятиях оживает благодаря речи и деятельности участников. Сравнивая опыт своей и «чужой» культуры музейные занятия способствуют развитию «транснациональной коммуникативной компетентности». Происходит «преодоление чуждости, чужого без превращения его в чисто свое» [1].

Семинары, конференции, мастер-классы по межкультурному обучению посредством предметной музейной среды для педагогов и студентов, рассматриваются нами как один из вариантов в достижении положительного результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
2. Библер, В. С. Культура: диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии, 1989. – № 6. – С. 34.
3. Бонами, З. А. Музей и проблема трансляции культурно-исторических кодов // Музей и образование. – М., 1989.
4. Бондаревская, Е. В. Гуманистическая парадигма личностно-ориентированного образования // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 15.
5. Бондаревская, Е. В. Прогностическая роль концепций личностно ориентированного образования в развитии целостной педагогической теории // Известия Южного отделения РАО. Вып. 1. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 1999. – С. 3–11.
6. Дукельский, В. Ю. Музейные коллекции и предметный мир культуры // Некоторые проблемы исследований современной культуры. – М., 1987. – С. 26.
7. Наумова, Г. Р. Может ли отсутствие концепции рассматриваться как частный случай концепции // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев: по материалам «круглого стола», состоявшегося 18 мая 2001г. в г. Орле, – М., 2002. – С. 106.
8. Пшеничная, С. В. Концептуальная модель музея как теоретическая основа подготовки музейных кадров // Музей и образование: сб. науч. тр. – СПб., 1999. – С. 75.
9. Разгон, А. М. Общетеоретические вопросы музееведения в научной литературе социалистических стран. – М., 1984. – С. 14.
10. Рыбак, К. Е. Системный подход в музейном праве – М: Терра-книжный клуб, 2005. Рыбак К. Е. Музейное право – М.: Юрист, 2005.
11. Ромедер, Ю. Методы и средства музейной работы: педагогика обслуживания отдельного посетителя в музее // Музееведение и охрана памятников: науч. реф. сб. – Вып. 2. – М., 1980. – С. 6.
12. Столяров, Б. А. Педагогика художественного музея: от истоков до современности. – СПб.: Спец. лит, 1999. – С. 7.
13. Хадсон, К. Влиятельные музеи. – Новосибирск, 2001.
14. Шляхтина, Л. М. Современная методология реализации образовательной функции музея // Важский край: источниковедение, история, культура. – Вельск, 2004. – Вып. 2. – С. 125.

Е. С. Кузнецова

МУЛЬТИСУБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР РЕ-ГЛОБАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

*...Подобно тому, как основным понятием 80-х гг. был постмодернизм,
ключевой идеей 90-х гг. может стать глобализация,
под которой мы понимаем переход человечества в третье тысячелетие...*

М. Уотерс

Попытка разобраться в современных проблемах образования на глубинном уровне приводит к большим сомнениям в правильности бытующего понимания его сущности, к необходимости специального выявления его социальной природы, целевой и со-

держательной направленности (А. Кусжанова) [9]. С позиции философии образования успех этих поисков зависит не только от экономической или инновационно-технологической оснащенности образования и регионального в частности. Не менее важно предметно сосредоточиться на ситуационно-субъектной стороне проблемы.

В отношении характеристики современной антропо-, социо-геокультурной ситуации развития отечественного образования, с одной стороны, многие исследователи утверждают факт негативного влияния процесса глобализации, вплоть до полного размывания содержания национальных интересов в образовательных практиках, поскольку «новые субъекты мировой политики уже идут на смену государствам-нациям», а «глобализация не оставляет места для национальных интересов, заменяет их интересами мирового гражданского общества». Так, ссылаясь на Д. Хелда, М. Шумилов настаивает, что полилокальность, транснациональность биографии, глобализация частной жизни создают почву для подрыва суверенитета национального государства [20]. С другой стороны, В. А. Иноземцев настаивает, что национальные государства и в нынешних условиях остаются весьма мощными структурами, которые вполне способны противостоять негативным аспектам глобализации, хотя обреченность любых противодействий не подлежит сомнению. Активность и масштабность глобализационных процессов позволяет уходить от вопроса об ответственности отдельных социальных акторов за те или иные последствия глобализации. «Суть процесса глобализации – в становлении такого социально-экономического пространства, которое позволит человеку взаимодействовать с другими людьми, корпорациями и социальными структурами, не прибегая к посреднической роли собственного государства. В этом отношении У. Бек прав, считая глобализацию предпосылкой становления того космополитического общества, которое он видит «светлым будущим» всего человечества – хотя нельзя не отдавать отчета в том, что и вплоть до нашего времени глобализация была и остается преимущественно экономическим, социальным и культурным, но не политическим феноменом» [5, с. 32–33].

В свою очередь Д. В. Реут в докладе «Средовая концепция транс-глобализма» дал анализ условий перехода к историческому этапу развития после глобализации. Как представитель позиции регулируемой глобализации, он явно оппонирует сторонникам данной позиции, отмечая: двигателями всех форм и институтов общественного национального развития, включая образование, могут стать местные корпорации, представительства и т. д. как субъекты хозяйственной и общественной деятельности, имеющие связанные с территорией интересы. Следовательно, базовой категорией, определяющей регулируемую направленность развития национального (регионального) образования – ре-глобализацией (транс-глобализацией) – в этом контексте может выступать «образ жизни» человека. «В отсутствие какой-либо значимой национальной либо общественной идеи здоровый креативный образ жизни может служить платформой устойчивой самоидентификации субъекта как основы деятельности» [13]. Трудно не согласиться с исследователем, особенно учитывая рассуждения В. И. Иноземцева, которые приводим полностью. «...Теоретики постиндустриализма как бы перекладывали ответственность за судьбы общества с одного социального слоя на другой»,

...«идеологи глобализации освобождали кого бы то ни было от ответственности за судьбы мира...: сколько бы сегодня ни говорили о возрождении империй и их особой роли в формировании как прежнего, так и «нового» мирового порядка, глобализация становится синонимом неуправляемости планетарного масштаба». «Ценность и значение современных глобализационных процессов заключена, на мой взгляд, в первую очередь в том, что они открывают перед людьми новые степени свободы в достижении своих целей и заставляют их правительства «сдавать новый экзамен» на зрелость. Критерием эффективности власти становится защита собственных граждан, а не достижение сомнительных «национальных интересов»...» [5, с. 36].

Однако опасность данных ре-глобалистских высказываний не стоит также игнорировать инициаторам региональных проектов развития образования, поскольку размывание национального суверенитета неизбежно остро ставит и проблему государственной идентичности. Выход для разработчиков концепции региональной образовательной политики видится нам по пути культивирования условий становления вменяемого «Я», способного стать «некоей “точкой сборки” свободы и ответственности самосознающего Я, которое не столько отделено от бытия, сколько вплетено в его ткань в качестве странника по стихиям бытия и его возможным мирам» (Г. Л. Тульчинский) [17]. Такой актор способен сформировать понимание необходимости сотрудничества всех возможных субъектов, имеющих в конкретной сфере свои интересы и ресурсы их реализации. Речь идет об индивидах, испытывающих потребность образовываться самим или способствовать этому по различным мотивам и занимаемому административному, социально-политическому и другим статусам. Без понимания и ответственной деятельности в сфере образования никогда не бывало и не может быть нации, сильного государства, страны, общества и личности. Ситуация осложняется еще и несогласованность действий федеральной и региональной образовательной политики, поскольку основной целью системы образования российский Закон об образовании провозглашает формирование научной картины мира, игнорируя тот факт, что этот сугубо знаниево-сциентистский конструкт, не способен заменить собой все пространство социализации. Общество (родители, сограждане) в этой ситуации продолжает ждать и оценивать в качестве результата жизнеспособности нового поколения его конструктивно-созидательное отношение к окружающей его общественной жизни и ему нет никакого дела до интересов министерства, государства в данном случае. С другой стороны, общество оценивает образовательную политику по результатам, достижение которых сама система образования себе в качестве собственной задачи не ставит.

В итоге эти процессы свидетельствуют о необходимости стратегических изменений содержания образования на всех уровнях (и федеральном, и региональном) в связи с процессом фактического перехода части функций государства к другим акторам (субъектам/мультисубъектам), способных инициировать процессы ре-глобализации на местах. Именно эта антропо-историческая роль может быть отведена сегодня региональному образованию, нацеленному на поддержку и сопровождение данных мультисубъектов. Именно национально-демократические тенденции развития современного общества вывели на историческую арену такую ценность, как мульти-, поли-

субъектность. Для современной России, которая исторически была большей частью обречена на ведущую роль и диктат государства, это ново, ее собственный опыт выстраивания целенаправленного взаимодействия различных социальных субъектов и сил пока мало [1].

Изменения, вызванные глобализацией, затронули не только формы культур, но и типы их восприятия и интерпретации. В результате глобальная гомогенизация, осмысляемая как унификация материальной сферы культур, обнаружила различие как в исторической динамике ценностей, так и в их иерархическом строении и обусловила кризис в понимании как своей собственной, так и «другой» культуры. «Миграция во времени», или преобладание префигуративного типа культуры становится, в большей степени, внутренним выражением территориальной миграции. Именно поэтому обращение к духовному потенциалу культуры как способу сохранения адекватности общества должно стать «ответом» локальных региональных культур на глобальный вызов и свидетельствует об усилении роли культуры в над-, транстерриториальной коммуникации, а также о трансформации прежнего и формировании нового/иного культурного ландшафта (В. А. Мамонова) [10].

Итак, глобализация... приводит к тому, что становится затруднительной, а иногда невозможной трансляция устойчивых норм, образцов, эталонов, практик прежней культуры, поскольку как раз устойчивость значительно поколеблена (Н. Сорокина) [15]. В то же время «...национальная катастрофа России последних десятилетий XX века прямо или косвенно связывается с экспансией западной рационалистически-технократической цивилизации, свойственного ей миропонимания, а так же образа частной и общественной жизни, формируемых посредством образования» (Г. Л. Тульчинский) [17].

Но в чем тогда предназначение образования в современном мире? Как социальный институт общества оно должно принимать участие в создании социального порядка в обществе и культивировании социально-адекватных и мобильных субъектов, поскольку социальный порядок, по М. Веберу, – это способ, каким социальные почести распределяются в сообществе между типичными группами, участвующими в таком распределении. Что сейчас лежит в основе социального порядка? – Требование мульти-субъектности, поскольку общим для всех традиционных групп субъектов образования является поиск органической связи человека с бесконечным полем сознания (универсальным разумом или космическим сознанием), то есть выход конкретной личности за рамки пространственно-временных и причинно-следственных границ при сохранении приоритета социальной и личной ответственности.

Какую ответственность несет образование как социальный институт в складывании такого социального порядка и его мультисубъекты, если критерием дифференциации людей становится не столько полученное образование в виде культурного, символического капитала, сколько наличие экономического капитала, личных связей самого разного характера? Остановимся лишь на национально-центрированном подходе к образованию.

С позиции данного подхода оно уже не выступает инерционным институтом, транслирующим традиционные формы социализации. Мир переживает очередную культурантропологическую революцию. Среди первостепенных культурантропологических и социальных задач настоящего времени принципиальное место отводится формированию «социально и культурно адекватной национальному архетипу личности. Без массового воспроизводства такой личности россияне имеют перспективу в двух поколениях раствориться в мировом культурном хаосе (Кур Е. К.)... Говоря современным языком, это борьба с ростом энтропии...» (Г. Н. Миненко) [11]. В этой ситуации особо остро ощутим «недостаток реальности» (Ю. В. Петров) [14]. Следовательно, сегодня должен остро встать вопрос об осознании очевидной потребности адаптации к этим потребностям основных институтов и образования, как самого массового института, в первую очередь. В противном случае не имеет смысла рассуждать о переходе качества жизни россиян на новый уровень. И, следовательно – все отчетливее должны звучать предложения о разработке и освоении антропологических, социокультурных и гуманитарных образовательных технологий адаптации большинства к этим меняющимся «неустойчивым реалиям времени». Одной из них является технология «культуронологизации образования». Следовательно прикладная культуурология стоит сегодня перед острой необходимостью разработки стратегии «культуронологии образования», которую возьмут в качестве руководства к действию образовательные учреждения на региональном уровне, в Кузбассе в частности не имея на сегодняшний день итоговой концепции развития регионального образования. Данная стратегия может стать альтернативой пути, навязываемого сегодня Министерством образования, поскольку цель ее – ориентация на потребности большинства людей, потребности общества, с позиции которого образование является ценностью (мотив на получение образования «стать культурным, высокообразованным человеком» по-прежнему наблюдается у большей части молодежи). В этой социальной роли оно еще выступает в качестве средства минимизации «средового» риска, особенно в условиях высокого уровня неопределенности, нестабильности. Отсюда и спрос на всякого рода формы повышения квалификации, приобретение дополнительной специализации, что социологи называют социальной мимикрией как формы социальной рационализации. Образование в этом случае выступает и как страхующее средство от возможных неудач в жизни.

Таким образом, региональная образовательная политика, ориентированная на идеи «культуронологии образования» – это наиболее перспективная, естественная и безболезненная, закономерная стратегия, способствующая перспективному саморазвитию национального мультисубъекта образования с целью поддержания им самостоятельно в любой деятельности на протяжении всей жизни «архетиктоники национальной культуры» (И. В. Кондаков) [7]. Только в этом случае образование окажется способным отвечать на вызовы глобализации. Так на многих уровнях российского сообщества сегодня идет процесс усиления степени дискретности всех форм жизнедеятельности людей. Следствием этого становится утрата содержательной целостности в процессе жизнедеятельности людей, в том числе и в сфере образования. Например, будучи не только элементами системы образования, но также гражданами и частью населения,

работники образования (педагоги ВУЗов, учителя) особенно в регионах не могут не ощущать этого несообразия на текущий момент. Поскольку государство в виде министерства образования не дорабатывает и единой приемлемой или по меньшей мере компромиссной идеологии нет, то компенсируется этот вакуум «творчеством на местах». То есть, в ответ на практике получают распространение вариации целей, задач, функций, ценностей образования, препятствуя устойчивому развитию общества.

В данном контексте показателями качества и одним из результатов образования, удовлетворяющим потребности общества и индивида, в частности может выступать осознание человеком права на счастье, которое он сам должен обеспечить своей активной работой. Он должен уметь изменять окружающую среду и себя самого, неся при этом ответственность за свой выбор. И эти способности формируются образованием, в частности культивирующем переживание и понимание мультисубъектом образования собственной «истории культуры (в том числе истории русской культуры) как динамики смысловых структур...». Другим показателем может стать переориентация системы воспитания в его отношении к национальной культуре (в данном случае – русской) как к ценностно-смысловому единству, в каких-то аспектах изменчивому, текучему, а в других – константному, типологически неизменному. Данная стратегия позволит региональному образованию не только избежать сиюминутных запросов общества и государства (так социологи фиксируют нарастание этого противоречия: между ориентацией на Госстандарты и ликвидацией таковых), но и не позволит ему оставаться лишь транслятором знания, опыта, прежних культурных образцов. Новый шаг для регионального образования – стать инициатором движения разных поколений к общей цели, выступая при этом в качестве транслятора успеха и выполняя тем самым свое главное предназначение.

Последовательное приложение такого собственно культурологического подхода в практике подготовки национального мультисубъекта «позволяет выявлять и анализировать смысловой “каркас” каждой культуры и цивилизации, наполняемый потенциально любым культурно-эмпирическим материалом (социальным, политическим, нравственно-религиозным, научным, художественно-эстетическим, философским и т. д.)» [7]. О перспективности данной стратегии свидетельствует и тот факт, что в центре пересечения государственных и институциональных интересов наконец-то оказывается живой человек с его непосредственными потребностями – не чувствовать (не идентифицировать) себя с «жертвой» ни при каких кризисных ситуациях, получить ту базу, относительно которой освоение топоса культуры и общественной жизни не представляется в качестве непреодолимого препятствия, а выступает средством самопознания саморазвития. Наконец-то наука и образование сошлись во мнении об определении общей цели – человек должен перестать быть средством, выявляя себя в качестве Цели. Основные претенденты на статус мультисубъектов заявляют о себе в массовых повседневных частно-приватных и профессиональных практиках образования. Речь идет о тех участниках субъект-субъектного взаимодействия в условиях культурно-и антропотворческой образовательной среды, которые ежедневно вступают в Диалог с «Мы», «Они», но главное – с Другим, Иным.

Типичными претендентами на этот статус могут быть, на наш взгляд, педагоги и яркие представители учащейся городской молодежи, которые в ситуации «включенного наблюдения» на уровне страты, представлены «жителями “пятиэтажных” спальных районов и малометражек». Основной ресурс их развития в условиях урбанистической цивилизации – доступ к информации посредством массовой культуры, образования и СМИ. Ссылаясь на М. Маклюэна, А. В. Молев предупреждает: социокультурный прогноз развития современной цивилизации с определенным подтекстом рассматривает будущее как приближение «последней битвы добра и зла» [12].

Именно у данных мультисубъектов на протяжении всех лет участия в массовых образовательных практиках культура повседневности (а не повседневность как таковая) начинает оформляться как собственно форма становящейся национальной культуры» (С. В. Зотов) [4] «с маленькой буквы» (Г. С. Кнабе), как «одна из осевых позиций, сохраняющих основы национальной культуры». Их постоянными усилиями происходит «отбор, ранжирование, закрепление и развитие ценностей культуры» [6]. Несмотря на возрождение интереса к молодежной тематике в последнее десятилетие и рост числа публикаций на эту тему, преобладающим в них является проблемный подход к молодежи. Она воспринимается большинством исследователей как постоянный повод для беспокойства и провокатор моральных паник. В публичном дискурсе молодежь до сих пор выделяется как принципиально иная группа, своеобразные «уже-не-дети» или «недовзрослые», которые безынициативны, безответственны и нуждаются в контроле. Зачастую исследователи молодежи изучают крайние проявления молодежной жизни, или, акцентируясь на «девиациях», или рассматривая молодежь как объект социальной политики (М. М. Шумилов) [20], в то время как молодежная повседневность как «новая недостающая реальность», иницирующая и активизирующая творческий потенциал мультисубъекта, к сожалению, по-прежнему остается за рамками исследовательского интереса. Таким образом, среди ориентиров культурологии образования должно быть предложение иного взгляда и выработка подхода, альтернативного доминирующим правилам в изучении молодежной антропологической и культурологической проблематики. С позиции культурологического подхода преимущества позиционирования молодежи в качестве одного из наиболее перспективных, активных мультисубъектов национального самосознания видятся нам в необходимости создания ситуаций «недостатка реальности» – объективных условий для организации движения лучших во всех областях деятельности и на всех уровнях культуры. Именно молодежь имеет темпоральные преимущества и возможности для освоения социального пространства, которое приобретает многоликость, неоднородность. Но не все социальные субъекты (общности, группы, личности) способны действовать и существовать в нем гармонично, участвовать в социальных и культурных практиках, выстраивать стратегии, алгоритмы социального бытия. Можно допустить, что современный мир отнимает у человека некую уверенность, а дает взамен «неистребимую неуверенность», порождающую невладение ситуацией. Проблема не в том, что молодой человек «застрахован или не застрахован» от столкновения с опасностями и рисками, а в том, чтобы он был готов к этим столкновениям – мобилен, гибок в суждениях, оценках и поступках (М. М. Бахтин) [2].

В результате молодой человек, участвуя в этих практиках, оказывается не просто «в ситуации перехода», «в потоки изменений», а перемещается «на пересечение иных социальных реальностей. Такому мультисубъекту, в свою очередь, нельзя не попытаться преодолеть массовый инфантилизм и нигилизм. Так он стремится вернуть отечественной культуре ее основу и смыслы. Ему также необходимо реабилитировать жизненный мир и потерянную при деконструкции реальность. Молодой человек впервые оказывается в ситуации не выбора жизненной позиции, а возможности вырваться из ситуации неизбежности выбора ниши в пользу самотворения и культуротворчества «мира-здесь-и-сейчас», «недостающей реальности».

Будем надеяться, что благодаря такого рода исследованиям уже в ближайшем будущем будет реабилитирована и прикладная культурология [3]. В том числе – культурология образования и такие ее направления, как культурология самообразования, культурология образования взрослых, педагогическая культурология. Они крайне востребованы на общенациональном и местном уровнях практиками для активизации гражданских инициатив населения на пути становления культурологии, в том числе как «интеллектуального движения» (по А. Я. Флиеру) [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андренов, Н. Б. О субъекте // Вопросы социально-гуманитарных наук. – 2006. – № 1. – С. 74–75.
2. Бахтин, М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М.: Художественная, 1996. – С. 10–19.
3. Быховская, И. М. Прикладная культурология: обретения и утраты // Первый Российский культурологический конгресс. Программа. Тезисы докладов. – СПб., 2006. – С. 296–297.
4. Зотов, С. В. Повседневная культура как константная субстанция национальных культур [Электронный ресурс] // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». – 2006. – № 1(5). – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru>. – Загл. с экрана.
5. Иноземцев, В. И. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 31–44.
6. Кнабе, Г. С. Древо познания – древо жизни. – М.: РГГУ, 2006. – 751 с.
7. Кондаков, И. В. Архитектоника русской культуры Диссертация в форме научного доклада на соискание уч. ст. докт. филос. наук по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. – М.: МГПУ, 1998. – С. 14.
8. Крылова, Н.Б. Культурология образования. – М.: Народное образование, 2000. – 272 с.
9. Кусжанова, А. Ж. Проблема выявления социальной сущности образования и ее практическое значение [Электронный ресурс] // Теоретический журнал CREDO NEW. – 1997. – № 2. – Режим доступа: www.credonew.ru. – Загл. с экрана.
10. Мамонова, В. А. Глобализация в пространстве культуры: векторы развития [Электронный ресурс] // Теоретический журнал «CREDO». – 2006. – № 1. – Режим доступа: <http://credonew.ru>. – Загл. с экрана.
11. Миненко, Г. Н. Национальное возрождение: о субъекте и объекте исторического процесса // Исторические судьбы России: социокультурный подход. Тезисы докладов и выступлений. Региональный научный семинар. – Кемерово, 1991. – С. 47–53.

12. Молев, А. И. Социокультурные прогнозы развития западной цивилизации середины XX – начала XXI в. Диссертация на соиск. ... канд. филос. наук. – М.: МГУКИ, 2007. – 203 с.
13. Петров, А. Е, Жумагалиева, Ж. Т. Обзор докладов II Симпозиума «Пространство и Время в эволюции глобальной системы Природа – Общество Человек» [Электронный ресурс] // Альманах «Восход». – № 7/8 (31/32) июль-август. – 2005. – Режим доступа: <http://www.situation.ru>. – Загл. с экрана.
14. Петров, Ю. В. Культурология как интегративная система знания // Петров Ю. В. Баллада повешенного. Оправдание метафизики, или возвращение философии. – Томск: Изд-во НЛТ, 2008. – С. 558–559.
15. Сорокина, Н. Образование в глобальном мире: мифы и реальность [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.odn2.ru. – Загл. с экрана.
16. Стрельченко, В. И. Рациональность и гуманистические идеалы образования [Электронный ресурс] // Теоретический журнал «CREDO». – 2005. – № 2. – Режим доступа: <http://credonew.ru>. – Загл. с экрана.
17. Тульчинский, Г. Л. Глобализация и разнообразие культур – все еще только начинается. Причины и перспективы противостояний в современной цивилизации [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.megaregion.narod.ru. – Загл. с экрана.
18. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.
19. Чирун, С. Н. Молодёжная политика и молодёжное движение. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 177 с.
20. Шумилов, М. М. Глобализация: политическое измерение [Электронный ресурс] // Теоретический журнал «CREDO». – 2005. – № 3. – Режим доступа: <http://credonew.ru>. – Загл. с экрана.

М. В. Черняк

ПЕРСПЕКТИВЫ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

«Толерантность» – один из самых популярных, если не модных терминов в современной отечественной и зарубежной социально-политической, культурологической и правоведческой литературе. В последние два десятилетия на страницах отечественных научных журналов появилось немало опубликованных материалов по данной проблеме. В полемике по этому вопросу принимают участие выдающиеся российские и зарубежные ученые, философы, историки, культурологи, политологи и педагоги. При этом однозначности в оценках позитивного социального потенциала идей толерантности у авторов не наблюдается, в ряде исследований проявляются крайне полярные точки зрения по проблемам формирования толерантности.

Понятие «толерантность» С. Л. Братченко рассматривает с позиций экзистенциально-гуманистического, диверсификационного, когнитивного, бихевиорального и диалогического и другого рода подходов [1].

Экзистенциально-гуманистический подход трактует толерантность как осознанную, осмысленную и ответственную толерантность, не сводимую к автоматизмам или стереотипным действиям. Это ценность и жизненная позиция, реализация которой в каждой конкретной ситуации имеет определенный смысл и требует от субъекта толерантности поиска этого смысла и ответственного решения. Таким образом, проявление толерантности образует аксиологическую модель, которая имеет синкретический характер. Это проявляется в том, что ценность – цель определяет ценности-средства, а ценности отношения к «Другому» зависят от ценностей-качеств, ценностей-знаний.

С позиции диверсификационного подхода понятие толерантность не сводится к однозначной дефиниции, одной тематике или характеристике. Толерантность – это сложный, многоаспектный и многокомпонентный феномен, имеющий множество линий проявления и развития, и потому пронизывает все сферы социальной и индивидуальной жизни человека, является важным измерением практически любого психологического процесса и состояния. Диверсификационный подход проявляется также в многообразии форм и видов толерантности.

С позиций когнитивного подхода толерантность в основе своей имеет знания и рациональные доводы, которые признают сложность, многомерность и многообразие, а также невозможности сведения всего многообразия точек зрения к «общей истине» и неизбежной множественности индивидуальных картин мира.

Бихевиоральный подход трактует толерантность как особое поведение человека, направленное на конструктивное взаимодействие с этим «другим»; как качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодстойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в «другом» иное.

Диалоговый подход обуславливает важный тип толерантности – межличностная толерантность – особый способ построения взаимоотношений, межличностного взаимодействия и общения с другими людьми. В этом виде толерантности наиболее ярко проявляются все основные аспекты проблемы толерантности – ее изучение, развитие и обучение.

Однако можно констатировать и тот факт, что буквально все мнения исследователей по проблемам толерантности распределяются по трем основным группам.

Одни авторы выступают в качестве сторонников и защитников миролюбия на всех уровнях, считающих толерантность благом, выходом из социокультурного тупика, куда привела человечество погоня за прогрессом. Они рассматривают ее как своеобразную этическую доктрину, претендующую на центральное место в мировом сообществе XXI века. Они считают, что людям, живущим в эпоху космополитизма, стирания если не политических, что имело место несколько раньше, то, во всяком случае, экономических и национальных границ, нужна новая философия жизни, адекват-

ная уровню развития человека современности (Джордж Сорос, А. Вершбоу, Джордж Салливан, Джордж Маркус, Н. Ашфорд и др.).

Вторая группа авторов занимает прямо противоположные позиции, трактуя толерантность как иллюзорную идею, как форму катастрофы, особенно для России. Они утверждают, что проявление толерантности в нетолерантном мире заведомо ставит человека в крайне невыгодное, если не опасное положение, приводит, в конечном итоге, к поражению, превращая его, выражаясь словами Э. Фромма, из субъекта бытия в объект бытия (Джордж Роуз, П. Николсон, Д. Рафаэль, В. А. Лекторский, А. Г. Асмолов и др.).

Третья группа авторов, занимает промежуточное положение, и им свойственна наибольшая объективность в своих оценках проблемы. Они полагают, что понятие «толерантность» по своей смысловой насыщенности значительно шире, нежели просто «терпение» или «терпимое отношение» (В. Ф. Жириновский, Л. И. Кирсанова, Е. И. Чудинова, В. А. Аксентьев, А. Кураев и др.).

Иными словами, одни определяют толерантность как благо, не нуждающееся в оправдании, другие рассматривают ее как феномен, весьма нуждающийся в оправдании, для третьих – она проявляется только как меньшее из двух зол. Во всем этом имеются глубокие противоречия, и надо признать, что толерантность, понятая как моральный идеал, имеет как негативную сторону, так и мощный позитивный потенциал, который исследован в гораздо меньшей степени.

Следует отметить, что фундаментом любого общества является склонность враждебно или со страхом относиться к «другим» – тем, кто от нас отличается. Конечно, современные нации в культурном, религиозном и политическом отношении более плюралистичны, чем традиционные сообщества, которые сохраняли свое единство за счет фундаментальных традиций в культуре или религии, но этот факт несколько не отменяет те противоречия и сложности, которые связаны с утверждением толерантного мышления в рамках исторически сложившихся социальных отношений.

По мере утверждения в обществе толерантного мышления возникает необходимость установления минимальных моральных стандартов, серьезное нарушение которых не допускается сообществом. Толерантность не просто признание и уважение нами убеждений и действий других людей. Это признание и уважение ими нас самих. Моральный идеал толерантности, прежде всего, предполагает, что любой человек способен быть морально ответственным, что в реальной жизни наблюдается не всегда. В противном случае общество в целях самозащиты имеет право на подавление и притеснение неадекватного субъекта, следовательно, в качестве нормы выступает нетерпимость к нетерпимости. Толерантность допускает ограничение, когда это необходимо для защиты тех моральных ценностей, которые оправдывают ее.

На наш взгляд, толерантность не следует понимать только в пассивно-адаптивном аспекте (равнодушие, снисхождение, терпение, уважение), она должна трактоваться как активная готовность личности к взаимодействию и открытому диалогу с «другим» при сохранении собственной позиции.

В конце прошлого столетия пристальный интерес к феномену толерантности как позитивной личностной характеристике, связанной с диалогичностью восприятия окружающего мира, был обусловлен общей нестабильностью мира, наличием различных деструктивных процессов в жизни современных обществ, периодических столкновений на почве национальных, политических и конфессиональных разногласий, роста преступлений против личности, «войны полов» и других. В этих условиях понадобился некий устойчивый механизм смягчения многочисленных разногласий и противоречий, а в идеале – и преодоления различных форм агрессивности, напряженности, конфликтности и экстремизма

Вследствие этого, понятие толерантности приобрело специфический оттенок и стало рассматриваться как некая идеология, в принципе допускающая разные позиции, мнения и типы поведения, как решение межкоммуникационных и интересубъективных отношений. Такое запараллеливание потоков информации из различных сфер бытия современного человека явилось своеобразным подтверждением значимости этой идеи для судеб мира, в том числе и для России.

Необходимо отметить, что сегодняшнее состояние российского общества характеризуется как неустойчивое и нестабильное. Оно заражено нетерпимостью, что вряд ли дает возможность говорить о благоприятных тенденциях формирования толерантного сознания.

Для преодоления нетерпимости в обществе необходима соответствующая политика государства, законодательная база и правильное применение законов. В стране имеется достаточная правовая основа в виде международных договоров и федерального законодательства для эффективной борьбы с проявлением расизма и расовой дискриминации. Государственная позиция отражена в ряде нормативно-правовых документах международного федерального, регионального, муниципальных уровней. В федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» на 2001–2005 годы понятие «толерантность» применялось в трактовке Декларации принципов толерантности, принятой странами-членами ЮНЕСКО в 1995 году. Само появление такой программы позволяет планировать дальнейшие преобразования в социальной и культурной сфере, проектировать способы управленческого воздействия государства на формирование региональной политики в сфере толерантности [7].

Однако констатация проблемы не обозначает пути и способы ее решения. Формирование толерантности требует более глубокого философского осмысления, объективного анализа эмпирических данных и целенаправленной практической работы. Теоретическая разработка данной проблемы в нашей стране ведется широким фронтом практически во всех без исключения общественных дисциплинах – в философии, психологии, педагогике, культурологии, социологии и других областях знания. На основе результатов проведенных исследований можно констатировать, что повышенная агрессивность, нетерпимость, интолерантность, особенно в условиях обострения социокультурных противоречий, неоднократно проявляла себя в прошлом и отчетливо наблюда-

ется в современных модернизирующихся обществах. Но в полиэтнической и поликонфессиональной России данная проблема имеет особый, отличный от западных аналогов характер и иные культурно-исторические истоки своего происхождения.

Прежде всего, она стимулируется исторически обусловленной неразвитостью диалогических механизмов между ценностями и идеалами основной массы населения, с одной стороны, и правящей элиты – с другой. Не совсем легитимное самоутверждение части общества за счет социального целого в постсоветской России еще более обострили эти тенденции. Отсюда ослабевают коммуникации между властью и народом, и как следствие – распадается смысловое поле, когда люди в рамках одного общества оказываются не в состоянии конструктивно обмениваться смыслами.

Несовместимость смысловых полей разных расовых, национально-этнических, культурных, языковых, конфессиональных, политических, социальных, профессиональных, имущественных или возрастных групп представляет собой множество мелких неразрешенных конфликтов, которые на первый взгляд не связаны между собой. Но «их наличие стимулирует фрустрацию в общественном сознании, исподволь создавая потенциальную базу социального конфликта. И в определенные моменты все это может вылиться в гражданское и этническое противостояние, террор, агрессию или девиантное поведение. Для многонационального государства это особенно актуально, так как объект нетерпимости могут выступить представители конкретных этносов и конкретные этносы в целом» [5].

Известно, что толерантность наиболее продуктивно реализуется в едином ценностном (этическом) и культурном пространстве. И, если в ближайшее столетие в России этого вряд ли можно добиться в силу объективных причин, то необходимо сделать так, чтобы наличие толерантного сознания воспринималось личностью как наиболее выгодная позиция, пользующаяся различными привилегиями и поддержкой государства. Государство обязано обеспечить равный доступ к охране здоровья, образованию, социальному обеспечению, реализации права на жилище для всех без какой-либо дискриминации, в том числе по признаку наличия регистрации по месту жительства; регулировать проблемы миграции, приводящие к различным формам этнической дискриминации представителей меньшинств и мигрантов.

В сознательном формировании стратегии толерантности следует учитывать когнитивный (осмысленный выбор своей позиции) и эмоциональный (способность субъективно воспринимать другого человека и эмоционально отзываться на переживания других людей) компоненты проблемы, но основной акцент ей целесообразнее поставить на ее аксиологический аспект, включающий в себя создание единой ценностно-смысловой системы. Именно развитие универсальных ценностных ориентаций, в большей степени способствующих усвоению и применению в практической деятельности и общении этических принципов толерантности.

Безусловно, основная нагрузка по реализации этих задач ляжет на масс-медиа, так как только они обладают наиболее действенными возможностями пропаганды идей толерантности. СМИ, освещающие общественную жизнь и распространяющие

в массовом сознании ценности, образы, ориентиры и идеи, – это, как известно, основной инструмент формирования общественного сознания и регулирования социальных отношений. Конечно, для этого потребуются серьезная корректировка или даже радикальное изменение в подходах и методах работы СМИ с таким расчетом, чтобы они взяли на себя ряд образовательных, просветительских и педагогических функций, ранее им не свойственных. Причем, принятые законы РФ и некоторые документы, способствуют движению общества в этом направлении.

В заключении отметим, что мы живем в век глобализации экономики и все большей мобильности, быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещения населения, урбанизации и преобразования социальных структур, поэтому толерантное сознание как никогда ранее необходимо в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С. Л. Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: материалы 9-й науч.-практ. конф., Красноярск, 2003. – С. 104–117.
2. Валитова Р. Р. Толерантность: порок или добродетель? // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. Философия. – 1996. – № 1. – С. 33–37.
3. Зиновьев Д. В. Социокультурная толерантность – ее сущностные характеристики // Парадигма. – 1998. – № 1. – С. 50–61.
4. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. – 1997. – № 11. – С. 46–54.
5. Козырев Г.И. Проблема насилия в теории, в массовом сознании и реальной жизни // Вестник Московского университета. – Сер. 7. Философия. – № 6. – 2000. – С. 85–100.
6. На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2000. – 255 с.
7. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)» / Век толерантности. – 2001. – № 2. – С. 11–25.

**«ВСЕ РАЗНЫЕ, ВСЕ УНИКАЛЬНЫЕ»:
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА**

В. Д. Пономарев

ИГРОЦЕНТРИЗМ ТВОРЧЕСТВА И ПЕДАГОГИКА ИГРЫ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Первоначальный опыт жизнеутверждения и культуротворчества человек приобретает в таком доступном и эмоционально привлекательном для него виде деятельности, как *игра*. Игра скрытым и открытым образом пронизывает общество и его культуру (политика и искусство, наука и образование, спорт, досуг и т. д.), все человеческие возрасты. Она – и текст и контекст общественной и культурной жизни. Это дает основания утверждать положение об «игроцентризме» бытия человека и «вечной» актуальности проблемы игры как предмета познания и исследования.

Вместе с тем, в условиях глобализации следует отметить сложившиеся противоречия как в международном игровом опыте, так и в российской игровой практике: ограничение и сокращение игрового пространства жизни человека (в частности традиционных игровых ландшафтов и возможности выбора творческих игр), культура игры понижается в своем качестве и в своей ценности.

В России на фоне уходящих аутентичных форм культуры, хранящих культурно-историческую память, традиционно-сложившихся зрелищно-игровых форм досуга и форм праздничной культурно-досуговой деятельности с их эмоционально-насыщенным и богатым социально-культурным потенциалом, определяющей чертой современной сферы досуга является в основном ее *пассивно-созерцательный и эмоционально-экзальтированный, информационно-технологический и утилитарно-мифологический характер*. Как следствие в социально-культурной сфере формируется игровой китч – упрощенные и утилитарные по содержанию формы игры.

В условиях глобализации безусловным фактом современного решения проблемы свободного времени и потребности в интерактивных формах досуга для человека стали информационные технологии – компьютер и Интернет, которые изменили реалии традиционных форм игры и ее предметной среды: образование виртуальных игровых площадок, основанные на цифровых текстах языки игрового взаимодействия, которые влияют на формирование неодушевленной (виртуальной) «картины мира» человека и неодухотворенного, имеющего мало возможностей использовать силу воображения социально-культурного текста (программированной электронной матрицы), носят социально изолирующий человека характер.

Новые игровые ландшафты (игровые залы, игровые автоматы, казино, интернет-кафе) – фактор, формирующий и социально-психологические проблемы личностного развития, в частности – психопатологию игровой зависимости (игроманию). Игровая зависимость (аддикция) – патологическая склонность личности к азартным играм,

непрерывное увеличение общего «игрового стажа», суммы проигрышей и посещений игровых залов. В этом случае азартная игра, виртуальная реальность, подменяет человеку реальную жизнь, замещает ее, формирует неадекватную модель взаимоотношений с действительностью и носит характер навязчивой психологической и нейрофизиологической доминанты.

В этой реальности современных интерактивных технологий игры и цифровых игровых площадок являются актуальными вопросы социально-педагогической и психологической поддержки личности, формирования ценностного сознания человека, его духовно-творческой активности на территории виртуального игрового пространства.

Учитывая определяющий статус свободного времени и досуга человека в современном обществе, игры как явления социальной и индивидуальной жизнедеятельности, для современной социально-педагогической теории и практики проблемы формирования *культуротворческой стратегии человека в контексте игры, педагогическая технология игры и компетентностное измерение подготовки специалистов игровой сферы досуга* являются актуальными.

Решение проблем формирования игровой культуры личности, преодоление утилитарного бытования игровых форм и становление культуры игры, обеспечение преемственности традиций игровой культуры от поколения к поколению, формирование культуротворческих основ игровой сферы досуга возможно при наличии:

- ❖ Разработанной концепции педагогики формирования игровой культуры личности, определяющей на основе междисциплинарного гуманитарного знания научно-методологические, ценностно-ориентационные, социально-технологические основы формирования игровой культуры досуга;
- ❖ Специализированной социально-педагогической технологии, обеспечивающей на основе системно-технологического подхода интегративную, творческую, профессиональную деятельность в области социально-культурного проектирования игровой сферы досуга;
- ❖ Образовательной концепции и методики формирования профессиональной культуры специалистов в области социально-культурного проектирования игровой сферы досуга, системообразующим ядром которой является личностная игровая культура специалиста.

Педагогика формирования игровой культуры служит целям целостного развития личности и становлению игрового пространства жизни человека как сферы его духовно-творческой активности, приданию нового, более глубокого смысла культуротворческой деятельности «человека играющего» в сфере досуга, жизненным переменам человека (например, обрядово-игровые и празднично-игровые формы культуры), поддержке в критические моменты жизни (например, игровые методы в психотерапии), в конечном счете – *увеличению вариативности жизни человека* и его игрового пространства.

Полифункциональность игровой культуры – важнейший социально-педагогический принцип личностного развития в условиях информационно-технологического менталитета постиндустриального общества. Современные интерактивные игровые технологии внесли значительные изменения в способы игровой деятельности и самой игровой среды в сфере досуга человека (например, новые электронно-игровые ландшафты, игровые компьютерные сети, виртуальные игровые площадки). Изучение педа-

гогического потенциала интерактивных игровых технологий свидетельствует о бесспорном совершенствовании сенсомоторных навыков человека, например, координация глаза и руки, развитии логического и пространственного мышления, внимания и памяти, волевых характеристик и исследовательской активности. Вместе с тем, огромный диапазон сущностных сил и духовно-творческого потенциала человека в виртуальном игровом пространстве остается не востребованным. Территория виртуальных игр – неодушевленная, социально опосредованная сфера взаимодействий человека, которая носит социально и культурно изолирующий человека характер, имеет мало возможностей использования силы творческого воображения в виду интерпретирующих способов игровой деятельности, социальной и гендерной стереотипности компьютерных сюжетов и персонажей. В этой реальности современных интерактивных технологий игры и цифровых игровых площадок остаются проблематичными для педагогики игры вопросы формирования эмоционально-чувственного опыта и ценностно-ориентированного сознания человека.

Концептом педагогики игры является интегральное качество *«игровая культура личности»*, которое отражает субъективные и объективные параметры человеческой жизни, являясь ее конструирующим и конституирующим фактором.

Игровая культура досуга *объективно* воплощается в социально-культурной стратегии проектирования игровой сферы досуга и формах игровой деятельности, игровых сообществах, игровых ландшафтах (игровые площадки и пространства) и символически-предметной сфере игровой деятельности (игрушках и атрибутах игры), в профессиональной культуре специалистов-организаторов игровой социально-культурной деятельности. Вместе с тем, изначально, *субъективно* игровая культура получает свою интегрально качественную определенность лишь в «человеке играющем» и посредством его игровой потенции.

Для педагогической игрологии как объект изучения, исследований разработки педагогических стратегий формирования игровая культура человека предстает:

1) как *системное свойство, интегральное качество целостной личности*, так как, именно творчески-преобразующее действование, как процесс создания нечего абсолютно нового и выражения ценностных приоритетов требует от человека предельной интеграции всего, на что он способен (в нашем случае, – игровой мотивации, игрового мироощущения, интеллектуально-сущностных сил, операциональных умений и способностей игрового поведения);

2) в качестве *идеально-типической категории*, необходимой для описания игрового поведения человека как *творчески-преобразующего типа действия*, безотносительно к отдельным видам собственно игр; и с помощью такой категории представляется возможным исследование в педагогической теории и практике путей преобразования человеком себя «в прекрасные формы» (Гегель).

3) как *результат* игровой деятельности в качестве *эвентуального продукта*; эвентуальный продукт в педагогике игры – это результат личностного развития, значение которого превосходит значение прямого продукта игровой деятельности (знаний и умений) и с возникновением которого изменяется смысл действия для субъекта игры; ориентированность игровой деятельности на эвентуальный продукт в полной мере от-

ражает тезис о безразличии игры к результату, то есть сохраняет и воплощает качество самооценности и самодостаточности игры.

Следовательно, в педагогической теории и практике игры игровую культуру личности можно определить как *проявление интеллектуально-сущностных сил* человека, стремящегося к развитию и самосовершенствованию, как *способ мироощущения и миропонимания* человеком собственного бытия и окружающего его мира, а в прикладном значении, как *систему сформировавшихся (и формирующихся) операциональных умений и способностей игрового (творческого) поведения*.

Для педагогики формирования игровой культуры как области научного знания и социокультурной практики сущностными являются понятия: «игровое мироощущение человека», «игровое сообщество», «этика игры», «социальное творчество личности в игре», «игровой опыт человека», «игровые умения и способности личности», *а в становлении и развитии игровой культуры человека раскрывается культуротворческий смысл педагогики игры*.

Педагогика игры как система научного знания включает в себя следующие теоретические разделы:

- теоретико-методологические основы игровой культуры личности;
- пространственно-временная структура игровой деятельности;
- аксиология игровой культуры;
- социально-педагогические основы методики проектирования игровых сообществ;
- теоретические и методологические основы игровой технологии.

В условиях глобализации современным определением (и пониманием) процесса *технологизации* может являться следующее – системная интеграция различных направлений научного знания и областей профессиональной практики в единый целенаправленный культуротворческий процесс деятельности.

В этом случае игровую технологию необходимо рассматривать как *специализированную технологию* педагогической практики социально-культурной деятельности. *Игровая технология* – это система проективной (или проектной) целенаправленной деятельности по выявлению культурных, социально-психологических, педагогических и др. закономерностей, принципов с целью определения, выработки, конструирования и использования в культурно-досуговой практике эффективных игровых моделей общения, ориентированных на становление игровой культуры человека.

Педагогическую стратегию игровой технологии необходимо рассматривать как *последовательную реализацию этапов проектирования* основных технологических единиц – реальных игровых ситуаций, в которых наиболее полно раскрываются творческие возможности «человека играющего», создаются адекватные условия становления игровых сообществ. В своей завершенной форме проект игровой ситуации задает ее *целостное пространственно-временное строение и функционирование*.

Проектная (в контексте игровой технологии) деятельность представляет собой *стратегические уровни создания прототипа, образа* возможных игровых ситуаций, адекватных опыту игрового знания: интерактивная стратегия референтов игры, стратегия динамики игрового сообщества, операциональная стратегия, стратегия игровых переживаний «человека играющего», культуротворческая стратегия. Все стратегические

уровни проектирования прототипа (образа) игровой ситуации ориентированы на факты эмоционально-психологической поддержки «человека играющего» и на движение смыслов, как идеальных, духовных объектов игровой культуры.

Проектирование игровой стратегии ориентировано на преобразование и воплощение *этнокультурного опыта* в игровых формах социально-культурной деятельности: таких существенных признаков народной игровой культуры, как *традиционность*, точнее – *продолжительность* бытования игры; *распространенность* игры; *характерность* и *типичность* игры.

Для развития нового качества социокультурной среды необходимым и обязательным условием являются специалисты, способные создавать принципиально новые алгоритмы и технологии социально-культурной деятельности что, в свою очередь, требует *компетентностного измерения* самой образовательной концепции подготовки таких специалистов.

Компетенция – способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Именно освоенные знания, полученные умения и сформированные навыки служат показателем профессиональной компетентности специалиста и обеспечивают качество его профессиональной деятельности. В нашем случае – в области педагогики игры в сфере досуга.

Соответствующие профессиональные компетенции специалиста в свою очередь выступают в качестве необходимой базы становления *профессиональной культуры* личности, которая соединяет высокую степень профессионального мастерства с общей культурой человека.

Профессиональная компетентность специалиста рассматривается нами как составляющая его профессиональной культуры и включает в себя:

1. Концептуальную компетентность, преодолевающую «методологические разрывы» в системе профессионального знания и игрологии, предполагающую понимание теоретических основ профессиональной социально-культурной деятельности;
2. Технологическую компетентность – умения и способности в области технологии социально-культурного проектирования (в нашем случае таковой является игровая технология);
3. Коммуникативную компетентность – умения и способности эффективно общаться в условиях профессиональной деятельности, владение навыками продуктивного общения;
4. Личностная игровая культура специалиста – операциональные умения и способности в игровой сфере деятельности.

В современном технологически развитом обществе профессиональные знания умения и навыки – явления неустойчивые, быстро утрачивают актуальность своего содержания и стабильное соответствие реальным процессам и явлениям в профессиональной сфере. Мобильность профессионального мышления и деятельности, преодоление стереотипов выступают здесь критериями эффективности профессиональной деятельности и, соответственно – профессиональным требованием к компетенции специалиста. Следовательно, профессиональная компетентность включает:

5. Креативность – способности специалиста к стратегическому мышлению в изменяющихся условиях профессиональной деятельности, предвидение перспектив и способность к инновационным решениям.

Сам же процесс становления профессиональной культуры выражается в том, что человеком обретается высокая степень совершенства, мастерство в выбранной им профессиональной деятельности.

В социально-педагогической практике досуга игровые формы могут быть не только естественным процессом, протекающим по своим законам, но и *искусственным* образованием, которое проектируется, конструируется и моделируется специалистами; именно *референтная группа игры* (или референты игрового общения), как специальная группа организаторов (и/или участников), владеющая игровым знанием, обладающая коммуникативно-организующими навыками (коммуникативной компетентностью), является «транзитом» игровой культуры в педагогической практике социально-культурной деятельности.

Игрология, как теория игровой культуры, является для специалиста-организатора игровой деятельности источником формирования соответствующего *понятия* об игре, *знания* о пространственно-временной структуре игровой деятельности, социально-педагогических и психолого-педагогических условий, обеспечивающих адекватную логику игрового движения коммуникативную стратегию и творческую активность «человека играющего». Профессиональная деятельность специалиста-организатора игровой деятельности основывается на соответствующей технологической модели – игровой технологии, которая и составляет обеспечение его профессиональной деятельности, а связанные с ней *проективные, коммуникативные и творческие умения и навыки* обозначаются как его *профессиональная компетенция*.

Педагогика игры как система научного знания и профессиональной практики открывает новые возможности в социально-культурной сфере:

- обеспечение преемственности традиций игровой культуры от поколения к поколению;
- формирование культуротворческих основ игровой сферы досуга;
- определение образовательных ориентиров и стратегий в формировании профессиональной культуры специалистов для сферы культуры.

Е. М. Бородина

**ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ СВАДЕБНЫХ ПЕСЕН
И ИХ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ В ОБРЯДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Русский свадебный обряд представляет собой развернутое ритуальное действо, в котором важнейшую роль имеет художественное, эстетическое начало. При этом песне и музыке отводится в нем весьма значительное место [1, с. 52].

Свадебные песни составляют большую часть коллекции песенного фольклора, собранного на территории Кемеровской области.

Свадебные песни по своей роли в обряде неоднородны. С одной стороны, выделяются произведения, которые выполняли те же функции, что и обряды, с другой – песни, не имеют ни магического, ни утилитарного назначения. Цель их исполнения заключалась в том, чтобы выразить отношение участников обряда к происходящим обрядовым событиям [2, с. 7].

Если взять за основу утверждение Ю. Г. Круглова, то «...свадебные песни не являются жанром свадебной поэзии. Именно в свадебных песнях наиболее полно представлены жанры обрядовых песен» [2, с. 212]. К таковым относятся ритуальные, величальные и корильные.

Ритуальные песни, по определению Ю. Г. Круглова, «способствовали формированию, реализации обрядов и закреплению факта их совершения в сознании людей».

Выделяются обрядовые моменты, во время которых звучало больше всего ритуальных песен: встреча свадебного поезда в день свадьбы в доме невесты, её выкуп. Передача невесты жениху, проводы свадебного поезда, встреча его у дома и в доме жениха, свадебный пир, отправление молодых на подклет, их бужение. Иными словами, это наиболее ответственные моменты свадьбы, в которых принимало участие большое количество людей, т. е. ритуально четко организованные части свадьбы [2, с. 19–20].

Важным, в поэтическом содержании ритуальных свадебных песен выделяется отсутствие в них развитых в общепринятом значении этого понятия образов персонажей. Конечно, в свадебных песнях упоминаются участники свадьбы, но они не были главными предметами изображения ритуальных песен. Поэтому все упоминавшиеся в песнях участники обряда, как правило, только назывались как лица, к которым обращались с какой-либо просьбой или требованием.

Предметом изображения в ритуальных песнях становится сам обряд, точнее – необходимость его реализации. Песни четко фиксируют то, что должны сделать участники того или иного ритуала, например, «Ох, ты зять, ты мой зятюшка» (с. Валериановка, Тяжинский р-н):

*Ох, ты зять, ты мой зятюшка,
Ты понежь-ка мою доченьку.
Полелей-ка чаду милую.*

Песня исполнялась на запое. В ней главное – не изображение образов «зятюшки» или «доченьки», а просьба совершить определенные действия. В данном случае «пожалеть, полелеять» – относиться к ней с любовью и лаской.

Ритуальные песни – это хоровые песни. В основе композиции ритуальных песен лежит хоровой монолог (монолог-обращение). Однако речь идет не просто о хоровом исполнении песни, а о том, что хор – участник ритуала. Он – организатор, распорядитель, советчик, бесстрастный наблюдатель того, как совершался ритуал. А способствование созданию ритуала, закрепление в сознании участников и окружающих факта его совершения выступают характерными признаками ритуальных песен.

Таким образом, ритуальные песни в свадебном обряде – далеко не случайное явление. Они органично вплетались в ход свадьбы, предвывая совершение обрядовых действий, формируя их. Обрядово драматургическая специфика ритуальных песен придавала им зрелищность, способствовала реалистическому изображению обрядовой жизни крестьянина [2, с. 21, 31].

Следующая группа свадебных песен – *величальные*. Их основное назначение, по мнению Н. П. Колпаковой, заключалось в том, чтобы прославить и возвеличить человека-труженика [3, с. 85].

Само название, говорит об обрядовом назначении песен: величальные песни должны были расхваливать, величать участников обряда.

Величальные песни, как правило, не изображали конкретных обрядовых действий, поэтому они могли исполняться на рукобитье, девишнике, после венчания.

Объектом изображения величальных песен становится человек. В этом принципиальное отличие песен-величаний от ритуальных песен, в которых объектом изображения были конкретные обряды [2, с. 15; 50–54].

Величальные песни иногда пелись за вознаграждение. Вероятно, это было связано с верой крестьянина в то, что величальная песня могла сделать его жизнь богатой и счастливой. Ярким примером может служить величальная песня «*А кто ж у нас умён?*» (с. Пача, Яшкинский р-н):

*А кто ж у нас умён, кто ж у нас разумён.
Ой ли, ой лю-ли, кто ж у нас разумён.
Умён/ы/ да разумён/ы/, Михаил Александрович.
Ой ли, ой лю-ли, кто ж у нас разумён.
Он по двору ходит, манерно ступает,
Ой ли, ой лю-ли, кто ж у нас разумён.*

или песня «*На ком кудри русые*» (с. Рубино, Мариинский р-н):

*Вот на ком кудри русые,
Ой лю-ли, лю-ли кудри русые.
На Александрушке, на Сергеевiche, кудри русые.
Ой лю-ли, лю-ли кудри русые.
На Александрушке по плечам лежат,
Ой лю-ли, лю-ли кудри русые.
По плечам лежат, словно жар горят,
Ой лю-ли, лю-ли кудри русые.*

В данном случае мы видим идеализированный портрет жениха. В песнях подчеркивается ум и внешность величаемого, его походка, манера одеваться.

Величальная невесте «*На ком платье белое*» (с. Рубино, Мариинский р-н):

*На ком, на ком платье белое?
Ой лю-ли, лю-ли, платье белое.
Платье белое, шаль атласная.
Ой лю-ли, лю-ли, шаль атласная [4, с. 63].*

или песня «*В поле сосёнка зеленая*» (с. Рубино, Мариинский р-н)

*В поле сосён/ы/ка зеленая, зеленая.
В нас Федосьюшка молодая, молодая.
Ровно куколка повитая, повитая,
Словно ягодка налитая, налитая.
Ровно белый снег в чистом поле.
Ровно белый мак в огороде...*

В песнях видны текстуальные совпадения в изображении девушки-невесты (описание её свадебного наряда), прослеживается наличие сопоставлений по принципу параллелизма картин из мира природы (её сравнивают с ягодкой налитой), сходство в символике, к примеру, в трактовке белого цвета как символа чистоты и непорочности невесты (белым снегом, белым маком и т. д.) [5, с. 18].

Величальные песни, записанные в Кемеровской области, были посвящены не только жениху и невесте. Величали подруг и сестер невесты, тысяцкого, богатого мужчину, сваху.

Сваха – такая же счастливая женщина, выполняющая почетные свадебные обязанности. Данное обстоятельство подтверждается в песне «Уж ты, сваха, моя свяхонька» (с. Рубино, Мариинский р-н):

*Уж ты, сваха, моя свяхонька.
Молода, больша боярыня.
Молода, больша боярыня.
Ты откуль, сваха, ехала?
Ты зачем, сваха, ехала?
Со удалым добрым молодцем [6, с. 196].*

В целом, песни-величания по своей структуре близки к заклинательным песням, в которых желаемое изображалось как существующее в действительности.

Основным принципом создания образов величальных песен является принцип идеализации. Главным способом изображения персонажей песен-величаний является описание.

В результате изучения величальных песен, обнаруживается наличие общего репертуара песен – величаний. Одни и те же величальные песни на свадьбе могли исполняться молодцу, девице, мужчине, женщине, замужней паре. Все это говорит о том, что исполнение песен-величаний было обусловлено рамками свадебного обряда и установившейся местной традицией [2, 50; с. 86].

Корильные песни. Ни один свадебный обряд не обходился без корильных песен. В Кемеровской области подобных песен записано немного. По поэтическому содержанию и художественной форме они являются оригинальным жанром.

По своему происхождению *корильные песни* – жанр древний. Цель исполнения корильных песен в обряде – высмеять его участников, укорить их, отругать за скупость.

В корильных песнях прослеживается противопоставление «чужого» рода-племени своему. Поэтому в корильных песнях, посвященных жениху, новобрачный часто сопоставляется с невестой и это сравнение не в его пользу, например «На деревне суета» (Топкинский р-н, Кемеровская область)

*На деревне суета, суета да не проста.
Завтра Сенька женится, только нам не верится.
Нончи ему нравится Дуняшка красавица...*

Противопоставление проводится не только во внешности молодых. В ряде песен ставится под сомнение ум, внешность, богатство, достаток жениха.

В корильных песнях девушке, как и молодцу, создается далеко непривлекательный образ, например: «Варвара, Варвара» (Топкинский р-н, Кемеровская область):

*Варвара, Варвара/ды/, за день так устала.
Холсты настирала, в речке полоскала.
В речке полоскала, на ночь захварала...
Коня запрягала, запнулась упала.
Запнулась упала, снова захворала...*

В отличие от ритуальных песен, в центре поэтического мира корильных песен находится человек. Основной принцип организации поэтического мира корильных песен – гротеск. Это позволило создать в них целую галерею портретов ленивых, пьяниц, нищих.

Пространство и время в корильных песнях замкнуто пространством и временем обряда. В них целенаправленно изображается крестьянский мир с теневой стороны [2, с. 118–119].

Полевые наблюдения дают основание считать, что процесс забвения свадебных жанров протекает неравномерно. Однако если дифференцировать нотированные первоисточники, то по содержанию можно выстроить свадебные песни, записанные в Кемеровской области, в той последовательности, в которой бытовали все периоды обряда: предсвадебный, свадебный и послесвадебный.

Так, например, на сватовстве пелись следующие песни: «Не было ветру», «Растворились тесовые ворота», «В огороде – у нас, да не лук ли?»;

- во время пропойн: «Отлилася Волга матушка – река», «Ты река ли, да быстра реченька»;

- на сборной неделе и на девишнике: «За горою каменной», «Зорюшка вечерняя», «Я спала, горя высыпалася», «Ох, ты ёлка, ты Ёлка», «Во саду было во садику», «Не долго веночку на стенке висеть», «Раздуша – ли наша душенька»;

- в бане и после бани: «Растоплялася банюшка», «Не хотелось голубке», «Отворяй-ка, родня маменька»;

- по прибытии свадебного поезда в дом невесты: «Батюшка, батюшка», «Стоят кони за воротами», «Ой, не было ветру»;

- перед венцом: «Цветик мой ракитовый», «Что же ты, ракитушка»;

- по прибытии молодых из церкви: «Вот прилетел сизый голубь»;
- во время свадебного пира: « На веточки два голубя сидят», «Во печи, да во серебряной», «Сад, ты мой, сад», «Рано меня маменька замуж отдала» и другие;
- на второй день после свадьбы: «А куры, куры», «Ой, за Доном, за Доном» [6, с. 111; 113; 142; 152; 156; 189; 212; 217].

Поэтические тексты свадебных песен насыщены красивыми символами-метафорами. Главные действующие лица свадебной игры именуются знатными людьми: жених Александр Господин; молодец молоденький; невеста – Марьюшка красна девица; девица алый цвет; красная девица.

Символы выражаются чаще всего в развернутой форме: порой целый высокохудожественный песенный поэтический текст воссоздает через подробное, обстоятельное раскрытие символического образа суть происходящего события [1, с. 83], например, «По логу, логу»:

*Ходит голубь, ходит сизый,
Золотая голова.
Вот за ём летит голубка,
Позолочена головка...* [6, с. 136].

Наряду с символами, когда явления человеческой жизни метафорически передаются через обращение к образам живой и неживой природы, в свадебной поэтике широко используется прием обрядного психологического параллелизма: сначала дается пример из явлений внешнего мира, а затем излагаются сходные обстоятельства человеческой жизни. С помощью такого художественного приема раскрываются самое существо описываемых событий, их глубинный смысл, тонкие оттенки связанных и ассоциируемых с ними эмоциональных состояний [1, с. 83].

Вот, к примеру, текст песни «Сосенка зеленая»:

*1. А сосенка-сосенушка,
А сосенка зеленая.
2. Сосенка зеленая,
С кореня веселая.
3. С кореня веселая,
С макушки пуховая.
4. А с макушки пуховая,
Гнездо соколовое.
5. Как во этом гнездушке,
Снесла пава два яйца.*

*6. Снесла пава два яйца,
А вывела пава два дитя.
7. Первое дитяще,
А дитяще Иванушка.
8. А второе – то дитяще,
А дитяще Татьянушка.
9. Она батюшку просила:
А, родимый мой батюшка,
10. Позволь чарочку принять,
А принявши прикушать...*

*11. Да не продавай сокола,
А не продавай ясного.
12. Я сама замуж пойду,
С собой сокола возьму... [6, с. 130–131].*

Следует особо отметить характерное свойство свадебного репертуара, когда один из напевов исполняется на множество различных поэтических текстов, иногда разнохарактерных по смыслу и настроению [1, с. 85]. Ярким примером выступают две свадебные песни «На ком платье белое»:

*На ком, на ком платье белое?
Ой лю-ли, платье белое.
На Федосьюшке, На Филимоновне.
Ой лю-ли, платье белое.
Платье белое, шаль атласная.
Ой лю-ли, платье белое.*

и свадебная песня «На ком у нас кудри русые»

*На ком кудри русые,
Ой лю-ли, кудри русые
На Александрушке, на Секргеевиче
Ой лю-ли, кудри русые
По плечам лежат, словно жар горят
Ой лю-ли, кудри русые*

Выразительность поэтических слов усиливается в русских свадебных песнях красотой их напевов, имеющих нередко сложное строение.

Многие напевы, принадлежащие к данному жанру, обладают удивительно пластичной мелодией. Она развивается плавно, волнообразно, опеая опорные звуки, и движется безостановочно, как бы переливаясь из строфы в строфу.

Часто в напевах свадебных песен происходит чередование вопросительных и утвердительных мелодических построений, например:

Ритмические особенности свадебных песен во многом зависят от законов местной традиции. Приведем наиболее типичные для свадебных песен Кемеровской области двухсоставные (двухсинтагмные) силлабические ритмоструктуры:

- 1) «Зорюшка вечерняя» 3 + 4 слога;
- 2) «Раздуша ли наша душенька» 4 + 5 слогов;
- 3) «Ой, сваха моя, утеха моя» 5 + 5 слогов;
- 4) «Ступайте бояре» 6 + 6 слогов.

Широкое распространение получили разнообразные трехсоставные (трехсинтагмные), когда строка членится двумя цезурами на три построения. Приведем наиболее типичные построения песен подобного ритмообразования [1, с. 88]:

- 1) « Не хмель ты мой, да хмелинушка» 4 + 5 + 4
- 2) «Не трубушки трубили» 6 + 6 + 6.

В свадебных песнях с силлабическим стихом существует множество различных комбинаций элементов стиха и напева, образующих двух-трех-четырёхфразовые строфы. Стиховая строфа включает в свой состав характерные припевные слова: «“Ладу, ладу”, “Ой, лё-ли, лё-ли”, “Э-о-ли, оле, ле”, “Ле-лели, ле-о-ли” (что очень роднит с южнорусскими хороводными песнями).

Для свадебных песен с силлабическим стихом характерно прерывистое строение, компановка музыкально-стиховых строф из последования своего рода порций «строительного звучащего материала» [1, с. 89–90].

Рассматривая музыкальное строение свадебных песен Кемеровской области, мы «находим признаки локальной традиции, сохранившейся из сплава старожильской и новосельческой культур, что свидетельствует о появлении местных музыкально-стилевых норм: прежде всего, это двухголосие с эпизодическим отклонением на трёх-четырёхголосие. Выделяются виды многоголосия: втора к основному напеву, вариантная гетерофония, элементы бурдона в верхнем голосе. Обилие дополнительных вставных гласных и т. п.» [7, с. 132].

Вывод: Распространенность свадебных песен на территории Кемеровской области не вызывает сомнения. Среди них выделяются жанры обрядовых песен – ритуальные, величальные и корильные. В обряде свадебные песни по своей роли неоднородны. Обрядовые песни способствовали формированию и реализации обрядов. А главным предназначением их было выразить отношение участников обряда к происходящим событиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щуров, В.М. Стилиевые основы народной музыки. – М.: Московская государственная консерватория, 1998. – 464 с., нот.
2. Круглов, Ю. Г. Русские обрядовые песни: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк, 1989. – 320 с.
3. Колпакова, Н. П. Русская народная бытовая песня. – М.; Л., 1962. – 307 с.
4. Мельников, М. Н. Фольклорные взаимосвязи восточных славян Сибири. Фольклор старожильского русского населения: опыт типологии / М. Н. Мельников. – Новосибирск: НГПИ, 1988. – 96 с.
5. Русский народный свадебный обряд / под ред. К. В. Чистова. – М., 1978. – 269 с.
6. Похабов, В. Ф. Культурное наследие русских Кузбасса (семейно-обрядовый фольклор северо-востока Кемеровской области). – М.: Редакция журнала «Самообразование» и МФ «Семигор», 2000. – 264 стр., ил.

7. Похабов, В. Д. Свадебная обрядность сел среднего течения реки Кии // Народная культура Сибири: материалы VIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. – 268 с.

В. П. Курбатов

**МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ ПРАЗДНИКА.
ВОЗМОЖНОСТЬ СОЗДАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

В конце прошлого века появилось загадочное слово «Мультикультурность». Что же оно означает? В Толковом словаре обществоведческих терминов Н. Е. Яценко, читаем: «МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТЬ – расово-этническая многокультурность; много-этничность» [5, с. 579].

Уго Новотный президент «Центра гуманистических исследований в Москве» в статье «Мультикультурность и ненасилие», пишет: «Под «мультикультурностью» мы понимаем не только уважение к «другому», толерантность; но и конструктивное взаимодействие, конвергенция разнообразных культур на основе взаимного признания их гуманистических вершин и глубинных общих корней; даже возможность совместного переживания глубоких духовных состояний людьми разных конфессий и атеистических установок [6].

Исходя из сказанного, Мультикультурность – взаимодействие и слияние культур? И дальше, он продолжает: «Очевидно, что в современной ситуации, понятие «мультикультурность» является актуальным и имеет глубокое значение. Оно подразумевает не только уважение одной культуры к другой (что уже не маловажно сегодня), *а создание пространств для диалога, для достижения единства в многообразии* (Курсив мой – В. К.) всех мировых культур; создание механизмов и концепций, которые способствовали бы этому единству, вместо агрессии». Исходя из двух определений, мы можем сделать вывод, что Мультикультурность – *это взаимодействия национальных культур в рамках единой территории, или поликультурность*. Значит понятия «мультикультурность» и «поликультурность» – адекватны.

Итак, мультикультурность, способность к диалогу, восприятие «другой», не «своей» культуры, возможность и желание содружества различных культур, существующих в одном регионе, сохранение индивидуальных черт самобытной культуры – это предпосылки, необходимые сегодня обществу для своего дальнейшего развития и перехода на новый виток эволюции.

Культурное многообразие современных наций, сегодня, все больше и больше начинают возвращаться к своим истокам, и составляющие их народы находят всё больше средств, в том числе политических и правовых, чтобы сохранять и развивать свою целостность и культурный облик. Эта тенденция осознания и отстаивания своей собственной отличительности и сохранения культурной традиции подтверждает общую

закономерность, что человечество, становясь всё более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего этнического многообразия. Мы продолжаем жить в крайне разнообразном культурном пространстве, и это разнообразие проявляется в традициях, обычаях и праздниках каждого народа.

О сохранении культурного наследия и о создании равных условий для творчества всех этнокультурных групп, говорил В. В. Путин на заседании Государственного совета 26 декабря 2006 года: «Мы должны добиться эффективной работы в деле сохранения культурного наследия, создавая равные условия для творчества всех этнокультурных групп в нашей стране. Очевидно, что отдельные меры способны лишь латать наиболее запущенные проблемы. Нам же необходимо выработать целостную долговременную стратегию работы в этой сфере и уже сейчас продумывать концептуальные подходы к решению вопросов сохранения нематериального культурного наследия [4].

Об этом же говорил и губернатор Вологодской области В. Позгалев: «Для нашей многонациональной страны утверждение принципов толерантности, национального взаимоуважения и согласия имеет принципиальное значение. Именно духовность, культура могут и должны охранять от агрессивной идеологии экстремизма и терроризма» [4].

А сейчас обратимся к действительности и рассмотрим, что и как происходит в культуре, на примере Дня святого Валентина. Особенности национального празднования дня святого Валентина: Например, во Франции самым лучшим подарком в День святого Валентина считается комплект дорогого оригинального нижнего белья. Помимо этого там дарят романтические путешествия, лотерейные билеты, нарезанную сердечками колбасу, розовые йогурты. Этот день считается наиболее удачным для предложения руки и сердца. Кстати, именно галантным французам приписывают изобретение «валентинок».

В Дании посылают друг другу «валентинки» с засушенными белыми цветами. Причем датские мужчины отправляют презенты без подписей – догадайся сама, кто тебя поздравил.

Американцы буквально засыпают всех конфетти из бумажных сердечек и красных ленточек. В День всех влюбленных они устраивают грандиозные диско-пати, где все декорируется в красном цвете и в виде сердец. Ведь считается, что красный – это цвет страстной любви.

В Италии 14 февраля называют «сладким днем». Легко догадаться, что основные подарки – конфеты, печенье и шоколадки в форме сердца.

В Голландии в День всех влюбленных каждая женщина может сама подойти к любому мужчине и предложить жениться на ней. Впрочем, представителям сильного пола оставили лазейку – они могут отказаться, но взамен обязаны подарить даме красивое платье, лучше шелковое.

В Японии День святого Валентина – примерно то же самое, что у нас 23 февраля. В этот день принято дарить мужчинам всякие аксессуары: бритвы, лосьоны, бумажники и т. п.

Но больше всех в разнообразии традиций по случаю самого романтического праздника отличилась Англия. Во-первых, там положено собственноручно выпекать для любимых сладости в форме сердец и преподносить эти угощения во время ужина при свечах. Во-вторых, незамужние английские девушки 14 февраля встают перед восходом солнца, становятся возле окна и ждут проходящих мужчин. Они верят, что первый увиденный ими мужчина – суженый.

Кроме того, в Дербшире (графство в центральной Англии) незамужние девушки в полночь обходят церковь от 3 до 12 раз, повторяя определенные стихи. Надо полагать, каким-то неведомым путем это приводит их к большому личному счастью. И, наконец, начиная с XIV века, в День святого Валентина английские девушки бросают в реку или пруд свернутые клочки бумаги с написанными на них мужскими именами. Будущий жених будет носить имя, которое всплывет первым. Самое смешное, что подобным образом гадают и английские мужчины. Хорошо хоть, что они не засоряют водоемы, а просто бросают в кувшин таблички с именами знакомых леди. Затем поочередно тянут бумажки со своей судьбой.

А наиболее экстремальная традиция по случаю Дня влюбленных наблюдается на Ямайке. В последние годы в этот день там происходят «голые свадьбы». Пары становятся под венец совершенно обнаженными.

Как видно из приведенного примера, традиции отмечать один и тот же праздник у каждого народа свои. И эти традиции существуют параллельно, не мешая друг другу, и ни один народ не навязывает «свое понимание» данного праздника другим.

Подобное происходит во всем мире, за исключением мусульманских стран, Ирана, Ирака, Палестины, где происходит подавление «инородных» культур и строгое их подчинение главной, то есть мусульманской, но эта тема требует особого рассмотрения, а нас интересует тема именно «мирного» сосуществования культур, которое мы рассмотрим на примере Кузбасса. Для начала определим национальный состав населения. Одним из самых многочисленных из так называемых «коренных» народов Кузбасса считаются шорцы. Шорцы – тюркоязычный народ, проживающий на юге Кемеровской области в горнотаежной местности, получившей в начале XX в. название Горная Шория.

Вторым тюркоязычным некогда многочисленным народом Кузбасса являются бачатские телеуты, сохранившие свое этническое самосознание только в пределах нескольких населенных пунктов Беловского района (пп. Беково, Заречное, Новобачаты, Черта), Новокузнецкого района (п. Телеут в районе Запсиба) Кемеровской области.

В области нет поселений исключительно шорских или телеутских, как правило, это посёлки со смешанным населением. Посёлков и поселений, где преобладают жители шорской и телеутской национальностей (более 50 %) в области около 90 %.

И, естественно – русские (славяне).

Каждая из этих этнических групп сохраняет свои традиции, обычаи, обряды и праздники. И, при наличии одних целей и задач – передача культурных и социальных традиций, каждый этнос использует свои формы и способы.

Проанализируем это на примере праздника, но с учетом именно народных, этнических традиций. Потому что современные праздники, практически нивелировались, свелись к похожести проведения и потеряли свою самобытность. Возьмем новогодний праздник, который является и этническим, проводится в свое определенное время каждым этносом и государственным, естественно установлена единая дата, начиная с 1 сентября 1700 года Петром I.

Новый Год – большой славянский праздник! 31–1 января (просинца)

Единственный Славянский праздник, который отмечается на государственном уровне, но, в очень редких местах, с соблюдением этнических традиций.

Когда-то давным-давно, бог лютого холода Морок ходил по селениям, насылая крепкие морозы. Поселяне, желая оградить себя от стужи, ставили на окно подарки: блины, кисель, печенье, кутю. Теперь же Морок превратился в такого доброго старичка Деда Мороза, который сам раздаёт подарки. Таким он стал совсем недавно, в середине XIX века, а в украшении ёлки есть глубокий обрядовый смысл: в вечнозелёных растениях, по поверьям, живут духи предков. Поэтому, украшая ель сладостями, мы приносим дары своим предкам.

Такой вот древний обычай. Новый год, как и Щедрец, семейный праздник. В этот день лучше навестить своих родных. Во время празднования Нового года произносились заклинания на весь будущий год и одновременно с этим производились гадания о будущем.

Число 12 чаще всего встречается именно в новогодней обрядности: 12 «старцев» руководящих ритуалом, 12 снопов, по которым гадают о будущем урожае в начинающемся году, вода из 12 колодцев для подблюдных гаданий; священный огонь «бадняк» Бадняк, так называлось найденное в лесу вертикально стоящее дерево. Оно считалось освященным богами символом связи с предками. От бадняка зажигали огненное колесо Ярилы. Высекая искры, символы обновленной жизни, бадняк поднимали на шесте и разносили новый огонь по домашним очагам. Поутру встречали обновленное Солнце. Так вот, этот огонь горит 12 дней (шесть дней в конце старого года и шесть в начале нового).

Колядования проводили до Щедреца. Считалось, что сам Велес (в образе медведя) участвует в колядках, посещая вместе с колядующими каждый дом.

Торжественный цикл новогодних обрядов начинался воспоминаниями о прошлом (пение старинных былин), а завершался гаданиями о будущем. Именно конец святок, знаменитый «крещенский вечерок», считался наиболее удобным временем для вопрошания судьбы.

Для январских заклинаний и гаданий, связанных с подблюдными песнями, требовались специальные сосуды для священной воды, в которую опускали золотое кольцо. Идея воды подчеркнута массивной рельефной зигзаговой линией, идущей вокруг всего сосуда под самым венчиком. Аграрно-магический характер этих гаданий достаточно выяснен трудами В. И. Чичерова; одной из главных подблюдных песен являлась «слава хлебу». Вода и золото – обязательные атрибуты новогодних аграрно-магических гада-

ний, так же как вода и солнце, обеспечивали древнему славянину урожай. В наши дни существует, пожалуй, единственный старинный обряд – колядование, но он проходит, в основном, в сельской местности. В городах, данный обряд может проходить и проходить, только среди групп населения, близко знакомых друг с другом.

Чыл Пажи – шорский народный праздник, в переводе означает «Голова года», на эту голову падают первые лучи «Нового солнца» в дни весеннего равноденствия. Поэтому встреча нового года у шорцев проходила в марте, когда наступает весеннее равноденствие. Этот праздник в древности открывал новый жизненный цикл и являлся особо значимым для шорцев. Предки шорцев праздновали Чыл Пажи не один день. В течение всей недели до назначенного дня совершались обрядовые действия, существовали дни почитания старших, детей, дни очищения порога, дома, дворов. В этот период нельзя было употреблять вино, так как с вином могла войти в человека нечистая сила. Запрещались ссоры, как в семье, так и в обществе. В назначенный день шаману приводили жертвенного животного (жеребенок, баран), которого специально откармливали и готовили для праздника в течение года. Люди очищались не только физически, но и духовно просили у Богов Земли, Огня, Воды, Гор урожая, удачи в охоте, здоровья. После совершения традиционных ритуалов люди веселились, играли в различные игры, состязались в силе, смекалке. На празднике молодые люди знакомились и заключались свадебные соглашения между родителями и родственниками. Лучшие исполнители песен, частушек, напевов соревновались в своем мастерстве и умении красиво говорить и петь. По вечерам, чтобы задобрить духов кайчи, исполняли древние героические поэмы, всю ночь рассказывали и пели под аккомпанемент кай-комуса (двухструнный музыкальный инструмент) прославляя подвиги древних богатырей.

Приход и встреча Нового года у телеутов, называется сом. Кстати и встречают его в марте, как и шорцы.

Сом представляет собой несколько молодых берез (чаал кайын), поставленных в ряд неподалеку от дома, в восточной части усадьбы. Березы укреплены четырьмя вертикально вбитыми в землю рейками и двумя, прибитыми перпендикулярно к этим четырем, на высоте примерно 1 м от земли. Одна береза при этом немного отдалена от других – она посвящается невестке данного рода. Сом сооружается при женитьбе сына его родственниками и сохраняется, пока стоит дом и живут люди, для которых этот сом построен. Причем, количество березок зависит от родовой принадлежности супруга [7, с. 211]. Так, по сообщениям А. К. Алагызовой и А. С. Калишевой, у сеока [рода. – Ред.] меркит – пять берез, у родов тортас и чорос (Тыдыктарда) – 6 берез [1. Информаторы: Алагызова А. К., 1936 г.р., Калишева А. С., 1929 г.р.]. К одному из деревьев привязывается туус – туесок, куда засыпается жертвуемая пища. К каждой березке привязываются по две ленты белого, красного и синего цветов. Белая лента посвящается Луне, красная – Огню, синяя – Небу. Сом устанавливается в благоприятные дни после новолуния, по восходу солнца. При этом старший мужчина рода окропляет его утренним молоком, сопровождая все действия благопожеланиями. Оставшимся молоком с соответствующим обращением кормится огонь очага новой семьи. Сом обновляется каждый год главой семейства, жизненную силу которого он (сом) охраняет, ли-

бо, в нынешнее время, потомком носителей сакральных знаний – [1. Сообщение Тодышевой А. В., 1928 г.р.] Как свидетельствуют информаторы, сом обновляется и перед праздником Троицы, т. е. в первую неделю июня. Очевидно, что здесь *произошло наложение двух обрядов, при котором древний не был полностью вытеснен новым, христианским.*

Обновление сома является первым этапом встречи нового и прощанья со старым годом. В обращении к хозяину сома видна просьба о благополучии семьи, рода.

*По прошествии старого,
По приходу нового года,
Когда появилась листва,
Трава из-под земли,
Когда запела кукушка,
И зазеленел кедр,
Остановитесь на сом'е,
На молодых березках остановитесь,
Ради дома находящихся,
Ради стада моего в табунах,
Мольбу мою услышьте,
Поклоны мои заметьте*

Вторым этапом является обращение к духам-хозяевам данной местности с просьбой о ниспослании благополучия всем жителям данного села, о приумножении голов скота, мальков рыбы и детенышей диких животных. В с. Чолкой местом проведения жертвоприношений служила гора Ыйык Туу [2. Текст предоставлен В. Н. Челухоевым, 1936 г.р., сеок јуты.]. На это моление собирались жители всего села, закалывалась овца способом кере тартып. Забой овцы заключался в ее удушении, с последующим разьединением конечностей, в отличие от обычного, когда оглушенному животному отрезали голову. После необходимых приготовлений несколько человек во главе с алкышчы (знающий благопожелания) кормили бульоном, молоком и водкой духов-хозяев местности – Ыйык Туу, Байат Энезине. Здесь также повязывали обрядовые ленточки к березам. После угощения всех почитаемых духов-хозяев и испрашивания у них благополучия всему живому собравшиеся совместно съедали мясо жертвенного животного, при этом кости должны были оставаться целыми – их после собирали вместе и сжигали [2. Там же. Из сообщения А. К. Алагызовой, А. С. Калишевой, А. В. Тодышевой, а также П. С. Чаштановой, 1917 г.р].

Телеуты считают, что сом является хранителем жизненной энергии мужчин, а его обновление призвано защищать людей от всяческого неблагополучия. Оба обряда (новогодний и Троицкий) имеют семейно-родовой характер, одинакова и семантика используемых в них предметов. Н. П. Дыренкова, комментируя телеутские шаманские тексты, отмечала: "Сом или чал – молодые березки, которые телеуты ставят около своих домов в начале лета, в честь пяти наиболее уважаемых ими духов Тамір-кан'а, Аркај-кан'а, Орто-хана, Куркај-хана и Јоо-кан'а. Отсюда эти духи, помимо общего на-

звания, носили еще название «сом» [3, с. 125]. Поэтому можно говорить о выделении календарного обряда из всего шаманского комплекса камлания с жертвоприношением.

Таким образом, при сравнении трех праздников, определились следующие схожие черты:

- Данный праздник является семейным у приведенных народностей, но мы можем с уверенностью сказать, что семейственность данного и других праздников присуща всем этносам.

- Обязательно присутствие элемента воспоминания о предках и преподношения им даров.

- Во время празднования Нового года обязательно произносились заклинания на весь будущий год и одновременно с этим производились гадания о будущем, об урожае, о приплоде скота и т. п.

- В преддверии праздника, люди очищались не только физически, но и духовно просили у Богов Земли, Огня, Воды, здоровья и удачи в наступающем году.

- После совершения традиционных ритуалов люди веселились, играли в различные игры, состязались в силе, смекалке. На празднике молодые люди знакомились и заключались свадебные соглашения между родителями и родственниками.

Если мы рассмотрим другие праздники и связанные с ними обряды, то можно с уверенностью сказать, что цели, которые преследуют данные обряды, да не только они, и весь праздник в целом, направлены:

1. На воспоминание предков и принесение им даров.
2. На восхваление и принесение даров богам.
3. Физическое и духовное очищение.
4. Ожидание успехов и удачи в предстоящей жизни.

Значит при наличии одинаковых задач и целей, меняется только форма, последовательность и характер проведения праздника

И главное, новогодний праздник в Кузбассе, ежегодно, начиная с 2002 года, проходит на Томской писанице; русский (славянский), телеутский и шорский. Ни один из этносов не претендует на главенство своего праздника и подчинения остальных. Наоборот, каждый праздник имеет самобытное, индивидуальное лицо, что собирает большое количество зрителей и участников и позволяет этносам, живущим на одной территории, знакомится с культурой друг друга. Кроме того, каждый этнос, учитывая, что в празднике будут принимать участие не только люди собственной национальности, стараются видоизменить отдельные моменты праздничного действия, при сохранении основных целей, и сделать их доступными и понятными для всех других.

Исходя из сказанного, мы можем предложить универсальную модель праздника, которая состоит из следующих составляющих или подсистем:

Первое самое главное – это событие, лежащее в основе праздника, в данном случае, *окончание старого года и необходимость в определении планов на будущее.*

Второе – Этнотематическая основа праздника, которая включает в себя определение содержания праздника, в данном случае это набор определенных ритуалов и обрядов откристаллизованных временем и имеющих конкретную цель проведения. Затем

достижение цели праздника, об этом мы говорили выше, и определяется сверхзадача праздника, которая, по сути, принадлежит всем праздникам – передача накопленного опыта праздничной культуры молодому поколению.

После этого определяются этнографические особенности и формы проведения праздника. И здесь при одинаковых целях и задачах видоизменяется форма воплощения задуманного. У славян священное дерево ель, которая украшается и как бы соединяет живущих с предками, у шорцев и телеутов – это береза, которая выполняет те же функции.

Третье – логическая последовательность праздничного действия, которое включает в себя сквозное и контрсквозное действия, событийную линию и способы разрешения конфликта, как всего праздника в целом, так и каждого обряда в отдельности.

Четвертое – изобразительно-выразительные средства. Они делятся на три группы; а) изобразительные средства – костюмы, реквизит, необходимый для праздника, основное внимание, здесь, уделяется символическим предметам, ель, береза, кедр, бубен, нож для жертвенного животного. б) выразительные средства – вербальные и невербальные, то есть слово и жест, мимика, пантомима. Сюда же входя и пение, танец, как по отдельности, так и в синтезе, музыкальное сопровождение действия. в) синтез изобразительных и выразительных средств, например ряжение для колядования, когда колядующие превращаются в медведя, козу и других животных, с помощью костюма, грима и атрибутики. И вот эти «животные», приходя в дом, поют, танцуют и поздравляют хозяев. Отдельной группой сюда входят обрядово-символические предметы, но не сами по себе, как факт, а предметы в действии; бубен в руках шамана при камлании, нож в руках старейшины, при совершении акта жертвоприношения, набор мешочков для передачи пищи предкам. И вот здесь могут быть расхождения при использовании обрядовых предметов. Славяне не используют бубен и жертвенный нож, у них нет обряда жертвоприношения, а шорцы и телеуты специальных кувшинов для набора воды. Но суть всего праздника в целом от этого не меняется.

Пятое – финал праздничного действия, своеобразное подведение итогов всего торжества. Возвращение ритуально-обрядовых предметов на места их хранения. Финал, ставит точку пройденному жизненному отрезку и подчеркивает готовность человека к новому, его стремление к выполнению нагаданного и уверенность в том, что предстоящее будет лучше прошедшего.

Все сказанное можно выразить нижеприведенной схемой. (**См. Схема Универсальной модели праздника**).

Исходя из всего вышесказанного, определяются выводы:

- Мультикультурность или поликультурность существует и должна существовать, не смотря на этническое многообразие культур.

- Каждый этнос, обязан сохранять свое культурное наследие и по собственному желанию ассимилировать свою культуру с себе подобными или нет.

- Каждая культура имеет полное право на самостоятельное существование и развитие.

Рис. 1. СХЕМА: УНИВЕРСАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАЗДНИКА

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории языка и литературы ЭМ-3. Информаторы: Алагызова А. К., 1936 г.р., сеок меркит, с. Шанда Гурьевского района Кемеровской области; Калишева А. С., 1929 г.р., сеок меркит, с. Верховское Беловского района Кемеровской области.
2. Архив Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории языка и литературы Текст обращения к сом'у любезно предоставлен В. Н. Челухоевым, директором краеведческого музея с. Беково Беловского района Кемеровской области, 1936 г.р., сеок јуты.
3. Дыренкова, Н. П. Материалы по шаманству у телеутов / Н. П. Дыренкова. Т. X. // Сб. МАЭ. – 1949.
4. Стенограмма Заседания Государственного совета «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России» [Электронный ресурс] // 2006. – 26 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears2/2006/12/26/116109.shtml>. – Загл. с экрана.

Н. С. Куркова

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО КАК НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНИМАЦИОННОГО ТВОРЧЕСТВА

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Анимационное кино – это синтетическое искусство, интегрирующее в себе литературу, изобразительное искусство, прикладное творчество, музыку, искусство звучащего слова, пантомиму и другие виды художественной деятельности, и, благодаря этому, обладающее огромными художественными возможностями. Большую роль здесь играет глубокая внутренняя общность анимации с народным творчеством, с национальными традициями в изобразительном искусстве, литературе, музыке.

Образный строй, сила художественного воздействия анимации основаны на метафоре и гиперболе, символике и олицетворении, для неё характерны иносказание и типизация, которые связаны в нашем представлении с многовековым опытом и реалистическими традициями народного творчества.

Анимация как вид искусства, возможно в большей степени, чем любой другой, не может развиваться без полнокровных связей с народным творчеством. Теряя живые контакты с неизменно питающей её почвой народного искусства, анимация лишается своей глубинной основы, своего фундамента.

Анимация – своеобразный вид художественного творчества, художественная природа которого основывается на том, что анимационное творчество – это главным образом поэтическое пересоздание действительности, романтическое, сказочное, трагедийное, сатирическое, а не прямое, правдоподобное её воспроизведение.

Фантазия художника-аниматора может создать всё, чего нет и не было в такой форме в реальном мире, поэтому в анимационном искусстве при всей его коллективности и синтетичности так важно авторское начало.

Изобразительный образ, из которого исходит в процессе создания мультфильма художник, включен в сферу драматургии, «помножен» на движение, на способность трансформации, на существование в определенном ритмическом и колористическом ключе и заранее рассчитан на создание пластического мультипликационного образа.

В пластике мультипликационного образа соединяются художественные начала изобразительного образа и выразительность движения, слова, музыки. Ни один из этих элементов синтеза не должен абсолютизироваться, считаться определяющим или, наоборот, восприниматься как второстепенный. Только синтез изобразительного, динамически выразительного, звукового и словесного начал даём полное представление о современном искусстве мультипликации.

Пластика мультипликационного персонажа специфична тем, что она способна развиваться, каждая из форм пластического выражения здесь, в отличие от изобразительного искусства, не самостоятельна, существует как один лишь момент воспринимаемого во времени законченного целого – фильма.

Именно в народном творчестве находит анимация родственные ей средства художественного обобщения, она неразрывно связана с богатейшей сокровищницей народного творчества, классического искусства. Только вобрав в себя всё самое ценное и живое из этих неиссякаемых источников, она может в полной мере решать свои задачи. Но это обращение к веками накопленному опыту должно быть творческим развитием художественных возможностей искусства, живущего жизнью своего народа. С. Эйзенштейн, в одной из своих лекций замечает: «Если заняться мультипликацией, то надо идти по линии русского фольклора».

Известный режиссер И. П. Иванов-Вано писал: «Фильм рождается не сразу. Прежде чем он воплощается в материале, проходит долгий «инкубационный» период. Сначала возникает замысел. Он долго вынашивается, формируется, постепенно приобретает реальные очертания, сначала драматургические, потом и зрительные, образные. С «Левшой» было примерно так же. С давних пор я вынашивал планы создания этого фильма. Мне хотелось средствами мультипликации рассказать трагическую историю русского самородка-умельца, каких на Руси всегда было в достатке. Повесть Лескова всегда притягивала меня сочным колоритом русского народного сказа, необычайно меткого, лукавого слова, огромной и чистой любовью к своему народу. Приступая к съемкам фильма, мы провели огромную подготовительную работу во многих музеях страны. Там мы кропотливо изучали русский лубок, деревянную архитектуру, старинную резьбу по дереву, росписи русских коробов, туесков, прялок. Все это дало нам богатейший материал, который мы использовали при разработке изобразительного строя нашей картины. Мы разработали три изобразительные линии, каждая из которых развивает определенную тему. Тульские эпизоды, сцены масленичного гуляния решены в стилистике лубка – яркого, красочного, эмоционально приподнятого. Именно в этих сценах мы стремились передать дух веселого народного праздника, его приподнятую атмосферу. Несколько в ином ключе, близком к стилистике старинной гравюрной иллюстрации, выполнены картины царского дворца, парадных залов, красивых, но чо-

порно холодных в своей аристократической отчужденности. Все зарубежные эпизоды и сцены на корабле решены в манере старинной английской гравюры».

Анимация имеет разветвленную жанровую систему. Её животворные корни – фольклорные истоки. Это – сказка, легенда, баллада, героический эпос, притча, сказ, басня и малые фольклорные формы: потешки, прибаутки, считалки, загадки.

Анимация охотно использует аллегорию басни, выбирает фантастические сюжеты и с первых дней своего существования обращается к сказке. Сказка – жанр, где в поэтическом зеркале преломляются общечеловеческие моральные категории. Известно, что, создавая сказки, народ всегда умел вкладывать в них, казалось бы, условные фантастические образы конкретное и острое жизненное содержание, отражая свою душу и красоту вскормившей его земли.

В сказках выражались вековые мечты народа о покорении природы, о путешествиях в дальние страны, вера в победу добра. Каждое новое поколение переосмысливало многогранные и емкие сказочные образы в сопоставлении с новыми явлениями жизни. Но всегда утверждались человеческие ценности, истины гуманизма – величие добра, верности, честности, смелости, справедливости.

Стилистика, с использованием традиционных мотивов русской народной графики, национального орнамента, утвари, игрушек для решения тем и сюжетов из отечественной истории, прочтенной глазами современного художника, открывает перед аниматорами богатые творческие возможности.

В фильме «Левша» И. Иванова-Вано по Н. С. Лескову блестяще использованы традиции русского народного лубка, национального орнамента, игрушки, гравюры. Привлечение этого богатейшего изобразительного материала для мультипликационного воплощения знаменитого лесковского сказа – творческая находка.

В фильме «Сеча при Керженце» Ивана Иванова-Вано и Юрия Норштейна использована русская музыкальная классика и народное искусство, которые образуют взаимообогащающий синтез. Изобразительная основа здесь – старинная русская живопись – фрески, миниатюры, иконы, мотивы древнерусского прикладного искусства, орнамента, резьбы, которые создают целостный стилистически мир, исторически верный и, в то же время символически обобщенный. «Сеча при Керженце» – фильм героический. Это страница истории Руси. Героем фильма является русский народ, образ собирательный, воспетый в древних сказаниях и легендах.

Насколько прекрасно сохранен народный язык в фильмах режиссера анимационного кино Л. Носырева по северным сказам Б. Шергина и С. Писахова «Смех и горе у бела моря»!

Леонид Носырев считает: «Фольклор – это чистый родник, это интересно всем. Времена меняются, но пласты культуры надо сохранять, через формы разных искусств доносить до молодежи то, чем богат наш народ, и другие народы».

И. Иванов-Вано так рассказывает о том, почему он часто в своем творчестве обращается к народному искусству: «Я был влюблен в сказку Петра Ершова, в ее непревзойденный сочный народный язык, смешные персонажи и необычайные, фантастические положения, которые, словно специально, были созданы для мультипликации.

Фольклорная форма сказки в произведении Ершова предъявляла свои специфические требования к качеству экранизации. Богатый фантастическими событиями, на редкость своеобразными характерами – сатирическими и лирическими – сюжет сказки требовал острого гротеска в решении как изобразительной формы, так и движения рисованных персонажей. Прежде всего, мы с художником Л. Мильчиным основательно изучили русское народное творчество и нашли стилистический ключ фильма в народной игрушке, лубке, в росписи старинных прялок, глиняной посуды и тканей, в резьбе по дереву, в пряничных досках, в народной архитектуре. Большую роль в построении композиции кадра сыграли традиции древнерусской миниатюры. Замечательную музыку к фильму написал композитор В. Оранский. Мелодии В. Оранского очаровательны, напевны, народны. Они помогают глубже раскрыть характеры героев. В музыке он умело использовал народные мелодии. Особенно композитору удалось передать дух народного праздника – малиновый перезвон колоколов, задорный шум всеобщего веселья. Летят вверх – вниз качели, кружится расписная карусель. Мелькают на экране деревянные кони, козлы, лебеди... С веселым смехом несутся под гору сани с краснощежими парнями и девушками».

Анимация – искусство, во всей художественной сути которого фантазия играет первостепенную роль. И это по природе своей искусство концентрированной мысли. Даже известный, не раз использованный сказочный сюжет может в ней вдруг прозвучать по – новому, наполниться неожиданным содержанием, если он по – своему осмыслен художником. В мультфильме можно показать большое в малом, обобщенное и значительное в обычном и повседневном.

Известный режиссер – сказочник Лев Атаманов экранизировал множество сказок разных народов: «Пёс и кот», «Волшебный ковер» – армянские сказки, «Аленький цветочек» – русская сказка, «Золотая антилопа» – индийская, «Снежная королева» – датская, «Желтый аист» – китайская сказка.

В «Желтом аисте» отразилась мечта народа о свободном искусстве, которое помогает простым людям жить. Бродячий музыкант Ми нарисовал на стене чайной аиста. Ушел Ми в другое село, а аист остался, чтобы веселить народ. Но вот появился жадный, завистливый Мандарин, правитель этих мест. Он прогнал крестьян, чтобы аист развлекал только его. Но желтый аист не стал танцевать для Мандарина, он не шевельнулся, даже когда его избивали палками. Тогда Мандарин приказал закрасить аиста черной краской, но изображение проявилось сквозь краску. А как только вдали послышались звуки веселой флейты Ми, аист взмахнул крыльями и улетел к своим друзьям – рыбакам и крестьянам. Эта сказка проникнута темой гуманизма, прославления доброты и бескорыстия, свойственным простым людям из народа, противопоставленных нечестности и жадности богатых. Изобразительно фильм был решен в стилистике китайских гравюр, а это – мягкие краски и изящные линии.

Фильм «Братья Лю» Д. Бабиченко тоже снят по мотивам китайской сказки, в нем рассказывается о том, как злого, жестокого Мандарина побеждают добрые, великодушные братья, которые не только помогают друг другу в беде, но и поддерживают всех нуждающихся в их помощи.

Среди новых фильмов нужно отметить цикл «Колыбельные мира» молодого режиссера Лизы Сковрцовой, экранизовавшей африканскую, еврейскую, русскую, эвенкийскую, цыганскую, канадскую, шведскую, грузинскую, украинскую, индийскую, азербайджанскую, испанскую песни. Ещё Гарсиа Лорка говорил, что история народа лучше всего сохраняется в его песнях и в сладостях. Л. Сковрцова через образы колыбельных делает культуры разных народов интересными для всех. Об успехе цикла «Колыбельные мира» автор сказала: «В конечном счете, всё зависит от симпатии к тому народу, чью колыбельную мы рисуем».

Мультфильмы – обычно первые в жизни кинопроизведения, входящие в сознание ребенка. Потому так важна и ценна для детей сказка, что она способна легко и естественно сочетать занимательность, динамику сюжета с познавательностью, юмор с серьезным содержанием, фантастическое с реальным. Анимация – та же поэзия, и её поэтические возможности огромны и неиссякаемы.

Мультфильмы поучительны в лучшем смысле этого слова, учат и воспитывают без назиданий всем своим образным строем. Анимация – благоприятная среда для усвоения культуры естественным погружением в сферу этой культуры, когда возникает эмоциональная причастность, а истинно художественные фильмы способны обогатить духовный мир ребенка, помочь ему в меру его сил и возможностей осмыслить явления жизни, лучше понять мир, в котором он живет. Идеально, если вместо разговоров, смотреть с детьми подобные фильмы, а ещё лучше самим создавать их.

В г. Кемерово существует мультипликационная студия «Фантазёры», где дети сами снимают анимационные фильмы и изучают творчество народов мира.

На уроках сценарного мастерства и истории искусств изучается искусство своего народа и народов мира, где выявляются общие черты и национальные особенности в искусстве разных народов. Темы занятий предусматривают постепенное расширение представлений о художественном творчестве разных народов: после изучения искусства своего народа, дети изучают искусство разных народов. Как показала практика, именно это эмоциональное освоение своеобразия художественных культур с самого раннего возраста, является причиной стойкого интереса к культуре разных народов в последующем. Главная мысль обучения заключается в том, что в основе разнообразия художественных культур разных народов лежат общегуманистические представления о добре и справедливости, и нравственные уроки, данные в детстве, сформируют в последующем духовных людей, способных понимать и принимать не только себя и своих близких, но и представителей других национальностей.

Румынский режиссер мультипликационного кино Йон Попеску-Гопо говорил: «Возможности мультипликации как искусства ещё не раскрыты полностью, и по мере дальнейшего её развития и совершенствования она будет играть все большую роль в культурной жизни общества», а обращение к неисчерпаемым истокам народных традиций, к богатейшей сокровищнице изобразительного, музыкального и литературного творчества дает анимационному творчеству новые жанровые и стилистические возможности, делает анимацию искусством, способным на образные обобщения большой философской глубины и масштаба.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асенин, С. Йон Попеску – Гопо: рисованный человек и реальный мир. – М., 1986.
2. Иванов-Вано, И. Кадр за кадром. – М., 1980.
3. Мудрость вымысла. – М., 1983.
4. Сотворение фильма. – М., 1990.
5. Эйзенштейн, С. Избранные произведения: в 6 т., – М., 1964. – Т. 3.

Д. Д. Родионова

КОММУНИКАТИВНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОДЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Коммуникация – специфическая форма взаимодействия людей в процессе их деятельности, опосредованная знаками. Коммуникация характеризуется функционированием языка, и в ней он обнаруживает свою знаковую сущность. Для современной среды обитания человека чрезвычайно важны язык и символика визуальной коммуникации. Сюда относятся дорожные знаки, реклама, фотография, видео, кино, телевидение, компьютерные программы и, конечно, мода. В большой степени визуально-образные языки руководят поведением современного человека. Когда нам необходимо сориентироваться в незнакомом месте, знаки, символы и образы приходят на помощь. Символы и образы преодолевают традиционные языковые барьеры. В этом контексте в современной культуре имеются различные системы и языки визуальной коммуникации, включая образно-символический язык моды, который всегда являлся одним из самых социально значимых языков и средств коммуникации. Одним из первых эту сторону моды исследовал известный французский семиотик и философ Р. Барт [1].

Задача настоящей статьи заключается в рассмотрении коммуникативно-знаковых и символических функций моды в контексте трансформации гендерных отношений эпохи постмодерна, идущей на смену новоевропейскому модерну.

Мода – один из самых подвижных феноменов культуры. Изменяемость – основной закон моды. Но мода сопряжена и с вечным, потому что ежесезонно демонстрирует скоротечность бытия и показывает, что все в мире повторяется, и еще потому, что дает надежду, ибо всегда живет днем завтрашним. Мода, как сообщает “Иллюстрированная энциклопедия моды” [2], в широком смысле слова есть “существующие в определенный период и общепризнанные на данном этапе отношения к внешним формам культуры”. Под внешними формами культуры имеется в виду стиль жизни, поведение, одежда, автомобили и др. Почему та или иная вещь становится немодной, людям, как правило, непонятно: просто потому, что та – старая, а эта – новая.

Говоря о моде, обычно имеют в виду отношение человека к одежде. В изменениях моды каждый раз заново возникает обещание окончательного идеала красоты. Оказы-

ваясь в плену стереотипа, человек покупает новое платье и с готовностью верит, что это – самое лучшее, но проходит некоторое время (обычно один сезон), и он покоряется следующему веянию моды. Каждая эпоха создает свои пропорции эстетического идеала. Сравните, к примеру, пышные формы рубенсовских моделей и предпочитаемые в наше время стройные, узкие, высокие линии. Одежда подчеркивает иди, скрывает определенные части тела с целью приближения силуэта к общепринятому идеалу. Так, например, средневековый силуэт женской фигуры был с выступающим животом, а силуэт в стиле рококо – с “осиной” талией. Такому внешнему виду способствовали умелая драпировка, особенности кроя и тугой корсет. В XX в. туловище перестали мучить корсетом. Интересно, что это эстетическое уродство в принципе ничем не отличается от ограничения роста ступней ног деревянными туфельками у маленьких китайцев, или от накладывания свинцовых пластин на грудь маленьким испанкам в былые века, или от прорезания дыры на подбородке у некоторых индейских аборигенов, чтобы вставить туда бамбуковую трубку.

В истории моды господствовала тенденция преувеличивать действительные размеры фигуры. Например, дамы в Европе оптически увеличивали свою нижнюю часть тела кринолином, тем самым подчеркивая достоинство и свое общественное положение. Длина одежды (к примеру, длина шлейфа) или количество израсходованного материала являлись показателями принадлежности владельца к определенному сословию. Европейские нормы приличия в костюме долгое время оставались почти неизменными. Переворотом стало обнажение ног женщины в начале XX века. В современной европейской одежде наблюдается стремление к возрастающей обнаженности, что происходит под влиянием спортивного стиля. Понятие стыда – разное в зависимости от традиций в различных культурах. Так, у мусульман приличия требуют, чтобы женщина закрывала лицо, особенно рот. Пусть лучше нижняя часть тела останется открытой, чем незнакомый мужчина увидит рот (вспомним, например фильм “Белое солнце пустыни”). На островах Полинезии у женщин открыто не только лицо, но и грудь. Островитяне считают, что этот объект может заинтересовать только голодного младенца. Зато главным сексуальным возбудителем является пятка и открытая голень. Если мужчина увидел кусочек пятки – все, он “готов”. У аборигенов Австралии основная эrogenная зона – затылок женщины, именно об него трется мужчина носом, чтобы возбудить себя. Так происходит потому, что это – единственное место на теле женщины, которое скрыто от мужских глаз (там всегда волосы). В Европе и Америке стыд измеряется глубиной декольте и длиной одежды. С древнейших времен человек стремился прикрыть свое обнаженное тело, на что имеется несколько причин. Наиболее распространенное объяснение изобретения одежды – это защита от неблагоприятной погоды. Однако если бы человек не мог согреться без дополнительных приспособлений, он бы вымер как вид. Кроме того, в жарких странах, где не было необходимости в согревании, тоже пришли к идее одежды. Адам и Ева были наги и не мерзли. Платье им понадобилось после грехопадения. И оно-то как раз, став их первым самостоятельным творчеством (до этого все творил Бог), стало и знаком грехопадения (невинному нечего скрывать). Но чувство стыда тоже не всегда все объясняет, есть другая версия – символическая. Элемент кос-

тюма вроде талисмана – такое же платье, как и любое другое, потому что он связывает человека и окружающий мир. Люди всегда стремились избавиться от черт своего звериного прошлого. В моде это могло принимать причудливые формы. В некоторых регионах, например на острове Вали, отказ от животного прошлого, жадности, злости символизируется подпиливанием зубов. Его делают жрецы в семейных храмах. Этот почетный ритуал проходят все родители, дети которых уже не нуждаются в опеке. А в австралийских племенах аборигены носят только тыкву-горлянку на своем теле. Это символ мужчины, они ею гордятся, надевая на праздник и на охоту. По легенде, древний закон Индии угрожал смертной казнью через повешение тем, кто осмеливался надеть платье противоположного пола. Но именно в этой стране был ежегодный праздник, во время которого слона сопровождала процессия переодетых в женское платье мужчин, которые таким образом отдавали дань материнской природе. Одежда есть символ пола. В этом смысле показательна история, которая произошла с маленькими мальчиком и девочкой, которые рассматривали изображения Адама и Евы. “Кто из них Адам, а кто – Ева?” – спросила девочка. “Откуда же я знаю, – ответил мальчик. – Они же раздетые”. То есть костюм является одним из главных отличий пола.

В истории моды были периоды, когда женская одежда столь сильно походила на мужскую, что это становилось предметом осмеяния в карикатурах. В наше время в женской моде твердо закрепились такие элементы костюма сильного пола, как: шляпы мужского покроя, галстуки, пиджаки, брюки. Однако некоторые стойкие половые различия и символы дошли до наших дней из древности. Например, застегивание одежды на разную сторону у женщин и у мужчин; отстрачивание ширинки в виде фаллического символа; трезубец (знак Рюрика, а ранее – фаллический символ) на форменной украинской армейской и милицейской одежде и т. д. Пока дамы постепенно (но упорно) приближали свою одежду к мужской, мужчины тоже находились в поисках идеала красоты мужской фигуры. Башмаки с носами наподобие клюва, колокольчики, жабо, ленты, срамной капсюль, парики были атрибутами мужской моды. И всегда находились мужчины, которые относились к моде чересчур уж серьезно; в XVII в. их называли “мосье а-ля-мод”, в XVIII – “петиметрами”, в XIX в. это были лондонские денди и парижские комильфо.

Половая полярность в одежде – способ показать себя, чтобы понравиться. Мужская мода в этом смысле претерпела значительные изменения. Сильная половина человечества уже не воюет с мечом в руках, не поет серенады под окнами своей любимой. На мужчине нет ни кружев, ни стальных доспехов. Атрибуты его значения в обществе более “цивильные”. И если у военных и сотрудников органов безопасности форма различается хотя бы званием, то у штатских людей ранг и чин скрыты за безликим европейским костюмом, который одинаков практически в любой стране. Правда, о владельце костюма можно судить по престижности фирмы, где сделано платье, а также по тому, насколько оно ему идет. Однако это относительный показатель, поскольку на каком-нибудь вечере можно встретить нескольких мужчин в дорогих, но одинаковых галстуках. Это свидетельствует о достаточной состоятельности их владельцев, но не об их “стильности”.

Нивелирование мужской штатской одежды еще не означает, что мужчина утратил интерес к моде. “Царь: Вызывает антрес и такой ишо разрез: как у вас там ходют бабы – в панталонах али без?.. Посол: Ес!” Этот разговор двух мужчин из “Сказки про Федота-стрельца, удалого молодца” Л.Филатова можно отнести к разряду вечных. Внимание к моде у мужчин несколько переориентировалось в направлении интереса к автомобилям, компьютерам, вообще технике. Форма, цвет, экипировка машины приняли на себя функции военных доспехов или расшитых одеяний Средневековья.

Таким образом, мода всегда служила символично-языковым средством коммуникации, выражающим характер гендерных отношений, господствующих на данный момент в обществе. Не утратила – и даже наоборот, усилила она эту символическо-знаковую функцию и в эпоху постмодерна. Подобное положение моды в постмодернистской культуре обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего – экономическими. Постмодернистское общество является унифицированным, экономически базируясь на массовом производстве. Мода сама превратилась в важный фактор производства, так как периодическая смена моды вызывается, несомненно, в решающей степени именно экономическими задачами. Тем самым, с одной стороны, мода отражает тенденцию к росту унификации и однообразия индивидов, ибо именно такие индивиды и востребованы самой спецификой массового производства, а с другой – тенденцию к росту индивидуализации и разнообразию, поскольку в условиях унификации люди всеми силами стремятся отстоять право на индивидуальность, “свое особое лицо”. Этой второй тенденции способствует культура постмодерна, внутренне ориентированная на децентрацию, рост мозаичности и разнообразия, отказ от монополизма, от тотально-универсальных и унификаторских претензий.

В постмодернистской культуре мода выполняет ещё одну чрезвычайно значимую социально-психологическую функцию. Речь идет о том, что мода может рассматриваться также и как чуткий индикатор тенденций, происходящих в сфере социогендерных отношений. Здесь не место давать развернутое определение понятию “гендер” (gender). Скажем лишь, что под *гендерными* будут пониматься *социокультурные* характеристики обоих полов, – как мужского так и женского, – в отличие от чисто биологических [3].

Если анализировать моду с данной точки зрения, то выясняется один фундаментальный факт. Ныне являются общим местом утверждения о патриархатном, односторонне маскулинном строе современного общества, природа которого с позиций межполовых отношений несправедлива. Эти утверждения нередко покидают пределы научной объективности, превращаясь в нечто вроде ритуальных заклинаний. Однако именно изменения, происходившие в течение всего XX века в самом характере моды, заставляют поставить подобные утверждения под сомнение и, более того, говорить, что постмодернистское общество достигло социально-правового и социокультурного гомеостаза в отношениях между полами, вступив в новую социогендерную эру – эру биархата.

Действительно, мода есть непосредственный и наглядный индикатор того, что происходит в обществе на самом деле. Равенство и унификация в моде в значительной

степени выражает достигнутое равенство в смысложизненных целях, установках и ценностях, равенство в экономическом, социокультурном и правовом положении. Так, еще несколько десятилетий назад женщины в “мужском” брючном костюме попросту не допускались в общественные места: школы, музеи, клубы, театры, кафе и рестораны. Ныне это выглядит жутким ретроградством и об этом вспоминают не иначе, как со смехом. Сегодня стиль одежды *унисекс* отнюдь не вызывает удивления, осуждения или нареканий. Скорее, он оказывается самым распространенным, модным и популярным, чем-то само собою разумеющимся и беспрекословно общественно санкционированным.

Сказанное, конечно, лишь частный пример, ибо *модной* может быть не только одежда, но и другие вещи, увлечения, слова и мысли. И во всех сферах культуры мы наблюдаем одно и то же: женщины в постмодернистском обществе давно и основательно сравнивались с мужчинами, а в отдельных областях (скажем, образовании или здравоохранении) явно лидируют. Показательной является активная деятельность и участие женщин в науке и философии, литературе и искусстве, здравоохранении и “тяжелых” видах спорта, правоохранительной сфере и политике, то есть в тех областях культуры, которые буквально три-четыре десятилетия назад считались особенно престижными в социальном плане и были прерогативой исключительно мужского пола.

Мода выступает как индикатор происходящей в обществе гендерной трансформации и с другой стороны. Модными могут быть не только отрасли культуры, в которых индивиды стремятся реализовать свой личностный потенциал, но также и стереотипы поведения, манера вести себя и держаться. И тут мы наблюдаем многочисленные свидетельства отказа от господствующих установок и ходячих стереотипов традиционно патриархатной культуры. Женщины во всем и всюду исповедуют стиль *унисекс*, включая поведение и манеру выражаться. Сегодня вошло в моду не только курение, но и употребление девушками и молодыми женщинами ненормативной лексики, инициативность, активность и раскрепощенность в сексуальных контактах с противоположным полом. Показательно и то, что женские наркомания и алкоголизм практически сравнивались с мужскими, а тяжкие преступления совершаются женщинами с гораздо большей степенью жестокости. В то же время именно женщины, согласно статистике, в большинстве определяют и контролируют расходы семейного бюджета, формируя тем самым важнейший сектор экономики.

Итак, мода, как чуткий индикатор происходящих в открытом обществе глубинных изменений и наглядно-образный символический язык, служащий целям межполовой коммуникации, свидетельствует, что в эпоху постмодерна в социогендерных отношениях возникает принципиально новая, небывалая ранее культурная ситуация перехода от позднего патриархата к обществу полного социального равенства полов – биархату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barthes R. *Système de la Mode* / Éd. du Seul. Paris, 1967.
2. Иллюстрированная энциклопедия моды. – М., 1998.
3. Deaux K. Sex and Gender // *Annual Review of Psychology*. 1985. – № 36. – P. 49–81.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОГО ТРАДИЦИОННОГО ТЕАТРА (СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Народное искусство – всегда производное от общественной жизни народа, образное её отражение. Эстафета традиции народного искусства естественно и неизбежно создает как бы сплавы различных образных отражений отдельных исторических периодов, часто соединяя в одном произведении – пространственно-изобразительном, песенном и, особенно, в сказочно-былинном и зрелищном – героев, живших на расстоянии многих сотен лет друг от друга, богов совершенно различных, а иногда даже и враждовавших религий, мифологических существ народных поверий [1, с. 96]. Даже на дворцовых праздниках, описанных в древних книгах или изображенных на старых картинах, выступали и певцы, и танцоры, и акробаты, и актеры, разыгрывавшие музыкально-драматические пьесы представлений, каждый инструмент дворцового оркестра, по самому существу своему являлся произведением народа, так как народом была выработана его форма [1, с. 93–94].

Благодаря древности китайской истории образные её отражения в народном творчестве представляют собой особенно сложные сплавы, которые создавались на основе народных легенд и мифов. Причем, та или иная легенда, тот или иной миф время от времени фиксировались на бумаге каким-либо ученым, перерабатывались в религиозную притчу даосским или буддийским монахом, в стихи – поэтом, в роман – писателем, но это не мешало их сюжетам и образам вместе с народными сказителями – шошуды вновь отправляться в путь по дорогам огромной страны и, переходя из деревни в деревню обрастать новыми именами и эпизодами. Благодаря множественности этих последовательных циклов создавалась и удивительная по многочисленности сюжетов и персонажей народная мифология Китая.

Как только даосская философия превратилась в религию, она сейчас же использовала все наиболее распространенные народные поверья. Именно поэтому население даосского Олимпа очень многочисленно. Но на народном Олимпе соединились не только даосские и буддийские персонажи и сюжеты, но даже и добуддийские мифологические образы индийского фольклора. Их принесли индийские монахи вместе с джатаками – повестями о предыдущих рождениях Будды [1, с. 97].

История открытия в Китае театральных подмостков насчитывает более восьми веков. Она пережила такие же этапы развития, как и все театры мира. XIII век был для китайского театра едва ли не такой же золотой порой, какую пережило в разное время театральное искусство Греции и Индии. В драме разносторонне отразилась жизнь бурной эпохи, на которую приходится установление владычества монгольской династии Юань сначала над Северным (1234), а затем и над всем (1280) Китаем, освобождение от него (1368), возвышение и начинающийся упадок национальной династии Мин.

Появлению драмы предшествовало длительное развитие различных литературных и песенно-музыкальных форм, а также народных, ритуальных и придворных представлений. Еще от эпохи Чжоу (XII–III вв. до н. э.) сохранились упоминания о танцах, пантомимах и о небезобидных выступлениях придворных шутов, а к концу этого периода появляются цирковые представления байси (сто игр), отдельные части которых могли иметь и поэтический текст, а также потешные сценки с диалогом двух исполнителей. В VII–IX вв. встречаются простейшие формы собственно театра, не имевшего, однако, фиксированной драматургии, например фарсы «игра о цаньцзюне», разыгрывавшиеся двумя участниками, один из которых – именуемый цаньцзюнем – неизменно попадал в глупое положение и терпел побои. Распространение получают стихотворно-музыкальные жанры. В X–XII вв. «игра о цаньцзюне» перерастает в цзацзюй (смешанные представления) и соответствовавшие им на Севере пьесы юаньбэнь. В них участвовало до пяти персонажей, и представления состояли из двух или трех частей, не обязательно связанных между собой. Появляются записи текстов, и, хотя они не сохранились, известны названия более чем тысячи цзацзюй и юаньбэней [4, с. 631]

В то время образцом форм театральных подмостков были сравнительно большие свободные площадки без крыши, так называемые «танцевальные площадки», вокруг которых располагались в три этажа крытые коридоры, составлявшие периферийную часть театра. Входной билет стоил для всех сословий одинаково, заплативший имел право стоять в центре площадки. Если он хотел сесть, то должен был внести дополнительную плату чтобы войти в коридор. Кроме того, в каждом коридоре имелась аристократическая ложа. Остальные зрители с трех сторон окружали площадку для представления, которая находилась на возвышении примерно 4–6 футов над землей. Конструкция ее была очень проста: вперед выступала большая, ровная площадка, позади по обеим сторонам имелись двери. Над сценой находился второй этаж с окошками, его тоже использовали во время представления. Хотя театральные представления и места для них во всем мире и строились по общим законам, однако, из-за различий в культурном и экономическом развитии имели свои национальные особенности [3].

В Европе, в Эпоху Возрождения шло непрерывное развитие театрального искусства. Родилось множество театральных и цирковых жанров, образовались различные стили. Опера и балет, реализм и символизм – это все дети той эпохи. Китайские театральные актеры в это время в театрах под открытым небом, усердно и с огромной самоотдачей закаляли свое мастерство. И лишь в конце прошлого века начали испытывать влияние европейской театральной школы. Так был создан «Столичный классический театр» профессора Джоу Хуаву. Он сказал однажды: «Как раз тогда, когда Китайские актеры самоотверженно и усердно пели, танцевали и декламировали под открытым небом и образовалась особенная, непохожая на другие Восточная система игры» [см.: 2].

Для того, чтобы разобраться в истоках и развитии выразительных средств зрелищного искусства в театральной культуре Китая, необходимо определить, прежде всего, значение понятия «янгэ».

Слово «янгэ» в переводе значит – «песня молодых всходов». По-видимому, в какие-то незапамятные времена янгэ родилось как песня, сопровождающее посадку риса. Может быть, благодаря тому, что ритм этой песни соответствовал ритму движений тех, кто сажал кустики рассады или полол всходы, песня эта постепенно превратилась в изобразительный танец.

Так или иначе, на каждом – городском или деревенском – праздничном гулянье можно увидеть взрослых и детей, танцующих янгэ. Они могут, танцуя, петь или танцевать молча. Для танца янгэ необходима только основа музыки, то есть ее ритм. Именно поэтому янгэ нельзя представить без барабана и тарелок или без маленьких барабанчиков, в которые ударяют сами танцующие.

Исполнители янгэ могут танцевать не только на каком-то ограниченном пространстве, но, соблюдая порядок танцевальных движений, идти сотни метров, растянувшись в шеренгу.

Существует несколько форм янгэ: янгэ-песня, янгэ-танец, янгэ-драматическая сценка, янгэ-пантомимическая пьеса, янгэ-акробатика. Каждый из этих жанров может и демонстрироваться и восприниматься как самостоятельная единица, но все они с давних пор объединятся в единое представление – праздничное новогоднее шествие.

В этом шествии отражены и обрядовые ритуалы – даосские, конфуцианские, буддийские и еще в большей степени – чисто народные, существовавшие вне религий.

Когда и откуда пришли в этот праздник львы? Может быть, из Индии вместе с буддизмом, потому что они очень похожи на собак Будды. Может быть, это танцевально-акробатическая пантомима существовала в Китае и до появления буддизма, так как в Индии похожей народной игры нет и, по-видимому, не было, но, судя по раскраске львиных морд, особенно на юге, львы эти были когда-то существами мифологическими, а само действие – ритуально-обрядовым [1, с. 102].

В народных китайских танцах, песнях и играх всегда ощущаются живые традиции, мастерство и стремление к изобразительной точности. На примере игры со львами все эти три положения обнаруживаются очень ясно. Львы почти обязательные участники весенних праздников во многих городах и деревнях Китая на протяжении многих сотен лет.

Вот описание одной из игр львов в Шеньяне С. В. Образцовым: «Я видел львов, игра которых была сплошь акробатической. Львы прыгали через барьеры из скамеек и специальных станков и непостижимым образом залезали на четыре стола, стоящие один на другом, причем последний стол был перевернут.

Представить себе все трудности акробатического искусства актеров, изображающих львов, можно только поняв, что передний в руках держит тяжелую маску, сквозь которую он очень плохо видит, а задний, покрытый плотной «львиной» шкурой, согнувшись почти под прямым углом, держится за талию партнера и видит только его ноги.

И вот в этих условиях, совсем не имея возможности помочь себе руками, прыгают с земли на краешек стола, оттуда на следующий стол и в конце концов оказываются стоящими на четырех ножках опрокинутого верхнего стола. А потом лев во весь

свой рост становится на задние лапы и спрыгивает с высоты нескольких метров прямо на мостовую с такой легкостью, что вы даже не ощущаете, до какой степени труден и попросту опасен этот прыжок» [1, с. 66].

Артисты классического китайского театра начинают свое обучение с семи, восьми лет и годам к восемнадцати-девятнадцати обязательно должны уметь петь, танцевать и владеть акробатикой, а также знать наизусть и музыку, и слова, и все движения своих ролей, по крайней мере, в сорока, пятидесяти постановках. На всем своем многовековом пути китайская театральная культура развивалась вне какого бы то ни было влияния театральной культуры Европы. У него свои особые законы драматургического построения пьес. У него свои, только ему характерные законы художественного оформления, костюмов и грима, свои законы актерской игры. «И, наконец, у него свой, совершенно особый характер наслаждения, которое получает от спектакля китайский зритель» [1, с. 113].

Да, китайский театр – это музыкальный театр, и в этом он имеет сходство с оперой, опереттой или балетом, но в отличие от каждого из европейских жанров он является театром, прежде всего, сложно-синтетическим, представляя собой органический сплав многих и совершенно различных средств театральной выразительности.

Китайцы различают четыре вида, как бы четыре стиля театральной музыки.

На музыкальной форме «пинцзы» основана местная театральная музыка провинций Шаньси, Хэбэй, Хэнань. Ведущим мелодическим инструментом является особая скрипка пинцзы-хуцинъ.

Музыка местных представлений провинций Аньхой, Хубэй, Гуандун, Фуцзянь построена на музыкальной форме «эрхуан-сипи». Мелодию здесь ведет маленькая скрипка эрху.

В таких провинциях верхнего и среднего течения Янцзы, как Сычуань, Хунань, спектакли идут только под ударные, без мелодических инструментов. Мелодия принадлежит поющим актерам и небольшому унисонному хору за кулисами. Музыкальная форма местных театров называется «иянцян».

Существует еще четвертая музыкальная форма – «куньцян», принятая в провинциях Цзянсу и Чжэцзян. Здесь мелодию в оркестре ведет китайская флейта. «Песня состоит из слов, то есть из слов продленных. Когда человек испытывает радость, – он выражает ее словом. Слово его не удовлетворяет, тогда он продлевает (распевает) слово. Продленное слово его не удовлетворяет – он присоединяет хор музыкальных инструментов. Хора не хватает – его руки начинают непроизвольно двигаться, ноги ударять об землю...» [цит. по: 1, с. 158–159].

Эмоция вопросов и ответов увеличивается эмоцией движения: резкостью или замедленностью, быстротой и четкостью поворотов, мгновенностью фиксированных остановок. Таким образом, по мере увеличения эмоционального содержания пьесы постепенно расширяется физическое движение поющих. Двигаются и по очереди и одновременно. Подходя друг к другу и расходясь. Двигаются и по прямой вдоль ramпы и перпендикулярно к ней, в глубь сцены или прямо на зрителя. Наконец, движутся по кругу.

В Шеньяне «существует народный танец «Эржэньцюань», что в переводе значит: «Двое кружатся». Фактически это не просто танец, а сюжетная сцена, в которой опять-таки двое играют несколько ролей, но основным выразительным средством служит певческий диалог, положенный на почти непрерывные пантомимическо-танцевальные движения. В этот удивительный по мастерству, ритмичности и четкости диалог движений включаются и пальцы рук, и повороты глаз. «Продленное слово» спетой фразы в последней музыкальной четверти вдруг совпадает с гневным жестом указательного пальца воина и оглушительно резким ударом тарелки. И сейчас же под дробные, как набат, и одновременно тянущиеся, как стон, удары маленького гонга девушка, похожая на цветок, стебель которого колышет ветер, начинает удивительный по грации круг по сцене, поет ответную фразу и опять-таки в последнюю ритмическую долю вдруг останавливается, резко поворачивает глаза и одновременно делает кистью руки такой убедительный жест отрицания, что ее партнеру ничего другого не остается, как искать выхода в каком-то новом ответном физическом движении.

Здесь от пения, от того, что в древней книге названо «продленным словом», до пантомимического танца, пантомимической акробатики и акробатических военных боев совсем близко. И переход этот естественен и органичен, как все в китайском театре.

Помимо выражения мыслей словами, произнесенными или спетыми, актер китайского традиционного театра пользуется языком пантомимических жестов. Большинство этих жестов не имеют условных знаков, а потому абсолютно понятны зрителю. Жесты здесь не употребляются как выразительное средство актерской игры, а являются «зафиксированным» текстом.

«Если на сцене кто-либо, прежде чем ответить на вопрос, начнет сосредоточено ходить и потирать ладони, то всякий поймет, что в этом месте герой обдумывает свой ответ, в чем-то сомневается, стремится скорее найти верное решение.

Жесты, даже самые обычные, всегда трудно рассказать словами, но когда Белая змея после разговора с небесным полководцем стала то дробно постукивать пальцами по лбу, то делать кистью этой же руки отрицательный жест, я совершенно ясно понял, что она мучительно ищет выхода из создавшегося положения и откидывает по очереди приходящие ей в голову решения, пока не находит наконец то единственное, которое ей было нужно», — описывает действие С.Образцов в спектакле «Белая змея» [1, с. 165–166].

Этот пантомимический язык жеста в диалоге используется, например, в тех случаях, когда другие присутствующие на сцене персонажи не должны слышать, о чем говорят двое, не должны знать об их волнении или о том, что они хотят напасть, бежать или обмануть.

Но помимо пантомимических жестов, заменяющих текст, в китайском театре применяются также жесты изобразительные, то есть те жесты, которые дают характеристику несуществующим на сцене предметам. Например, на полу нет яблока, но актер поднимает его с пола и откусывает кусочек.

Применение невербального языка в театральной культуре Китая вызвано, по мнению С. В. Образцова, двумя равно обязывающими обстоятельствами.

Первое – это необходимость сценически изложить повествовательное произведение, в котором обязательно есть и погоня на лошадях, и бегство на лодке, и другие события, связанные с одушевленными и неодушевленными предметами, которые сами по себе не могут быть показаны на сцене и которые, тем не менее, изобразить необходимо.

Вторая необходимость, заставившая применять изображение действий с несуществующими предметами, – это отсутствие декораций. Драматургия китайского театра построена на возможности многократного изменения места действия и одновременного действия, происходящего в разных местах (географического пространства).

При этом пространство, в котором действует персонаж, только тогда превращается в определенное место действия, когда оно конкретизируется предметно-качественными его характеристиками: дверь, окно, стена, порог – если это комната; забор, цветы, деревья – если это сад; прибрежные кусты или плотина – если это река.

Если сцена останется только сценой, то актер – останется только актером, а не персонажем.

В китайском театре актер, открыв воображаемую дверь несуществующей на сцене комнаты, предлагает зрителям эту комнату вообразить.

У китайского театра есть еще одно удивительное свойство – возможность изображать время.

В повествовательной литературе сюжетное время то совпадает со временем восприятия, то несется со скоростью нескольких лет в секунду. Китайская драматургия, рожденная повествованием, потребовала и от театра подчинить время повествовательным законам и вмещать в секунду восприятия если не годы, так часы или десятки минут.

В пьесе о Лян Шаньбо и Чжу Ин-тай есть довольно большой по времени эпизод, на протяжении которого герои все время идут. В этом эпизоде сюжетом является путешествие и те впечатления, которые возникают на протяжении оною. Фактически эти впечатления – диалог, поводом которого является любовь.

Студент провожает такого же студента, как и он, не подозревая, что не юноша это, а девушка. Причем, девушка тайно влюблена в юношу, но не может открыться ему, так как отец ей строго настрого запретил это делать. Это было категоричным условием ее поступления в школу, куда принимали только юношей. Нарушить слово она боится, но это ее последняя возможность перед возвращением домой. Они переходят вброд через реку, поднимаются в гору и спускаются в долину... [1].

Этот эпизод является очень наглядным и точным примером изображения времени и пространства на сцене китайского театра. Диалоги чередовались с переходами и, судя по описательным фразам, которые «рисовали» пейзажи, пройденное расстояние было большим и занимало бы около двух часов сюжетного времени. Но здесь актеры сделали всего несколько кругов и продолжался этот эпизод минут пятнадцать или двадцать.

Место действия может меняться и по вертикали, определяя разность воображаемой высоты, на которой находятся герои спектакля. Актер, изображая походку челове-

ка, идущего по лестнице, может якобы подняться в беседку к другому актеру, находящемуся в этой беседке, – хотя ни лестницы, ни беседки на сцене нет и оба актера все время находятся на плоскости.

Помимо свойств, которые перенес китайский театр из повествовательной литературы, он еще благодаря действиям с воображаемыми предметами придал и времени и пространству такие дополнительные свойства, которых нет ни в литературе, ни в современном европейском театре, ни в кино. Это единовременное изображение двух разных мест действия, двух качественно разных пространств на одном и том же фактическом пространстве сцены, то есть то, что мы должны были назвать единством времени при разности мест действия.

Например, пока актер не открыл дверь воображаемой комнаты и не перешагнул через воображаемый порог, значит, он еще находится на улице и другой актер, находящийся по сценическому действию уже в комнате, не может его видеть. Герои могут стоять друг перед другом на расстоянии нескольких сантиметров, не имея права друг друга замечать, так как для зрителя они находятся в совершенно разных пространствах, в разных местах действия. Но как только актер открыл дверь и перешагнул воображаемый порог, комнатой становится вся сцена.

Иначе говоря, китайский традиционный театр является условным, так как главным образом актеры действуют с воображаемыми предметами и выражают свои чувства и мысли только физическим поведением.

Эти действия с несуществующими предметами применяются в пластических спектаклях, пантомимах, либо как определенный комический прием или трюк на цирковой арене и в эстрадном номере, но никогда этот прием не применяется в спектаклях классического европейского театра.

В европейском традиционном театре спектакли делятся на оперные, в которых только поют, драматические, в которых только говорят, балетные, в которых только танцуют. Даже оперетта и мюзикл, являясь по своей природе синтетическим театральным искусством, не могут сравниться с китайским традиционным театром по наполнению выразительными средствами, включающими в себя и текст, и вокал, и танец, и пантомиму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образцов, С. В. Театр китайского народа / С. В. Образцов. – Государственное издательство «Искусство», 1957. – 380 с.
2. Пекинская опера [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://community.livejournal.com/istoria_teatra/profile. – Загл. с экрана
3. Серова, С. А. Китайский театр и традиционное китайское общество (XVI–XVII вв.) [Текст] / С. А. Серова. – М.: Наука, 1990. – 278 с.
4. Сорокин, В. Ф. Драма: [Китайская литература XIII–XVI вв.] / В. Ф. Сорокин // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994. – На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т., 1985. – Т. 3. – С. 631–639.

МОДА КАК ЯЗЫК: СЕМИОТИКА МОДЫ И ЕЕ ЗНАКОВЫЕ КОММУНИКАТИВНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Процессы создания, потребления и осмысливания предметов обязательно сопровождаются осознанием личностью сопричастности общественному целому (культуре, этносу, социальной группе, семье). Вещь представлена в этих процессах как определенная сущность целого, как смысловая тотальность, которую каждый человек воспроизводит в своей сопричастности целому. Вещь не только выражает полезность, но и является образцом, метафорой жизнедеятельности людей, включенных в экономические, социальные, половые отношения, систему родства, производство и потребление.

Мода – прежде всего *наглядный, визуализированный язык*, – язык образов, имиджей и символов. Данный язык с того момента, как была изобретена одежда, и до наших дней обладает для людей чрезвычайно многомерным, эвристическим коммуникативным и информационным потенциалом, который в определенных социальных ситуациях и контекстах оказывается абсолютно ничем не заменимым. Более того, кажется справедливым утверждение, что феномен (язык) моды возник еще до того, как возникла одежда.

Искусство костюма в целом (модной одежды в частности), как процесс отражения действительности располагает определенной системой знаков в виде форм, линий, цветов и т. д. Они имеют сходство с объектом, который благодаря цепи ассоциаций вызывает в человеческом воображении образное представление. Этим утверждается попытка логического осмысления костюма как способа отражения действительности. В теории костюма символы особенно важны, так как благодаря им мы можем распознавать эпоху через черты, идентичные чертам других видов искусства. В то же время символы характеризуют структуру костюма, его содержание, сущность. Цель символической системы костюма – передать информацию от его владельца к окружающим. *В этой связи костюм является способом установления коммуникации между кодами и источником информации.*

Всякая информация независимо от того, в какой форме она выражается, несет в себе определенное сообщение, под которым обычно понимают конечное упорядоченное множество элементов восприятия, взятых из некоторого «набора» и объединенных в некоторую смысловую структуру. Информация вызывает психофизиологические явления, определяющие реакцию индивида на те или иные раздражения. Под *информацией* в костюме (одежде) следует понимать сложность и своеобразие пластического и пространственного расположения элементов и степень их качественного и количественного изменений, особенность их взаимоотношений и новизну (ткани, цветов, узора и т. д.). Поскольку костюм как разновидность одежды не может пользоваться общепринятым языком ни музыки, ни живописи, ни архитектуры, ни пластики, хотя в опреде-

ленной мере элементы их языка заимствованы костюмом, он вынужден был формировать свой язык, свою знаковую систему, которая могла быть понятна и служить средством информации.

Любая информация, независимо от ее сложности, может быть кодирована и перекодирована. Следовательно, для передачи информации всегда должен быть код, с помощью которого можно производить любые операции. *Кодом* называется правило, описывающее отображение одного набора знаков в другом наборе знаков (или слов). Кодом называют и множество образов при этом отображении. Например, нежность можно передать и средствами модного костюма, и средствами живописи. В современном европейском костюме она будет выражена через мягкие пастельные цвета, плавные линии, простые рисунки ткани и т. д., которые и будут служить кодом.

Некоторые из знаков и элементов, уменьшающих оригинальность информации и позволяющих усвоить сообщение, носят постоянный характер. Такие моменты или знаки можно нормализовать и свести в набор, условно обозначить их как *символы*. Символ в процессе познания или отражения действительности играет существенную роль. Одним из важнейших психофизиологических средств воздействия модной одежды является именно то, что она изначально и принципиально содержательно символична.

Итак, диалектика отражения действительности модой в целом такова, что формирование модного познавательного образа предполагает в нем противоположность – применение знаков, элементов условности. «Знаки и символы в костюме связаны с ассоциативным восприятием реальных предметов и не являются идентичными им, так как представляют класс довольно условных зрительных знаков, значение которых должно быть заучено и которые, обладая собственным смыслом, передают изображение, отличное от него самого, но субъект при этом реагирует на него так же, как на сам предмет. Например, в костюме редко мы встречаемся с реальным изображением предметов, но костюм заставляет нас порой реагировать так же, как на симфоническое произведение или на великолепный букет цветов» [1]. Осмысленность знаков определяет творческий процесс употребления того или иного языка, эвристическую роль знаков (включая и язык моды). Из взаимосвязи мысли и слова с полной очевидностью явствует, что язык не является всего лишь простым средством представления уже известных истин, в большей мере он служит средством открывать еще не известное. С помощью знака можно понять тенденцию развития некоторой системы в будущем.

Говоря о социокультурных функциях модной одежды, прежде всего нужно отметить, что одежда выполняет функцию *знака*: ведь она несет на себе отпечаток статусной позиции человека. Часто это отпечаток, создающийся независимо от воли ее обладателя. Порою он хотел бы от него избавиться, но это не всегда удается. Одежда – текст, состоящий из знаков и символов, который в самую первую очередь читается в процессе взаимодействия людей (наряду с лицом, глазами). Зачастую одежда отражает социально-экономическое положение: бедная одежда – бедный человек, богатая – богатый. Правда, в наше время роль одежды как статусного (социально-классового) знака заметно уменьшилась в сравнении с прошлыми веками. Нередко человек, будучи не в силах, к примеру, разбогатеть, имитирует экономический успех дорогой одеждой.

Действительно же богатый человек в настоящее время не обязательно одет очень дорого, но обязательно и не бедно; бедный же не может одеться выше своих материальных возможностей.

Одежда является также знаком, который может читаться окружающими как *текст*, характеризующий вкус ее обладателя. Разумеется, никто не хочет демонстрировать плохой вкус, но знак – это произвольный след статуса, поэтому он читается независимо от желания его носителя. Наличие же плохого вкуса, проявленного в одежде, нередко читается как текст, говорящий о характере и уровне полученного образования, об общей культуре человека. Вопреки желанию человека, его одежда может говорить о наличии таких качеств, как снобизм, потребительство, хвастовство и т. д. Свою личность трудно скрыть, и она прорывается вопреки нашей воле в знаках одежды. Наряду с произвольными *знаками* существуют и сознательно конструируемые *символы*. Человек отбирает вещи, символизирующие с его точки зрения что-то такое, что он хотел бы сказать о себе: о своей половой принадлежности, возрасте, доходах, профессии, вкусах, настроении и т. д.

Одежда как текст состоит из знаков и символов. В качестве символов выступают как отдельные элементы костюма (галстук, запонка, фасон пиджака и т. д.), сам костюм как единое целое, так и весь набор используемой одежды. Они соотносятся как *слово*, *предложение*, *законченный текст*. Если знаки – это произвольные, а значит, правдивые следы, то о символах этого не скажешь. Они говорят то, что хотел сказать сам человек.

Идея художника-модельера также вначале «записывается» в виде короткого символа, который является «ключом» или кодом, определяющим пространство и набор образов, элементов, в пределах которых развиваются все форм» костюмов данной моды. Показательно также и то, что демонстрационные показы модных моделей и их реклама на телевидении и в журналах всегда сопровождаются некоторым вербальным пояснением, текстом комментатора, раскрывающим содержание символики костюма.

С. Эйзенштейн писал о восприятии: «... каждый зритель в соответствии со своей индивидуальностью, по-своему, из своего опыта, из недр своей фантазии, из ткани своих ассоциаций, из предпосылок своего характера, нрава и социальной принадлежности творит образ по этим, точно направляющим изображениям, предсказанным ему автором, неуклонно ведущим его к познанию к переживанию темы. Этот же образ, что задуман и создан автором, но этот образ одновременно создан и собственным творческим актом зрителя» [2].

В психике человека выделяются три главных компонента: когнитивный (познавательный, включающий процессы восприятия, представления, мышления, памяти), регулятивный (соответствующий эмоционально-волевой сфере человека) и коммуникативный (отражающий психологическое содержание всех форм общения людей между собой). Поэтому вполне естественно, что в художественном образе и в реальном воздействии, которое он оказывает на реципиента, мы можем выделить те или иные аспекты (например, познавательные, эмоциональные). Вместе с тем, главная специфика художественной идеи и образа (определяющая их фактическую эффективность),

заклучается в целостности, нарушение которой приводит к распаду самого образа. История развития костюма (модной одежды) неразрывно связана с системностью знаков (функций, образов), используемых в костюме.

Новизна модной формы определяется теми «информативными» точками, по которым идет трансляция новой моды. Параметрами трансляции могут быть силуэт, членение линии, орнамент, цвет, которые характеризуют структуру формы костюма. Так, «от дизайнера (отправитель) сообщение (идея) попадает к носителю костюма (получатель) через модель костюма (канал связи). Сообщение (эстетическая цель) закодировано (применение определенного силуэта формы, цвета и др.) и соотнесено с определенным контекстом (модное направление)» [3]. Код выполняет опосредующую функцию в процессе коммуникации творца моды и её потребителя. Знаковость в костюме имеет целью, с одной стороны, выразить индивидуальные черты личности, ее принадлежность к той или иной группе общества, например: костюм – знак сословно-классовой дифференциации; костюм – знак богатства (экономической престижности); костюм – знак общественной интеграции (униформность); костюм – знак принадлежности к определенной социальной группе; костюм – знак респектабельности; костюм – знак полового различия; костюм – знак индивидуального вкуса человека; костюм – знак культуры.

С другой стороны, цель знаковости – обозначить отдельные функции частей костюма или фигуры. Собственно, первоначально знаковость и возникла как обозначение основных частей человеческого тела и их функций. Позже она стала проявляться в типе костюма, материалах, форме, цвете, расположении и характере деталей, манере ношения, украшениях и т. д. Иерархические установки общества исторически выражались в сложной регламентации сочетаний элементов костюма. Одним периодам в развитии костюма была присуща большая знаковость, другим – меньшая.

Отражая определенные идеи, одежда может быть свободной, плотной, тесной, жесткой, непровокационной или, наоборот, вызывающе провокационной по цвету. Она может свидетельствовать о непреклонности характера, жесткости моральной установки, чистоте моральных побуждений, отражая этический символизм, который играет большую роль. Скажем, в строгих и официальных мужских европейских костюмах в наши дни. Толщиной материала, добротностью своего костюма, глубокой и спокойной чернотой ботинок, безупречной чистотой воротничков и манжет мужчина демонстрирует окружающему миру свою потенциальную силу, твердость духа, неподверженность легкомысленным соблазнам. Таким образом, данный вид мужской одежды выражает серьезный и деловой настрой и ассоциируется со всевозможными формами профессиональной и коммерческой работы.

Плотная облегающая одежда также имеет свои моральные особенности, и женщины время от времени любят пользоваться этим эффектом с помощью корсетов, бюстгалтеров, плотных и жестких. Вся одежда этого типа контрастирует с более яркой, свободной, более мягкой и светлой, которая приличествует празднику. Мягкие воротнички часто считаются неприличными для дедовой одежды; предполагается, что недос-

таточная жесткость формы означает соответствующую неряшливость во владельце, в то время как халат и тапочки стали общепринятым символом покоя и отдыха.

Многообразие цветовой гаммы и особенности ассоциативных впечатлений, которые цвета вызывают у разных людей, принадлежащих к различным культурам, создают дополнительные условия моделирования одежды. Например, для представителей западной культуры свойственны следующие цветовые ассоциации: *красный* – смелость, бодрость, решительность, мужественность, вспыльчивость, пылкость; стимулирующий, вызывающий, веселый, беспокойный, жаркий; открытость, агрессивность, опасность, властность; *оранжевый* – (комбинация солнечного желтого и теплого красного) любовь, радость, активность, бодрость, тепло; очень интенсивный оранжевый может казаться раздражающим; *желтый* – тепло, солнце, яркость, бодрость, дружелюбность, оптимизм, женственность; *зеленый* – (комбинация качеств голубого и желтого) спокойствие, отдых, тишина, мягкость, дружелюбность, бодрость, свежесть, холод, успокаивающий (этот цвет один из наименее распространенных среди стандартных цветов); *голубой* – (самый холодный из цветов) спокойный; в крайнем проявлении – холодный, меланхоличный; *пурпурный* – насыщенный, надменный (отчужденный), королевский, драматичный, загадочный, величественный; комбинация очень теплого красного и самого холодного тона голубого цвета ассоциируется с меланхолией, а пурпурный – с печалью и теплотой одновременно.

Спектр *красный, оранжевый, желтый* ассоциируется с теплом, а *зеленый, голубой, пурпурный* – с холодом. Степень теплоты или холодности, света или темноты того или иного цвета имеет особое психологическое значение, о чем свидетельствуют приведенные ниже ассоциативные ряды. *Теплые тона* – побуждение, агрессия, вызов, бодрость, любовь, активность, интимность, жизнерадостность. *Холодные тона* – успокоение, тишина, сдержанность, надменность, мрачность, замкнутость, подчиненность. *Светлые тона* – женственность, дружелюбие, молодость, игривость. *Темные тона* – мужественность, старость, сдержанность, изощренность. *Белый* – насыщенность, свет, холод. *Черный* – мерзость, смерть, изощренность, тепло.

Если говорить о конкретных случаях, то считается, что, например, синий мужской галстук свидетельствует о надежности. Преобладание ярко-красного цвета в рисунке галстука выдает мужчину амбициозного и энергичного, стремящегося к власти. Темно-красный цвет предпочитают уверенные в себе мужчины. Светло-зеленый отличает мужчин, высоко оценивающих себя и предъявляющих высокие требования к окружающим. Мужчины, ценящие уют и тепло семейного очага, выбирают темно-зеленые или оливковые галстуки [4]. Однако пока человек выбирает свои цвета, общество задает моду на них. Мода «...приспосабливает цвета большинства людей к своим цветам. Или меняет оттенок моды под цветовым воздействием отдельной личности» – отмечает Н. В. Серов [5]. Один и тот же цвет утомляет не только окружающих, но и самого субъекта, поэтому можно легко понять, почему мода так активно иницируется личностью и периодически вступает в свои права. В среднем, цвет принято считать модным от одного до трех лет. *Роль одежды как опознавательного знака социальных характеристик личности растет с увеличением степени «иерархичности», «формализованности»*

общества (или его частей и отдельных социальных институтов). Например, в армиях всего мира статус всегда фиксируется в одежде однозначно, и трудно представить себе армию без военной формы.

Одежда людей высокого социального положения многими называется «строгой», «официальной». Исследования, проведенные на разнообразной выборке испытуемых, показывают, что «высокостатусным» считается силуэт, приближающийся к вытянутому прямоугольнику (для мужчин – даже вытянутому треугольнику, нижний острый угол которого является его основанием) с подчеркнутыми углами, а «низкостатусным» – приближающимся к окружности (шару). Действительно, с высоким статусом обычно несовместим, например, пиджак типа реглан, свитер, мягкие брюки или джинсы (нет стрелок) и пр. И все эти особенности фиксируются людьми, влияя на оценку статуса.

Разнообразие фасонов зависит еще и от того, для какого возраста предназначается модель. И если костюмы дочери отличаются разнообразием, то в костюме матери, как правило, отражается элегантность и простота, а в костюме для бабушки, – сдержанная скромность. Вместе с демократизацией общества официальная роль одежды меняется. Сейчас, например, здесь нет запрещений или правил, каждый может надеть все, что захочет. Тем не менее, связь одежды с социальным статусом или родом занятий остается достаточно сильной. К примеру, Б.Е. Немцов (вице-премьер Правительства РФ, 1997–1998 гг.) пришел на одну из официальных встреч в белых брюках и темном пиджаке. Пресса по этому поводу иронизировала над ним.

Не только взрослые, но и даже дети успешно могут по одежде определить социальные характеристики. В одном исследовании испытуемым – десятилетним девочкам – предъявили фотографии наборов женской одежды. Результаты исследования продемонстрировали большую согласованность оценок испытуемых не только в вопросе социального слоя, к которому может относиться девушка, носящая «такую» одежду, но и в оценках ее личностных характеристик [6]. Символическое значение имеют и качество одежды, частота встречаемости данной модели (дефицитность), и ее соотношение с модой (модность). Все эти характеристики, как правило, находят свое выражение в цене костюма, которая, собственно, и несет информацию о человеке. Речь идет, прежде всего, о его статусно-ролевых характеристиках. Чем выше цена, тем выше статус.

Индикатором общественного положения наряду с фасоном одежды является и такой семиотически значимый элемент костюма, как обувь, усиливающий, по мнению специалистов-дизайнеров, символическое значение одежды. «Обувь, – отмечает психотерапевт Катрин Бенсаид, – не просто то, на чем ходят, ее стиль – это в большей мере стиль вашей жизни» [7].

В истории моды господствовала тенденция преувеличивать действительные размеры фигуры. Например, дамы в Европе оптически увеличивали свою нижнюю часть тела кринолином, тем самым подчеркивая достоинство и свое общественное положение. Длина одежды (к примеру, длина шлейфа) или количество израсходованного материала являлись показателями принадлежности владельца к определенному сословию.

Европейские нормы приличия в костюме долгое время оставались почти неизменными. Переворотом стало обнажение ног женщины в начале XX века. В современной европейской одежде наблюдается стремление к возрастающей обнаженности, что происходит под влиянием спортивного стиля. Понятие стыда – разное в зависимости от традиций в различных культурах. Так, у мусульман приличия требуют, чтобы женщина закрывала лицо, особенно рот. Пусть лучше нижняя часть тела останется открытой, чем незнакомый мужчина увидит рот (вспомним, например фильм «Белое солнце пустыни»). На островах Полинезии у женщин открыто не только лицо, но и грудь. Островитяне считают, что этот объект может заинтересовать только голодного младенца. Зато главным сексуальным возбудителем является пятка и открытая голень. Если мужчина увидел кусочек пятки – все, он «готов». У аборигенов Австралии основная эрогенная зона – затылок женщины, именно об него трется мужчина носом, чтобы возбудить себя. Так происходит потому, что это – единственное место на теле женщины, которое скрыто от мужских глаз (там всегда волосы). В Европе и Америке стыд измеряется глубиной декольте и длиной одежды.

Костюм, а точнее то, как он носится, какими деталями дополняется, в каких сочетаниях составлен, является воплощением психологической, культурной и индивидуальной характеристики человека: доброты, скупости, чванства, скромности, удальства, щегольства, деловитости и др. «Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате... – рассказывает А. П. Чехов о Беликове («Человек в футляре»), – и зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в воротник...». Костюм постепенно приобретает очертание и характер владельца, который перестает его замечать, потому что костюм – часть его самого, но именно поэтому костюм больше всего характеризует своего хозяина, именно поэтому в нем отражается каждое событие, участником которого является человек [8].

Язык одежды, как и обычный язык, существует только во времени. Это значит, что одно и то же слово вчера казалось странным и непонятным, сегодня оно в моде и им щеголяют все, а завтра оно будет вызывать насмешки. Социолог Дж. Лавер в середине 1940-х гг. предложил таблицу, описывающую реакцию на одежду, меняющуюся во времени. Ее называют *законом Лавера*. Согласно этому закону один и тот же костюм будет: неприличным – за 10 лет до своего времени; бесстыдным – за 5 лет; смелым – за 1 год; нарядным – в свое время; вышедшим из моды – годом позже; отвратительным – через 10 лет; смешным – через 20 лет; забавным – через 30; причудливым – через 50; очаровательно-романтическим – через 70; красивым – через 100. Закон демонстрирует относительность оценок модного. В эпоху постмодерна одежда стала гораздо более свободной, модели идут по кругу, и в течение 10–15 лет проходят цикл от неприличного до модного, и от модного до смешного.

Итак, элементами языка моды (модной одежды) являются: материал (ткань), конструкция, выражающая общую идею и половую принадлежность, стиль, цвет, линия,

форма, фасон, расположение и характер деталей, манера ношения, украшения и т. д. Их сочетание образует системное целое, выражающее суть того сообщения, которое несет в себе одежда (костюм) [9]. Если весь облик человека от фасона воротничка до шнурков на ботинках отражают его вкус, финансовые возможности, воспитание и взгляды, тогда, пожалуй, сбрасывать со счетов всю эту бесценную информацию было бы непростительно не только для Шерлока Холмса, умевшего лишь по шляпе дать полный перечень наклонностей клиента. Одежда как особая сфера смысла издавна привлекала внимание не только любителей дедуктивных умозаключений, но и всех неравнодушных к моде людей. Ансамбль внешности, прочувствованный как личностное высказывание, – это и есть, собственно, стиль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козлова, Т.В. Костюм как знаковая система. – М., 1980. – С. 34.
2. Эйзенштейн, С. М. Избранные произведения: в 6 т. – М.: Искусство, 1964. – Т. 2. – С. 158.
3. Степучев, Р.А. О предмете стилистики костюма // Художественное проектирование костюма. – М.: МТИ, 1990. – С. 18.
4. Демидова, Т. «Визитная карточка» джентльмена // Арт-Мозаика. – 1998. – № 31. – С. 25.
5. Серов, Н.В. Лечение цветом. Мода и гармония. – М., 2003. – С. 12.
6. Крижанская, Ю.С., Третьяков, В.П. Грамматика общения. – СПб., 2006 – С. 77.
7. См.: Official. 1997. N. 1. P. 63.
8. Килошенко, М.И. Психология моды. – М., 2004. – С. 144.
9. Сестры Сорины. Язык одежды, или как понять человека по его одежде. – М., 2000. – С. 112
10. Родионова, Д. Д., Баранов, Г. С. Мода и гендер в эпоху постмодерна. – Кемерово, 2006. – 204 с.

Н. А. Спекторова

КЕМЕРОВСКИЙ РАСПИСНОЙ ПОДНОС: ИЗ ИСТОРИИ ЛАКОВОЙ ЖИВОПИСИ ПО МЕТАЛЛУ В РОССИИ

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

С давних пор широкой известностью пользуется в России металлические лаковые подносы с яркой декоративной росписью. Расписные подносы составляли неотъемлемую часть старого русского быта. Их можно было встретить в трактирах и чайных, они украшали праздничный стол, сопровождали степенное чаепитие в крестьянском и купеческом доме, в семье городского ремесленника и чиновника.

Очень популярны подносы в наше время. Достойным продолжателем традиций старинного промысла лаковой живописи по металлу и урало-сибирской росписи является кемеровских расписной поднос.

Родиной художественных лаков является Китай, где они были известны с глубокой древности. В России расписные лаковые подносы впервые начали изготавливаться в первой половине XVIII века на Урале, в период интенсивного развития там металлургического производства.

История лакового промысла в России связана с именем крупнейшего уральского горнозаводчика и известного мецената Никиты Демидова. Уральские подносы знаменовали собой первый этап развития русской декоративной живописи по металлу и первый ее яркий рассвет, который пришелся на середину XVIII – начало XIX вв.

Возникновение кустарных мастерских по росписи подносов вокруг демидовских металлургических заводов в Нижнем Тагильском, Невьянском и других уральских поселках было закономерным явлением. На заводах работали искусные кузнецы и другие мастера по обработке металла. Вольнонаемные художники были первоначально представлены старообрядцами – иконописцами, жившими в районах, прилегающих к заводам на Вые и Ключах. Позднее появились профессиональные художники, подготовка которых осуществлялась в специальных художественных и ремесленных школах для одаренных детей, организованных Демидовыми. Эти школы обеспечили рассвет уникального промысла. В этот период в нижнем Тагиле изготавливали из лакированного железа самые разнообразные бытовые предметы – сундуки, столики, ведра, самовары, латки, шкатулки, но больше всего подносы, которые были украшены самобытной урало-сибирской живописной росписью.

Художественная традиция урало-сибирской декоративной росписи соединила в себе, казалось бы, несоединимое: приемы старообрядческой иконописи и народной росписи по дереву и бересте, реалистические принципы классической живописи и элементы народного лубка.

Система декорирования нижнетагильских подносов в XVIII–XIX вв. отличалась редкой широтой диапазона. В ней параллельно, часто переплетаясь и взаимно обогащая друг друга, существовали классическое направление, связанное сюжетной и пейзажной живописью, и собственно декоративное направление, связанное с цветочно-растительной росписью.

Стилистика этого направления была особенно близка к ярким обобщенным цветочным формам народных росписей по дереву, бересте и штукатурке. Их роднит живописность кистевого мазка, свободная раскладка основных композиционных пятен и некоторая наивность в трактовке мотивов.

Для урало-сибирской цветочной росписи подносов характерна своеобразная эффективная техника «крученного» мазка, когда на кисть берется сразу две краски и цветок выписывается целиком, который передает мягкую живописность и объемность ее мотиву.

Цветочно-растительная роспись нижнетагильских подносов была весьма разнообразна и включала в себя изображения цветов и фруктов, трав и ягод, вазонов с цветами, цветочных гирлянд и венков, собранных в вертикальные, центрические, секторные композиции. Царицей этого своеобразного «уральского букета» и символа нижнетагильского живописного промысла стала роза – цветок – сказка, цветок – фантазия.

Сочные, яркие тона уральской цветочной росписи поддерживались глубокими красивыми цветными фонами подноса или фактурными «разделками» фона «под малахит», «под черепашку», «под муар», «под красное дерево» и «под дуб».

Неповторимое своеобразие и нарядность предавал нижнетагильским подносам «золотой» орнаментальный узор, который применялся для обрамления основного живописного сюжета как рамка – картуш. Золотой узор уральских подносов мог состоять из разнообразных цветов и фруктов, простейших растительных мотивов, вычурных завитков и розеток, а также примитивного геометрического рисунка.

На рубеже XIX–XX вв. приходит период упадка промысла, который сменяется несколькими десятилетиями почти полного его забвения.

Возрождение старинного уральского промысла начинается в 70-е гг. на Урале. Позднее традиция урало-сибирской росписи по металлу начинают развивать мастера Красноярска и Кемерово.

Кемеровская декоративная роспись по металлу явление исторически очень молодое, но уже признанное как самобытная разновидность художественных лаков. С 1978 года в Кемерово был открыт цех по росписи подносов, который впоследствии был преобразован в фабрику художественных промыслов «Весна». Цель создания фабрики – наладить выпуск изделий с кемеровской росписью по металлу, внести свежие идеи в старинную урало-сибирскую роспись.

У истоков нового для Кузбасса промысла стояли талантливые художники – О. В. Бачурина, Л. А. Лучнина, Т. Ф. Макулик, В. П. Пантелеева, Н. А. Спекторова и другие. Вобрав все лучшие традиции отечественного подносного промысла, развивая и обновляя их, они создали в Кузбассе местную самобытную школу декоративной росписи по металлу. Неповторимая кемеровская цветочная роспись радует взор сибирским многоцветием: кандыками, огоньками, клевером, папоротниками, хвойными ветвями с шишками, ветками рябины, калины, таежными травами.

Художники кемеровской фабрики были постоянными участниками и призерами российских и зарубежных конкурсов и выставок современного декоративно – прикладного искусства. Кемеровские подносы наравне с прославленными жостовскими и нижнетагильскими, достойно представляли отечественный промысел.

В 2003 году фабрики не стало. В данное время некоторые художники преподают в художественных школах, училищах, вузах.

В 2001 году в Кемеровской академии культуры и искусств начала работу кафедра ДПИ, где была введена дисциплина «Декоративная роспись по металлу».

В 2004 году в городе Барнаул прошел международный форум «Культурное наследие и современность», где были достойно представлены творческие работы студентов (декоративная роспись по металлу). С 2006 года кафедра ДПИ принимает активное участие в международных ярмарках – выставках, проводимых в городе Кемерово. Многие расписные подносы студентов были отмечены дипломами. В 2007 году на региональной выставке «Мобилизация молодых» в городе Новокузнецке были представлены пять расписных подносов студентов. Дважды в Барнауле на региональной выставке

экспонировались творческие работы студентов. На последней Дмитрий Кондратенко за работы «Огни шахтерских городов» и «Жемчужина Кузбасс» получил диплом.

Успехи студенческих работ в столь престижных выставках вселяют уверенность, что дело, которому коллектив фабрики «Весна» посвятил 30 лет, находят отклик в сердцах молодых людей, творческие идеи промысла продолжают жить.

О. В. Сокол

РУССКАЯ МУЗЫКА: ПОЛЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Круг современных исследований истории отечественной музыки демонстрирует выход за пределы собственно музыковедческого, искусствоведческого знания. Современные музыковедческие исследования все больше оперируют понятиями и методами лингвистики, эстетики, теории информации. В свою очередь сведения из истории музыки все больше втягиваются в исследования философии, культурологии и других наук. Среди работ этого порядка обращает на себя внимание серия научных исследований, предпринятых А. Б. Каяк, профессором кафедры теории и истории культуры Института социальной и культурной антропологии Государственной академии славянской культуры. Положения и выводы этих исследований послужили теоретической базой представленной статьи.

А. Б. Каяк были разработаны принципы взаимодействия музыкальных культур. К ним относятся: принцип канона, предполагающий воспроизведение эталонных образцов, существующих в музыкальной культуре каждого народа; принцип обмена, осуществляющего во взаимодействии сосуществование собственных и инокультурных музыкальных форм; принцип соревновательности, возникающий под влиянием развития новых видов и жанров музыки, сосуществованием различных стилей, школ, направлений музыкального творчества; принцип свободного самоопределения во взаимодействии музыкальных культур означает, что каждая из них сохраняет свою самостоятельность и специфику [4, с. 83–84].

Она сообщает, что наряду, а иногда и вопреки принципам соревновательности и свободного самоопределения, действует принцип иерархии. Одновременно с равноправным обменом музыкальными формами в процессах межкультурного взаимодействия нередко складывается ситуация, когда одна музыкальная культура становится донором, а другая реципиентом. Представителям другой культуры культура-донор обеспечивает больше возможностей черпать из арсенала ее музыкальных средств (инструментов, композиторских приемов, норм исполнения, элементов мелодического строя и других особенностей).

Культура-реципиент в меньшей степени располагает возможностями что-то отдавать и в большей степени заимствует. Функции донорства и заимствования формируются в зависимости от множества конкретных обстоятельств социокультурной практи-

ки, которые складываются как в пределах процессов музыкального взаимодействия, так и в рамках каждой культуры в целом. Ни одна из функций не закреплена за каждой из сторон постоянно. В ходе исторического процесса донор и реципиент могут меняться местами, сохраняя иерархическую структуру обмена.

Представляется весьма плодотворным взгляд на русскую музыку и на процесс взаимодействия русской и западноевропейской музыкальных культур с позиции донор-реципиент. На первоначальном этапе взаимодействия русской и западноевропейской музыкальных культур двух народов ведущую роль во взаимодействии выполняла профессиональная музыкальная среда – деятельность композиторов, певцов, музыкантов-исполнителей. Фигура музыканта-профессионала с той и другой стороны представляла одного из главных субъектов музыкальных контактов. Он находился в центре межкультурного общения, являясь основным проводником музыкальных образцов в аудиторию другой страны. Музыкант доносит до инациональной аудитории образцы родной культуры, стремится продемонстрировать национальное богатство своего народа, расширить его связи с другими сообществами.

Вместе с тем и музыкант, продвигающий в свою культуру образцы зарубежной музыки, также способствует расширению межкультурных контактов своего народа. Подходя к инациональной музыке с художественно-творческих позиций, он усматривает в ней дополнительный источник расширения выразительных возможностей своей деятельности. В этом отношении показательно творчество П. И. Чайковского, одного из первых русских музыкантов, высоко оценившего творчество современных ему композиторов за рубежом: Р. Вагнера и Р. Шумана, пропагандировавшего их творчество в России.

История развития русской музыкальной культуры изобилует примерами частных музыкальных контактов, переходящих в дружбу, одухотворенную искренним взаимным восхищением товарищей по цеху. Часто друзьями становились субъекты разных национальных музыкальных культур. В разное время общались В. А. Моцарт, М. С. Березовский, Д. С. Бортнянский; А. П. Бородин, Ф. Лист, Р. Вагнер.

Многие европейские музыканты гастролировали в России во второй половине XIX века. Среди них Г. Берлиоз, К. Шуман, Ф. Лист. И наоборот, русские музыканты: М. И. Глинка, А. С. Даргомыжский, А. П. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков – познавали зарубежную музыку, путешествуя за границей. Они черпали впечатления о зарубежной музыке от иностранных композиторов, в том числе от фольклорных музыкантов. Показательным примером являются встречи М. И. Глинки с испанскими гитаристами в местности Арагон, вылившиеся в шедевры оркестровой музыки «Арагонская хота» и «Воспоминания о летней ночи в Мадриде», отличающиеся замечательной подлинностью и соответствием музыкального материала и способов его обработки, присущих испанской музыке.

А. П. Бородин в одном из своих писем приводит пример восхищенного отзыва Ф. Листа о прелести музыки русских композиторов-шестидесятников. Смущенный А. П. Бородин посетовал на то, что им не было возможности обучаться в консерватории. На что Ф. Лист, высоко ценивший оригинальность русской музыкальной школы,

ответил ему: «В этом ваше счастье», – и добавил: «Мы мало знаем вашей музыки, но зато, как видите, изучили вас весьма основательно» [2, с. 52]. К. Дебюсси, проведя несколько лет в России, также досконально изучил особенности национального языка русских композиторов. В одной из своих статей он восторженно отзывался о новаторских качествах симфонии «Антар» Н. А. Римского-Корсакова.

Творческие контакты известных музыкантов, композиторов, исполнителей, а также меломанов разных стран трудно переоценить. Несмотря на их особое значение для музыкального взаимообмена, они относительно немногочисленны по сравнению с большой, но малоподготовленной аудиторией; передаваемые с их помощью элементы профессиональной музыкальной культуры оказывают на обе стороны большее воздействие, нежели при массовых, но безличностных контактах. В этом случае в музыкальной практике проявляется парадокс, свойственный также ряду других областей творческой активности: единичное, индивидуальное, уникальное, продуктивное оказывается сильнее по степени воздействия на культурное развитие, чем массовое, безличное, репродуктивное, стереотипное [4, с. 91].

Существенное влияние на процессы взаимодействия указывает также степень музыкальной компетентности широких слоев аудитории. Инонациональную музыку по-разному воспринимают представители разных групп публики: тонкие знатоки и ценители; лица, имеющие начальную музыкальную подготовку; люди, занимающиеся практическим музицированием (любители, дилетанты); любители музыки, не имеющие специальной подготовки и не владеющие приемами музицирования, а также музыкальные профаны и люди, безразличные к музыке.

В этом отношении приобретают большое значение традиции музицирования. Своеобразным полем межкультурных взаимодействий стали музыкальные мероприятия, подтвердившиеся в российском быту. С петровских времен установились западно-европейские традиции светского музицирования. Музыка звучала на балах, ассамблеях, маскарадах, сопровождала прогулки знатных лиц, под окнами высокопоставленных вельмож исполнялись серенады. В быту образованного дворянства, в русских усадьбах, а позже в салонах разночинной интеллигенции звучали наравне с музыкой русских композиторов произведения западноевропейских классиков.

Активно знакомили с образцами западноевропейской музыки концерты балакиревской Бесплатной музыкальной школы, отделений Русского музыкального и филармонического общества во второй половине XIX века. Вместе с тем представители всех указанных групп (аудитории нередко руководствуются общими мотивами обращения к инонациональной музыке, ибо они могут находить в музыке другого народа нечто новое, непривычное, те оттенки и нюансы звуковой выразительности, которые отсутствуют в собственном мелосе. Эта тяга к новым моментам особенно может быть развита у таких групп широкой аудитории, как тонкие знатоки, те, кто музицирует на основе любительской практики, молодежные группы, представители городской аудитории, представители аристократических или привилегированных слоев [4, с. 90].

Современными учеными-культурологами разработаны парадигмы музыкального взаимодействия. Суммируя их, А. Б. Каяк называет важнейшими из них консенсусную,

конфликтную и диалоговую. В процессе становления русской культуры имеет смысл говорить о диалоговой парадигме. Теоретики называют диалоговую парадигму в процессах взаимодействия наиболее вариативной формой построения отношений, имеющую адаптационно-конструктивный и смыслопорождающий характер. Ее достоинство в том, что она противоположна монологической форме связи, когда лидирует и демонстрирует свою музыку лишь одна сторона. По мнению ученых, диалоговое взаимодействие позволяет порождать новые локусы смысла в музыкальном мышлении, формировать отсутствующие ранее музыкальные нормы, вырабатывать адекватные организационные формы музыкальной практики [4, с. 94].

И действительно, предполагающая равноправие сторон диалоговая парадигма в музыке, как никакая иная, облегчает понимание народами друг друга, открывает перспективы рождения новых стилей, жанров и школ в музыкальном искусстве. Таким примером стал опыт взаимодействия русской и западноевропейской музыкальных культур, способствовавший вхождению русской композиторской школы в классический период своего развития.

Известно, что русская формировалась в открытом информационном пространстве. Широким и интенсивным связям с Европой, например, способствовали реформы Петра I и объективные социально-политические причины, подготовившие их. Освоение и творческое претворение «чужого опыта» Д. С. Лихачев объясняет тем, что античность и Ренессанс оказались у нас «пропущенными»: «Отсутствие той или иной стадии... требует своей компенсации», восполнения. Помощь обычно приходит от идеологии, от культуры, черпающих при этих обстоятельствах свои силы в опыте соседних народов» [6, с. 14].

«Зрелым» восприятием иноземного влияния стала и европеизация русской литературы в XVIII веке, состоявшая «не только в том, что Россия, достаточно тесно связанная и до того с греческим и славянским миром, стала на путь простого знакомства с литературами Запада, но и в том, что это знакомство в результате внутренней подготовленности русской культуры смогло принести обильные плоды» [6, с. 139].

Немаловажным фактором явились и проявления русской ментальности. По словам Достоевского, «Всякий француз может служить не только своей Франции, но и человечеству под тем лишь условием, что остается наиболее французом, равно – англичанин и немец. Один лишь русский получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец». Эта всечеловечность, всеохватность, всесимпатия – есть основная черта русского идеала человека [цит. по: 7, с. 35].

Важно подчеркнуть, что диалоговая парадигма имеет место при участии во взаимодействии двух сторон. Однако нередко в процессах музыкального обмена участвует несколько сторон и большое количество субъектов музыкальной активности. Наложение друг на друга синхронно-диахронных связей в процессах взаимодействия, а также прямое и косвенное участие разных субъектов делает эти процессы вариативными с точки зрения различия позиций, ценностных ориентации, предпочтений. Эту ситуацию следует определить как полилоговое взаимодействие. Парадигма полилога является по существу расширением диалогической формы.

Опираясь на мнения исследователей можно констатировать, что в XVIII веке между культурой Европы и культурой России установился новаторский тип музыкальных контактов. Этот тип музыкальных контактов предполагает наличие у каждого субъекта музыкального взаимодействия новых элементов музыкального мышления, рефлексивных оценок, многообразных позиций, которые вырабатываются под воздействием инациональной музыки. Такие контакты чаще всего обуславливаются интересом обеих сторон к музыке друг друга, взаимным пониманием и доверием. Нередко такого рода контакты становятся началом диалогической парадигмы взаимодействия, которая позволяет в наибольшей степени проявляться креативности двух народов.

Иностранные композиторы в условиях российской музыкальной практика видоизменяли устойчивые жанровые модели. Так, в ранней русской опере становится примечательной фигура К. А. Кавос, капельмейстера русской и итальянской опере в Петербурге на рубеже XVIII и XIX веков. Итальянец по происхождению, он стремился быть русским европейцем и проделал колоссальную работу над приспособлением русского музыкального материала к общеупотребительным в то время европейским приемам и формам музыкального выражения [3, с. 8].

Контакты, ведущие к заимствованию, предполагают такие связи и отношения представителей разных культур, при которых музыканты, композиторы, исполнители, а также публика используют целый ряд новых для себя творческих приемов, музыкальных оценок, свойственных партнерам по взаимодействию. Такие контакты чаще всего порождают консенсус, согласие, а также некритическое освоение инациональной музыки.

Контакты, связанные с целенаправленным влиянием на инациональную аудиторию, нередко приобретают односторонний, а порой и доктринальный характер. У аудитории культуры-реципиента целенаправленно стимулируются интерес, иллюзия понимания, чувство новизны. Подобные контакты обычно осуществляют представители культуры-донора с тем, чтобы подчинить себе важнейшие аспекты музыкальной практики культуры-реципиента. Целенаправленное влияние не может в короткий исторический срок нивелировать самобытность культуры партнера. Однако при его достаточной длительности в рамках культуры-реципиента может возрасти ассимиляционный потенциал. Это в полной мере относится к процессам взаимодействия музыкальных культур России и Европы в XVIII веке, приведшим к созданию русской национальной композиторской школы, интегрирующей в себе западноевропейский опыт.

Ведущей интегрирующей звукомusикальной системой в России была музыкальная культура русских. Русская музыка вместе с украинским, белорусским мелосом составляли самобытное пространство с восточнославянскими мелодическими корнями. Восторженные отзывы о красоте русской народной песни содержатся в записях иностранцев, посетивших Россию в XVIII веке. Так, камер-юнкер Ф. Бернхольц в своем дневнике среди наиболее любимых песен называет в написании латинским текстом

«Stopotski postolisklu» и «Pobora godilla» («Чарочки (стопочки) по столику похаживали» и «По бору ходила») [цит. по: 3, с. 47].

Глубочайший интерес и восхищение вызывали русские народные песни у иностранных композиторов. Известны факты включения, причем не всегда удачного, образцов русских народных песен в качестве цитаты с последующей обработкой в свои произведения, прилаживая к своему стилю. Сопоставляя обработки «взглядом со стороны» иностранные музыканты в XIX веке отдавали предпочтение мастерству русских композиторов. «Мы много бы дали за то, чтобы песни наших французских провинций были собраны и гармонизованы такой же мастерской рукой как у Римского-Корсакова», – писал французский исследователь-этнограф Л. Бурго-Дюкудре [цит. по: 8, с. 88].

Помимо музыкального пространства с доминированием славянского фольклора в российской культуре существовало немало других мелодических пространств. Помимо элементов западноевропейской музыкальной системы развивались черты, присущие музыкальному пространству Ближнего Востока (музыка народов Кавказа и Закавказья), музыкальным культурам среднеазиатских народов (таджиков, казахов, узбеков, киргизов и других), музыкальным истокам тюркских, финно-угорских народов центра России. Особую группу музыкальных культур России образуют и сейчас этнические сообщества Севера Европейской части, Сибири, Дальнего Востока. Причем, музыка малочисленных народов Севера, как и их искусство в целом, продолжает носить архаический характер.

По мере расширения государственных границ и включения в рамки российской культуры территориальных сообществ, принадлежащих к разным цивилизациям, художественное взаимодействие народов России приобретало все более сложный характер. Принятие христианства на Руси привело к тому, что вместе с богослужебной пришел новый мощный импульс, исходящий от мелоса народов Ближнего Востока – прежде всего греков, которые в свою очередь тесно взаимодействовали с музыкальной практикой ассирийцев, иудеев, коптов и других. Византийская певческая система, будучи воспринятой на Руси во всем своем объеме, бережно сохранялась, но постепенно и она постепенно стала перерабатываться в национальном ключе.

В период татаро-монгольского нашествия взаимодействие русской музыки с западной было прервано. Остается во многом открытым вопрос о воздействии информационно-семантических характеристик монгольского мелоса на развитие русской музыкальной культуры того периода. Многие современные этномузыкологи приходят к выводу, что сколько-нибудь существенного воздействия татар на русскую художественную, включая музыкальную, культуру не было. Изыскания в других областях культурного взаимодействия (политическая и военная сферы, язык, некоторые стороны быта) свидетельствуют, что несколько веков татаро-монгольского владычества на Руси не прошли бесследно [4, с. 174].

В начале XIX века в культуре среднего дворянства и некоторых городских слоев распространяется любительское музицирование, в частности исполнение романсов,

а также начинается специальное обучение профессиональным основам западноевропейской музыкальной культуры. Западная музыка обрела лидирующее значение в профессиональной подготовке русских музыкантов – исполнителей и композиторов.

Выполняя в пространстве российской практики донорские функции, русская музыка осуществляла их на основе добровольного заимствования. Это приводило к постепенному обогащению профессиональных форм самой русской музыки. Русские композиторы XVIII–XIX веков смогли не только творчески овладеть западноевропейской музыкальной традицией, но и донести ее до разных народов России. Одновременно они внимательно относились к импульсам, исходящим от других этномызыкальных систем, существующих в пространстве страны, включая систему мусульманского Востока.

Это внимание русских композиторов к мелосам мусульманских народов выразилось в том, что целый ряд произведений у А. Г. Рубинштейна (вокальный цикл «Персидские песни»), М. А. Балакирева (восточная фантазия «Исламей»), А. П. Бородина (симфоническая картина «В Средней Азии») в симфонической форме заключают в себе воплощение «русского Востока», то есть особую переработку ориентальных интонаций, придающую этим произведениям особый колорит.

Пройдя путь заимствований через активное «впитывание» и переосмысление стихии мелодизма итальянского *bel canto*, атмосферы «неистового музицирования» западноевропейского барокко, «примеривания» классических и романтических музыкально-выразительных средств, форм и жанров, русская музыка не потеряла своего лица, сохранила свое ядро, устояла в период «музыкальной экспансии» (каким условно можно назвать XVIII век русской музыки).

Но уже в XVIII веке гениальными В. А. Пашкевичем, Е. И. Фоминим, Д. С. Бортнянским был заложен крепкий фундамент яркой, самостоятельной, устремленной в будущее и твердо опирающейся на общеевропейские традиции русской национальной композиторской школы. Во второй половине XIX века профессор Л. Бурго-Дюкудре, читавший лекции по истории музыки в Париже, обратился к присутствующим с вдохновенной речью: «Немецкая музыка в лице Вагнера потерпела крах... Обратитесь к русской музыке! Русские композиторы пошли в народ! Там они почерпнули несметные сокровища мелодий, ритмов и ладов, которые без сомнения обогатят не только русскую, но и мировую музыкальную культуру...»

Долгое время, оставаясь в статусе реципиента, русская музыкальная культура, пройдя этап становления и расцвета в XIX веке, в XX веке устойчиво занимает статус донора. В первую очередь по отношению музыкальных культур многонациональных советских республик. Нельзя не отметить обратное движение, такое как воздействие явлений русской музыкальной классики на другие музыкальные культуры. Так, от русской протяжной песни ведут пути к австрийскому и немецкому романтизму; от раскрепощенного голосоведения М. П. Мусоргского – к гармониям французского импрессионизма; от попевочного тематизма с его стихийной множественностью у Н. А. Римско-

го-Корсакова – к полимотивной интенсивности тематических и мотивных модуляций в творчестве целого ряда композиторов XX века: Б. Бартока, К. Орфа, В. Лютославского.

Ответить на вопрос о возможности такого взаимовлияния помогает не только фактологическая сторона вопроса, но и теоретические положения интонационной теории Б. В. Асафьева. Он впервые выдвинул определение слухового «словаря» и интонационного фонда эпохи. Интонационное развитие музыки (по Б. В. Асафьеву) проходит путь от накопления и обогащения интонаций, усложнения и углубления их до степени «утонченной выразительности»... Остаются же в новом интонационном фонде те явления, которые оказались наиболее подготовленными к новому, и те, которые были связаны с передовыми идеями» [цит. по: 9, с. 54].

Следующее важное определение Б. В. Асафьева касается понятия «переинтонирования». Иными словами, россиянам в XVIII столетии приходилось учиться говорить на чужом музыкальном языке, чтобы создать свой. Процессы интонационного впитывания, синтеза ощутимы во всех без исключения жанрах творчества, они касаются всех сфер музыкальной деятельности: фольклорной, светской и духовной.

Инонациональные интонационные потоки распространялись на Россию и с Востока, и с Запада. Российская мелодичность поглотила и впитала мелодии Византии, Средней Азии, стран Европы и Америки. Синтезирующая музыкальная интонационность как нельзя лучше иллюстрирует культурологическое положение об уникальности и всеобъемлющем характере русской музыкальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев, Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX века / Б. В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1979. – 344 с.
2. Бородин, А. П. Критические статьи / А. П. Бородин. – М.: Музыка, 1982. – 88 с.
3. История русской музыки: в 10 т. – Т. 2: XVIII век, ч. 1. – М.: Музыка, 1984. – 336 с.
4. Каяк, А. Б. Методология исследования культурных обменов в музыкальном пространстве / А. Б. Каяк. – М.: Академический проект, 2006. – 256 с.
5. Каяк, А. Б. Взаимодействие музыкальных культур: Механизмы функционирования / А. Б. Каяк // Обсерватория культуры. – 2006. – № 3. – С. 10–18.
6. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков (эпохи и стили) / Д. С. Лихачев. – Л.: Наука, 1973. – 254 с.
7. Сагатовский, В. Н. Идеал человека в русской культуре / В. Н. Сагатовский // Человек и духовно-культурные основы возрождения России – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1966. – С. 77–90.
8. Сокол, О. В. Русская народная песня в курсе истории отечественной музыки / О. В. Сокол // Русский фольклор в современных образовательных структурах: сб. статей и методических материалов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – С. 85–95.
9. Шахназарова, Н. Г. Интонационный «словарь» и проблема народности / Н. Г. Шахназарова. – М.: Музыка, 1966. – 76 с.

*В. В. Ананьин, Г. Н. Писаревская,
Т. И. Стрыганова*

**ИННОВАЦИИ В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТВОРЧЕСТВА НА КАФЕДРЕ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА
ФАКУЛЬТЕТА ВИЗУАЛЬНЫХ ИСКУССТВ**

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Неотъемлемая часть уникальной культуры народов Сибири: Алтая, Горной Шории, Тывы – это декоративное искусство во всех его национальных проявлениях.

Мудрая целостность, живая, эмоциональная поэзия образов в произведениях народного творчества близка, дорога и понятна, особенно студентам с древнейшими национальными корнями. И как всякое большое искусство оно воспитывает чуткое отношение к прекрасному, способствует формированию гармонически развитой личности будущих художников (специалистов) декоративно-прикладного искусства.

Разносторонний опыт творческой работы приобретают студенты при выполнении практических заданий по курсу «Цветоведения и колористики». При построении пространства и способах организации в декоративной композиции в изображении объемных форм, используется световой и цветовой контраст, стилизация в орнаменте, натюрморте и природных форм в декоративном пейзаже. А также четкие рациональные основы поиска красоты строгого порядка соразмерности и символики цвета, определяющие его функции и свойства, как средство для раскрытия образного решения в композициях декоративно-прикладного искусства в традициях русской народной живописи различных характеров, пластике форм и формообразования.

Этнография, энтология и мифология дают возможность и направления студентам различных национальностей Сибирского региона выразить в своих композициях культуру своего народа.

Студенты в своих работах пытаются выразить и сохранить духовный мир, который им близок и понятен.

В «Формальной композиции» также используются национальные традиции, которые выражаются в графических цветовых формах. На основе музейной практики, где собирается аналитический материал, обрабатывается на уроках «Формальной композиции» и воплощается в материале с мастерами керамики, бересты, росписи ткани и в дальнейшем появляются законченные современные произведения искусства, которые выставляются на различных конференциях, семинарах и выставках.

Такие творческие студенты, как Светлана Мартаева из Горной Шории, Алла Еликпаева и Абельжан Бухабаев из Алтая, Херел Базыр и Ангер Салчак из Тывы, в своих работах выражают инновации цветоведения и формальной композиции и реализуют в различных технологиях, связанных с национальными традициями народов Сибири.

Работы Светланы Мартаевой отличаются самобытностью. В ее работах мы видим мир народов тайги, как называют ее РОД ШОР. Звери и животные в ее работах пред-

ставлены с уважением и любовью. А медведь это «хозяин тайги», она изображает его, зная какое значение имеет он для ее народа. Она удачно применяет приемы и средства конструктивного построения в двухмерном пространстве листа простых и сложных живописных форм, используя материальные пространственные качества цвета цветовыми и тональными отношениями, декоративностью и орнаментальностью в живописи. Работы показывают хорошие знания национального костюма (халат шабур).

Алтайцы Алла Эликпаева и Абельжан Бухабаев из Алтая отличаются от других национальностей своими работами, в которых прочитывается народный орнамент Алтая с их богатым предметным миром. Символы вечности, удачи, а также представлены стихии неба, земли, воды и огня, без которых не может быть гармоничного устройства мира. Чувство цвета Аллы очень эмоционально, ярко и выразительно. Абельжан Бухабаев более конкретен в своих работах. Он изображает современные фольклорные праздники. Свадьбу, где устраиваются различные состязания: конные, в стрельбе из лука, беге, борьбе (куреш) и др. В композиции тондо он изображает сцену охоты, и игру в шахматы в другой композиции. В этих работах есть эстетическая сущность декоративности, и основные живописные цвета в бытовых изделиях традиционного народного искусства, в одежде, жилище, посуде, в орудиях охоты и труда.

Народные игры Эл-ойын проходят на Алтае в Онгудайском районе в селе Йоло, где собираются не только народы Сибири. Эти студенты неоднократно были свидетелями таких событий, потому так точно передают колорит праздника в своих произведениях, используя связь специального цикла преподавания рисунка, композиции, цветоведения и технологии работы в материале в двухмерном и трехмерном пространстве.

Тувинцы Ангыр Солчак и Херел Базыр в своих работах выделяются графичностью, сдержанностью цвета. Внутренняя культура цвета и графики этих ребят способствовала появлению таких интересных работ, как у Ингыра «Шаман в камлании», выполненный в технике батик. В работах Херел Базыр есть глубокое знание древней культуры народов Тывы. Из ее триптиха, посвященного родной земле «Юность Тывы», мы видим последовательный рассказ о жизни тувинской девушки, изображенной на фоне старого дерева – символа рода семьи и бесконечности продолжения жизни. Козочка рядом с сидящей девушкой символизирует резвость, молодость, благосостояние семьи. В ее работах хорошо читается национальный костюм тувинцев.

Немалая заслуга педагогов кафедры декоративно-прикладного искусства состоит в том, что они помогают совершенствовать свои понятия декоративного видения композиции.

Стремительное развитие науки и техники в современном технократическом мире, переустройство национальных основ жизни заново формирует переустройство современного студента. Искусство является одним из факторов морального воспитания: декоративное искусство, находясь в постоянном и непосредственном контакте с человеком, способно активно воздействовать на духовное развитие современного студента.

Л. А. Араева

**ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ
МНОГОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОСНОВА
ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

XXI век – век межкультурной коммуникации как на уровне делового, так и обыденного общения. Люди различных национальностей, говорящие на разных языках, характеризующиеся различными культурными ценностями, различными формами вербального и невербального этикета, начинают взаимодействовать между собой в силу, прежде всего, экономической потребности. Необходимость взаимопонимания обусловлена и международным туризмом. Различного рода переговоры достигают положительного результата в том случае, если люди понимают друг друга, проявляя толерантность в общении. Как представляется, толерантность – это не только и не просто терпимость к сложившимся стереотипам поведения у людей разных культур, это еще и понимание этих стереотипов, которые проявляются в речевом поведении.

Как выявить особенные и общие черты различных наций, как понять друг друга, что для этого необходимо сделать? Естественный ответ на данный вопрос – выучить язык. И легче всего это сделать, уехав в чужую страну, окунуться в языковую атмосферу, слышать, видеть, ощущать аромат иной жизни. А как быть, если такой возможности нет? Между тем появляется возможность научного, делового сотрудничества. И язык необходимо выучить в достаточно короткий срок, не прилагая при этом особых усилий. В настоящее время достаточно много фирм, в которых преподается иностранный язык с использованием новых методик. Анализ этих методик выявляет, что преподавание ориентировано на изучение языка в границах определенных тем, изложенных в предельно упрощенной форме. Это тексты, в которых содержатся диалоги: вопрос и примерный ответ на поставленный вопрос. Примерно таким же образом устроены и разговорники на том или ином языке. В современных двуязычных словарях обнаруживается стремление авторов давать рядом значительное число однокоренной лексики с указанием значений и приведением распространенных контекстов. И все-таки язык изучается с использованием учебной и лексикографической литературы достаточно сложно и неэффективно, о чем свидетельствует выбор в настоящее время гуманитарными факультетами в качестве тестов при поступлении, где есть право выбора, не иностранного языка, а истории.

Представляется, недостатком преподавания иностранного языка является то, что оно ориентировано на достижения структурно-системной лингвистики. В настоящее время в лингвистике изменилась парадигма, точка зрения на изучение языка. Если

традиционная лингвистика взяла на вооружение основные постулаты своего идеолога Ф. де Соссюра, изучая только внутрисистемные связи в языке, в отвлечении от человека, то современная, антропоцентричная, лингвистика выявляет особенности связи языка с мыслительной деятельностью человека. По сути дела, так рассматривался язык со времен Древней Греции, и к этому же анализу языковых фактов обратились лингвисты в конце XIX – начале XX века (А. А. Потебня, Кассирер, Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Г. Г. Шпет и др.). И только в конце XX века лингвисты России вновь вернулись к антропоцентрическому анализу языка, анализу языка через человека. Стала актуальной фраза Потебни: «Язык – это человек».

Не менее актуальным стало обращение к тому, как человек познает мир. В свое время Потебня отметил, что, познавая мир, человек постоянно сравнивает один предмет с другим, обнаруживая при этом сходство либо различие познаваемых предметов. Предмет один, без его связи с другими, похожими или различными предметами познать в принципе невозможно. В этом проявляется такая черта мыслительной деятельности человека, как дискурсивность, на что обратили внимание философы эллинской эпохи. Ученые в различных сферах научного знания, равно как и философы, более двух тысячелетий работали в рамках логических категорий Аристотеля, которые, несомненно, значимы как в точных науках, так и в жизненных ситуациях. Но, тем не менее, человек мыслит преимущественно в рамках других категорий, о чем писали авторы грамматики Пор-Рояля, Гумбольдт, Потебня, Выготский, но наиболее четко так называемые естественные категории обосновал Л. Витгенштейн. Человек на основании какого-либо, иногда достаточно далекого сходства объединяет вещи в одну категорию. Данное сходство Витгенштейн обозначил как семейное. Таким образом, слово, именующее вещь, может входить в разные категории. Одновременно одно и то же слово, в силу гетерогенности своей семантики может в пределах одной категории соединяться с самыми разными лексическими единицами. Например, когда человек говорит о завтраке, у него в голове связываются такие вещи, как стол, стул, кухня, вилка, нож, ложка, кофе, каша, бутерброд, стакан, чашка, бокал, кухонное полотенце и т. д. Ассоциативный ряд может быть продолжен в зависимости от того, что человек поглощает за завтраком, с помощью чего, на чем, где, в чем готовит пищу и т. д. В зависимости от употребления в качестве основного продукта выявляется ядерный элемент такой категории. Для одних это будет кофе (и все ассоциации, связанные с данным напитком), для других – чай (и соответствующие ассоциации), для третьих – бутерброд, для четвертых – каша. Таким образом, естественная категория подвижна, связана с особенностями жизнедеятельности индивидуума, члены категории соединяются между собой по принципу «фамильного сходства». Прототипичным для категории оказывается наиболее употребляемый предмет, обозначенный в языке конкретным словом. Для русского сознания завтрак ассоциируется, прежде всего, с кофе, чаем, бутербродом, кашей. Остальные члены категории вариативны. Члены данной категории могут другим аспектом входить в иные категории. Например, кофе может входить в категорию не только потребления, но и произрастания, изготовления, продажи данного продукта, равно как и чай. Стол, за которым завтракают, может входить в категорию мебели; вилки, ножи, чашки, стаканы, блюда – в категорию посуды и т. д. То есть границы естественных категорий размыты, пересе-

каемы и отражают дискурсивность мышления. В разных языках эти категории могут наполняться разными смыслами, но принцип связи вещей для всего человечества един. Данный подход и кладется в основу словаря нового типа – пропозиционально-фреймового.

Как указывает Е. С. Кубрякова, большая часть словарного состава любого языка представлена производными лексемами. И это не случайно. Именно производная лексика, построенная по существующим в языках моделям, проявляет механизм работы мысли. Производные слова строятся по аналогии, что упрощает задачу употребления такого рода лексических единиц в речи. Словообразовательные модели (словообразовательные типы) являют собой ментально-языковые категории, построенные по принципу естественных категорий (которые, как отмечает Лакофф, аналогичны языковым категориям), научно обоснованных Л. Витгенштейном. Данные категории построены по принципу поля, имеют размытые формально-семантические границы, члены этих категорий (производящие и производные) соотносятся между собой по принципу фамильного сходства. Каждый тип характеризуется специфичной для него пропозиционально-семантической организацией.

Пропозиционально-фреймовый анализ словообразовательных процессов позволяет выявить специфику ментальности той или иной нации. Пропозиции – едины для всего человечества. Но, реализуясь в языке, они «падают в плен» этого языка, тех грамматических, фонетических, семантических правил, которые веками существуют в языке. Таким образом, пропозиционально-фреймовый подход эксплицирует своеобразие ассоциативных (метонимических и метафорических) связей, актуализованных в языке и обусловленных им. Данные связи, прежде всего, эксплицируются в дискурсе, в тексте. Не случайно при обучении иностранному языку преподаватель обращается к анализу функционирования лексических единиц в контекстах. Контекст проявляет смыслы, заложенные во внутренней форме слова, обусловленной культурными традициями нации.

Как представляется, необходимо объединение основных методик обучения иностранному языку в рамках антропоцентрического подхода, проявляющего роль человека, его индивидуальных и коллективных способностей в пользовании языком. Важно понять, что связи, установленные между именуемыми предметами, находятся в голове человека. Мирозрение ограничено языком, поэтому в каждом языке представлена специфика этого мирозрения, которую можно интерпретировать как особую национальную ментальность.

Понимание этих особенностей соотношения языка, мышления и культурного поведения позволило осознать необходимость создания словаря нового типа, лексические единицы в котором представлены в их пропозиционально-фреймовой связи. При этом несомненно, что словари, включающие словарные единицы по алфавитному принципу, имеют прагматическую значимость: с помощью таких словарей можно быстро отыскать любое слово с целью выяснения правильности произношения, орфографического написания, лексического значения. Но для межкультурной коммуникации необходим словарь, соответствующий современному видению языковых процессов, воспринимаемых как форма мысли. Следует отметить, что двуязычные англо-русские и русско-английские словари, издаваемые в последнее время, стали включать намного большее

количество однокоренных слов, что согласуется с практикой обучения иностранному языку. Это является несомненным плюсом. Но этого недостаточно, потому что словарный состав языка иллюстрируется минимальным числом контекстов и без учета человеческого фактора

Нами предлагается издание электронного фреймово-пропозиционального многоязычного словаря. Электронный словарь, в отличие от изданного в типографии бумажного варианта, имеет ряд достоинств:

1) человек может параллельно изучать несколько языков, просматривая контекстную репрезентацию одного и того же фрейма. При этом он выявляет специфику ассоциативных связей в каждом из языков; особенности пропозиционального строения фраз (то есть тех ролевых функций, которые выполняют слова в высказывании); структурно-семантическую и пропозициональную организацию производных единиц;

2) электронный словарь дает возможность слушать, как произносятся слова и фразы в различных языках, усваивая не только артикуляционные и акустические особенности произношения гласных и согласных звуков в разных позициях, но и особенности фразовой интонации, специфичной для каждого языка.

Известно, что все познается в сравнении, такой тип словаря дает возможность одновременного сравнения нескольких языков.

Встает вопрос: как создавать такой словарь? Несомненно, усилиями ученых разных стран. Интернет дает такую возможность. Лингвисты разных стран могут включиться в эту работу. Один и тот же фрейм заполняется русскими, английскими, французскими лингвистами. Встает проблема с переводом. В силу того, что большая часть населения России владеет только русским языком, а в таких странах, как Англия, Америка, Италия, Франция и др., возрастает интерес к изучению русского языка (что в определенной мере, наряду с вышеуказанными причинами, связано с наплывом русских туристов в эти страны), переводы с английского, французского, итальянского языков должны быть сделаны на русском языке. Обусловлено это также тем, что в западных странах, как правило, помимо родного языка, люди достаточно хорошо владеют английским либо французским языком, что обусловлено близким родством этих языков.

Важно при этом, чтобы русские лингвисты переводили сами предлагаемые контексты на другие языки, то же самое необходимо делать англичанам и французам при переводе текстов на русский язык. Потому что в этом случае сохраняется особенность мировидения и культурных традиций языка, с которого делается перевод. А это имеет первостепенную значимость при изучении иностранного языка, не рафинированного переводами русских лингвистов, так или иначе сохраняющих при переводе особенности языковой компетенции русского человека.

В качестве материала лучше использовать тексты средств массовой информации, то есть тот вербальный материал, который в настоящее время является наиболее востребованным. Язык, являясь средством социальной коммуникации, отвечая запросам времени, находится в постоянном развитии, что обусловлено как развитием общества, так и синергетическими внутрисистемными языковыми процессами. Способы передачи мысли в каждом языке совершенствуются, что в определенной мере сопряжено с такой

тенденцией, как экономия речевых усилий, вводящая в качестве прототипичных новые способы словообразования, синкретичные синтаксические конструкции.

Словарь предложенного типа необходимо создавать в пределах межстрановых, интеграционных проектов, финансируемых Евросоюзом.

Такой словарь будет пополняться, отражая коммуникативные потребности общества. Естественно, что он будет совершенствоваться и в плане подачи материала. Он может включать видеосюжеты, просматривая которые обучающиеся будут не только слышать речь, но и видеть мимику, жесты, позы, эмоции людей разных национальностей в похожих ситуациях.

То есть предлагаемый словарь позволит человеку виртуально погрузиться в языковую, культурную среду сразу нескольких наций, отмечая для себя своеобразие каждой из них, что, несомненно, способствует толерантности межкультурного общения. При этом толерантность определяется нами не в понимании Дж. Локка как терпимость по отношению к культурным ценностям других наций (такое понимание более характерно для обыденного сознания), а как проникновение в эти культуры, обладающие прагматической ценностью, основанные на сложившихся традициях народов (что значимо для научного сознания).

В настоящее время приоритетными являются интеграционные проекты в области исследования единого экономического пространства, единого образовательного пространства в рамках Болонского соглашения, проблем, связанных с развитием нанотехнологий. Но результативность межнационального сотрудничества ученых зависит от взаимопонимания, проявляющегося через речь. Данный пробел в социальной коммуникации призван восполнить фреймово-пропозициональный¹ словарь, позволяющий полноценно осуществлять диалог культур.

Работы для исследователей много! Приглашаю к сотрудничеству любого, кого заинтересовала идея создания словаря нового типа в электронной версии, который окажет неоценимую помощь в межкультурной коммуникации.

Е. А. Евдокимова

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Военная академия тыла и транспорта имени генерала армии А. В. Хрулёва

г. Санкт-Петербург

В преподавании русского языка как иностранного большое внимание уделяется лингвострановедческому, шире – лингвокультурологическому, аспекту, ориентированному на одновременное изучение языка и культуры. Как известно, важным свойством языка является его способность в процессе исторического развития «накапливать, хранить и отражать факты и явления культуры народа – носителя языка» [Методика, 1990: 79]. Все эти сведения, как правило, знакомы носителям языка, но могут вызывать определенные затруднения в понимании у студентов-иностранцев, не владеющих необходимыми фоновыми знаниями.

Язык – «зеркало» культуры, в нем отражается не только окружающий человека мир, не только условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Картина мира, окружающего носителей языка, не просто отражается в языке, она формирует и язык, и его носителя, а также определяет особенности речеупотребления. Вот почему без знания мира изучаемого языка невозможно изучать язык как средство общения. Изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы помочь понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные, исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи. Особое внимание уделяется реалиям, поскольку их глубокое знание необходимо для правильного понимания явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке.

Происходящие в последнее время изменения в сфере преподавания в высшей школе предполагают более эффективное использование развивающего, образовательного и воспитательного потенциала предмета «Русский язык как иностранный».

Новые подходы к преподаванию русского языка как иностранного, а также повышение статуса русского языка в иностранной аудитории позволяют формировать у слушателей общечеловеческие ценностные ориентации, умение общаться на межкультурном уровне. А это предполагает развитие лингвистической и коммуникативной компетенции, а также овладение основами лингвокультурологической (в т. ч. и лингвострановедческой) компетенции, т. е. приведение речевого поведения в соответствие с особенностями социокультурной среды, отражающей менталитет носителей языка. Достижение указанных целей обеспечивает такое построение курса «Русский язык как иностранный», в котором важное место занимают страноведческий и лингвострановедческий, и шире – культурологический и лингвокультурологический аспекты изучения языка.

Русский язык будет интересным для иностранных военнослужащих на основном этапе обучения, если станет не только профессионально значимым для него предметом, но в то же время даст возможность удовлетворить мотивы социокультурной ориентации, в процессе общения на занятиях русского языка. Этому может способствовать использование оригинального учебного материала – пословиц, песен, диалогов, фрагментов из публицистических и художественных текстов профессионально-культурологической тематики. Но, обратившись к «Типовой программе по русскому языку для обучения иностранных военнослужащих в военно-учебных заведениях», можно заметить, что знакомство с художественным стилем речи не предусмотрено. Тем не менее, например, произведения художественной литературы, тематически связанные с профессиональной деятельностью иностранных военнослужащих, могут стать интересным, отвечающим конечным целям обучения русскому языку учебным материалом при соответствующей методике работы с ним.

Таким образом, возникает необходимость совершенствования обеспечения процесса обучения иностранных военнослужащих русскому языку как иностранному в лингводидактическом, методическом и лингвокультурологическом аспектах. Несмот-

ря на имеющиеся проблемы в первых двух сферах, мы считаем необходимым обратить внимание на вопросы соотношения языка и культуры, т. е. на лингвокультурологический аспект обучения русскому языку иностранных военнослужащих.

Спецификой занятий по обучению иностранных военнослужащих русскому языку является использование лингвистического способа преподнесения культурологической информации, в результате чего происходит процесс формирования определенных лингвокультурологических знаний. Основа этих знаний закладывается уже в условиях начального этапа обучения языку. Затем происходит их дальнейшее расширение и углубление, вырабатываются определенные лингвокультурологические умения. Следовательно, наблюдается формирование лингвокультурологической компетенции.

Одна из целей обучения русскому языку в военном вузе состоит в развитии личности офицера, способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации и самостоятельно совершенствоваться в профессиональной деятельности. Для этого необходимо постоянное, на протяжении всего курса обучения, ознакомление через изучаемый язык с историей и современной жизнью страны, ее традициями и культурой. Знание и понимание культурных, исторических, социальных процессов, происходивших и происходящих в России, исключительно важно для определения диапазона эмоционального отношения к народу – носителю языка, для интеллектуального проникновения в русскую культуру, ибо за каждым национальным языком стоит культурная специфика образа мира, состоящего из элементов и явлений, неотъемлемых и существенных для данного народа. Поэтому именно оптимально организованный процесс преподавания может подготовить личность обучающегося к толерантному восприятию чужой культуры, к эмпатии и «размыванию» неадекватных стереотипов, формированию положительного и уважительного отношения к русскому народу, системе его духовных ценностей, традиций и верований, общению на русском языке, которое реализуется в повышенной мотивации.

Но, как показывает практика преподавания (наблюдения коллег и личный опыт), на начальном этапе речь идет лишь о формировании речевых навыков и умений слушателей и ознакомлении их с новой для них культурой. В учебный процесс вводятся модели речевого поведения носителей языка, отражающие процессы порождения и восприятия речи в реальных ситуациях общения в осваиваемых иностранцами сферах культурной среды. Оперирование же знанием лексических единиц с национально-культурной семантикой, умение применять их в ситуациях межкультурного общения, вычленение подобной лексики из научного, публицистического, художественного текста, адекватное его понимание и интерпретация возможны лишь на следующих этапах обучения. Средний уровень владения русским языком влечет за собой новые трудности, что снижает мотивацию слушателей к его изучению. В связи с этим актуальной оказывается проблема формирования на этом этапе лингвокультурологической компетенции как средства повышения мотивации иностранных военнослужащих через одновременное обращение к изучаемому языку и культуре им обслуживаемой, как средства раскрытия своеобразных возможностей создания силами языка более полной картины окружающего мира, глубокого восприятия национально-маркированной образности. Важным мотивирующим фактором, стимулом к порождению речевого высказывания

во всех видах речевой деятельности слушателя является привлечение в учебный процесс произведений, имеющих профессионально-культурологическую направленность и, соответственно, учебных текстов этой тематики, являющихся своеобразной формой фиксации лексики с национально-культурным компонентом семантики. Изучение подобных материалов на занятиях русского языка облегчает изучение таких специальных дисциплин, как история, военная история, военная культурология, тактика, которые являются важнейшими составляющими учебного плана.

Научить иностранных военнослужащих (это характерно для каждого, изучающего иностранный язык) общаться (устно и письменно), научить производить, создавать, а не только понимать иностранную (в данном случае русскую) речь – это трудная задача, осложненная еще и тем, что общение – не просто вербальный процесс. Его эффективность, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения (мимики, жестов), наличия глубоких фоновых знаний и многого другого.

Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный. Необходимо отметить, что иностранный военнослужащий (как и любой иностранный студент), являясь носителем национального языка и культуры, обладает определенными специфическими особенностями. Обучение русскому языку на начальном этапе без учёта национальной специфики той или иной культуры часто приводит к неэффективности учебного процесса, т. к. ориентация только на свои национальные традиции преподавания вступает в противоречие со стереотипами поведения слушателей, с привычной для них методикой обучения, что вызывает у обучающихся негативную реакцию к манере преподавания, к социальному окружению и, как следствие, к самому языку. При работе со слушателями (и шире – со студентами), например, из Китая, необходимо учитывать некоторые особенности, на что указывают не только некоторые лингвисты (Бобрышева И. Е. и др.), но и подтверждается собственной практикой: китайские студенты самостоятельны, активны, тщательны, целеустремлённы, в общении сдержанны. Поэтому учебно-педагогическое общение должно основываться на следующих принципах: 1) принцип статуса – соблюдение иерархии (приоритет преподавателя). Нужно иметь в виду, что преподаватель в Китае обладает определенным статусом: он обязан быть трудолюбивым, дисциплинированным, доброжелательным, деликатным и требовательным к студентам. На данную модель и ориентированы китайские студенты; 2) принцип «сохранения лица» – нежелательны действия, которые задевают собственное достоинство студента (например, публичное порицание); 3) принцип эмоциональной сдержанности – китайский этикет обязывает контролировать эмоции и скрывать частные стороны жизни. В учебном процессе необходимо не только использовать те ситуации, которые не нарушают эти нормы, но и учитывать специфику поведения китайских студентов (минимум жестов, отсутствие контактов, улыбка как знак приветствия или согласия); 4) принцип самостоятельности – для китайских студентов характерен высокий самоанализ и самоконтроль, основанный на постоянном самосовершенствовании. При построении учебного процесса необходимо учитывать и тип мышления, при котором важно, чтобы материал был внутренне связан, построен по принципу «структура (форма) – функции (минимум значений, но макси-

мум функций) и т. д. Таким образом, в межкультурном общении необходимо учитывать особенности национального характера слушателей, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления [см.: Сорокин, Марковина, 1989].

Речь уже идет, таким образом, о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. Знать значения слов и правила грамматики явно недостаточно для того, чтобы активно пользоваться языком как средством общения. Необходимо знать как можно глубже мир изучаемого языка. Иными словами, помимо значений слов и правил грамматики нужно знать: 1) когда сказать/написать, как, кому, при ком, где; 2) как данное значение/понятие, данный предмет мысли живет в реальности мира изучаемого языка.

Руководствуясь взглядами, мировоззрениями, оценками, нормами, представлениями, предрассудками и т. п., нация формирует свои ментально-поведенческие нормы, которые для ее носителей считаются настолько должными, желательными и привычными, насколько для иностранцев чуждыми, если не брать во внимание некоторых совпадений. Ментально-поведенческие нормы наций четко и ясно отражаются в языковых единицах с законченной мыслью. Единицами с законченной мыслью являются не только слова, но и пословицы, поговорки, лозунги, призывы, крылатые слова, термины, фразеологизмы, табу и другие фразы, которые не составляются в речи заново, а воспроизводятся. В воспроизведенных единицах языка хранятся истинные информации о жизни нации. Сопоставление таких информации выявляет различие ментально-поведенческих норм наций, которые нужно учесть в межкультурном диалоге, и в частности при обучении иностранных слушателей. Учет различия ментально-поведенческих норм наций, отраженных в языковых единицах в двух и более языков требует детального изучения семантических долей определенного значения языковой единицы. Есть много примеров неправильного представления значения вследствие специфики ментально-поведенческих норм лингвокультурных общностей. Одним из примеров таких представлений, например, является представление о понятии «лошадь/адуу» в русском и монгольском языках, которое выявляется разными семантическими долями лексического понятия. Семантические доли «животный, крупный, домашний, непарнокопытный» образуют одно лексическое понятие, которое выражается в русском языке лексемой «лошадь». А в монгольском языке, семантические доли, во-первых, непарнокопытное и, во-вторых, стадо из жеребца-производителя, коней, жеребят и кобылиц составляют понятие «адуу». То есть, за этим понятием стоят в монгольском языке два определения: непарнокопытное животное и стадо непарнокопытных животных. Незнание такого различия слова «адуу» приведет к непониманию в межкультурном диалоге. Но в монгольском языке существует лексема «адуун сурэг», что в переводе на русский язык «табун лошадей», но монголы не привыкли часто употреблять в речи эту лексему. Это обусловлено тем, что люди на территории Монголии начали сначала приручать, а потом одомашнивать диких животных, в том числе лошадей, табунами. Табун лоша-

дей играл и играет большую роль в истории, экономике, политике народов, которые связывали свои судьбы с монгольской землей. Лошадь в одиночку очень редкий, не характерный образ для монголов. Сейчас, в Монголии лошадей насчитывается несколько миллионов.

Однако не стоит ограничиваться только знанием о лексическом понятии лексемы в межкультурном диалоге. Межкультурный диалог становится адекватным тогда, когда наряду с лексическим понятием, участники речевого акта обладают знанием о лексических фонах лексемы. Незнание фонового знания, зафиксированного в пословицах, поговорках, лозунгах, призывах, терминах, фразеологизмах приводит иностранцев к неудаче в межкультурном общении. Например, монголам не нравятся значения лексических фонов русского слова «ржать» (слишком громко смеяться), фразеологизма «не в коня корм» (о бесполезных, безрезультатных затратах на кого-либо, что-либо). Дело в том, что согласно ментально-поведенческой норме монголов, которые чтят герб государства с конем, противоречит сравнение слишком громкого смеха с ржанием коня, бесполезной траты времени и заботы для кого-то с кормом коня.

«Узнав новое иностранное слово, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его УПОТРЕБЛЕНИЕМ: за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый». [С. Г. Тер-Минасова, 2000: 35]. Вот почему преподавание иностранных языков в России, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, должно быть основано на сопоставлении с родным языком и культурой. Это важнейшее условие оптимизации и развития преподавания иностранных языков, русского языка и русского языка как иностранного. Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. Однако на уровне языковой картины мира эти различия не видны, и слова разных языков выглядят обманчиво эквивалентными.

Таким образом, при организации занятий по русскому языку как иностранному необходимо очень тщательно отбирать языковой материал, т. к. внимательное изучение частичного совпадения или несовпадения признаков лексического понятия одной и той же языковой единицы в сопоставляемых языках, а также его лексических фонов, отраженных в разных языковых единицах, дает большую возможность избежания неудачи не только при межкультурном общении, но и при обучении русскому языку как иностранному.

Таким образом, эффективность освоения средств формирования профессиональной компетенции иностранных военнослужащих находится в прямой зависимости от уровня их общеязыкового развития, напрямую связанного с культурологической базой изучаемого языка, на основе которой профессиональное обучение становится более эффективным, если:

- общая программа профессиональной подготовки иностранных военнослужащих охватывает основные учебные и реальные ситуации их языкового существования;
- весь курс обучения изначально ориентируется не на минимум формул бытового и учебного общения, а на дидактический материал, способствующий пониманию национальной специфики форм общения, представленных в различных сферах деятельности, связанных с профессиональной подготовкой иностранных военнослужащих;

- комплекс упражнений на основе специально отобранных дидактических материалов реализует единство формирования коммуникативных умений в общезыковом и метаязыковом формате;

- учебный процесс обеспечивается взаимодополняющими друг друга дидактическими материалами, сориентированными на уровень самодостаточности для восприятия и использования метаязыковых средств, составляющих основу профессиональной подготовки иностранных военнослужащих.

В современных условиях обучения в целом, где общечеловеческие ценности являются неотъемлемым компонентом содержания обучения любой дисциплине, особую значимость приобретает проблема взаимного понимания и уважения людей разных национальностей. Духовной связи и поиску путей экономической, политической и культурной интеграции народов способствует не просто овладение иностранными языками, и в частности русским языком как иностранным, но и приобщение к культуре народа – носителя этого языка. В этом плане занятия по изучению русского языка как иностранного должны превратиться для обучающихся из этапа овладения знаниями в этап становления гармонически развитой личности.

В данной статье мы попытались лишь обозначить подходы к вопросу формирования лингвокультурологической компетенции иностранных военнослужащих, однако данная проблема требует тщательного рассмотрения и детальной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобрышева, И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении РКИ китайских учащихся в условиях русской языковой среды. – М., 1996.
2. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение). – М., 1990.
3. Сорокин, Ю. А., Марковина, И. Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989.
4. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

С. В. Бондаренко, Г. И. Лушникова

CULTURAL AND LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD: RUSSIAN – ENGLISH COMMUNICATION

*Kemerovo State University of Culture and Arts
Kemerovo State University
Kemerovo*

As is known, communication implies both direct and indirect types. The direct type supposes face-to-face communication while indirect one is based upon communication through different means: books, mass media, films, the Internet etc. In the process of reading we do not simply read signs and words but perceive a foreign world presented in this or that text through the images, which are created in our mind and based on the mother tongue. As a result there appears a contradiction between the foreign words and images reflecting our own culture and personal experience.

This contradiction gives rise to different cultural bumps. They can be roughly classified into four groups, which will be listed below and illustrated by examples. The examples are taken from situations of Russian-English everyday cultures.

1. The first group involves non-equivalent lexis, i.e. words that do not have equivalents because of the absence of the realia in the culture of this or that country. Here are some examples: *изба, самовар, квас, тройка, хутор, русская печка*.

To render this type of lexis from one language into another is not a big deal as there are not so many of non-equivalent lexis in each language and besides translators, interpreters and instructors have found the way out of this embarrassing situation. As a rule they use transliteration, description and comments.

E.g., *балалайка* (balalaika), *матрёшка* (matryoshka), *блины* (blini), *водка* (vodka), *большевик* (Bolshevik), *перестройка* (perestroika), *спутник* (sputnik)

Пододёяльник (blanket cover / slip), *форточка* (fortochka, small opening window pane, window leave).

2. Words which have equivalents in a foreign language, but they cannot be called full equivalents, as their semantic and cultural volumes do not coincide. And that is a real difficulty.

Among others we can show examples from such everyday situations as greetings and forms of address. A business letter written in English begins with 'Dear...', while in Russian it begins with 'Уважаемый...'. The translation of 'dear' into Russian is 'дорогой' the usage of which implies closer relations.

In New Zealand, for example, they go as far as greeting people they meet for the first time with such words as 'Hi dear \ darling \ sweetie \ honey...!' followed by 'It's a nice day today, isn't it!' and 'How are you, darling, today!'/ . It sounds so unexpected and confusing for Russians that it may cause a cultural shock. Representatives of Russian culture are absolutely embarrassed because do not know how to react.

3. Words which have equivalents in a foreign language, but they cannot be called full equivalents, as their images do not coincide.

For instance, the image of *village* in Russia is entirely different from the same image in English-speaking countries. For Russians it is associated with dilapidated huts, domestic animals and fowl, vegetable gardens, bad roads as well as lack of running water, electrical or gas heating. While for the population of English-speaking countries village is the same as city or town in respect of the standards of living conditions. It differs only in size and opportunities for leisure time.

Another vivid example of different images a word can be associated with is a word 'tea'. Here are two situations demonstrating this.

Two Russian ladies were on business trip in America and at lunch asked for a cup of tea. An American waiter served them with ice-tea, which is a traditional image of tea in that country. The ladies were surprised as for Russians tea is always hot with or without sugar. They asked for the hot tea and the waiter brought them two cups of hot tea ... with ice. They did not have a slightest idea of the fact that for Americans tea is always ice-tea.

A similar case of misunderstanding occurred in Germany where an English lady ordered an ordinary tea and was greatly surprised when a waiter was confused because he could

not understand what kind of tea she wanted. For Germans an ordinary tea is either black or green, and for English people an ordinary tea is black with milk [2, с. 28].

Simple everyday situations sometimes confuse and embarrass people communicating interculturally in spite of their good command of a foreign language.

4. International words often called ‘false friends of an interpreter’ may also be a serious problem in communication of languages and cultures. Here are some examples of English-Russian lack of coincidence:

Magazine in Russian is not магазин (shop), but журнал (journal).

Babushka is not бабушка (grandmother), but косынка (kerchief).

Examples of Russian-English lack of coincidence:

Артист means ‘an actor’, not an artist.

Аккуратный means ‘tidy, neat’, not accurate.

Russian	American
<i>Perception of space</i>	
The space between interactants is smaller in Russian culture than in American. In a line people stand very close to each other	Americans feel more comfortable when the space is 0.5 meters.
Russians touch people more often to set a contact. Interlocutors also touch each other more often	Americans touch people less often than Russians
<i>Smiling</i>	
Smiling Americans may look naïve and even suspicious to Russians	A smile is an expression of friendliness
<i>Silence</i>	
Silence is O.K., especially at table. A person may take time to think over an answer to the question and be silent for a moment	Silence between interactants is rude or at least embarrassing. Americans expect an immediate response
<i>Loud talk</i>	
It is impolite	Loud talk at table or in any other setting is O. K.
<i>Noise</i>	
Whistle at the concert means disapproval. Stamping one’s feet at the concert means disapproval. Hissing means the request to be quiet	Whistle at the concert means approval. Stamping one’s feet at the concert means approval. Hissing means disapproval

Though their sound forms coincide, their semantics does not and that also sometimes leads to cultural bumps.

Cultural conflicts may also occur as a result of misunderstandings emerging from the differences in the nonverbal behavior. M. Lebedko in her book “Culture bumps” shows the examples of nonverbal behavior in Russian and American everyday cultures [1, 157–158 c].

Thus a major aim of foreign language learning is to become aware of cultural communicative differences, in allowing for different cultural communicative behavior, in the willingness to accommodate, to a certain extent, different behavior and assume that the other participant in the communicative event will do the same.

LITERATURE

1. Lebedko, M. G. Culture bumps: Overcoming misunderstandings in cross-cultural communication [Text] / M. G. Lebedko. – Vladivostok: Far Eastern State University Press, 1999. – 196 p.
2. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики: учеб. пособие [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

Л. П. Грунина

СОВРЕМЕННОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

В настоящее время можно уверенно констатировать, что интерес к русскому языку как средству межнационального общения не только сохраняется, но и углубляется. Изучение языка как средства коммуникации, реализация практического назначения единиц языка предполагает внимание к реальному функционированию языковой системы.

Осмысление функционально-грамматических особенностей любого национального языка, внимание к содержательной сфере и изучение языка в его живой действительности всегда остается актуальным для описания русского языка и практики его обучения. При этом смысловой принцип является ведущим, так как соответствует одной из главных целей обучения языку – овладению продуктивными видами речевой деятельности и правильному употреблению в речи языковых средств.

Анализ особенностей национального языка, его современного состояния неизбежно отсылает к осознанию языковой ситуации и основных ментальных признаков языковой общности.

Характер языковой ситуации в любой период жизни общества определяется непростым отношением двух форм бытования языка – книжно-письменной и разговорной. История их сложения и особенности функционирования имеют свою специфику. Однако каждый раз при обращении к вопросу состояния языка в переживаемый период времени наше внимание прежде всего (и это объяснимо) привлекает литературная форма бытования языка.

Для использования русского языка сейчас характерна установка на раскованность, свободу, наблюдается небрежность, стихийное потакание (а что здесь такого?). Язык переживает стремительные изменения, к сожалению, не очень привлекательные на всех участках языковой практики. К примеру, журналисты, особенно молодежных газет и радиопередач, желая привлечь и «раздразнить» всех и вся, сознательно культивируют «огрубевший» русский язык.

Процесс «жаргонизации» литературного языка, который стремительно «пошел» в период гласности – закономерный процесс для развития многих языковых систем.

Распространению и поэтизации жаргонных элементов способствовали стихи и песни бардов 50–70-х годов – А. Галича, А. Городницкого, В. Высоцкого, Б. Окуджавы. Литература волны «диссидентов» также отразила жаргон «во всем неприкрытом пестроцветьи». Произведения В. Аксенова, И. Бродского, С. Довлатова, Э. Лимонова, В. Шаламова, А. Солженицына, В. Ерофеева, И. Митрофанова, В. Пьецуха позволяют наблюдать активный процесс «прорыва» жаргона на всех литературных и публицистических «фронтах», это реальный факт жизни общества и языка. Обратим внимание на такие слова-символы, как *беспредел* (в семантической оппозиции к понятию цивилизация, цивилизованный мир), *срок* (давать, вмазывать, припаять, мотать, намотать и т. п.), *получать на халяву*, *вешать лапшу на уши*, *быть на стреме*, *до лампочки*, *западло*.

Смена идеологических и этических оценок многих единиц активного словаря российского общества следует за социально-историческими сдвигами, поэтому в настоящее время обучение русскому языку является проблемой для дидактической русистики, ибо многие факты языка нуждаются в лингвокультурологическом комментировании, включающем интерпретацию прецедентных феноменов, социокультурных концептов и стереотипов, которые присутствуют в текстах разных жанров (и, прежде всего в газетных) в виде штампов и клише.

Изучение ментальных особенностей позволяет яснее представить ведущие смысловые «компоненты», традиционно сохраняющиеся в языке. В этом отношении особо следует отметить лингвокультурологическое направление, аспекты которого присутствуют как в общетеоретических исследованиях, так и в работах по методике преподавания русского языка. Лингвокультурологическое направление активно стало развиваться с 70-х годов XX века и в первую очередь связано с именами В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина.

В течение многих лет плодотворно шло осмысление того, как язык являет культуру народа, как в нем «запечатлелись» социально унаследованные практические навыки и идеи, характеризующие образ жизни социума.

В области духовной культуры, как исторически сложившейся и постоянно развивающейся системы духовных ценностей, норм и принципов практического освоения и преобразования действительности, тема семьи и семейных отношений всегда остается значимой для социума. Духовная принадлежность человека к той или иной культуре наиболее ярко проявляется в семейной жизни.

Для русского человека очевидны ценность семьи, ее незаменимость, о чем свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки («Вся семья вместе, так и душа на

месте», «Лучше лад, чем раздор», «В семье и каша гуще», «Семья воюет, а одинокий горюет», «Семейный горшок всегда кипит», «На что и клад, коли в семье лад»).

Для семейного строя русских было характерно длительное сохранение больших семей, патриархальных традиций, что проявилось в сильном коллективном начале с автократическими порядками (большак, большуха, хозяин, сам).

В этносоциологических очерках «Русские» [1] отмечается, что в современной русской семье можно выделить следующие ориентации: власть мужчины в семье («отец всему голова», «без мужа, что без головы», «без мужа голова не покрыта»), стремление контролировать воспитание детей («умел дитя родить, умей и научить»), в русской семье доминируют мотивы социальной полезности и ответственности, а также для семьи важны духовные традиции.

Лингвокультурема русская семья – серьезная характеристика социального статуса русской национальной личности, что во многом определяет восприятие жизни и в современных условиях существования человека (обратим внимание на появление таких словосочетаний как братская семья народов, семейное счастье, секреты семейного счастья, счастливая семейная жизнь, семейное дело).

Когда-то А. С. Пушкин очень точно выразил это «ощущение» русского человека: «Два чувства дивно близки нам – в них обретает сердце пищу – любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Значимость отмеченных процессов для лингводидактики очевидна, так как общение на языке предполагает свободное «перемещение» говорящего в языковом пространстве, другими словами – владение всеми основными формами и регистрами национального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русские (Этносоциологические очерки). – М.: Наука, 1992. – С. 139.

С. В. Бондаренко, М. В. Межова

ПЕРЕВОД В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

В рамках глобализации возрастает международный диалог культур. Непременным условием диалога является способность его участников преодолевать языковой барьер. Речь идет прежде всего о возможности и способности перевода с одного естественного языка на другой и обратно. Диалогический дискурс должен быть как бы очищен от всего, что мешает взаимному пониманию. И все же диалог, по своей сути, не исчерпывается на уровне проблемы естественного языка. Суть диалога лежит глубже – на уровне диалога культур, и прежде всего их языков, не сводимых к диалогу естественных языков, хотя и невозможен без него. Диалог происходит на уровне и в масштабе культур и потенциально включает проникновение в их ценности, в их специфику. Здесь представление о переводе качественно меняется. Международный культурный диалог

усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность лучшего познания собственного национального облика.

Диалог культур – это проникновение в систему ценностей той или иной культуры, уважение к ним, преодоление стереотипов, синтез самобытного и инонационального, ведущий к взаимообогащению и вхождению в мировой культурный контекст. В диалоге культур важно увидеть общечеловеческие ценности взаимодействующих культур. Одним из главных объективных противоречий, свойственных культурам всех народов мира, является противоречие между развитием национальных культур и их сближением. Поэтому необходимость диалога культур является условием самосохранения человечества. А формирование духовного единства есть результат диалога современных культур.

Диалог – важнейший методологический принцип понимания культуры. Сущностные характеристики культуры проявляются в диалоге. В расширительном смысле диалог можно рассматривать также как свойство исторического процесса. Не случайно в современном мире, где снимаются многие прежние ограничения и расширяется поле социального действия и видения, диалог объективно становится все более востребованной формой отношения. Он является необходимым условием развертывания и развития межличностных, межгрупповых, межгосударственных субъектно-значимых отношений: культурных, экономических, политических и так далее [8]. Диалог – универсальный принцип, который обеспечивает саморазвитие культуры. Все культурные и исторические явления – продукты взаимодействия, общения. В ходе диалога людей и культур происходило становление языковых форм, развивалась творческая мысль. Диалог идет в пространстве и во времени, пронизывает культуры по вертикали и по горизонтали.

Диалогичность предполагает сопоставление национальных ценностей и выработку понимания того, что собственное этнокультурное сосуществование невозможно без уважительного и бережного отношения к ценностям других народов.

Перевод играет огромную роль в диалоге культур. Благодаря переводу люди одной страны знакомятся с жизнью, бытом, историей, литературой и научными достижениями других стран. Многие переводные художественные произведения становятся частью национальной литературы. Посредством перевода одна культура приобщается и, знакомится с национальным эпосом и литературными произведениями другой культуры. При исследовании истории переводов очень важно осознавать, что все осуществленные на протяжении многих веков переводы литературы не только отражают результат столкновения различных языковых картин мира. Важно и то, что каждый из них представляет собой своего рода исторический срез, свидетельствующий об уровне развития национального литературного языка и особенностях литературной традиции, отраженных в языке литературы, который может соответствовать (или не соответствовать) языковым параметрам оригинала.

Раскрывая своеобразие и многообразие культурных ценностей, обычаев и традиций, переводы способствуют взаимопониманию и взаимоуважению, обогащают культуру каждого народа. В переводе сталкиваются различные культуры, различные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи,

разные уровни, разные развития, разные традиции и установки. Взаимодействие культур в процессе перевода предполагает ознакомление читателей перевода с фактами и идеями, свойственными чужой культуре, с целью расширения их кругозора и воспитания уважения к другим культурам на что указывают работы Л. С. Бархударова, Е. В. Бреуса, В.С. Виноградова, В. Н. Комисарова, Л. К. Латышева, Р. К. Миньяр-Белоручева, Ю. А. Сорокина, А. В. Федорова, И. И. Халеевой, А. Д. Швейцера и др.

Исключительно важную роль в процессе перевода играет переводчик. Предполагается, что переводчик должен в равной степени владеть как исходной, так и переводящей культурами. Между тем, это далеко не так, и переводчик часто весьма приблизительно оценивает, а следовательно, и переводит те или иные элементы или целые категории исходного текста в сопоставительно-культурном плане. Довольно часто к переводу относятся с большим подозрением, так как он неизбежно приносит в исходный текст ценности, которые понятны только носителям получающей культуры, таким образом, перевод адаптирует текст согласно имеющимся нормам и ценностям. Этот процесс начинается уже с самого выбора произведения для перевода: отвергая другие тексты, мы останавливаемся на том, который соответствует нашим интересам. Таким образом, перевод выступает в качестве потенциального источника культурных изменений, способствует формированию в нашем представлении стереотипов других культур.

Учет особенностей культуры при переводе дает право рассматривать перевод с точки зрения межкультурной коммуникации, так как он предполагает преодоление культурной дистанции, поскольку при переводе имеет место не только контакт двух языков, но и соприкосновение двух культур. При всей подавляющей общности фундаментальных условий жизни каждый народ имеет свойственные только ему специфические реалии культуры. Следовательно, культурный опыт каждого народа уникален [3, 8]. То, что является очевидным для носителя исходной культуры, может быть непонятным для носителя другой культуры. Перевод в данном случае выступает как вид деятельности, обеспечивающий общение между двумя культурными сообществами, который с одной стороны, направлен к исходной культуре, а с другой, к культуре, на язык которой выполняется перевод. Таким образом, перевод направлен на сближение носителей разных культур, на обеспечение их взаимопонимания. Переводчику же отводится роль посредника культур, чья коммуникативная деятельность обусловлена другой, предыдущей уже свершившейся деятельностью. Он должен поставить себя на место инокультурного читателя и увидеть те места в подлиннике, которые не будут достаточно понятны получателю в силу межкультурных различий. Увидев их, переводчик должен знать, какие в данном случае необходимы преобразования. Таким образом, можно сказать, что деятельность переводчика охватывает две тесно связанные сферы: когнитивную и культурную. Без культурно-когнитивной компетенции, которая включает в себя умение использовать языковые средства на основе определенных представлений, переводчик не сможет передать исходный текст переводному. Культурно-когнитивные факторы всегда будут релевантными, какой-бы ни была коммуника-

тивная ситуация. З. Д. Львовская в своей монографии о современных проблемах перевода сводит культурно-когнитивные факторы к:

- пресуппозитивным, энциклопедическим и фоновым знаниям переводчика о соответствующих знаниях двух других участников коммуникативного акта как представителей их соответствующих культур;

- концептуальным знаниям переводчика и его представлениям о концептуальных знаниях двух других участников коммуникативного акта как представителей их соответствующих культур;

- знаниям переводчика о нормах речевого и неречевого поведения, включая текстовые конвенции и их соотношение с концептуальными системами в двух культурах [2].

Важность каждого фактора меняется от одной ситуации к другой в большей или меньшей степени, однако в переводе всегда сохранится культурно-когнитивный характер детерминации. Необходимость поиска недостающих переводчику знаний, сбора информации по той или иной теме также варьирует от одного индивида к другому и зависит как от темы коммуникации, так и от уровня профессионализма переводчика.

В работах отечественных и зарубежных ученых подчеркивается особая роль, которую играет перевод в развитии культуры, науки, литературы и самого языка общения. В последние годы перевод сам стал объектом культурологических исследований, и новая концепция культуры накладывает свой отпечаток на эти исследования. В переводе сталкиваются различные культуры, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, традиции. Несмотря на то, что существует представление о том, что главную роль в переводе играют языки и ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода, многие лингвистические положения переводятся в разряд культурологических и объясняются различиями в культурах этноса. Ведь перевод – это не просто новая интерпретация оригинала, он дает тексту новое измерение, вводит его в другую культурную систему, где он и внедряется как самостоятельная единица со своей жизнью, не всегда похожей на жизнь оригинала.

В настоящее время известно немало самых разнообразных определений перевода, но во многих из них изложены подходы к переводу в рамках лингвистического аспекта.

Близкое к теме данного исследования является определение А. Д. Швейцера: «Перевод может быть определен как: однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (“переводческому”) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [10]. То есть, по мнению А. Д. Швейцера, перевод – это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур.

Культурологическая роль перевода во многом зависит и от роли переводчика. Ведь знание языка и культуры какого-либо народа и личное отношение к нему – это два

сложившиеся в сознании переводчика, которые ему приходится разделять в своей работе. Острая потребность во взвешенном учете различий между культурами сегодня должна хорошо осознаваться переводчиками. Изучение только языка в совершенстве не дает полного представления о культуре какого-либо народа. Вытекающие отсюда пробелы в конечном счете отразятся на взаимонепонимании между народами. На современном этапе решающее значение приобретает тот факт, что переводчик должен владеть иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, что предполагает необходимость формирования у него культурологической компетенции, являющейся неотъемлемой частью профессионально-коммуникативной компетенции.

Основу культурологической компетенции переводчика, на наш взгляд, составляют фоновые знания представителя лингвокультурной общности. В Словарь лингвистических терминов дано следующее определение фоновых знаний: «Фоновое знание – background knowledge. Обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения» [6]. Фоновые языковые знания – знания каких-либо реалий говорящим и слушающим, которые подразумеваются, но явно не проговариваются в диалоге, и которые являются основой языкового общения. Представляет собой идеальную модель внешнего мира или его части. Вербализация фонового знания является отдельной познавательной задачей и в повседневном общении не происходит. Практическое значение этого понятия заключается в частности в том, что владение иностранным языком должно опираться на усвоение культурологических представлений [5].

Наличие общих знаний является основной предпосылкой для адекватного общения, когда коммуниканты принадлежат к различным лингвокультурным общностям. Переводчик должен усвоить определенный объем фоновых знаний.

Попытки описать фоновые знания типичного носителя изучаемого языка и культуры неоднократно предпринимались как в зарубежных, так и отечественных исследованиях. Так, широко известна концепция Фурманова В. П., который выделяет следующие разделы фоновых знаний, которыми должна овладеть «культурно-языковая» личность для успешного общения в ситуациях межкультурной коммуникации: 1) историко-культурный фон, включающий сведения о культуре общества в процессе его исторического развития; 2) социокультурный фон; 3) этнокультурный фон, включающий информацию о быте, традициях, праздниках; 4) семиотический фон, содержащий информацию о символике, обозначениях, особенностях иноязычного окружения [7].

Одна из самых простых и удобных моделей, предназначенных для анализа специфики иноязычной культуры, была предложена Х. Хамерли. Исследователь выделяет: 1) информационную (или фактическую) культуру (знания по истории, географии, общие сведения, которыми обладает типичный представитель общества); 2) поведенческую культуру (особенности взаимоотношений в обществе, нормы, ценности, разговорные формулы, язык телодвижений); 3) традиционную культуру с «большой буквы» (художественные ценности) [11].

С точки зрения культурологического подхода переводчика к процессу перевода, в этом случае актуализируется и используется одна из социальных функций языка – кумулятивная. В этой функции язык выступает связующим звеном между поколениями, хранилищем и средством передачи внеязыкового коллективного опыта, так как

язык не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предшествующее состояние. Кумулятивная функция свойственна всем языковым единицам, однако наиболее ярко она проявляется в области лексики – в словах, фразеологизмах, афоризмах [1]. Согласно данной точке зрения, в семантической структуре номинативных единиц языка присутствует экстралингвистическое содержание, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. Эта часть значения слова, восходящая к истории, географии, традициям, фольклору – иначе говоря, к культуре страны, называется национально-культурным компонентом, а номинативные единицы языка, содержащие такой компонент, принято называть лексикой с национально-культурным компонентом семантики.

Анализ основных положений культурологического подхода к переводу позволяет сделать вывод, что добиться адекватного взаимопонимания между коммуникантами в ситуациях диалога культур невозможно без знания лексики с национально-культурным компонентом семантики, фоновых знаний, учета культурной картины мира и языковой.

Итак, анализ приведенных аспектов проблемы позволяет предположить, что для взаимопонимания и ведения диалога между культурами нужна кросскультурная грамотность: понимание культур других народов, осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, способность взглянуть на свою культуру глазами других народов. Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что разница в культурах и ее сознание являются более сложным феноменом, чем это может показаться переводчику, и чем больше он осведомлен об этих межкультурных трудностях, тем лучше он справляется со своей работой. Именно перевод позволяет отразить язык, мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Важнейшая функция перевода заключается в том, чтобы передать тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка.

Именно поэтому перевод играет столь значительную роль в диалоге культур, отражении формировании национального характера этнической общности, народа, нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 226 с.
2. Львовская, З. Д. Современные проблемы перевода [Текст] / З. Д. Львовская. – М.: УРСС, 2008. – 224 с.
3. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения [Текст] / М. В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.
4. Марковина, И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию [Текст]: учеб. пособие / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
5. Крюков, А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация [Текст] / А. Н. Крюков // Этнопсихоллингвистика / сост. Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др.; отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1988. – С. 19–34.
6. Словарь лингвистических терминов [Текст] / сост. О. С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.

7. Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания ИЯ [Текст]: дис. ... доктор пед. наук / В. П. Фурманова. – М.: МПГУ, 1994. – 475 с.
8. Хайруллин, В. И. Перевод научного текста (лингвокультурный аспект) [Текст] / В. И. Хайруллин. – М.: Всероссийский центр переводов, 1992. – 126 с.
9. Цивилизации. (Институт всеобщей истории РАН). – М.: Наука, 1992. – Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / отв. редактор А. О. Чубарьян. – 2006. – 278 с.
10. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты [Текст] / А. Д. Швейцер. – М., 1988. – 214 с.
11. Hammerly, H. Synthesis in Second Language Teaching [Text] / H. Hammerly // Second Language Publications, 1982. – 142 с.

Н. В. Селезнева

МОДЕЛИ КИТАЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ МИФОЛОГИИ)

*Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск*

В своих попытках реконструкции представлений, связанных с пространством, исследователь имеет дело не со специальными текстами, сознательно описывающими некое пространство, а с теми, в которых пространство нашло свое воплощение, причем чаще всего бессознательное воплощение на уровне образов. Задача состоит в том, чтобы проделать обратный путь, т. е. на основе анализа текстов выявить ту модель, реализацией которой они являются. Богатым источником информации о пространстве, его структуре и организации можно найти в народной мифологии.

Интерес отечественных исследователей к китайской мифологии насчитывает уже более чем вековую историю. Первое в мире исследование по китайской мифологии принадлежит профессору Восточного факультета Петербургского университета С. М. Георгиевскому и вышло в свет в 1892 г. В дальнейшем изучением китайской мифологии занимались такие видные отечественные синологи, как Л. С. Васильев, В. В. Евсюков, А. И. Кобзев, И. С. Лисевич, Б. Л. Рифтин, Г. А. Ткаченко, Э. М. Яншина и др.

Большинство исследователей китайской мифологии отмечают ее фрагментарность, большое количество напластований и позднейших интерпретаций, которые трансформировали первоначальные мифологические представления древних китайцев в соответствии с философскими и историческими воззрениями авторов разных веков. Именно поэтому реконструкция «первичных» мифов имеет первостепенное значение для исследователей, поскольку позволяет выявить ту основу, на которой развились более поздние мировоззренческие построения китайцев.

Определенный интерес представляет разработка вопросов, связанных с пониманием феномена пространства, поскольку именно мифологическое восприятие пространства легло в основу позднейших мировоззренческих принципов, оказавших влияние не только на бытовые, но и на философские представления.

Одной из наиболее важных, с точки зрения древних китайцев, является причина рождения пространства – борьба космических сил в ограниченном объеме. В борьбе с окружающим мир хаосом происходит пространственное упорядочение мира. Некогда в начале творения пространство было простерто, разбросано повсюду. Но через мир вещей и через человека пространство собирается как иерархизованная структура, происходит своего рода «овеществление жизни в образе тела» [Топоров, 1995. С. 13]. В процессе творения ему как бы придается форма, которая нередко приводит и к гибели первозданного хаоса и рождению космоса. В китайском мифе о Хаосе (*Хуньдуне*) повествуется о том, что Владыки Южного и Северного океанов, решив отблагодарить Владыку Центра, *Хуньдуна*, за гостеприимство, проделали в нем семь отверстий, «которые были у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать». Они считали, что именно этого не хватает их другу для счастливой жизни. Каждый день делали они по одному отверстию. «Семь дней – семь отверстий. Но бедный *Хуньдун*, которого друзья так издырявили, горестно вскрикнул и приказал долго жить» [Юань Кэ, 1987. С. 28–29].

Многие космогонические мифы (а также этиологические мифы о происхождении вещей, о делах культурных героев и др.) описывают происхождение не только пространства в целом, но и его отдельных частей из первочеловека. В китайском мифе о первочеловеке *Паньгу* говорится, что после его смерти «вздох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос – громом, левый глаз – солнцем, правый – луной, туловище с руками и ногами – четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь – реками, жилы – дорогами, плоть – почвой, волосы на голове и усы – звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле – травами и деревьями, зубы, кости, костный мозг – драгоценными металлами и камнями, и даже пот, выступивший на его теле стал каплями дождя и росы, а паразиты, жившие на его теле, превратились в людей» [Юань Кэ, 1987. С. 34–35].

Постепенно мир приобретает черты космического порядка, в котором человек способен ориентироваться, причем основой для ориентира становится сам человек, его тело. Зачастую человеческое тело описывается как подобие космоса. По мнению М. Д. Ахундова, это объясняется тем, что в древности вообще не было разделения на природное и социальное – эти аспекты были едины. Поэтому-то и развивающаяся картина мира носила социоморфный характер. В мифологической картине мира моделью служило либо человеческое тело, либо человеческое жилище, либо человеческое общество, но четкой границы между ними не проводилось [Ахундов, 1982. С. 49]. Изоморфизм космоса и человеческого тела описывается в одном из отрывков китайского трактата «Хуайнаньцзы»: «У человека голова круглая, как небо, ступня прямоугольная, как земля. У неба есть четыре времени года, пять стихий, девять выходов и триста шестьдесят шесть дней. У человека тоже есть четыре конечности, пять внутренних органов, девять отверстий и триста шестьдесят шесть суставов. Природе известен ветер и дождь, холод и жара. Человек также способен брать и отдавать, радоваться и гневаться. Желчный пузырь – это облака, легкие – эфир, печень – ветер, почки – дождь, селезенка – гром. Уши и глаза – это солнце и гром. А сердце – всему господин» [Ткаченко, 1993. С. 30].

Поскольку именно человеческое тело легло в основу построения мироздания, именно части человеческого тела соответствовали различным частям мироздания, то можно говорить, мир функционировал по тем же законам, что и человек. Вселенная мыслилась изоморфной обществу: небесный космический порядок, установленный богами, моделирует земной порядок, в первую очередь социальное устройство (но связь может быть и обратной). В Китае социальная организация мыслилась не слепком с космоса, но, напротив, именно она составляла сущность, сердцевину космоса и моделировала его. Китай мыслился в центре мироздания. Пять столиц (часто существовавших одновременно) символизировали пять кардинальных точек пространства, располагавшийся в центре столицы императорский дворец по своей планировке и архитектуре воспроизводил космос, главной фигурой в котором был император, олицетворявший собой все общество, все человечество. В рамках характерного для древних китайцев ассоциативного мышления, нарушение космических норм равнозначно космической катастрофе, и для того чтобы навести порядок в природе, необходимо восстановить гармонию в обществе [Евсюков, 1988. С. 69].

Не исключено, что самой фундаментальной основой связи пространства и тела является проблема трехмерности пространства. Мифы о первочеловеке ценны не только тем, что они позволяют установить связь (вплоть до тождества) между макрокосмом и микрокосмом. Не менее важно, что части тела первочеловека в известной мере выступают как аналоги соответствующих частей макрокосма. Собираясь воедино, в целое тела, эти части, возможно, представляют собой некий параллельный ряд по отношению к мифологизированным объектам, которые, заполняя пространство и конституируя его, выстраивают в пределах общего пространства некое семантическое подпространство определенной структуры. Локальное распределение значимостей этого пространства таково, что оно подчинено принципу постепенного нарастания сакральной отмеченности объекта по мере движения от периферии к той точке пространства, которая считается его центром.

В горизонтальной плоскости Космоса пространство становится все более сакрально значимым по мере движения к центру, внутрь, через ряд как бы вложенных друг в друга «подпространств» или объектов. Китайская модель «сужающего пространства» выгляди как *своя страна* → *город* → *дворец* → *трон* → *император* [Васильев, 1975. С. 9–10]. Отметим, что каждый из перечисленных объектов располагался в центре иерархически расположенных подпространств. По представлениям древних китайцев, на Земле существовало девять материков. Центральный материк назывался *Шэньчжоу* («Божественный континент») и соответствовал Китаю [Малявин, 2003. С. 325]. Этот материк со всех сторон омывался четырьмя океанами, а сама его поверхность была поделена на девять частей и представлялась в виде вписанных друг в друга квадратов. Люди, обитавшие в этих квадратах, селились в соответствии со своим рангом в государстве: ближайшие к центру (столице) районы были заселены знатнейшими подданными государства, тогда как наиболее удаленные территории соответствовали землям «замиранных» и «непокорных» варваров. В центре находилась столица с императорским дворцом и самим императором, который являлся воплощением Оси мира. Трансформировавшись эти представления, способствовали появлению догмата о том,

что правитель должен был занять положение в центре подвластного ему пространства [Васильев, 1975. С. 9–10], что нашло отражение в канонических трактатах, например, в «Ицзин».

Горизонтальная структура пространства была представлена в виде «деяти областей» – *цзючжоу*, образующих квадрат, разделенный согласно восьми направлениям и центру и генетически связанный с моделью «деяти небес» – *цзютянь*. Данная концепция понимания пространства складывается примерно в III в. до н. э. Первые упоминания о «деяти областях», введение которых приписывается легендарному правителю Юю, встречаются в эпиграфических текстах VI в. до н. э. В наиболее полном виде специфика *цзючжоу* изложена в «Чжоули» («Книге ритуалов царства Чжоу»), а затем повторена Бань Гу в географическом разделе «Ханьшу» [Крюков, 1983. С. 175]. В позднейшем историописании и описании народов китайскими историками активно использовалась концепция «деяти областей» и «четырёх стран свет», в которых точкой отсчета был центр, столица государства, где располагался сам автор [Исаева, 2000. С. 41, 68, 86].

В вертикальном разрезе Вселенной как наиболее сакрально отмеченная точка пространства обычно рассматривается небесный конец мыслимой «мировой оси», т. е. абсолютный верх (иногда он понимается как Полярная звезда); сама же эта ось выступает в таком случае как шкала ценностей объектов, размещенных в вертикальном пространстве. В других случаях центр помещается там, где «мировая ось» входит в землю; в этом случае он совпадает с центром горизонтальной плоскости. Но вообще понятием пространства при описании вертикального строения Вселенной пользуются несравненно реже, притом, что нередко в пределах каждого из вертикальных срезов пространство располагается по горизонтали. Например, понимание такого явления китайской мифологии, как *цзютянь* («девятнадцать небес») происходит одновременно и как девять небесных сфер, расположенных одна над другой, и как девять небесных созвездий, соотносящихся с девятью земными областями и расположенных на одном горизонтальном уровне. Тем не менее, во многих случаях именно вертикальная ось пространства наиболее четко высвечивает иерархическую структуру объектов – покойники, души предков, демоны, злые божества (включая самого повелителя нижнего мира), хтонические животные – внизу; люди, животные – посередине; птицы, ангелы, высшие божества (включая главного бога), мифологизированные светила – вверху.

Универсальными моделями организации вертикального пространства в мифологии являются образы Мировой горы и Мирового древа. Естественно, что наличие этих образов в мифологии того или иного народа обусловлено природными условиями и тем как каждый народ воспринимает тот участок мирового бытия, который «достался, доверен ему на жизнь» [Гачев, 1995. С. 35]. Поскольку рельеф территории Китая достаточно разнообразен и включает в себя как горные, так и лесные массивы, то в китайской мифологической картине мира вертикальная ось пространства была достаточно разработана.

В древнекитайских мифах Мировая гора и Мировое древо располагались в местах труднодоступных, находящихся за границей «обжитого» пространства, причем древо часто росло на мифической горе. Доступ к этим сакральным объектам был разрешен

только персонажам, наделенным той или иной степенью божественности. Вынесение горы за пределы обжитого пространства соотносится с концепцией С. А. Токарева о том, что первоначально в сознании древних китайцев, колыбелью цивилизации которых считаются равнинные местности, гора могла представляться опасным местом, куда они были вынуждены переселиться под влиянием климатических изменений или по причине вытеснения народа с обжитых мест завоевателями [Токарев, 1990. С. 602–606].

В китайской мифологии образу Мировой горы присущи две основные функции: поддержание неба, недопущение его обрушения, а также указание дороги на небо. В первой своей функции Мировая гора соотносится с образом Мирового столпа или антропоморфного существа. Мировыми столпами, поддерживающими «крышу» мира являются лапы божественной черепахи *Ао*, которые отрубила богиня *Нюйва*, чтобы подпереть накренившееся небо [Юань Кэ, 1987. С. 52]; или по другой версии – основные горные пики, расположенные по четырем сторонам света, появившиеся из тела умершего первосущества *Паньгу* [Юань Кэ, 1987. С. 34]. Сам *Паньгу* также выполнял функции Мирового столпа – он находился между небом и землей и ежедневно поднимал небо на один чжан в высоту и утрамбовывал землю на один чжан в глубину. Так продолжалось до тех пор, пока небо не стало достаточно высоким, а земля достаточно низкой, а место для *Паньгу* – достаточно просторным [Ткаченко, 1990. С. 20].

Образ Мировой горы или Мирового дерева как пути на небо достаточно широко представлен в китайской мифологии: это миф о том, как брат и сестра *Фуси* и *Нюйва* поднимались на небо по небесной лестнице и играли в небесном саду [Юань Кэ, 1987. С. 42]. В качестве лестниц, ведущих на небо, выступали различные горы. Так, бессмертный *Богао* поднялся на небо по горе *Чжаошань*, что к востоку от горы *Хуашань*, а в Западной пустыне была гора *Дэнбао*, по которой прямо в небесный дворец поднимались шаманы, чтобы узнать волю боров и передать ее людям [Юань Кэ, 1987. С. 44]. Однако самой известной среди гор-лестниц считалась гора *Куньлунь*, которая являлась нижней столицей *Небесного властителя Тянь-ди*, а ее высочайшая вершина доходила до небесного дворца [Юань Кэ, 1987. С. 44].

Собственно образ божественного дерева представлен в мифах о *цзянь-дереве*, о дереве *фусан*, о дереве *жому* из Западной пустыни, о персиковом дереве с горы *Таодушань* и др. Дерево *фусан* росло посреди бурлящего моря, в водах которого ежедневно купались десять Солнц, высотой оно было в несколько тысяч чжанов. На этом дереве жили десять братьев-солнц: девять солнц находились на верхних ветвях, а одно на нижних. На вершине дерева сидел нефритовый петух, который первый начинал кукарекать, возвещая о приходе нового дня, когда на него падал первый луч солнца [Юань Кэ, 1987. С. 139–140]. В этом мифе наряду с вертикальной моделью организации пространства, присутствует и горизонтальная – верхние ветви дерева *фусан*, предназначенные для девяти солнц, легли в основу более поздних представлений о девяти небесных сферах. В мифе о персиковом дереве с горы *Таодушань* (горы Персиковой столицы) говорится, что ветви его кроны отбрасывали тень на целые три тысячи ли. На верхушке этого дерева сидел золотой петух. Когда он слышал крик нефритового петуха, жившего на дереве *фусан*, он также начинал петь вместе с ним. Его крик был сигналом для злых духов и приведений о том, что им следует возвращаться на гору *Таодушань* [Юань Кэ,

1987. С. 90]. Но только одно дерево доходило до самого неба, ствол которого врезался прямо в облака. Это было *цзянь*-дерево. Оно росло на юго-западной равнине Дугуан, где считалось, что находился центр неба и земли [Юань Кэ, 1987. С. 45].

По мнению известного синоведа, Б.Л. Рифтина, в Китае переход от мифологического мышления к рационалистическому произошел достаточно быстро и под влиянием натурфилософских представлений, а в последствие конфуцианства, мистическое и непонятное в мифологии было отвергнуто [Рифтин, 1987. С. 379], вследствие чего появляются новые трактовки пространства.

Особенности новых построений, связанных с организацией и структурой мироздания (и пространства в частности), были обусловлены особым типом мышления китайцев. Отечественные синологи (Л. С. Васильев, Ю. Л. Кроль, А. И. Кобзев и др.) называют этот тип мышления «коррелятивным», подразумевая под этим «ассоциативное, координирующее или мышление категориями» [Зинин, 1988. С. 13]. Л. С. Васильев в своей работе, посвященной особенностям мышления китайцев, говорит о том, что китайское мышление, являясь конкретным, в то же время, было и образным, символическим. При этом он делает замечание по поводу того, что условна была только форма, а не содержание, которое всегда понималось однозначно. «Чаще всего это было связано с тем, что едва ли не любой конкретной идее, явлению или представлению соответствовал строго фиксированный знак – атрибут: изображение, фраза, элемент ритуала» [Васильев, 1976. С. 58].

Организация и структура пространства, как основные принципы мироустройства, были включены в состав разнообразных символических классификации, в которых их понимание было соотнесено с основными онтологическими категориями, такими, как *тайцзи* (Великий предел), *инь-ян*, *у син* (пять элементов), *ба гуа* (восемь триграмм) и др.

Итак, пространство в китайской мифологии было достаточно разработано и в горизонтальной, и в вертикальной плоскости. Поскольку территория проживания китайцев была в основном равнинной, то горизонтальная плоскость более детализирована: выделяются области наиболее близкие к центру и периферийные, а сам центр начинает олицетворяться с местоположением императора и Китая вообще, что в дальнейшем послужило основой для формирования так называемого «китаецентризма». Вертикальная ось, воплощенная в мифологических образах Мировой горы и Мирового дерева, мыслилась как опора небесного свода, как начало всего сущего и в то же время давала возможность выйти за черту обжитого пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахундов, М. Д. Концепция пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М.: Наука, 1987. – 222 с.
2. Васильев, К.В. «Хунь-фань» («Всеобъемлющий образец») об идеальном правителе и его месте в мире // VI НКОГК. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1975. – Ч. 1. – С. 5–14.
3. Васильев, Л. С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. – М.: Наука. Главное изд-во восточной литературы, 1976. – С. 52–83.

4. Евсюков, В. В. Мифология китайского неолита по материалам росписей на керамике культуры Яншао. – Новосибирск.: Наука. Сиб. отделение, 1988. – 127 с.
5. Зинин, С. В. О структуре коррелятивного мышления в Китае // XIX НКОГК. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – Ч. 1. – С. 13–17.
6. Исаева, М. В. Представление о мире и государстве в Китае в III–VI вв. н. э. (по данным «нормативных историописаний»). – М.: Институт востоковедения РАН, 2000. – 264 с.
7. Крюков, М. В., Переломов, Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 415 с.
8. Малявин, В. В. Китайская цивилизация. – М.: Изд. АСТ, 2003. – 627.
9. Рифтин, Б. Л. О китайской мифологии и связи с книгой профессора Юань Кэ // в кн. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М., 1987. – С. 378–386.
10. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Изд. группа Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
11. Токарев, С. А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
12. Ткаченко, Г. А. Хаос и космос в традиционной китайской космологии и антропологии // Бог-Человек-Общество в традиционных культурах Востока. – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – 224 с. – С. 30–39.
13. Юань Кэ. Мифология древнего Китая. – Изд. 2-е исправ. и допол. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. – 527 с.

Л. А. Шарикова

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР КАК МЕТАФОРА (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ НЕГАТИВ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ)

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово

Объектом настоящего сообщения является концептуальная метафора *GLOBAL\GLOBALISIERUNG* в текстах социологического публицистического дискурса. Предметом исследования является выражение концептуальной метафоры *GLOBAL\GLOBALISIERUNG* в текстах, материализованных средствами немецкого языка. Человек всегда проявлял огромный интерес к деятельности своего собственного сознания. Во второй половине XX в. отрасль знания, которая изучает процессы усвоения, накопления и использования информации человеком выделилась в самостоятельную науку и стала называться когнитивной наукой или когнитологией (когнитивистикой). Одним из ведущих направлений когнитивной науки является изучение знаний, используемых в ходе языкового общения. Концептуальные исследования направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представления знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке. Согласно А.В. Кирилиной, концептуальная метафора – один из основных способов познания мира, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой, таким образом осуществляя классификацию реальности [1; 90]. Современная когнитивная теория предполагает, что метафора возникает на уровне глубинных структур человеческого разума. Наша обыденная понятийная система по сути своей метафорична. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе

мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует [2; 25–27].

Метафора «работает на категориальном сдвиге, так как источник метафоры – ошибка в таксономии объектов» [3; 313–314, 323–324]. Метафора – когнитивное явление, относящееся к универсальным гносеологическим механизмам и к области представления знаний на концептуальном уровне. Эти когнитивные метафоры задают аналоги и ассоциации между сложившимися концептуальными категориями, порождая более частные языковые метафоры. Универсальный характер метафоры следует понимать как наличие этого механизма в сознании любого человека. Метафоризация основана на человеческой способности соизмерять, ассоциировать, и такое соизмерение происходит в соответствии с человеческим масштабом знаний и представлений.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения и развития теории концептуальной метафоры. Кроме того, актуальным представляется и объект исследования – концептуальная метафора *GLOBAL\ GLOBAL-ISIERUNG*, вербально отражающая особенности восприятия процесса глобализации европейцами. В нашем случае метафорологизируется крайне важный в международном масштабе и, в частности, для Российской Федерации процесс глобализации разных сфер деятельности человека, представленный сегодня уникальным объединением государств – Европейским Союзом. Мало кто из исследователей берется за изучение концептуальной единицы, отражающей еще становящийся фрагмент действительности. Вероятно, поэтому практически отсутствуют работы, описывающие его исследование в специальной литературе. Нам известны лишь несколько работ англоязычных исследователей-социологов (А. Бери, Дж. Майер, Ф. Стеварт, Г. Терборн), рассматривавших концептуальные характеристики процесса глобализации.

Целью социологического публицистического типа дискурса является сообщение знания в понятной образованным читателям форме, однако не являющимся специалистами данной науки. Наименование «социологический» коррелирует с научным типом институционального дискурса, а второй компонент его названия «публицистический» ориентирует на передачу знания в более доступной форме, без употребления узко профессиональных терминов. В анализируемом источнике [Brandau R. Globalisierung. Frankfurt am Main, 2003. – 84 S.] цель формулируется на втором титульном листе: “Vom Verschwinden des Horizonts” (‘Отодвигая горизонты’ – перевод мой: Л. Ш.). Участники дискурса также определены: названы авторы текста брошюры, подготовленной рекламным агентством специально для традиционной международной книжной ярмарки во Франкфурте/ Майне. Хронотоп дискурса также точно указан: брошюра опубликована в 2003 г., значит, составлялась предположительно в период 2002–2003 гг. и может содержать информацию по теме “Globalisierung – Globalisation” до указанного периода. Жанр публикации, репрезентирующей данный дискурс – рекламная брошюра – свидетельствует об обзорном представлении темы в опубликованных работах последнего времени, где процесс глобализации рассматривается в трех указанных в содержании брошюры деятельностных сферах: политике, экономике и социальной сферах. Социологический публицистический тип дискурса самый мобильный, мгновенно отзывающийся на протекание процесса глобализации в Европе и в мире.

Феномен глобализации, затронувший все сферы жизнедеятельности общества и коренным образом изменивший представление о фундаментальных ценностях цивилизации, не нашел своего способа гуманитарной идеализации, что создало принципиально новую ситуацию и в восприятии/ осмыслении данного фрагмента действительности – процесса глобализации. Причин такого отставания человеческого сознания от всестороннего отражения сущности процесса глобализации несколько, назовем основные, существенные для настоящего исследования: 1) уникальный комплексный характер процесса – особенность объекта концептуализации; 2) «молодость» процесса глобализации, интенсивное проявление глобализации в разных деятельностных сферах и фактор времени – особенности объекта и субъекта концептуализации; 3) непараллельное протекание процесса глобализации, процессов его восприятия/ осмысления и процессов его объективации средствами языка – особенности субъекта концептуализации (деятельности человеческого сознания) и номинативной функции (немецкого) языка, фактор запаздывания отражательных знаковых систем от темпа развития отражаемого объекта, денотата.

«Молодость» процесса глобализации отмечается всеми исследователями, представителями разных гуманитарных и негуманитарных наук. Тем не менее, точная дата начала этого процесса не указывается ни одним автором. Отдельные авторы ссылаются на период 1988–1989 гг., когда впервые начались проектные работы по подготовке и внедрению «глобальной» программы в жизнь, и параллельно велись переговоры государственных деятелей о возможностях осуществления данного проекта между отдельными странами, как продолжение процесса создания так называемых «свободных зон» торговли и совместного развития бизнеса. Предпосылки процесса глобализации, как отмечается некоторыми социологами и политиками, начали создаваться несколько ранее, в середине 80-х гг. XX в. В середине 90-х гг. ушедшего века впервые появляется термин *global* для номинации данного процесса, хотя установить авторство термина не представляется возможным. Суть данного процесса тогда отражалась метафорически: «*sozialer Friede*» ‘социальный мир’ как конечная цель многочисленных дебатов идеологического толка.

Уникальный характер процесса глобализации заключается в создании социального миропорядка неэтнической природы, что абсолютно ново и не коррелирует с многовековой человеческой традицией, центр которой образует культурный код этноса, народности, нации. Все материальные и нематериальные интересы людей тысячелетиями определялись именно этническим принципом и разделением всего многообразия объективной действительности по параметру «свой <=> чужой», то есть родной, знакомый, понятный, комфортный. В этом смысле процесс глобализации революционен, требует большего времени и ускоренного темпа в осознании происходящих перемен одновременно в нескольких важных сферах жизнедеятельности человека: в государственной/ политической, общественной, торгово-экономической и культурной сферах.

В текстах социологического публицистического дискурса, ориентированного на отражение всех более или менее важных социальных процессов, происходящих в обществе и/ или культивируемых в какой-то части общества, которая своими многочисленными нитями связана с другими частями этого же общества, процесс глобализа-

ции представляет одну из самых существенных и актуальных тем. О нем говорят, сообщают новые подробности, объясняют детали и события, их взаимосвязь и значение для разных частей общества, спорят, критикуют деятельность отдельных политиков/социологов/экономистов/общественных деятелей, обсуждают достигнутые результаты и разрабатывают дальнейшие перспективы развития.

Вся эта бурная деятельность отражается в сознании людей в форме образных ментальных единиц – концептуальных метафор. Чтобы продемонстрировать, как метафорические выражения естественного (немецкого) языка могут прояснять метафорическую природу понятий, упорядочивающих используемые нами понятия, в рамках данного исследования были выделены средства и способы языковой объективации концептуальной метафоры *GLOBAL\ GLOBALISIERUNG* и ее инварианты – метафорические модели на текстовом материале (всего пять метафорических моделей). Например, метафорическая модель «Globalisierung ist ein ein weltweites Phänomen, die der Welt in Erregung versetzt\ Wettbewerb» отражает, во-первых, международный масштаб распространения процесса глобализации и, во-вторых, проявлении возбужденности, волнения, опасения из-за нестабильности и динамичности трансформационных процессов в мировой экономике, политике, социальной сфере и культуре, осуществляемых повсеместно и с большой скоростью, так что люди не успевают осознать их и приспособиться к новым и далее постоянно меняющимся условиям жизни в глобальном пространстве.

Одной из наиболее содержательно важных, возможно, спорных в отношении отражения оценки происходящего процесса является метафорическая модель, заявленная объектом рассмотрения в настоящей статье:

Die Globalisierung ist ein Prozess sozialer Exklusion/ vielfältiger Ungleichheit – ,Глобализация есть процесс социальной эксклюзивности/ многообразного неравенства’

Рассмотрим выделенную метафорическую модель в социологическом публицистическом дискурсе более подробно:

Социальный взрыв выражается в чрезмерной активности отдельных заинтересованных лиц выносить на обсуждение не все аспекты дискуссии, дебатироваться только те вопросы, в которых заинтересованы материально «сильные», обеспеченные группы лиц, слабые группировки не имеют шансов на успех в спорах, дискуссиях: 1) ..., dass Globalisierung ein Prozess sozialer Explosion und für alle Menschen immer unsichere Lebensverhältnisse sowie Instabilität und Kriesen generiert. Die Rolle der transnationalen Unternehmen wird eher kritisch gesehen, weil sich in ihnen ökonomische und politische Macht konzentriert, gegen die schwächere Gruppen kaum Chancen haben. В этом процессе участвуют все люди, но по-разному: одни приветствуют социальный взрыв, другие противятся ему, не видя в нем смысла либо предчувствуя опасность для своего будущего, высказывая сомнения, опасения относительно радужных перспектив в конце пути: 2) ...Globalisierung wider Willen? (GG, 9); 3) Globalisierung ist ein Schwammwort, das gerade wegen seiner Unbestimmtheit auf grosse Resonanz stösst.

Глобализация воспринимается как процесс, приносящий большинству людей глобальные проблемы «globale Risiken der Globalisierung»: призванная объединять людей, страны в единое социально-культурное пространство, она, по мнению Рене Симона, все

больше отдаляет, разъединяет их: 4) Globalisierung und totale Vernetzung: Auf der Suche nach den verlorenen Gemeinsamkeiten, entfernen wir uns immer mehr voneinander (René Simon). В качестве опасных симптомов указывается, что появляется все большее количество людей, считающих возможным «работать локтями», вместо того, чтобы думать: 5) Im Zeitalter der Globalisierung wächst die Zahl derer, die glauben, der Ellenbogen könnte das Denken ersetzen.

Процесс глобализации устанавливает *градацию эксклюзивности* как по отношению к отдельному индивиду, так и в отношении отдельных общественных групп и бизнес-корпораций, заканчивая государствами. Прежде всего он характеризуется как «европеизация» человеческих интересов, и лишь затем – как «глобальная интернационализация»: 6) Ein wegweisender Beitrag ist Christa Wichterichs „Die globalisierte Frau...“; 7) Denn Globalisierung bedeutet ökonomisch, kulturell und vor allem politisch aus Sicht der deutschsprachigen Länder zunächst Europäisierung.

Несмотря на то, что практически каждый человек сегодня понимает в основном суть процесса глобализации, его масштабы и цели по достижению некоего глобального объединения человечества в одну среду для осознания нашей близости друг к другу и общности интересов, становится понятно, что этот процесс многоаспектен, ориентирован не только на экономический процесс. Однако социальное, политическое и культурное неравенства обуславливаются, тем не менее, экономическим фактором, который создает предпосылки для прочих равенств. Так называемая «неолиберальная» глобализация квалифицируется как недемократический и неправовой процесс, поскольку реально создает неравные возможности и неравное развитие экономики, а, следовательно, и различный уровень жизни в разных регионах и государствах: 8) Diese Bewegung bemüht sich deutlich zu machen, dass Globalisierung ein hochgradig ungerechter und undemokratischer Prozess ist; 9) Die Globalisierung der Weltwirtschaft bedeutet vor allem, dass sich erstens die ökonomischen Aktivitäten innerhalb der Zentren Nordamerika, Europa und Ostasien stärker verflechten, zweitens zwischen diesen Zentren zunehmen und erst in wenigen Bereichen wirklich global sind; 10) Die Währungskrisen in Südostasien, Russland und Brasilien verdeutlichten die internationalen Probleme, aber auch der zunehmend als „Sachzwang der Globalisierung“ gerechtfertigte Abbau sozialer Sicherungssysteme innerhalb der Länder ging immer mehr Menschen zu weit.

Помимо существующих международных и региональных проблем, процесс глобализации принес с собой новый вид проблем национальных, связанных с выполнением отдельными государствами неравных по отношению с другими функций в рамках глобального европейского пространства. Это касается прежде всего ФРГ, поскольку эта страна осуществляет значительные дотационные, налоговые и прочие акции, связанные с укреплением валютного положения Европейского Союза и его поддержанием, эти «глобальные» действия ФРГ привели к повышению налогообложения в собственном государстве и другим подобным последствиям, которые вызывают протест со стороны населения страны: 11) Deutsche Globalisierungsprobleme: Der weltweite Abbau von Zöllen und anderen Handelsschranken setzt besonders Deutschland unter einen verstärkten Wettbewerbsdruck. Unter den verschärften Wettbewerbsbedingungen der Globalisierung sind nur jene Produkte absetzbar, die in einem weltweiten Kosten/ Nutzen-Vergleich am besten

abschneiden. Davon profitiert der Verbraucher, und das sind wir alle. Die Globalisierung wird von den Konsumenten vorangetrieben, die das Produkt mit dem günstigsten Preis/ Leistungsverhältnis kaufen, ganz unabhängig davon, aus welchem Land es stammt. Die Globalisierung ist nicht das Ergebnis der Verschwörung einiger Kapitalisten, sondern sie ist das Resultat einer Abstimmung, die alle Bürger täglich an den Ladenkassen mit ihren Geldscheinen als Stimmzetteln vornehmen.

В связи с вступлением некоторых стран в единое глобальное пространство внутри этих стран отмечается экономический парадокс – разные регионы в рамках одной страны экономически резко различаются по уровню материальных доходов и уровню жизни. Такое положение зафиксировано, например, в Китае, разница в доходах в сравнительной межрегиональной шкале соотносится как 1:4, 1:5:12) Die volle Bedeutung der Globalisierung ist erst ersichtlich, wenn man die enormen Einkommensunterschiede in China berücksichtigt. Das Pro-Kopf-Einkommen in Shanghai ist fünfmal höher als im Landesdurchschnitt, entspricht also bereits unserem Einkommen. Andererseits beträgt das Durchschnittseinkommen in den noch sozialistischen Regionen Chinas nur 40 % des Landesdurchschnitts. Естественно, что эти новые проблемы, связанные с участием людей и государств в процессе глобализации более или менее активно, не могут найти быстрого и всех удовлетворяющего решения. Они, как опасные явления, вызывают протест в среде пострадавших от «глобального неравенства»: 13) Protest gegen die neoliberale Globalisierung gab es bereits vorher und an vielen Stellen... Появился даже новый концепт, предложенный тайландской Национальной корпорацией в лице Вальдена Бело, названный «де-глобализация» и призывающий к ослаблению политического влияния международных неolibеральных институтов в лице ВТО, Всемирного Банка и Международного Валютного Фонда: 14) das Konzept der „De-Globalisierung“: die internationale Politikebene müsse geschwächt werden, insbesondere die neoliberalen Institutionen WTO, Weltbank und Internationaler Währungsfonds.

Некоторые писатели-публицисты пытаются дать определения такой неоднозначной сущности процесса глобализации, перефразируя слова Эрхарда Блэка о капитализме. По их мнению, ‘глобализация есть эксплуатация масс в интересах отдельных людей (единиц), глобализация станет для капитализма тем, чем для социализма был коммунизм: закатом’: 15) Kapitalismus ist die Ausbeutung der Massen durch die Einzelnen. Globalisierung ist die Ausbeutung der Massen durch die Massen für die Einzelnen. Erhard Blanck, (1942) -> Die Globalisierung wird für den Kapitalismus das werden, was der Kommunismus für den Sozialismus war: der Untergang. Высказывается также мысль, которая в определенном контексте СМИ звучит как призыв: нужно «глобально бороться с господствующими глобализованными отношениями» в обществе: 16) Die globalisierten Herrschaftsverhältnisse, so die weit verbreitete Einschätzung, müssen global bekämpft werden.

В результате проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. Концептуальная метафора *GLOBAL\ GLOBALISIERUNG* с разными качественно-количественными показателями объективируется в текстах не только социологического публицистического дискурса, но и других типов дискурса (словарного, научного, методического). Это свидетельствует об особой значимости данного фрагмента дейст-

вительности для представителей немецкой (европейской культуры), носителей немецкого языка. Однако этот процесс вызывает много споров, у него есть сторонники, но есть и противники. Крайне иронично называются/воспринимаются разные роли сторонников данного процесса, который концептуализируется как рассказ своей версии его понимания, игра/ театр, соревнование, феномен социальной жизни, будоражащий обывателя и приводящий к экономическому неравенству в глобальных масштабах.

2. Концептуальный инвариант “Die Globalisierung ist ein Prozess sozialer Exklusion/ vielfältiger Ungleichheit“ отражает негативную оценку процесса глобализации немцами. Развитие процесса глобализации способствует резкому расслоению общества на приспособившихся к новым условиям жизни и еще не нашедших свое место в новом глобальном пространстве. Глобализация вызывает экономический и политический дисбаланс между отдельными частями одной страны, между государствами с развитой технологической и экономической системами и отсталыми государствами (странами третьего мира), между странами-членами Европейского Союза и не являющимися таковыми, а также между отдельными членами ЕС внутри глобализованного объединения. Люди ощущают себя не задействованными в «глобальной» игре, которой правят межнациональные корпорации, мультимиллиардеры. Именно они распределяют роли в этой «глобальной» театральной постановке.

3. Недовольство большинства ходом процесса глобализации и часто непонимание сути некоторых его аспектов вызывает многочисленные споры, разногласия между отдельными группами людей и внутри этих групп. Даже последние достижения НТП в рамках глобального пространства – доступная спутниковая связь, доступный Интернет и обучение через Интернет – воспринимаются двояко, поскольку в новом глобальном интернет-пространстве люди видят негативные явления для безопасности жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 180 с.
2. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

А. В. Шунков

ЛИТЕРАТУРНАЯ КЛАССИКА

В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

*Кемеровский государственный университет культуры и искусств
г. Кемерово*

Еще совсем недавно проблема чтения не стояла так остро, как в настоящее время. Трудно себе было представить, что в России, которая считалась самой читающей страной, проблема падения интереса к чтению приобретет общенациональный масштаб

и будет рассматриваться на государственном уровне²². Наиболее остро ощущается проблема падения интереса к чтению и к литературе как предмета в школе. И в первую очередь, заложниками сложившейся ситуации являются учителя гуманитарного цикла: литературы, русского языка, истории. Учительская общественность (и не только) в средствах массовой информации активно обсуждает эту проблему. В чем причина?

Парадоксальным в этой ситуации является следующее: с одной стороны, общество прекрасно понимает сложившуюся проблему детского, школьного нечтения, видит в этом первопричину всех социальных (как существующих на сегодняшний день, так и возможных в будущем) проблем. С другой стороны, из года в год идет сокращение количества часов, отводимых на изучение русской литературы. В результате в сознании ученика невольно закладывается и формируется представление о самой дисциплине, не имеющей первостепенного значения в его образовании. Так, современный образовательный стандарт (базовый учебный план 2004 года), к примеру, отводит 170 часов на изучение литературы в 10 кл. в профильном классе и 102 часа в непрофильном; 34 часа на изучение русского языка в непрофильном классе. Много это или мало? Позволю

обратиться к примеру, который в одном из своих выступлений привел Е. А. Ямбург, заслуженный учитель РФ, доктор педагогических наук, член-корр. РАО. Он сказал, что в фашистской Германии была принята программа, которая предусматривала изучение словесности (русского языка и литературы) в школах, расположенных на захваченных территориях СССР, в объеме 200 часов!

Подрывают интерес к чтению и многие эксперименты по внедрению новых методик литературного образования в школе. В последнее время можно услышать заявления представителей педагогической науки о чрезмерной загруженности ребенка в школе, поэтому необходимо сократить объем изучаемых произведений или рассматривать их обзорно, давая ученику лишь общее представление о биографии писателя, самом произведении. В этой ситуации под «сокращение» попадают не только имена русских классиков XVIII века (М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина), но и представителей XIX столетия – «золотого века» русской поэзии. Аргумент один: надо изучать и читать только то, что понятно ребенку (произведения жанра «фэнтэзи», детективы, «сетературу» – литературу, «резвящуюся» в сети Интернет и др.); учитель должен владеть ситуацией современного детского чтения и вести разговор на языке современного читателя. Известны уже случаи, когда предлагалось ввести в школьную программу романы Д. Донцовой, Е. Гришковца. Одним из аргументов в пользу подобного подхода выдвигается якобы непонятный для современного читателя язык классического произведения.

Мне довелось быть свидетелем того, когда один из современных ученых-методистов, приглашенных в Кемерово из Института информатизации образования

²² В ноябре 2006 года на Санкт-Петербургском книжном салоне была подписана Национальная программа поддержки и развития чтения, принятие которой обусловлено необходимостью формирования скоординированной национальной политики в области поддержки и развития чтения. 2007 год был объявлен Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Годом русского языка и предусматривал разработки и реализации программ по защите русского языка, развитие престижа чтения.

РАН (г. Москва) в марте 2008 г., выступая перед аудиторией учителей-словесников, заявил о бессмысленности знакомства современного ученика, например, с жанром торжественный оды XVIII века или с пушкинским «Пророком», т. к. современный школьник 9 класса не воспринимает и не может объяснить значение многих слов.

В результате в число «устаревших» и «неблагонадежных» произведений русской литературы попадает, например, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя как повесть, которая может быть прочитана и понята учеником 6 класса неправильно, поскольку в ней поэтизированы разбой и насилие, чинимые запорожскими казаками по отношению к полякам. Да и само употребление слова «ляхи» может звучать как оскорбление представителей польской нации. Нечто подобное уже было в мировой истории. Всем хорошо известна кампания по запрету изучения в школах и изъятию из продажи в США книги Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна». Причина была только в том, что в романе используется слово «негр». Марк Твен обвиняется, ни много ни мало, в расизме и разжигании межнациональной розни²³. Другой пример: стремясь соблюсти пресловутую политкорректность, западные издатели роман Агаты Кристи «Ten Little Niggers» («Десять негритят») переименовали в «And There Were None» («И никого не стало»). И если следовать этой традиции по изъятию из круга чтения шедевров мировой литературы, то настало время в российских школах, предвосхищая возможные межнациональные столкновения, запретить «Кавказского пленника» и «Хаджи Мурата» Л. Н. Толстого и мн. др.

Самое странное в этой ситуации то, что подобные факты были и в отечественной истории. Так, в 1923 году вышло постановление Наркомата просвещения об изъятии из библиотек «негодной литературы и замене ее соответствующей»²⁴. В составленный перечень попали произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. Известно также, как Н. К. Крупская оберегала детское сознание от «отравляющего мистицизма» русских сказок.

Подобный подход в восприятии и оценке классического произведения в информационную эпоху иначе, как абсурдным не назовешь. Оправданием же подобной позиции служит стремление следовать требованиям массовой культуры: надо быть ближе к рядовому, обыкновенному читателю, не мучить его «заумью», не быть с ним излишне претенциозным и нравоучительным. В свое время академик Д. С. Лихачев в одном из своих интервью сказал, что он не приемлет само понятие «массовая культура». Культура не может быть массовой, по своей природе она элитарна, ее задача не опускаться до низменного уровня, а наоборот, заставлять подниматься человека к высотам духа. Именно эта роль принадлежит и классической литературе в школе, она формирует вкус молодого читателя. Только на знании традиций, в рамках которых уже на протяжении

²³ Например, в 90-х годах XX в. на территории некоторых штатов США было запрещено более 50-ти книг, среди которых «Приключения Гекльберри Финна» и «Приключения Тома Сойера» М. Твена, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера, «Гроздь гнева» Дж. Стейнбека, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса, «1984» Дж. Оруэлла.

²⁴ В 1924 году вышла «Инструкция по пересмотру книжного состава библиотек». 1–7 июля этого же года проходил I Всероссийского библиотечный съезд, одно из постановлений которого касалось перекомплектования библиотек.

десяти веков развивается отечественная словесность, возможно оценить литературу современную и говорить о ее достоинствах и недостатках.

Не менее ужасающим выглядит решение проверять знание ученика по литературе с помощью тестов. Причем эта практика внедрена уже не только в школах во время аттестации и аккредитации учебных заведений, но и на филологических факультетах вузов. О какой ситуации эстетического переживания прочитанного можно говорить здесь, если чтение превращается в стресс? От читателя требуется запомнить событийный ряд, имена героев, жанр, время создания, воспроизвести точно цитаты и проч. Проблема понимания текста, размышления над прочитанным, сопереживания, диалога автора с читателем (М. М. Бахтин) в этом случае уже не стоит. Литературное произведение превращается в орудие проверки общих знаний, оно отторгает от себя читателя.

Подобная методика восприятия литературного произведения, насильственно вводимая в образовательные учреждения и используемая при проверке знаний по литературе и понимания прочитанного текста, абсолютно не соответствует национальной традиции отношения к книге, которую высказал еще книжник в одном из старейших рукописных сборников – «Изборнике 1076 г.». В первой статье сборника дается совет читать медленно, задумываться над прочтенным, трижды перечитывать одну и ту же главу, пока не постигнешь ее смысла. Реформаторы от образования, стремясь подвести национальную систему образования под западные правила, забывают или просто пренебрегают вековыми традициями русской школы, которая всегда давала подрастающему поколению духовное, нравственное воспитание, в основе которого всегда лежала словесность, уроки литературы. Причем эта традиция не пресекалась ни после событий октября 1917 года, ни в годы репрессий, ни в эпоху строительства коммунизма.

Другая причина потери интереса, желания и потребности к чтению – это та общая тенденция, которая наблюдается в современном информационном обществе. Изменились мотивы и характер чтения: оно стало функциональным и инструментальным, а также в чем-то прагматичным. Все больше людей читают для того, чтобы получить информацию для самообразования или для конкретных сведений. В то же время для многих чтение на досуге становится более легким, развлекательным, рассматривается как средство приятного отдыха (например, чтение детективов и «дамских» романов, статей глянцевого журнала). Постепенно уходит «чтение для Души». Это – объективные процессы.

Можно назвать множество причин, которые приводят к потере интереса у современного человека к книге и процессу чтения. Одна из них, с моей точки зрения, – это выведение гуманитарных наук, в основе которых лежит слово, за пределы образования современного человека. Опасность подобной агрессивной позиции заключается в том, что она находит все большее число сторонников, которым свойственна, в первую очередь, прагматичность, становящаяся основой повседневной жизни человека.

Словесное искусство ими воспринимается и оценивается как бесполезное, создающее только «информационный шум, бестолковую и пустую болтовню». Стоит сказать, что подобный подход в умалении роли слова в русской культуре, выведении его за пределы культуры современного человека является серьезной и непоправимой трагической ошибкой, приводящей к сужению культурного кругозора человека, выра-

жающемуся в удовлетворении только одномоментных потребностей. И именно в этой ситуации больнее и острее ощущается то состояние, переживаемое сегодня, которое в свое время Д. С. Лихачев назвал «тоской по слову».

Представить же себе историю русской культуры вне органичной связи ее со словом невозможно. Уже на заре христианства в Древней Руси евангельским текстом в сознании русского человека было укоренено особое понимание роли слова как первоосновы всего сущего: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Именно слово формировало русскую культуру и русского человека. Чтение книг являлось важной, если не главенствующей, составляющей образования русского человека, формирования его духовного мира. Книжное слово позволяло читателю приподняться над повседневностью, обратиться к высотам Духа. Из слова черпали силы для преодоления трудностей, препятствий, с которыми приходилось сталкиваться в истории Российского государства постоянно.

Что значит слово для русской культуры, прекрасно показал в одном из своих «Писем о добром и прекрасном» [3] Д. С. Лихачев. В письме 44 «Об искусстве слова и филологии» академик, рассуждая о филологии как об особом искусстве, формирующем систему духовных ценностей человека, выражаемых посредством слова и способствующем установлению понимания другого, отмечает: «Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи...». Необходимо помнить, что русскому человеку свойственно образное представление об окружающем мире, формировавшееся веками посредством словесности.

В итоге, чтение – это путь духовного становления человека, это, прежде всего труд, который требует как физических, так и духовных сил. И этот путь сложен и тернист. Не всем удастся пройти по этому пути, поэтому легче воспользоваться современными аудиовизуальными средствами, что предполагает минимизацию затрачиваемых сил в получении информации, их экономию. Современный ребенок настроен на получение информации посредством визуального восприятия текста, который существует в ярких зрительных образах (к примеру, рекламный текст, часто использующий цитаты из классической литературы, или мода на презентации с широким видеорядом, сопровождающим выступления).

Человек все меньше воспринимает текст на слух, слышит его, пропуская через себя. Последствия подобного «чтения» – несформированность навыков работы с текстом, несистематизированность полученной информации в сознании читателя. На сегодняшний день существует даже такой термин, как клиповое (калейдоскопическое) восприятие текста современным ребенком, которое вырабатывается мгновенной и неожиданной сменой различных впечатлений, не связанных друг с другом. Школьник, привыкающий только к зрительной информации, становится зависимым от иллюстрированных изданий. В конечном итоге все это приводит человека к его функциональной неграмотности, в основе которой лежат несформированные в детстве навыки чтения и письма.

Почему важна классическая литература в школе? Она является примером большого искусства, которое ведет к рождению нового внутри читателя. Она заставляет не повторять (хотя именно на этом принципе было построено преподавание и изучение

литературы в советскую эпоху) поступки героя, а видеть и слышать глубину человеческой души, открывать для себя новые стороны как своей личности, так и личности другого человека. Именно классическая литература способна расширить границы культуры читателя, заложив основы духовной почвы. И если говорить о воспитательном значении литературы (о чем так любят рассуждать учителя старой советской школы, сводя чтение к нравоведению, отыскиванию универсальных формул), то именно классическая литература формирует дух каждого читателя в отдельности, от которого зависит уже и поступок, совершаемый этим читателем.

Казалось бы, ситуация с чтением безнадежна и необходимо что-то предпринимать по привитию интереса к чтению у детей еще в школьном возрасте. Конечно, интерес и любовь к чтению формируется у ребенка еще дома его родителями. Читающие или нечитающие родители – это первый фактор, объясняющий функциональную безграмотность/грамотность учащегося. Вторым по значимости фактором является урок литературы в школе. Качество литературного образования в современной школе по-прежнему оставляет желать лучшего. Все, что носит характер обязательного, неизменно порождает неприятие и протест у человека, особенно в юношеском возрасте. «На уроке литературы необходимо постоянно связывать подлинное “удовольствие от текста” (Р. Барт) с настоящей исследовательской, герменевтически оправданной работой. Нужно пытаться каждое произведение, попавшее в поле зрения школьника, рассматривать и как некий самодостаточный организм, и как своего рода гипертекст, отсылающий читателя к иным произведениям и эпохам. То есть, говоря научным языком, связывать друг с другом имманентный, контекстуальный и интертекстуальный подходы к произведению» [1].

Именно такой подход в преподавании литературы в школе, который ликвидирует пробелы в литературном образовании школьника и прививает интерес к чтению, впервые в России был представлен в учебных программах и исследованиях теоретиков литературы: Н. Д. Тмарченко [5], В. И. Тюпы [6], С. П. Лавлинского [2], Л. Ю. Фуксона [7]. Результаты этих исследований успешно реализуются в практике их учениками (ныне школьными учителями литературы) не только в ряде школ г. Кемерово и Кемеровской области, но и Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга и др. городов России.

Но в формировании вкуса чтения нельзя пренебрегать возможностями, которые предоставлены человеку телевидением, кино, Интернет. Телевидение может быть одновременно и конкурентом, помехой чтению, но может быть и помощником. Известно, например, как обострился интерес к роману В. Гюго «Собор Парижской богоматери», к «Двум капитанам» В. Каверина после демонстрации мюзиклов «Нотр Дам» и «Норд Ост», как усилился интерес к «Идиоту» Ф. М. Достоевского после роли, сыгранной Евгением Мироновым в экранизированной версии романа.

Нельзя не признать действенность мероприятий по популяризации чтения, книги, проводимых на уровне государства. 2007 год, объявленный ЮНЕСКО Годом русского языка и Годом чтения, показал значимость русской словесности для мировой цивилизации.

Решение проблемы – это ее обсуждение, причем не только на государственном уровне, но и в рамках проводимых библиотеками акций в поддержку чтения. Одним из таких проектов, набирающих свою силу и приобретающих все больше число сторонников, является международный проект «Большое чтение» («The Big Read»). Источником проекта явилась программа ВГБИЛ им. М. И. Рудомино и Публичной библиотеки г. Чикаго «Одна книга – два города», когда в 2006 году в Москве и Чикаго читали повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Сегодня в России в данный проект включены библиотеки, университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Саратова, Пскова, Сургута, Кемерова и др. городов.

Насколько действенными окажутся подобные проекты, объединяющие в единое культурное пространство читателей не только одного города, страны, но и мира, покажет время. Хочется надеяться и верить, что та похвала, которую еще в XII веке высказал русский летописец книгам, не померкнет и не потеряет своей силы под напором конъюнктурных псевдопросветительских решений. «Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавлинский, С. П. Из интервью «Учительской газете», 2001.
2. Лавлинский, С. П. Диалог читателей в контексте литературного образования. – Кемерово: изд-во КРИПК и ПРО, 2002. – 203 с.
3. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М: «Детская литература», 1985. (2-е – 1988; 3-е – 1989).
4. Повесть временных лет // Библиотека литературы древней Руси: в 20 т. – СПб., Наука, 1997. – Т. 1. – С. 195.
5. Тамарченко, Н. Д., Стрельцова Л. Е. Путешествие в «чужую страну»: пособие по литературе для 5-х классов школ гуманитарного типа. – М., 1995.
6. Тюпа, В. И. Инновационный стандарт литературного образования // Дискурс – 1996. – № 2. – С. 65–71.
7. Фуксон, Л. Ю. Чтение: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 218 с.

Ван Чаньцзюань

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ПОГОВОРОВ И ПОСЛОВИЦ

Даляньский университет иностранных языков

г. Далянь

Мы как русисты-иностранцы стремимся в совершенстве овладеть русским языком. Овладение литературным языком невозможно без точного, глубокого понимания и тщательного изучения его норм: норм произношения, ударения, словообразования,

словоупотребления, морфологии, синтаксиса, стилистики. Но для успешного овладения современным русским языком недостаточно освоить его грамматику, норму произношения и выучить определенные правила. Одной из актуальных задач преподавания русского языка в китайской аудитории является формирование межкультурной компетенции у китайских студентов.

В данной статье будет сделана попытка анализа того, как русские пословицы и поговорки имеют большое значение для формирования межкультурной коммуникации у китайских студентов.

В конце 90-х годов XX в. в российской лингводидактике появилось понятие «межкультурной компетенции», являющееся критерием сформированности у обучаемых навыков эффективного участия в межкультурной коммуникации. «Межкультурная компетенция рассматривается как совокупность лингвокультурологических знаний об истории, жизни, быте, культуре русского народа, сведения о которых содержатся во фразеологических единицах русского языка, а также навыков и умений определять семантику пословиц и поговорок, толковать их содержание и использовать в собственных речевых высказываниях». [Кониенко Е. Р.]. Ценным источником страноведческих и культурных знаний являются русские пословицы и поговорки, тесно связанные с историей и культурой русского народа. Русские пословицы и поговорки позволяют иностранным студентам в процессе изучения русского языка получить представление о русской жизни и быте, национальном характере, религии, традициях, обычаях, праздниках русского народа, так как их «можно назвать хранилищем многовекового коллективного опыта людей, народной мудрости и национальной культуры» [Ф. И. Буслаев].

В последние годы мы наблюдаем большой интерес к пословицам на страницах популярных изданий и рекламных текстах. Эти тексты основаны на материале пословиц, особенно заголовки. Постигая русские пословицы и поговорки, китайские студенты сталкиваются не только с языковым барьером, но и с другой картиной мира говорящих на русском языке, со специфическими особенностями их мышления, что затрудняет межкультурную коммуникацию. Решить этот вопрос предстоит китайским преподавателям, которые обучают студентов русскому языку.

Изучение пословиц и поговорок в китайской аудитории и овладение ими способствуют переходу в другую знаковую систему, необходимую для формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов-филологов и, таким образом, формирует у них навыки межкультурной коммуникации. Ученые давно заметили, что в пословицах и поговорках всесторонне отражается жизнь создавшего их народа. Мы можем найти там названия старых русских городов (Киев, Москва, Тула), русских денежных единиц (рубль, копейка, алтын), названия русских национальных блюд (щи, каша, кисель), предметов домашней утвари и хозяйственного инвентаря (самовар, сани, телега), языческие верования и мифологические представления: *Мать-сыра земля – говорить нельзя* (вера в таинственные силы «живой» земли), *Вещий сон не обманет* и т. д. В русских пословицах и поговорках сохранились следы многих исторических событий, сотрясавших русскую землю, остатки древних народных верований и многое-многое другое.

По мнению таких ученых, как И. Б. Игнатова; И. И. Халеева, целью обучения иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного, является воспитание межкультурной компетенции, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры того народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация».

Пословицы и поговорки – это энциклопедия народных знаний, а также «моральный кодекс» народа. «Закрепляя в афористических жанрах свой богатый и разнообразный жизненный опыт, народ сложил пословицы и о самих пословицах: *Добрая пословица не бровь, а прямо в глаз. Пень – не околица, а глупая речь – не пословица. И на твою честь пословица есть. Пословица несудима*». [Зуева Т. В., Кирдан Б. П.].

Анализ письменных работ и устной речи у китайских студентов-филологов показал, что они часто встречаются со следующими трудностями:

- **отсутствие лингвокультурологических знаний затрудняет понимание пословиц и поговорок.** Например: «*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*». В Юрьев день (осенний, 26 ноября по ст. ст.) крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому. В 1581 г. Царь Иван IV временно запретил переход, а Борис Годунов совсем запретил – крестьяне были закрепощены. Все это нашло отражение в данной пословице [Т. В. Зуева, Б. П. Кирдан];

- **разница в языковых картинах мира вызывает неверное восприятие русских пословиц и поговорок, а также неточный подбор эквивалентов родного языка.** («*Один раз обжегся на молоке, на воду дуешь*», «*Одна голова хорошо, две лучше*», «*Не зная броду, не суйся в воду*», «*Мягко стелет, да жестко спать*» и т. д.);

- **невысокий уровень знания русской лексики и грамматики (ошибки в падежных формах, в употреблении видов глаголов и т. д.).**

В ходе практики было выявлено, что особую роль при знакомстве китайских студентов с русскими пословицами и поговорками имеет **принцип наглядности**. «При обучении русским пословицам и поговоркам реализация принципа наглядности помогает показать студентам особенности конкретных предметов и явлений в русской действительности. Например, при знакомстве с пословицей «*Не красна изба углами, а красна пирогами*» для лучшего понимания смысла этого выражения необходимо показать студентам, что собой представляет *русская изба* и *русские пироги*. Таким образом, помимо знакомства с новой пословицей и умения пользоваться ею в речи, студенты будут иметь представление о традиционном русском деревенском быте и о символическом отражении в ней любви русского народа к своему дому, к своей родине» [Башурина Д. И.]. В процессе знакомства с русскими пословицами и поговорками также практикуется осуществление **перевода пословиц** с русского языка на китайский. Таким образом, осуществляется сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ русских и китайских пословиц и поговорок, позволяющий проникнуть в семантику различий между родной культурой и культурой изучаемого языка. «*С кем поведешься, от того и наберешься*».

Усвоение русских пословиц и поговорок обеспечивает формирование у китайских студентов лингвокультурологических знаний в составе межкультурной компетенции.

Из сказанного следует, что главной задачей в изучении русского языка для китайских студентов является не только освоение норм грамматики, запоминание слов, но и уместное использования пословиц и поговорок в своей речи. Понимание глубинного смысла пословиц и поговорок, связанных с национально-культурной спецификой, помогает осуществить межкультурную коммуникацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буслаев, Ф. И. Преподавание отечественного языка. – М., 1992
2. Зуева, Т. В., Кирдан, Б. П. Русский фольклор. – М., 1998.
3. Кониенко, Е. Р. Русский фольклор в аспекте межкультурной коммуникации // Русский язык в школе, 2004. – № 1.
4. Башурина, Д. И. Формирование лингвокультурологической компетенции иностранных студентов-филологов при обучении русским паремиям. – СПб., 2005.

Лу Хунмэй

РОЛЬ РАССУЖДЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА – ОБЗОР ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ ХАРАКТЕРА ГЕРОЯ С ПОМОЩЬЮ МОДЕЛЕЙ РАССУЖДЕНИЯ

Чаньчуньский педагогический университет

г. Чаньчунь (КНР)

Когнитивная психология считает, что понимание текста – это многоуровневый, многоаспектный психический процесс. Он не только включает понимание слов, предложений, текста на различных языковых уровнях, но и с точки зрения содержания, включает понимание различных аспектов. Понимание текста – это процесс построения на основе языковой информации (языковых данных) различных уровней психического представления. Понимание текста имеет уровневый характер. Представление на низком уровне – это представление на низком уровне, представляющее слова, предложения, фразы и их языковые отношения; представление на среднем уровне – это представление на среднем уровне, представляющее структуру предложения и ситуационную модель; представление на высоком уровне – это представление на высоком уровне, представляющее структуру предложения и ситуационную модель. Представление на среднем уровне – это представление на среднем уровне, представляющее структуру предложения и ситуационную модель; представление на высоком уровне – это представление на высоком уровне, представляющее структуру предложения и ситуационную модель.

Понимание текста – это процесс построения на основе языковой информации (языковых данных) различных уровней психического представления, Kintsch等人将这种较高水平的心理表征称为情境模型 (situation model)。现已有大量的研究表明,情境模型具有多维性,包含有人物、时间、空间等多方面的信息。(杨绵绵、王穗苹、黄时华2004: 1146)

我们在阅读理解叙事性篇章时，最难把握的就是人物性格特征。通常，作者在文章中为我们树立人物形象时，除了直接外显的描述外，更多的人物特征的描述都是间接的、内隐式的，也就是说，用主人公所做的某件事或行为间接地反映人物的性格。有研究表明，读者在构建人物性格模型时，不仅能应用尚在工作记忆中的内隐信息，甚至还能同样有效地使用已成为背景的长时记忆中的信息，对人物的潜在行为进行推断和预期。

在这篇文章中，作者将以俄罗斯著名作家布宁（И.А.Бунин）的短篇小说《轻轻的呼吸》（《ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ》）为例，运用认知心理学中的推理模型，对小说中的人物性格进行分析。

《轻轻的呼吸》（1916）是布宁比较早期的作品。文章的篇幅很短，简单地说，就是写了一个聪明活泼的女中学生梅谢尔斯卡娅被老地主马柳京引诱奸污、被下等军官开枪打死，生命突然荒唐地毁于一旦的故事。但是这样一个看似情节简单的短篇小说，却让很多读者既喜欢又迷惑，搞不懂作者的意图，以及小说所要表达的思想。如果我们的理解仅仅停留在语言的表层形式和命题层面，不做深入的思考和推理，只能对故事的梗概有一个一般的了解，但很难形成对篇章整体的理解，所以，我们有必要把理解的层次提升到情境模型，运用推理知识，构建人物的性格模型。

在《轻轻的呼吸》这篇作品中，人物关系并不复杂，主要人物有女中学生梅谢尔斯卡娅、女校长、老地主马柳京、青年军官、梅谢尔斯卡娅的班主任。作者将对这篇小说的女主人公的性格进行分析。

小说的女主角是女中学生梅谢尔斯卡娅。在小说中，作者对她的描述是分几个层次进行的：直接外貌描写、行为描写、心理描写。

我们对梅谢尔斯卡娅的第一印象是镶嵌在墓地十字架上的瓷制肖像：гимназистка с радостными, поразительно живыми глазами.

读到这里，我们了解到：一个活泼快乐的女中学生死了。

接下来，作者对梅谢尔斯卡娅进一步进行了描述，说她曾和其他穿着褐色校服的女中学生没有什么区别：Что можно было сказать о ней, кроме того, что она из числа хорошеньких, богатых и счастливых девочек, что она способна, но шаловлива и очень беспечна к тем наставлениям, которые ей делает классная да-

ма？通过这一段的描述，我们知道梅谢尔斯卡娅是个生活无忧、性格开朗活泼、甚至有几分调皮的小姑娘。这段描述和作者前面关于十字架上的肖像形象的描述是吻合的，至此，我们在理解中不会出现障碍。

随着阅读的深入，梅谢尔斯卡娅的形象就有了一些变化：Затем она стала расцветать, развиваться не по дням, а по часам.

她不是一天一天地，而是一小时一小时地长大成熟起来。В четырнадцать лет у нее при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых еще никогда не выразило человеческое слово；в пятнадцать она стала красавицей.

到了十四岁，她不仅有纤细的腰，秀气的脚，而且有了轮廓动人的胸脯以及人类语言至今无法形容的种种迷人的体态。到了十五岁，她已经被公认为美人了。中国人有红颜薄命的说法，按照一般常识来推理，我们会认为她的死和她的美貌有关。

在下面的一段描述中，作者给我们呈现的又是一个与通常意义上的美女有很大差异的梅谢尔斯卡娅：Как тщательно причесывались некоторые ее подруги, как чисто-плотны были, как следили за своими сдержанными движениями! А она ничего не боялась – ни чернильных пятен на пальцах, ни раскрасневшегося лица, ни растрепанных волос, ни заголившегося при падении на бегу колена.

通常我们对美女的印象都是容貌美丽、举止文雅，一颦一笑都尽显贵族气度、大家风范。但是梅谢尔斯卡娅却什么都不怕不怕墨水弄脏手指，不怕满脸通红，不怕披头散发，不怕奔跑中跌一跤露出膝盖来。而她的女朋友们可都是那么着意着妆，洁身自好，一举一动无不谨慎小心。 – Без всяких ее забот и усилий и как-то незаметно пришло к ней, что так отличало ее в последние два года из всей гимназии, – изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз... Никто не танцевал так на балах, как Оля Мещерская, никто не бегал так на коньках, как она, ни за кем на балах не ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то никого не любили так младшие классы, как ее.

她不知不觉间拥有了使她在最后两年在全校如此出众的一切：绰约的风姿、华丽的穿戴、灵活的举动、明亮的眼睛她还是跳舞和滑冰的高手，没有什么人能像她那样吸引人。我们都知道，在旧俄时代的上流社会，女子跳舞和滑冰都是必修课，玩得好只能说增加了她作为美女、受人追捧的分量。但是能受到低年级同学的爱戴，就不那么简单了。读到这里，我们对梅谢尔斯卡娅的印象除了美丽之外，还有就是不拘小节，率性天真的印象。

接下来是一段人们对梅谢尔斯卡娅品行的评价：уже пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников, что в нее безумно влюблен гимназист Шеншин, что будто бы она его любит, но так изменчива в обращении с ним, что он покушался на самоубийство.

对她轻浮的流言四起，说她没有拜倒在她脚下的男人就不能活；还说她对男生申辛的态度反复无常，弄得申辛直要寻短见

后来，作者写了女校长与梅谢尔斯卡娅的一次关于品行的谈话。在这个谈话中，作者对于她的描写也是通过她的一些动作和行为表现出来的：当校长派人叫她，要和她谈谈品行问题时，她泰然自若，神情活泼、但是脸上毫无表情，姿态自然、优美（ глядя на нее ясно и живо, но без всякого выражения на лице, и присела так легко и грациозно, как только она одна умела ）；当女校长意味深长地说：您已经不是小姑娘了。时，她的回答是的，夫人几乎是随随便便、高高兴兴的（ Да, madame, просто, почти весело ответила Мещерская. ）当女校长更加意味深长地说：但也不是少妇，这是什么发型？这是少妇的发型时，她的回答出人意料，夫人，我的头发长得好，这不是我的过错，说着还用两手轻轻地摸了摸梳得很漂亮的头。（Я не виновата,, madame, что у меня хорошие волосы, - ответила Мещерская и чуть тронула обеими руками свою красиво убранную голову.）当校长说：您完全忽略了一点：您现在不过是个女中学生时，她彬彬有礼地打断了校长的话，语调还是那么平静和随和：您错了，夫人，我是个少妇（И тут Мещерская, не теряя простоты и спокойствия, вдруг вежливо перебила ее: – Простите, madame, madame, вы ошибаетесь : я женщина....

.)从这一段对梅谢尔斯卡娅的描述中，我们感到了她的变化：她的姿态依然优美，神态依然活泼自若，但是脸上没有了表情；虽然还没有失去好奇心(好奇地看地上滚动的线团)，但语调变得平静随和，甚至在谈到自己失去贞操，从一个少女变成一个少妇这种难以启齿的变化时，她依然能和校长彬彬有礼的交谈。

接下来对梅谢尔斯卡娅的描写就是在她死后，开枪射死她的青年军官呈给法官的她的日记中的内心独白了。她在日记中记述了自己失去贞操这一天所发生的事情和自己情感的变化。在出事的这一天早晨，她感到非常的幸福Я была так счастлива, что одна. Я утром гуляла в саду, в поле, была в лесу, мне казалось, что я одна во всем мире, и я думала так хорошо, как никогда в жизни. Я и обедала одна, потом целый час играла,

под музыку у меня было такое чувство, что я буду жить без конца и буду так счастлива, как ни-

кто. 下午四点钟，阿列克谢米哈伊洛维奇来了（马柳京）来了。她高兴极了，乐意招待他，陪他玩。Я ему очень обрадовалась, мне было так приятно принять его и заниматься.. 在被马柳京引诱失去贞操后，她感到震惊和厌恶。Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мне один выход ... Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!..

在小说的结尾部分，通过班主任老师的回忆，提到了梅谢尔斯卡娅关于美人的标准与朋友的对话：要有沸腾的煤焦油似的黑眼睛，夜一样黑的睫毛，淡淡的红晕，苗条的身段，比一般尺寸稍长的手，小巧的脚，大得适度的胸脯，浑圆的小腿肚，贝壳色的膝盖，圆削的肩膀，而最主要的是要有轻轻的呼吸。

整篇文章读完了，我们似乎还很难形成对梅谢尔斯卡娅这个人物一个清晰的认识。从文章的语言文字信息里，我们知道：她年轻美丽，生性活泼，但又有些轻浮，最终也因自己的轻浮行为而丧了性命。但是，我们再仔细琢磨琢磨，就会产生很多的问题：这样一个生活富裕、美丽、活泼、率性天真、深受低年级学生爱戴的女中学生，难道真的如人们评论的那样，是离开了追求她的男人就不能活的水性扬花的女人吗？既然她知道马柳京是爸爸的朋友，是个上了年纪的老地主，一直在向她献殷勤，为什么她还能允许这样的事情发生？她在失去贞操之后在日记中写道，她对他的反感如此强烈，真忍受不了这和她前面的行为又如此的矛盾，这又说明了什么？她在日记中说只有一条出路这条出路就是死吗？就算她是个轻浮的女人，欺骗了青年军官，可是她为什么要把日记给青年军官看呢？以她的聪明，难道不知道这样做的后果是什么吗？这是否是她早已安排好的出路？关于美人标准的谈论与她的死似乎没有什么直接的关联，那么，为什么文章的标题就叫做轻轻的呼吸，难道这和她的性格无关吗？

带着这样的问题去反复阅读、最终找到合理的解释的过程，其实，就是认知心理学所说的读者在头脑中建构情境模型，形成更高层次心理表征的过程。在这个过程中，所有这些问题的解决，依靠的就是各种形式的推理。

篇章理解的推理理论主要有建构主义理论和最小假设理论。建构主义理论认为，读者的推理有三种；目标假设推理、连贯假设推理、解释假设推理。其共同的理论框架就是意义探究原则。这种理论强调背景知识在推理中的应用，并区分了两种形式的

推理水平推理和垂直推理。水平推理是读者自主进行的推理，主要是两个概念或句子一对一的联结，维持的是篇章的局部连贯，而垂直推理则是概念或陈述间多对一的联结，读者不能自主产生垂直推理，垂直推理形成的是整体连贯。水平推理就是在线推理，垂直推理就是事后推理。虽然我们不能严格区分，哪些推理是在线产生的，哪些推理是事后形成的，但作者认为，在我们阅读《轻轻的呼吸》这篇文章时，最需要的就是对篇章主题所做的整体推理。只有提出问题，再将这些问题进行整合，激活我们头脑中相关的背景知识，我们才能对文章中的人物性格有一个整体的把握。

虽然最小假设理论强调阅读是以自动推理为核心的，策略推理是在自动推理的基础上形成的，是一种自下而上的理论，但是在局部连贯与整体连贯、背景知识与高级目标在推理中的作用，与建构主义理论有异曲同工之妙。事实上，阅读理解的过程，既存在自上而下的加工，也存在自下而上的加工，这两种形式的加工相互影响，共同发挥作用。无论运用那种理论来指导我们的阅读理解，我们都需要在阅读的过程中先建构局部连贯的心理表征，然后在需要的时候，运用背景知识进行策略推理或垂直推理，建构整体连贯心理表征。连贯不同于衔接，它不是形式上的，而是意义上的、心理上的。有了这两种理论来指导，我们就可以有意识地带着问题来阅读，最终解决这些问题，形成对篇章整体的理解。

综合我们在阅读《轻轻的呼吸》时所产生的问题，以上面提到的这两种推理模型为指导，结合上下文，进一步分析一下梅谢尔斯卡娅这个人物，得出这样的结论：她是混沌生活中的一个矛盾体。一方面，在她的身上我们能够看到旧俄时代贵族女子所特有的虚荣没有拜倒在她脚下的男人就不能活；另一方面，又有孩童所特有的天真与活泼不拘小节，深受低年级学生爱戴。这两种截然相反的个性矛盾着，冲突着，导致了她受到引诱、被社会所不容，最后被开枪打死。我们从女校长对她掺杂着妒忌与愤怒的态度，下等军官的厌恨情绪中都可以看到这一点；同样，这种矛盾的性格也使自己讨厌自己就像她在日记中的独白那样，我不明白，怎么会发生这样的事情，我疯了，我从来没有想到我会是这样的人！现在我只有一条出路我对他的反感是如此强烈，真受不了所有这些关于梅谢尔斯卡娅的性格特征的推理，都是我们根据尚在工作记

忆中的内隐信息得出的，也就是我们平常所说的上下文得到的。同样，利用长时记忆中的背景知识，我们也能做出这样的推断。

在梅谢尔斯卡娅的日记中有一段记录了马柳京与她在花园中散步时的情景Когда мы гуляли перед чаем по саду, была опять прелестная погода, солнце блесело через весь мокрый сад, хотя стало совсем холодно, и он вел меня под руку и говорил, что он Фауст с Маргаритой. Фауст. 和 Маргарита

是德国诗人歌德的作品《浮士德》中的人物。即浮士德和玛格丽特。作品中浮士德是个年近花甲的老学究，每天埋首于中世纪的书斋里，钻研哲学、法律等学问，可是这并没有使他变得聪明。后来，他厌倦了这种生活，曾经企图自杀。在此之后，他邂逅了魔鬼梅菲斯特。梅菲斯特曾和上帝打赌，要收买浮士德的灵魂，使他上不了天堂。最终，浮士德与梅菲斯特达成契约，在魔女厨房喝了一碗汤后，变成了一个年轻英俊的小伙子。变得年轻的浮士德遇见了平民女子玛格丽特，并一见钟情。为了得到玛格丽特，浮士德引诱玛格丽特杀死了自己的母亲，她的哥哥发现了浮士德的阴谋后决定与之决斗，在决斗中梅菲斯特暗中帮助浮士德，结果玛格丽特的哥哥也被杀死。玛格丽特被浮士德引诱后怀孕。不堪忍受未婚先孕的耻辱，玛格丽特溺死了自己的孩子，被关进了监狱。浮士德求助于梅菲斯特，希望他解救玛格丽特，但玛格丽特深感自己罪孽深重，拒绝了浮士德的营救。最后，玛格丽特被判了死刑。得到解脱的玛格丽特的灵魂却上了天堂。

如果我们没有读过《浮士德》这部作品，那么我们在读到这段的时候，就很难理解，为什么马柳京说自己是与玛格丽特在一起的浮士德。其实，梅谢尔斯卡娅，就是受了所谓的魔鬼的引诱的玛格丽特。一方面，梅谢尔斯卡娅被马柳京的翩翩风度所吸引，又因为虚荣而甘愿受到引诱：Ему пятьдесят шесть лет, но он еще очень красив и всегда хорошо одет – мне не понравились только, что он приехал в крылатке, – пахнет английским одеколоном, и глаза совсем молодые, черные, а борода изящно разделена на две длинные части и совершенно серебряная. За чаем мы сидели на стеклянной веранде, я почувствовала себя нездоровой и прилегла на тахту, а он курил, потом пересел ко мне, стал опять говорить какие-то любезности, потом рассматривать и целовать мою руку. Я закрыла лицо шелковым платком, и он несколько раз поцеловал меня в губы через пла-

ток...另一方面，被引诱失去贞操的梅谢尔斯卡娅又感到讨厌自己，感到自己的犯了不

可原谅的罪而难以忍受：Я не понимаю, как это могло случиться, я сошла с ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мне один выход...Я чувствую к нему такое отвращение, что не могу пережить этого!

梅谢尔斯卡娅的命运就和《浮士德》中的玛格丽特一样，经历了受到引诱犯罪解脱这一过程，年轻的生命轻飘飘地结束了，就像一声轻轻的呼吸，消散在这人世间，消散在浮着白云的天空里，消散在春天的冷风里。生命不能承受之轻！虽然梅谢尔斯卡娅是由下等军官开枪打死的，但我们有理由相信，就算下等军官不打死她，她也会寻求其他方式来结束自己的生命。因为，在自己矛盾性格的重压之下，她是没有出路的，而唯一的出路就是寻求超脱死亡。了解了这一点，我们再回头看梅谢尔斯卡娅和女校长关于品行的对话，就会明白，为什么梅谢尔斯卡娅在谈到自己从一个少女变成少妇时声调会如此的平静、随和、彬彬有礼。连死都已经想好了，耻辱算得了什么呢！

造成这种结局的根源就是空虚、无聊和毫无意义的生活。就像维戈茨基的评论那样：这种生活是从腐烂的根子上生长出来的，如果从评价它的角度来说，它是开了一朵烂花，因而根本结不出果。（维戈茨基，1965：202）梅谢尔斯卡娅的生命还没有完全的绽放，就被摧残得凋零，难怪她的级任老师，一个耽于幻想的老处女，有时候会想：只要去掉眼前这个没有生命的花环，她愿付出她余下的半生。

（以上俄语原文均选自 И.А. Бунин 的短篇小说《ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ》，资料由外教作为文学课教材提供，因是部分复印，所以出版社及出版年份不详；与之相对应的汉语译文均选自伊布宁著，陈馥译，布宁短篇小说选，2004，人民文学出版社）

从上面的论述中，我们不难看出，缺乏足够的背景知识，推论是难以形成的。这也正好印证了建构主义理论关于背景知识在推理形成过程中的作用。我们通常认为，背景知识就是上下文，就是作者的写作背景。当然，这些都没错，但是，认知心理学所说的背景知识，要比我们通常的理解要宽泛得多。一切进入长时记忆中的知识，都可以成为我们理解篇章的背景知识。这也就是为什么，光有语言知识，是不足以形成篇章的真正理解的。情境模型的建构，需要在命题库和背景知识的基础上相互作用经推理而获得。

篇章的因果结构是篇章理解和记忆的决定性因素。在阅读篇章时，不仅要注意显性的因果结构，还要注意隐性的因果结构。也就是我们通常说的要多问个为什么，然后试着循着问题去寻找答案。但是，并不是所有的时候，读者都能够有意识去这么做。就像最小假设理论的观点那样，人们如果没有明确目的阅读时，所产生的只是维持局部连贯的自动推理，只有在局部连贯中断或整体信息快速易得时才会产生策略推理。所以，好的阅读习惯对于理解质量来说是非常重要的。作者认为，篇章理解的推理模型可以用来指导阅读教学实践。因为，在阅读教学中，教师是一个很特殊的角色，一方面，他既是篇章信息的接受者，另一方面，他又是篇章整体认知环境的驾驭者和传授者。他在这里面起到高屋建瓴的作用。这个高屋建瓴的作用除了体现在为学生讲解难点和重点，传授一些阅读技巧外，最重要的是引导学生发现问题，包括发现篇章中的隐性结构，继而引导学生进行垂直推理和策略推理，帮助学生形成对篇章的理解和记忆。

参考文献

1. 何自然/陈新仁，当代语用学 [M]，北京：外语教学与研究出版社，2004，
2. 卢植，认知与语言认知语言学引论 [M]，上海：上海外语教育出版社，2006
3. 鲁忠义、彭聃龄，语篇理解研究 [M]，北京：北京语言大学出版社，2003
4. 钱敏汝，篇章语用学概论 [M]，北京：外语教学与研究出版社，2001
5. 维戈茨基，周新译，艺术心理学 [M]，上海：上海文艺出版社，1985
6. 杨明天，俄语的认知研究 [M]，上海：上海外语教育出版社，2004
7. 伊布宁著，陈馥译，布宁短篇小说选，北京：人民文学出版社，2004
8. 迟毓凯，情境模型与语篇理解研究 [J]，《心理科学》，2002年第3期，379页
9. 迟毓凯、莫雷，课文表征研究的新进展：从命题表征到情境模型 [J]，《心理学动态》，2001年第1期，25-30页
10. 杨锦绵、王穗萃等，语篇阅读理解中人物性格的建构 [J]，《心理科学》，2004年第5期，1146-1149页

11. 王穗苹, 当前篇章阅读研究的争论与分歧 [J] , 《心理科学》 , 2001年第3期 , 338-341页
12. 王穗苹、莫雷, 篇章阅读理解中背景信息的通达 [J] , 《心理学》 , 2001年第12期 , 46-53页

Ma Жуйюань

ВЛИЯНИЕ МНОГООБРАЗИЯ КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫК

Чаньчуньский педагогический университет,

г. Чаньчунь (КНР)

一、引言

翻译活动曾一度被看作是两种语言之间的转换过程,对翻译研究也以语言分析和文本对照为主要任务。但是事实上,任何一种语言都不是单纯的字、词、句的组合,而是使用该语言的民族的历史、哲学、艺术、心理等各个方面的沉积。翻译活动不仅仅是单纯的文字转换过程,它还涉及两种语言所负载的文化。^[1]从一种语言到另一种语言的传递过程也不可能只是字、词、句之间的机械转换,这样不同语言各自所特有的文化沉积和体现它们彼此之间的转换就变得异常复杂。人类自有文化就有文化交流,但不同文化之间的交流必须以翻译为媒介。因此,翻译活动是两种文化之间的一种跨文化交流活动。文化的差异无疑给处于不同文化背景之下的人们之间的交流带来了困难,突破语言的囚笼,挣脱文化的束缚成了摆在人们面前的难题。这种束缚对译者的译艺提出了更高的要求,要求译者在方寸之间最充分地发挥其创造性,最大限度地挖掘其自身的创作潜力。因此,从此意义而言,译者的翻译活动更具有发挥的余地和创作的空间,译者在翻译过程中的创造力和独特性正是体现于这种戴着脚镣的跳舞中。^[2]在翻译的过程中,译者永远与文化脱不了干系,永远受到文化因素的制约和影响,因而脱离文化的翻译理论研究不可能是全面可靠的翻译理论研究。把翻译研究置于更为广阔的文化研究语境之下,仅仅解决翻译过程中一些操作技巧问题是远远不够的。任何一个译者都不是以独立特定的文化背景而存在的,在每一个译者的头脑中都深沉地打着文化的烙印。而译者在进行翻译的过程中不可避免地要受到文化因素的制约和影响。体现浓厚的民族色彩和鲜明的文化个性,体现不同民族、不同历史文化的特点,

使不同民族的语言呈现出不同的特性。语词的翻译要求译者在广泛地、准确地了解他国文化中的观念、信仰、习俗、价值标准等方面的同时，忠实传达本国文化的价值与灵魂，才能真正做到不同文化间的交流。^[1]

经济一体化下的文化是多元共存,共同发展的。由于各个人类群体的生存环境不同、语言不同、传统和习惯不同,文化也就各不相同。各种文化相互依赖、参照、冲突和共生。《国语郑语》中史伯答桓公云:和而不同,同则不继,孔夫子说:君子和而不同,小人同而不和

。和而不同今义指一种多元文化的文化价值观。不同文化皆有互补的一面,相互借鉴,相互发展。本土文化将扬弃自身的封闭、保守的一面,融通世界文化的交流之中;另一方面又努力保持和发扬自身的独特个性。勿庸置疑,由于各国经济发展水平不平衡,经济的强势导致语言的霸权倾向愈演愈烈,甚至有人认为,经济一体化了,文化也会相应地一体化。其实经济的一体化并不意味着文化的一体化。文化的多元化是文化发展的自然属性,不发达国家所谓的弱势文化当然要吸收发达国家所谓的强势文化的营养;而发达国家所谓的强势文化也在不断地吸收所谓的弱势文化的营养。从自然生态保护的角度观察,任何一个生物种的消失,则会让世界失去一种智慧。从传统的文化哲学来看,不同的哲学根基也产生了文化的多元性。

二、思维方式

翻译是语言的翻译，而语言是思维的外壳。迥然不同的自然、社会条件使人们在思维习惯和表达方式上自然不同，影响译者思维方式主要表现在以下几个方面。

1、遣词造句不同

不同民族由于思维方式的不同，在遣词造句时也表现出不同的倾向。西方民族的分析型思维方式，使得西方人注重分析方法，惯于由一到多的思维方式；兔子结构以主语和谓语为核心，统摄各种短语和从句，由主到次，递相叠加，结构复杂，但形散而意合，形成了树杈形的句式结构。例如：

Spring has so much more than speech in its unfolding flowers and leaves, and the coursing of its streams, and in its sweet restless seeking! (John Galsworthy, The Apple Tree).

译为：春花含苞待放，绿叶缓缓舒展，溪水潺潺流淌，欢乐的春天涌动着无限追求和希望，这一切难以用言语倾诉表达。

而东方民族的综合思维方式，使得中国人注重整体和谐，强调从多到一的思维方式：句子结构上以动词为中心，以时间顺序为逻辑顺序，横向铺叙，层层推进，归纳总结，形成流水型的句式结构。有人形容英语的句子结构犹如参天大树，枝繁叶茂，汉语句式结构犹如大江流水。后浪推前浪。应该说这种比喻贴切而形象。所以在英译汉时，英语的一个长句需要转译为汉语的几个短句，而有时汉语的一个意群中的若干短句却可以合译为一个长句。如：

此时鲁小姐卸了浓妆，换了几件雅淡衣服，公孙举目细看，真有沉鱼落雁之容，闭月羞花之貌。（吴敬梓《儒林外史》）

译为：By the time Miss Lu had changed out of her ceremonial dress into an ordinary gown, and then Gongsun looked at her closely, he saw that her beauty would put the flowers to shame.

2、谋篇布局不同

分析原文就是细致处理词位的所指意义和联想意义，研究句法的语篇结构。分析语篇结构是整个翻译过程重要的一步，也是在运用衔接手段过程中最容易出错的一步。衔接的运用主要体现在语篇结构中段与段的衔接。译者必须弄明白英汉两种语篇结构，才能完成对原文确切意思的理解，避免语篇翻译时结构含糊不清或前后缺乏逻辑的情况。

在语法衔接手段方面，英语语法是显性的，而汉语的语法则属隐性。汉语在表达上富有弹性，许多逻辑关系靠意义来表达，语法处于次要地位。汉语的省略只求达意，不考虑语法甚至不考虑逻辑。汉语最常用的省略是主语的省略，谓语的省略较少。英语中的省略多数伴随着形态或形式上的标记或情态标记以及极性等语法手段将适宜动词省略，而汉语则通过原词重复或其它词汇手段来表达意义。例如下文：

Were at the Wilsons annual part, and over at the far end of the living-room an intense young woman with blazing eyes and a throbbing voice is criticizing poverty, war, injustice and human suffering.

译文：我们参加了威尔逊家一年一度的聚会。远在客厅的另一头，一名年轻的女士正在抨击贫穷、战争、不公平及人类所蒙受的疾苦。她显得那么强烈、认真、双眼闪着怒火，嗓音颤动。^[3]

3、文化预设不同

人类对信息的形式和内容的理解相当程度上依赖于本民族的文化预设。原文作者根据自己的语言和文化背景来传递信息、表达感情的。原文读者和原文作者一般具有共同的文化预设，因此读者既能按作者所期望那样，透过词汇的表面形式去理解原文的全部内容，同时又能领会到原文特有的风格。然而，译文读者并不熟悉原语读者的文化预设，因此只能按照自己的文化预设去理解译文。不同民族的不同生存环境、不同的认识世界的角度，往往使全心全意形成独特文化预设，当不同民族的人们遇到同样的事物时，他们所产生的联想是大相径庭的，因为不同民族赋予他们以截然不同的含义。^[4]译者只有从不同民族的思维方式差异的深层去探究才能深刻理解并找出其中的规律，在翻译中驾轻就熟，灵活翻译。

三、价值观念

不同文化群体的人们长期生活在一个环境中，逐渐形成自己的价值观念，这些价值观念成为他们经验的重要组成部分，左右着他们对世界的理解与表达。影响人们价值观念形成的因素主要有：民族心理意识、文化形成过程、历史习俗、宗教文化以及地域风貌等特征。

比如《红楼梦》中有这么一句话：竟不像老祖宗的外孙女儿，竟是嫡亲的孙女似的。一般认为，嫡亲的孙儿、孙女的血缘上要亲过外孙、外孙女。王熙凤这句话无疑是指林黛玉气质不凡，就像贾母的孙女一样，借此来讨得贾母的欢心。如果将这句话译成She doesn't take after your side of the family,Grannie.She's more like a Jia.这样便有贬损贾母娘家之嫌。谙熟中国传统的杨戴伉俪将这句话译为She doesn't take after her father,son-in-law of our old Ancestress,but looks more like a Jia.该译文使凤姐的言外之意表达得贴切到位，把中国这种封建家庭的传统意识忠实地传达给了读者。

《罗密欧与朱丽叶》中有这么一句话：He made you a highway to my bed.But I,amaid,die maiden-widowed.

受到我国几千年礼教文化干扰的前辈翻译家朱生豪把此句译为：他借你（软梯）做牵引相思的桥梁，可是我却要做一个独守空闺的怨女而死去。此句中的死被悄悄地译为得体得多的相思，因而产生了经不起推敲的语病。在传统的中国文化中，一个尚未出嫁的闺女怎能直截了当地说出要她的心上人上我的床呢？情感、价值发生了变化

的90年代的翻译家方平，冲破了性忌和性压抑的民族心理束缚，把此句改译为：他本你做捷径，登上我的床，可怜我这处女，活寡，到处是处女。方译显然更贴切原文的本意。

四、 结语

文化语境的诸多因素影响着重词的翻译。因此，在语词的翻译中，译者必须了解不同民族社会文化体现在语篇中的文化内涵，正确理解语词所包含的文化语义，采用适当的翻译方法，如原译文语言与文化因素与译文基本一致时，可采用对等直译法、形象套用法、借用类似法等。当然将一种语言译为不同文化的另一种语言并非容易的事，而将特定文化语境中的语词翻译成两样体现文化特色的语词就更是难上加难，有时难免出现引起读者误解和曲解的翻译。这就要求译者应特别谨慎，仔细分析隐含在语词背后的容易引起语义冲突的文化因素，根据具体语篇，在不违背原文语言的表达基础上再现原文语词的文化意蕴，达到忠实原文的目的，真正实现两种文化的沟通与移植。

参考文献

1. 包惠南.文化语境与语言翻译[M].北京:中国对外翻译出版公司,2001:35-50.
2. 谢建平.文化翻译与文化传真[J]中国翻译,2001, (3) :19-20.
3. 印蕾.衔接在英汉语篇翻译中的运用[J].湖南文理学院学报,2004, (4) :75-77.
4. 罗新璋.翻译论集[C].北京:商务印书馆,1984.

Чжао Хунцзун

THE RELATIONSHIP, CONTRAST, AND NUANCES BETWEEN COHESION AND COHERENCE, AND ITS APPARENT LINGUISTIC INTERDEPENDENCE

Чаньчуньский педагогический университет

г. Чаньчунь (КНР)

In society, people communicate with each other by using spoken and written language. If we observe plain, day to day language, we shall find that linguistic communication is not achieved by individual units of language, such as sounds, words, or sentences. People, primarily and essentially, communicate through combinations of these language units, which themselves constitute distinct phrased units of expressions. We call these combinations of lan-

guage units linguistic texts. Brown and Yule (1983) in their *Discourse Analysis* also define linguistic text as "the verbal record of a communicative act".

The term linguistic text or discourse as is used in linguistics is to refer to any passage, spoken or written, of whatever length, that forms a unified whole. "It may be prose or verse, dialogue or monologue. It may be anything from a single proverb to a whole play, from a momentary cry for help to an all-day discussion of a committee" (Halliday and Hasan, 1976). About the term linguistic text, different linguists have different opinions. Some regard it both as spoken and written language (Halliday & Hasan, 1976. Quirk et al, 1985). Some (Coulthart, 1985) think that text only refers to written language, not including spoken. Leech (1982) employs the term discourse to refer to communicative language.

Before and during the early 1950s, proponents of structuralism predominated in the study of linguistics. Linguists regarded the analysis of linguistic form or structure as their central or even the only concern and preoccupation. 1957 saw the publication of Chomsky's *Syntactic Structure*. He redirected linguists towards the study of semantic structure, but their emphasis on language structure remains. Since 1970, more attention has been paid to the way sentences are used in combination to form stretches of connected pieces of language. Thus, there has been a shift from the study of sentence structure toward the study of language as a function, as a form of communication, or as a discourse, which is also a shift from static study toward dynamic study. And finally, discourse analysis, an interdisciplinary subject, came into being, and timely recognition.

Just as Halliday and Hasan (1976) puts it: "a linguistic text is best regarded as a semantic unit; a unit not of form, but of meaning".

In 1962 Halliday first put forward the concept of cohesion. Then in 1976 *Cohesion in English* by M.A.K. Halliday and R. Hasan was published, which symbolized the founding of cohesion theory. From then on, more and more linguists from all over the world began to study and discuss the new subject. However, with the development of the coherence theory, linguists found that there are some drawbacks in the cohesion theory. Even Halliday himself also felt there were some cohesive phenomena that his cohesion theory could not explain. So in 1985 Halliday published another famous book *An introduction to Functional Grammar* in which he proposed transitivity, mood, theme, information structure, etc., on the basis of functional grammar.

The term cohesion that is most commonly used in linguistics to refer to the relations between sentences by which a sentence is bound together as a unified whole. These relations are manifested by certain linguistic features which create certain patterns of connection in a text. It is assumed that these patterns of connection are provided by cohesive features. These allow us to account for what coheres with what in a text and how cohesive relations contribute to the unity of the text. Halliday and Hasan (1976) state:

Cohesion... is part of the text-forming component in the linguistic system. It is the means whereby elements that are structurally unrelated to one another are linked together, through the dependence of one on the other for its interpretation. The resources that make the cohesive potential are part of the total meaning potential of the language, having a kind of

catalytic function in the sense that, without cohesion, the remainder of the semantic system cannot be effectively activated at all (27–28).

According to Halliday's systematic function theory, language does have the following three basic functions: (1) the function as content (ideational), (2) the function as interaction (interpersonal) and (3) the function as creation of texts (textual). The first function of language is to serve the expression of our experience of the real world and the inner world of our consciousness. Since this function concerns our ideation, it is termed the ideational function. In serving this function, language also gives structure to experiences and arranges it in logical order. Therefore, the ideational function has two sub-functions: the structuring of experiences, and the logical configuration of experiences. The second function is to serve to perform interpersonal relations. Therefore, it is called the interpersonal function. The third function is to serve the construction of coherent texts which are relevant. For instance, the text is constructed so as to be relevant to its theme. For this reason this function is named the textual function. This is the basis on which our semantic system is established. It should be noted that all the components of the semantic system do serve the construction of texts.

Before the publication of *Cohesion in English* written by Halliday and Hasan, coherence was only a common concept that was not paid much attention to by linguists. And nobody inquired into coherence as a theoretical concept. However, no sooner had the book *Cohesion in English* been published, than coherence became a subject of great interest. Since the publication of *Cohesion in English* in 1976 written by Halliday and Hasan, people began to explore the phenomena of cohesion and coherence. And cohesion for a time gained more attention. A cohesive discourse always has certain cohesive device. Cohesion is a manifestation of certain aspects of coherence.

In talking about linguistic texts, cohesion and coherence may seem almost interchangeable. However, there is an important and distinct difference between them. Cohesion refers to the linguistic devices by which the speaker can convey his experiences, and the interpersonal coherence of the text, and is thus a textual phenomenon as such, we can point to features of the text which serve as a cohesive function. Coherence, on the other hand, is a mental phenomenon and cannot be identified or quantified in the same way as cohesion. The two are in most cases linked, in that a linguistic text which exploits the cohesive resources of the language effectively should normally be perceived as coherent. However, all language users are generally predisposed to construe coherence even from language with few recognizable cohesive signals, if they have reason to believe that it is intended to be coherent.

Although cohesion and coherence have the same root "cohere", they are different in connotation, which is also reflected on their different adjective forms – "cohesive" and "coherent". Cohesion realizes the relationship between the surface form and the proposition of language, while coherence refers to the united relationship between communicative acts (Crystal, 1985). Coherence depends on the context when discourse comes into being. In a sense, the more clearly an addressee understands a discourse, the more can he or she grasp the coherence of the discourse (Stubbs 96).

Many linguists have negative attitude towards the relationship between cohesion and coherence. Some (for example, Widdowson, 1978) think that cohesion cannot guarantee co-

herence; some (Van Dijk and Kintsch, 1983) regard cohesion as an instance of coherence; others such as Town and Yule 191–99) regard the two as distinct, seeing cohesion as an element of discourse explicable in terms akin to those of formal linguistics, and coherence as a result of the interaction of discourse and receiver, which, though it may be aided by cohesion, is distinct and independent from it. Carrell (1982) in the light of new evidence found in "schema" research (the schema research studies how people keep and organize information in their brains) argues that it is inappropriate to treat cohesion as the main or sole index of coherence. She says that it ignores a very important factor—the readership. It is true that, in principle, cohesion is neither necessary nor sufficient to create coherence, yet in practice a discourse of any length will employ it. That most coherent discourses are also cohesive, however, does not imply that coherence is created by cohesion. Nevertheless, discourses are reflected by formal features after all. Up until now, the only way of studying coherence from the point of formal linguistic features is through analyzing cohesive mechanisms of discourse.

REFERENCES

1. Brown, G., Yule, G. *Discourse Analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
2. Cook, G. *Discourse and literature*. – Oxford: Oxford University Press, 1994.
3. Ellis, D.G. *From Language to Communication*. – Hillsdale H. J.: Lawrence Erlbaum, 1992.
4. Halliday, M. A. K. *London: An Introduction to Functional Grammar*. – London, Edward Arnold, 1994.
5. Halliday, M. A. K., Hasan, R. Hason. *Cohesion in English*. – London: Longman, 1976.
6. Gutwinski, W. *Cohesion in Literary Texts*. – Paris: Mouton, 1976.
7. Patricia, L. C. "Cohesion is not Coherence" // TESOL Quarterly Vol. 16:4 1982: 479–487.
8. Raimes, A. "A Grammar for Composition: the Grammar of Cohesion" // Paper presented at Thirteenth Annual TESOL Convention. – Massachusetts, 1979.
9. Teun Adrianus van, Dijk. *Strategies of Discourse Comprehension*. – New York: N.Y: Academic Press, 1983.
10. Widdowson, H. G. *Aspects of Language Teaching*. – Oxford University Press, 1990.
11. 胡壮麟, 《语篇的衔接与连贯》。上海外语教育出版社, 1994。
12. 胡壮麟, 《功能语法引论》。外语教学与研究出版社, 2001。
13. 黄国文, 《语篇分析概要》。湖南教育出版社, 1988。

Н. И. Гендина

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА, ТВОРЧЕСТВО И КРЕАТИВНОСТЬ
ВЫПУСКНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

г. Кемерово

Человеческий капитал как условие и фактор перехода к информационному обществу. Переход к информационному обществу обусловил появление ряда новых, «информационных» концепций человека. Одной из них явилась теория человеческого капитала, основы которой заложены в книге Нобелевского лауреата Г. Беккера «Человеческий капитал» (1964 г.). В ней впервые было исследовано влияние фактора образования на уровень доходов работников и доказано, что умственный, или «информационный», труд более продуктивен по сравнению с простым, ручным трудом. Из трех основных составляющих понятия «человеческий капитал» (капитала здоровья, капитал культуры и капитал образования) в данной статье основное внимание будет уделяться капиталу образования, формирующемуся в процессе образования, творческой деятельности и используемому в определенной сфере общественного производства. При этом рассмотрение будет вестись с позиций компетентностного подхода в образовании и формирования в высшей школе информационной культуры личности как основы развития способностей выпускника вуза к креативной и инновационной деятельности.

Потребность в креативном специалисте: идеи, рожденные в менеджменте, или чего хочет работодатель? Поиск, отбор и прием на работу высококвалифицированного, знающего, компетентного специалиста – одна из «вечных» проблем, которой всегда озабочены работодатели. Однако в последние годы в рамках этой проблемы, активно обсуждаемой как в среде работодателей, так и в бизнес-сообществе, пристальное внимание стало уделяться особому качеству выпускников вузов – креативности.

Традиционно креативность было принято связывать с деятельностью людей творческих профессий: артистов, композиторов, художников, писателей, поэтов и т. д. Однако на стыке XX и XXI столетий креативность стала рассматриваться в качестве одного из обязательных атрибутов успешного делового человека вообще, и менеджера, в частности.

Анализ монографии С. Крейнера «Ключевые идеи менеджмента» [1], содержащей аналитический обзор концепций, которые изменили мир менеджмента XX века, позволяет выявить причины, по которым именно креативность стала столь актуальной. Изложение этих концепций предваряет проведенный С. Крейнером «водораздел» между «старым менеджментом, менеджментом машинной эры» и «новым миром менеджмента – менеджментом информационной эры», явившимся следствием глобализации,

вхождения в информационное общество, динамичного изменения социальных и информационно-коммуникационных технологий. Фактор динамичных изменений, т. е. необходимость осуществлять управление в среде, подвергающейся радикальным изменениям – является весьма важным. Как подчеркивает С. Крейнер «В настоящее время изменения в мире бизнеса имеют эндемический характер. Изменения – процесс, происходящий во всем мире. ...Эти изменения затрагивают многие стороны бизнеса: технологию: революция в области информационных технологий продолжает развиваться все быстрее, требуя все меньше чисто физического труда, чем всего пять лет назад; организацию: появляются новые организационные структуры, в которых акцент делается на все более высокой скорости реагирования на изменяющуюся ситуацию; людей: сотрудники должны учиться новым навыкам и умениям и все лучше адаптироваться к неопределенной среде; общество: роли занятости и организации в обществе обсуждаются все чаще и все больше; потребителей и рынки: они становятся все более требовательными и меняются все быстрее» [1, с. 166].

На этом выводе о необходимости частых, быстрых перемен в организации, продиктованных темпом и непредсказуемостью событий в окружающей среде, базируется кайзен или философия бизнеса «по-японски», стратегия постоянного улучшения на всех этапах производства и уровнях организации. Из этой философии следует, что «что для поддержания конкурентоспособности, лучшего обслуживания покупателей и обеспечения должного технологического уровня организациям необходимо проводить в жизнь перемены чаще, а нередко и более радикальные, чем когда-либо ранее» [2, с. 194].

Существенным отличием менеджмента информационной эпохи является не только наличие среды, подвергающейся радикальным изменениям, но и колоссальная избыточность информации, на основании которой менеджеру приходится принимать решения. «В настоящее время менеджерам приходится действовать, захлебываясь от потока информации; обзор, сделанный *Reuters* в 1996 г., в ходе которого была проанализирована работа 1200 менеджеров по всему миру, выявил, что 43 % принятия важных решений откладывалось и на способность принимать решения очень сильно влияет избыточность поступающей информации [1, с. 162]. Отмечая неоспоримые преимущества, которые открывают современные информационные технологии для обработки информации, С. Крейнер справедливо указывает на опасность переоценки их возможностей. Он называет два фактора, из-за которых эффективность применения информационных технологий может быть обесценена. Во-первых, это ситуация когда с помощью информационных технологий менеджер получает в свое распоряжение огромное число статистических данных, в результате чего принятие решений становится даже более сложным процессом, чем раньше, т. е. количество информации иногда бывает столь велико, что ее смысл просто перестает восприниматься. Второй фактор, из-за которого информационные технологии не способствуют повышению производительности, заключается в том, что они часто применяются для выполнения не тех работ, которым они лучше всего соответствуют. Информационные технологии действительно позволяют обеспечить эффективный сбор данных, дают возможность собрать огромный диапазон данных о своем бизнесе и о показателях своего функционирования. Однако, «Проблема возни-

кает тогда, когда эти данные преобразуются в информацию, что требует от компаний ...сотрудников, которые умеют задавать правильные вопросы. Данные остаются данными, пока вы не сформулируете вопрос, а информация – это ответ на подобный вопрос» [1, с. 164]. Таким образом, автор подчеркивает, что доминирующая роль в принятии решений принадлежит человеку, а не информационным технологиям и компьютерам, сколь бы мощными они не были.

Следствием необходимости вести профессиональную деятельность и осуществлять управление в среде, подвергающейся радикальным изменениям и характеризующейся огромными объемами информации, явилась идея управления знаниями и концепция образованного работника и организации с интенсивным использованием знания. Впервые эта концепция была сформулирована П. Друкером, наиболее влиятельным мыслителем XX в. в области менеджмента. В своей книге «Управление в интересах будущего» (1992) П. Друкер отметил: «Теперь и далее ключом к успеху являются знания» [цит. по: 1, с. 172].

Развитие концепций, называемых управлением интеллектуальным капиталом (*intellectual capital*) и управлением знаниями (*knowledge management*), связано с трудами де Жёза. В книге «Живая компания» он высказал мысль о том, что «успешной компанией является та, которая может эффективно учиться» [цит. по: 1, с. 187]. Обучение – это завтрашний капитал. По мнению де Жёза, обучение означает подготовку к тому, чтобы заниматься непрерывными изменениями.

В книге «Как создать Интеллектуальную организацию» Р. Ханта и Т. Базана интеллектуальная или обучающаяся организация трактуется как организация, которая «располагает развитой в физическом и интеллектуальном отношении рабочей силой; обучает мышлению и повышает качество обучения; помогает каждому оценить и использовать на практике все приемы мышления; вооружает людей необходимыми инструментами для решения проблем; формирует лидеров, которые сознательно выделяют время на «активное мышление» [3, с. 140]. Только такая организация, по мнению авторов, является основой беспроблемного успеха. Авторы отмечают, что введенный в 1990 г. Питером Сенге (Peter Senge) в книге «Пятая дисциплина» термин «обучающаяся организация», стал прочно ассоциироваться с таким понятием, как «превосходство над соперником». По их мнению, победителями в конкурентной борьбе станут те компании, которые сумеют мобилизовать в своих недрах наибольшее количество мозгов.

Подчеркивая роль творческого мышления и креативной личности, авторы приводят цитату из обращения Я. Каренди, одного из руководителей из компании Scandia, к участникам первой Всемирной олимпиады интеллектуального спорта, проходившей в Лондоне в 1997 г. «Выросший мозг уже никогда не сокращается до прежних размеров. Деньги можно взять в долг, процессы можно скопировать, но силы разума нельзя поймать в силки. Оригинал всегда лучше самой хорошей копии. Уникальность бесценна. Умение напрягать ум, оставаясь при этом самим собой, – редчайшее явление, равное взрыву звезды» [3, с. IX].

Гарантию постоянного беспроблемного успеха Р. Хант и Т. Базан видят в создании новой «интеллектуальной» культуры, предполагающей специальное обучение тех-

нике мышления. Таким образом, один из главных выводов книги заключается в том, что креативному мышлению следует специально обучать.

Идея развития креативных способностей и обучения способам поиска инновационных решений освещается в книге К. Торна и Д. Маккея [4]. Примечательно, что в ней характеризуется опыт деятельности школ бизнеса, тренинговых и консультационных компаний и появление новой должности – тренер, учитель или специалист по развитию навыков и умений, консультант или специалист по разработке программ обучения. Несмотря на то, что название этой должности не вполне утвердилось, основное назначение этих специалистов – помогать другим учиться.

Резюмируя основные идеи, рожденные в менеджменте, можно сказать, что темп и непредсказуемость событий и изменений во внешней среде, гигантские объемы информации явились причиной необходимости постоянного повышения квалификации сотрудников в целях поддержания конкурентоспособности любой организации, которая в новых условиях вынуждена быть «интеллектуальной или обучающейся организацией». При этом «обучающейся организацией» трактуется как важнейшее условия конкурентной борьбы и превосходства над соперником. Концепция образованного работника и организации, базирующейся на интенсивном использовании знания выражается в лозунгах: «ключом к успеху являются знания», «успешной компанией является та, которая может эффективно учиться», «обучение – это завтрашний капитал». Осознание того, что оригинал всегда лучше самой хорошей копии, а уникальность бесценна, имеет следствием идею специального обучения креативному мышлению. Отсюда – появление особых школ бизнеса, тренинговых и консультационных компаний, обеспечивающих обучение по специальным программам.

Эти выводы, сформулированные крупнейшими теоретиками менеджмента, с нашей точки зрения, могут быть распространены и на более широкую сферу, ибо отражают взаимосвязь таких явлений, как переход к информационному обществу и информационной экономике, необходимость постоянного повышения квалификации сотрудников и стимулирование их креативных способностей в целях поддержания конкурентоспособности любой организации. В результате можно выделить несколько взаимосвязанных причин, по которым работодатели выдвинули креативность в число важнейших требований к выпускнику вузов. Во-первых, это нарастающая изменчивость современного мира: беспрецедентные для истории цивилизации темпы смены технологий – социальных и информационно-коммуникационных, имеющих следствием стремительные изменения во всех сферах жизни общества.

Во-вторых, необходимость для современного человека ориентироваться и осваивать гигантские, нарастающие объемы информации, для «укрощения» которых используются многообразные и также быстро сменяющие друг друга поколения персональных компьютеров и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Все эти атрибуты информационного общества и информационной экономики требуют от выпускников любого вуза высокой интеллектуальной мобильности, умений оперативно ориентироваться в динамически трансформирующейся профессиональной среде и принимать квалифицированные решения, адекватные быстро меняющейся ситуации.

В этих условиях стремительных изменений в сфере бизнеса обостряется конкурентная борьба: ни одна фирма, ни одна компания, сколь бы успешной она ни была в настоящий момент, не может не думать о будущем, о том, как упрочить и продвинуть свои позиции на рынке. Соответственно, работодатели как никогда заинтересованы в людях, способных нестандартно мыслить, находить новые пути и генерировать новые идеи, обеспечивающие производство новых продуктов, новых технологий, а также новые рынки сбыта и получение прибыли. Жизнь заставляет работодателей искать или культивировать в своих сотрудниках те качества, которые помогут компании оставаться конкурентоспособной. Именно поэтому креативность сегодня привлекает к себе столь пристальное внимание работодателей, ведь креативность подразумевает целый комплекс таких полезных качеств, как гибкость, самостоятельность, обучаемость, стремление всегда находить выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций и т. д.

Что такое креативность? В разговорной лексике и даже в ряде специальных публикаций слова «творчество (творческий)» и «креативность (креативный)» зачастую употребляются как синонимы. Однако обращение к словарям доказывает, что это термины, которые характеризуют разные, хотя и тесно связанные между собой понятия. В табл. 1 приводятся определения понятия креативности, содержащиеся как в традиционных, так и в электронных справочных изданиях.

Таблица 1

Дефиниции понятия «Креативность»

№ п/п	Термин и определение	Источник
1.	1. Креатив (англ. – creative – творческий). Спец. творческое решение, используемое для продвижения товаров, услуг, брендов (обычно в рекламе)	Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.
	2. Креативность – книжн. Творческий характер чего-нибудь; способность к творческой деятельности	
	3. Креативный – книжн. 1. Созидательный, творческий.	
	4. Способный к творческой деятельности	
	5. Креативщик Спец. разг. креатор	
	Креатор (англ. – creator – создатель, творец) Спец. рекламист, разрабатывающий креатив	
2.	Креативность – творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к порождению принципиально новых необычных идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления и входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора, а так же способность решать проблемы, возникающие внутри статичных систем	Википедия http://ru.wikipedia.org

№ п/п	Термин и определение	Источник
3.	Креативность – особый вид способностей, проявляемых в успешности творческой деятельности	Краткий терминологический словарь по психодиагностике http://www.itm-action.ru/articles/ar_vocab_pd.htm
4.	Креативность (дивергентные способности) – это способность порождать множество разнообразных оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности. 1. Креативность в узком значении слова – это дивергентное мышление, отличительной особенностью которого является готовность выдвигать множество в равной мере правильных идей относительно одного и того же объекта. 2. Креативность в широком смысле слова – это творческие интеллектуальные способности, в т. ч. способность приносить нечто новое, порождать оригинальные идеи..., осознавать пробелы и противоречия, а также формулировать гипотезы..., отказываться от стереотипных способов мышления	Холодная М. А. Психология интеллекта. – СПб., 2002. – 272 с.
5.	Креативность [лат. creatio – сотворение, создание] – уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности. Первоначально К. рассматривалась как функция интеллекта, и уровень развития интеллекта отождествлялся с уровнем К. Впоследствии выяснилось, что уровень интеллекта коррелирует с К. до определенного предела, а слишком высокий интеллект препятствует К. В настоящее время К. рассматривается как несводимая к интеллекту функция целостной личности, зависящая от целого комплекса ее психологических характеристик. Соответственно, центральное направление в изучении К. – выявление личностных качеств, с которыми она связана	Социальная психология. Словарь http://slovari.yandex.ru/dict/psychlex4/article/PS4/ps4-0108.htm
6.	Креативность – творческий потенциал человека, коллектива, нации	Имиджелогия. Как нравиться людям. http://evartist.narod.ru/text9/25.htm
7.	Креативность – латинский термин, который переводится как «творчество» или «сотворение из ничего». На Западе креативностью обозначают технологический элемент творчества. В российской языковой культуре креативность воспринимают гораздо шире. До начала информационной эпохи мало кто знал о креативности и креативных технологиях. Обществу было достаточно понятия творчества	Дизайн-студия «Еловый слон» http://www.elslon.ru/

Приведенные в таблице данные не претендуют на полноту, тем не менее, они позволяют утверждать, что понятие «креативность» не только отражается в составе глубоко специальной терминологии таких научных дисциплин и областей деятельности, как социальная психология, психодиагностика, дизайн, имиджелогия, но и относится к разряду наиболее актуальных понятий XXI века, о чем, в частности, свидетельствует включение этого термина в состав «Толкового словаря русского языка начала XXI века».

Понятие креативность, безусловно, связано с понятием творчества, под которым в соответствии с определением, приведенным в Большой советской энциклопедии, будем понимать «деятельность, порождающую нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Деятельность может выступать как творчество в любой сфере: научной, производственно-технической, художественной, политической и т. д. – там, где создаётся, открывается, изобретается нечто новое» (<http://slovari.yandex.ru/dict/bse/article/>).

Чем креативность отличается от творчества? Для того, чтобы ответить на это вопрос, был проведен сопоставительный анализ содержания понятий «творчество» и «креативность». Наиболее существенная информация, характеризующая отличие креативности от творчества, содержится на сайте Дизайн-студии «Еловый слон» (<http://www.elslon.ru>). Результаты проделанного нами анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Понятия «Творчество» и «Креативность»: общее и специфичное

Признаки, отличающие понятие «Творчество»	Признаки, общие для понятий «Творчество» и «Креативность»	Признаки, отличающие понятие «Креативность»
Первичность, фундаментальность, непредсказуемость, незапрограммированность, импровизационность	Создание нового; Неовторимость; Оригинальность; Уникальность; Результата	Вторичность, зависимость от творчества
Стремление к самовыражению, самоактуализации	Наличие творца	Технологичность, ориентация на успешный результат
Вдохновение, настроение и эмоции автора (творца)	Стадии создания нового: накопление информации, перебор вариантов, критический анализ, исключение неэффективных построение оптимальных решений	Стремление к коммерческому успеху, прагматизм, подчиненность творчества практическим целям

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: «творчество» и «креативность» находятся в отношении пересечения объемов понятий, соответственно, творческая личность может и не быть креативной, креативная личность не может быть не творческой.

Необходимость специальной информационной подготовки человека к жизни в информационном обществе – глобальная проблема. Развитие информационного общества, часто именуемого «обучающимся обществом», неразрывно связано с возрастанием потребности каждого гражданина в постоянном повышении квалификации, обновлении знаний, освоении новых видов деятельности. Информационное общество, атрибутом которого являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), открывает для человека невиданные ранее возможности доступа к информации и знаниям, позволяет каждому человеку реализовать свой потенциал и улучшить качество жизни. В тоже время информационное общество несёт многочисленные риски и опасности. В условиях колоссальных объемов информации всё труднее становится ориентироваться, получать и перерабатывать нужную информацию. Мощь современной информационной техники и технологии порождает опасность манипулирования сознанием и поведением человека, угрожает дегуманизацией. Поэтому во всём мире всё сильнее осознаётся необходимость решения глобальной проблемы – подготовить людей к новым условиям жизни и профессиональной деятельности в высокоавтоматизированной информационной среде, научить их эффективно использовать ее возможности и защищаться от негативных воздействий.

Необходимость специальной подготовки человека к жизни в информационном обществе подчёркивается в основных документах Всемирного саммита по информационному обществу, два этапа которого проходили в 2003 г. в Женеве и в 2005 г. в Тунисе. Ведущими международными организациями, иницирующими обсуждение и изучение проблем подготовки человека к жизни в информационном обществе, являются ЮНЕСКО и Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА). Благодаря их усилиям в настоящее время сформирована концепция информационной грамотности.

Впервые понятие «информационная грамотность» и соответствующий термин «Information Literacy» были введены в 1977 г. в США и использованы в национальной программе реформы высшего образования. Значительный вклад в разработку данного понятия внесла Американская библиотечная ассоциация, в трактовке которой информационно грамотным человеком может быть названа личность, способная выявить, разместить, оценить информацию и наиболее эффективно ее использовать. Термин «Information Literacy» получил широкое распространение не только в США, но и во многих англоязычных странах, где под ним стали понимать способность идентифицировать потребность в информации, навыки по эффективному нахождению, оценке и использованию информации. Дальнейшее развитие понятие «информационная грамотность» получило в результате активной деятельности ИФЛА. В 2002 г. в Глазго на 68-й Сессии и Генеральной конференции ИФЛА была создана секция по информационной грамотности. Эта секция поставила задачу выявления стандартов информаци-

онной грамотности, сформировавшихся в разных библиотеках и странах, и создания на этой основе международного стандарта по информационной грамотности.

В 2006 г. в Сеуле на 72-м Всемирном Библиотечном и Информационном конгрессе ИФЛА состоялся Открытый форум ЮНЕСКО. На этом форуме было провозглашено создание стратегического альянса ИФЛА и ЮНЕСКО для реализации решений Всемирного саммита по информационному обществу, включая и решение проблем информационной грамотности.

В 2006 г. вышло в свет «Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни», подготовленное Х. Лау, Председателем секции по информационной грамотности ИФЛА [5]. В нем под информационной грамотностью понимается наличие знаний и умений идентификации информации, необходимой для выполнения определенного задания или решения проблемы, эффективного поиска информации, ее организации и реорганизации, интерпретации и анализа найденной и извлеченной информации; оценки точности и надежности информации, включая соблюдение этических норм и правил пользования полученной информацией; при необходимости передачи и представления результатов анализа и интерпретации другим лицам; последующего применения информации для осуществления определенных действий и получение определенных результатов.

Важно подчеркнуть, что в этом Руководстве в числе родственных, но не синонимичных понятий информационной грамотности, названы: «сетевая грамотность, цифровая грамотность, Интернет-грамотность, компьютерная грамотность, медиаграмотность».

Важным событием стало издание в 2008 г. книги «Индикаторы информационной грамотности», подготовленной в рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», характеризующей исследования в области информационной грамотности, показывающей влияние информационной грамотности на успешность обучения любым учебным дисциплинам и занятиям наукой, содержащей критерии и показатели информационной грамотности, отличающие различные уровни информационной компетентности обучаемых [6].

Информационная культура личности: российский взгляд на проблему. В России обучение умениям и навыкам работы с информацией имеет глубокие исторические корни; накоплены богатые традиции и опыт работы школ, колледжей, вузов и библиотек по информационной подготовке граждан. Хорошо известен в России и международный опыт. Идеи ИФЛА и ЮНЕСКО по обучению информационной грамотности признаны и одобрены. Вместе с тем в России получили развитие идеи формирования информационной культуры личности.

Появившись в сфере библиотечного и книжного дела, понятие информационной культуры по мере своего развития вбирало в себя знания из целого ряда наук: теории информации, кибернетики, информатики, семиотики, документалистики, философии, логики, культурологии, лингвистики и др. В настоящее время информационную культуру все чаще трактуют как особый феномен информационного общества. В зависимости от объекта рассмотрения стали выделять информационную культуру общества,

информационную культуру отдельных категорий потребителей информации (детей, подростков и юношества; отдельных категорий специалистов – врачей, учителей, юристов и т. д.), информационную культуру личности.

Феномен информационной культуры личности получил отражение в большом количестве публикаций на русском языке. Об этом, в частности, свидетельствует библиографический указатель «Информационная культура личности», содержащий сведения о 853 работах, опубликованных в России с 1973 по 2006 [7]. Он отражает нормативно-правовые документы, монографии, диссертации, статьи и тезисы, а также справочные, учебные и учебно-методические издания по проблемам информационной культуры. Проведенный анализ публикаций и существующей практики информационной подготовки [8, 9], позволяет утверждать, что проблема формирования информационной культуры личности представляет собой междисциплинарное научное направление, в развитие которого вносят свой вклад ученые различных областей знания: философии, культурологии, педагогики и психологии, информатики, библиотековедения и библиографоведения. Этот анализ свидетельствует, что в России накоплен богатый теоретико-методический и опытно-экспериментальный материал по проблеме формирования информационной культуры личности, сложились научные школы, имеется богатый опыт работы образовательных и библиотечных учреждений по информационной подготовке граждан. Имеющиеся в российской науке и практике подходы к информационной подготовке вполне совместимы с международными. Различия между развиваемыми в России идеями формирования информационной культуры личности и международной концепцией информационной грамотности не носят принципиального характера, они лишь отражают стремление российских ученых и практиков сочетать достижения международной теории и практики с традициями национальной культуры и образования, накопленным опытом российских библиотек и учреждений образования.

Каковы взаимосвязи между формированием творческой и креативной личности и информационной культурой? В соответствии с идеологией компетентного подхода в образовании профессиональный уровень современного выпускника высшей школы определяется не столько набором полученных в годы обучения знаний и умений, сколько способностью использовать их на практике, в нестандартных, динамично меняющихся ситуациях. При этом особое значение придается способности выпускника вуза самостоятельно обучаться, рационально действовать в условиях роста документальных потоков профессиональной информации, существующих как в традиционной (бумажной), так и в электронной форме; оперировать с разнородной, противоречивой информацией, критически ее оценивать и принимать на этой основе аргументированные решения.

Обязательным условием профессиональной компетентности в любой предметной области сегодня является владение персональным компьютером и информационно-коммуникационными технологиями. Все это входит в систему метазнаний и метаумений специалиста и определяет его профессиональное мастерство и возможности быстрой адаптации в условиях частой смены научно-технической парадигмы, производственных и социальных технологий. Эти метазнания и метаумения, в свою очередь, входят в состав одного из наиболее важных компонентов культуры современного человека

и общества, который актуализировался в период «стыка» XX и XXI веков и получил название информационной культуры.. При этом информационная культура выступает как более емкое понятие, включающее в себя в качестве составного компонента широкий спектр различных знаний и умений в сфере работы с информацией и использования ИКТ, но не сводимое к их сумме, а представляющее собой качественно новое интегральное образование.

В НИИ информационных технологий социальной сферы НИИ ИТ СС) Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) разработана концепция формирования информационной культуры личности полное изложение и описание опыта реализации которой содержится в монографии [9]. Суть концепции сводится к утверждению тезиса о том, что массовое повышение уровня информационной культуры общества возможно лишь при организации специального обучения современных потребителей информации, то есть при организации информационного образования. При этом наличие специальной информационной подготовки, необходимый уровень информационной культуры личности важны в такой же степени, как наличие компьютеров и каналов связи – неперенных атрибутов информационного общества.

В рамках данной концепции предлагается следующее определение понятия «информационная культура личности».

Информационная культура личности – одна из составляющих общей культуры человека; совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий. Она является важнейшим фактором успешной профессиональной и быденной деятельности, а также социальной защищенности личности в информационном обществе.

Понятие информационная культура личности является весьма емким и полностью включает в свой состав понятие «информационная грамотность», отличаясь от него такими компонентами, как информационное мировоззрение и способность человека создавать новые информационные продукты и творчески их использовать в различных целях.

Особое место в составе понятия «информационная культура личности» занимает информационное мировоззрение, сутью которого является ценностное (осмысленное, ответственное) отношение и к информации, и к создаваемым и используемым информационным продуктам, и к техническим средствам, информационным технологиям. Информационное мировоззрение – это система взглядов человека на мир информации и место человека в нем, включающая в себя ценности, убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности.

Связь мировоззренческих знаний с личной практикой, – важное условие превращения простой осведомленности в убеждения. Как и любое другое мировоззрение, информационное мировоззрение нельзя «вложить («вбить») голову», надо создать условия, чтобы человек сам пришел к своим убеждениям. Информационное мировоззрение неразрывно связано с мотивацией учащихся на информационную подготовку, в частно-

сти, на изучение информационной грамотности. Именно мотивация учащихся определяет успешность их информационной подготовки.

Кроме информационного мировоззрения информационная культура отличается от информационной грамотности включением в свой состав способность человека создавать новые информационные продукты и творчески их использовать в различных целях. Под информационным продуктом в данном случае будем понимать результат интеллектуальной деятельности человека по созданию новой информации или смысловой переработки имеющейся информации, представленный в форме документа. Например, учитель, преподаватель на основе изучения большого числа публикаций, анализа педагогического опыта порождает новое знание – новую методику, новую педагогическую технологию и т. п., оформляя его в какой-либо информационный продукт своей научно-исследовательской деятельности – статью, методические рекомендации. Учащийся, студент, в ходе своей учебной деятельности не создает нового знания, однако на основе изучения и анализа соответствующей литературы он также готовит информационные продукты – рефераты, доклады, курсовые и дипломные работы, в которых найденная в разных источниках информация перерабатывается и подчиняется логике автора, подлежит сопоставлению и критической оценке.

Способность создавать собственный информационный продукт на основе самостоятельно найденной, критически оцененной и преобразованной информации является важнейшим свойством творческой (креативной) личности, развитие которой является первостепенной задачей современной системы образования.. Следовательно, можно говорить о том, что между становлением творческой и креативной личности и формированием информационной культуры личности существует тесная связь. Она проявляется в том, что повышение продуктивности любого вида интеллектуального труда, сущность которого состоит в работе с информацией (ее анализе, сопоставлении, сравнении, классификации и обобщении), невозможно без соответствующего уровня информационной культуры личности. Эта связь проявляется также и в том, что формирование психологической и интеллектуальной смелости, независимости, необходимых для творческой и креативной деятельности, а также для работы с разнородной и противоречивой информацией, невозможно без соответствующей информационной подготовки и овладения должным уровнем информационной культуры. Без новой информации не возможно развитие воображения, рождение новых образов, развитие творческого мышления, интуиции. Но все это требует от творческой личности не только определенных психо-физических качеств, но и специальных знаний, умений, навыков, опыта, системы взглядов в сфере работы с информацией и информационными технологиями, то есть с тем, что составляет сущность информационной культуры личности.

Объем и содержание таких специальных знаний, умений, навыков в сфере работы с информацией и информационными технологиями, задается учебной программой курса «Основы информационной культуры личности» [9]. Попробуем с помощью табл. 3. показать на примере учебной программы курса «Основы информационной культуры личности» для студентов и аспирантов гуманитарных вузов возможности данного курса для формирования творческой и креативной личности.

**Цели формирования творческой и креативной личности
в разрезе основных разделов и тем курса
«Основы информационной культуры личности» для студентов и аспирантов**

Наименование разделов и тем курса «Основы информационной культуры личности»	Цели при формировании творческой и креативной личности
Раздел I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ОБЩЕСТВА И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА	
1.1. Введение. Информатизация общества и информационная культура 1.2. Первичный документальный поток как составная часть информационных ресурсов общества 1.3. Вторичный документальный поток как составная часть информационных ресурсов общества	Творчество: Развитие широкого кругозора, эрудированности как основы творческого мышления; понимания того, что разносторонняя информация является стимулом воображения и основой для рождения новых образов и идей, развития интуиции
1.4. Закономерности развития и функционирования документальных потоков по культуре и искусству 1.5. Государственная система научно-технической информации Российской Федерации 1.6. Система информации по культуре и искусству 1.7. Информационные ресурсы Интернета	Креативность: Формирование навыков алгоритмической и технологической деятельности как основы продуктивных действий и достижения позитивного результата
Раздел II. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ ЗАДАЧ И АЛГОРИТМЫ ИХ РЕШЕНИЯ	
2.1. Библиотека как информационно-поисковая система 2.2. Интернет: поисковые системы и сервисы	Творчество: Овладение умениями отбора наиболее ценного и нового в результате перебора большого количества промежуточных вариантов на основе критического анализа; формирование способности принимать решение в условиях нечеткой информации, развитие интуиции
2.3. Адресный поиск и алгоритм его выполнения 2.4. Фактографический поиск и алгоритм его выполнения 2.5. Тематический поиск и алгоритм его выполнения 2.6. Поиск информации по аналитическим запросам	Творчество: Овладение знаниями и умениями формулирования и уточнения своих информационных запросов как основы четкой постановки творческой задачи Креативность: Формирование навыков алгоритмической и технологической деятельности как основы продуктивных действий и достижения позитивного результата

Наименование разделов и тем курса «Основы информационной культуры личности»	Цели при формировании творческой и креативной личности
Раздел III. АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ	
3.1. Аналитико-синтетическая переработка информации: сущность, назначение, виды	Творчество: Формирование знаний, умений и навыков сопоставления, обобщения и критической оценки информации, развитие критического мышления на основе сопоставления данных Креативность: Овладение формализованными методами свертывания как основой продуктивных действий и достижения позитивного результата
3.2. Текст как объект аналитико-синтетической переработки	
3.3. Учебный текст как объект аналитико-синтетической переработки	
3.4. Научный текст как объект аналитико-синтетической переработки	
3.5. Формализованный метод аналитико-синтетической переработки информации	
3.6. Библиографическое описание и библиографические ссылки как результат формализованной аналитико-синтетической переработки информации	
3.7. Формализованное аннотирование	
3.8. Формализованное реферирование	
3.9. Формализованное составление обзоров	
3.10. Неформализованные способы работы с текстом в ходе аналитико-синтетической переработки информации	
Раздел IV. ТЕХНОЛОГИИ ПОДГОТОВКИ И ОФОРМЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ	
4.1. Технология подготовки планов	Творчество: Формирование знаний и умений по созданию собственного информационного продукта (на основе найденной, критически оцененной и преобразованной информации), отражающего профессиональную компетентность, способность интерпретации полученных результатов
4.2. Технология подготовки конспектов	
4.3. Технология подготовки курсовых и дипломных (выпускных квалификационных) работ	
4.4. Технология подготовки выступления, доклада	Креативность: Формирование навыков алгоритмической и технологической деятельности как основы продуктивных действий и достижения позитивного результата
4.5. Технология подготовки отзывов	
4.6. Технология подготовки рецензий	
4.7. Технология подготовки тезисов как научной публикации	

Анализ взаимосвязей между развитием в вузе творческой и креативной личности и формированием информационной культуры дает возможность выявить основные функции, которые может и должен реализовать курс «Основы информационной культуры личности»:

- повышение продуктивности любого вида интеллектуального труда, сущность которого состоит в работе с информацией: ее анализе, сопоставлении, сравнении, классификации и обобщении;
- формирование метазнаний и метаумений специалиста, определяющих его профессиональное мастерство и возможности быстрой адаптации в условиях частой смены научно-технической парадигмы, производственных и социальных технологий;
- формирование психологической и интеллектуальной смелости, независимости, необходимых для творческой и креативной деятельности, а также работы с разнородной и противоречивой информацией;
- выявление информационной природы творчества и креативности, необходимость личностной интерпретации информационных процессов, которые, составляя сущность творчества, не вычлениваются из него и поэтому не подлежат перепоручению другим лицам: самостоятельный поиск информации при решении нетривиальных (новых, творческих); профессиональное чтение; переработка исходной информации и создание новой; получение информации в ходе профессионального общения;
- преодоление прагматичности и коммерциализации, лежащих в основе современного понимания креативности.

Перспективы и направления дальнейших исследований. Результаты проведенного анализа позволяют наметить ряд перспектив прикладных исследований в данной сфере:

- необходимость разработки специальной методики преподавания курса «Основы информационной культуры личности», ориентирующейся на развитие творческого мышления и информационного мировоззрения студента при обязательном овладении практическими навыками в области работы с информацией;
- необходимость диверсификации форм, методов, средств обучения, выбор таких их сочетаний, которые стимулируют информационную активность и самостоятельную работу с информацией;
- необходимость комплексного использования совокупности усложняющихся и взаимодополняющих методов обучения (сообщающих, объяснительно-иллюстративных, проблемных, частично-поисковых, исследовательских);
- необходимость использования эвристических методов обучения, направленных на формирование компонентов творческого и креативного мышления: умения вычленивать и четко сформулировать проблему; умения отказаться от привычных, стандартных приемов решения таких проблем; умения расширить рамки обычной информации об объекте и выбрать наиболее целесообразный путь поиска решения проблемы; готовность учитывать альтернативные точки зрения и подходы; конструктивная критика; способность генерировать новые идеи;
- необходимость обучения методам творческого мышления: «сократические беседы», мозговой штурм, генерация идей по ассоциации со словом, изучение и создание обратных допущений и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейнер, С. Ключевые идеи менеджмента [Текст] / С. Крейнер; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – XVIII, 347 с. – (Серия «Менеджмент для лидера»).
2. Коленсо, М. Стратегия кайзен для успешных организационных перемен. Эволюция и революция в организации [Текст] / М. Коленсо; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – XIV, 175 с. – (Серия «Менеджмент для лидера»).
3. Хант, Р. Как создать Интеллектуальную организацию [Текст] / Р. Хант, Т. Базан; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – XXV, 230 с. – (Серия «Менеджмент для лидера»).
4. Торн, К. Полное руководство по тренингу [Текст] / К. Торн, Д. Маккей; пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 2002. – XXVIII, 244 с. – (Серия «Менеджмент для лидера»).
5. Guidelines on Information Literacy for Lifelong Learning. [Электронная версия] // Режим доступа: <http://www.ifla.org/VII/s42/pub/IL-Guidelines2006.pdf>. – Загл. с экрана.
6. UNESCO. Information for All Programme (IFAP). Towards Information Literacy Indicators. Conceptual framework paper prepared by Ralph Catts and Jesus Lau. Edited by the Information Society Division, Communication and Information Sector, UNESCO: Paris, 2008. – 44 p.
7. Информационная культура личности [Текст]: библиографический указатель / сост. Н. В. Денисова; НБ КемГУКИ. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2006. – 90 с.
8. Гендина, Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подходы к решению проблемы [Текст] / Н. И. Гендина // Открытое образование. – 2007. – №5(64). – С. 58–69.
9. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины [Текст] / Н. И. Гендина, Н. И. Колкова, Г. А. Стародубова, Ю. В. Уленко. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с.

*Н. А. Белоусова, Л. Ю. Боброва,
Т. И. Кимеева, А. Н. Мухарева,
О. Б. Шрайбман*

МУЗЕЙ «АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ЭКОЛОГИЯ СИБИРИ» КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В ИНТЕРНЕТЕ <http://museum.kemsu.ru>

*Музей «Археология, этнография и экология Сибири»
Кемеровского государственного университета
г. Кемерово*

Стремительное развитие сети Интернет в России привело к реальной возможности использования серверов и ресурсов во многих сферах жизни, отражая определенную тенденцию: усиление коммуникативных связей в обществе посредством развития информационных технологий. Создание и обновление информационных ресурсов чрезвычайно важно для сохранения историко-культурного и природного наследия. Внедрение Интернет-технологий модернизирует формы музейного экспонирования и расширяет границы виртуального пространства для посетителей. Тем не менее, представление музейных объектов в Интернете является одной из основных проблем вузовских музеев. На современном этапе многие вузовские музеи Западной Сибири стремятся к

демонстрации коллекционных материалов через web-сайты. Их коллекции все активнее вовлекаются в научно-образовательное пространство, в связи с чем требуется комплексный методологический подход к источнику, размещенному в сети Интернет.

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ является одним из крупнейших вузовских музеев Сибири и решает актуальные вопросы обеспечения сохранности предметов историко-культурного и природного наследия, включая его систематизацию, документирование, изучение, популяризацию, повышения роли в обществе и передачу посредством внедрения новых информационных технологий в учебное, научное и культурно-образовательное пространство. Деятельность музея КемГУ в направлении развития своего культурно-образовательного потенциала на материалах историко-культурного и природного наследия способствует формированию в рамках вузовского обучения квалифицированных специалистов в области музейного дела, археологии, этнографии, зоологии и экологии [2]. Через web-ресурсы с вузовскими музеями и их коллекциями может работать несколько групп потенциальных партнеров:

- образовательные структуры (высшая и средняя школа), использующие музейные фонды в качестве образовательного ресурса;
- научное сообщество, привлекающее музейные фонды в качестве источниковой базы при исследовании в различных областях гуманитарного и естественно-научного знания;
- органы муниципальной и государственной власти, реализующие различные проекты с использованием музейного ресурса;
- лица и структуры, воплощающие издательские и Интернет-проекты, использующие музейные фонды как в содержательном, так и дизайнерском планах;
- туристические фирмы, производители изделий народных промыслов, сувенирной полиграфии и др. [5].

Для предоставления в наиболее полном объеме информации о музеях, необходимо создать многофункциональный и доступный ресурс. В настоящее время разработкой проектов создания собственных сайтов занимаются многие вузовские музеи Западной Сибири (например, музей физики ТГУ). Для реализации данной цели привлекаются ученые и профессора университета, музейные работники, что свидетельствует о востребованности специалистов различного профиля [1]. В музее археологии и этнографии Омского государственного университета идет работа над сайтом, в который планируется включить виртуальные экскурсии, сведения об археологических и этнографических фондах и экспозициях, о личных фондах ученых-коллекционеров музея, музейном совете, новостях в области научных исследований, проводимых археологами и этнографами ОмГУ [6].

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ в этом направлении работает седьмой год²⁵. Актуальность проектов состоит во введении в широкий культурно-образовательный и научно-просветительный процесс музейных материалов через информационные технологии и Интернет-ресурсы. Полученные в ходе выполнения проектов материалы (компакт-диски, новые страницы сайта, каталоги музейных коллекций, модернизированные учебные программы) уже востребованы в образователь-

²⁵ Гранты Министерства Образования РФ: проекты № 1114 (2003 г.); 1370 (2004 г.); 4531 (2005 г.); 2647 (2006–2008 гг.); 3068 (2009–2010 гг.).

ных процессах высших, средних и средне-специальных учебных заведениях, в работе экскурсионно-туристских организаций Кузбасса, национально-культурных центров автохтонного населения Кемеровской области и т. д. Материалы коллекций музея используются для подготовки курсовых, дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций [3]. Одним из основных результатов данной работы является постоянно обновляемый сайт музея КемГУ. Структура сайта в электронном виде отражает существующий музей, включающий информационный научно-образовательный комплекс с виртуальными учебными и образовательными экскурсиями. На титульной странице отображен вход в музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ со ссылками на другие сайты, где он представлен. На каждой странице находится путеводитель по сайту (<http://museum.kemsu.ru>) с определенными разделами: «о музее», «экспозиция», «фонды», «архив», «экскурсии» «сотрудники», «образование», «публикации», «новости» и др. Текстовая часть отдельных страниц переведена на английский язык [рис. 1]. На сайте также имеется информация об истории создания музея и его экспозиции, в настоящее время представленной четырьмя отделами.

Экспозиция отдела археологии на сайте, как и в реальности, отражает следующие исторические периоды: эпохи камня и бронзы, скифского и гуннского времен, средневековье. На сайте виртуально представлены 13 витрин (489 экспонатов) из экспозиции отдела археологии [рис. 5]. Самостоятельный раздел составляют петроглифические коллекции [рис. 6]. Отличительной особенностью данного сайта является наличие подробной информации о каждом конкретном предмете (коллекционный номер, время создания, материал изготовления, название памятника, автор и год раскопок/копирования) [4].

Экспозиция отдела этнографии на сайте знакомит с материальной культурой коренных народов Сибири (хакасов, шорцев, телеутов, алтайцев, калмаков) конца XIX – начала XX в.: типами жилищ, орудиями труда, одеждой, предметами быта, декоративно-прикладного искусства. Отражено освоение Сибири русскими и появление в культуре коренных народов таких новых элементов, как срубное жилище и огнестрельное оружие [рис. 4]. Материалы диорам и витрин по духовной культуре освещают родовые культы, шаманизм, традиционные обряды и праздники, жертвоприношения, а также принятие народами Сибири православия. К разделу прилагается словарь этнографических терминов с фотографиями. Отдельная страничка характеризует научную деятельность отдела.

Страницы сайта, посвященные отделу природы и экологии, содержат информацию о природных зонах Сибири и сопредельных территорий, их обитателях. Особое внимание уделяется природе Кемеровской области. Отдельный блок посвящен Алтае-Саянскому региону [рис. 7]. Он включает карту природных зон региона, предложенную Всемирным фондом Дикой природы (WWF), орографическую карту. Страничка по каждой природной зоне содержит фотографии, сделанные сотрудниками музея во время экспедиций, описание экологических особенностей данной зоны, общие сведения о представителях животного мира и наиболее редких и исчезающих видах, а также ссылки на литературу [7]. По отделу истории вуза, образованному в 2003 г., выставлена информация об истории создания отдела, этапах становления Кемеровского госуниверситета [рис. 8]. На сайте можно познакомиться с материалами обзорных и тематиче-

ских экскурсий [рис. 3], описанием конкретных предметов, дополнительными сведениями о культурах и народах. Тексты экскурсий иллюстрированы фотографиями экспозиций, витрин и диорам, отдельных предметов, материалами полевых археологических исследований.

В настоящее время фонды музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета насчитывают более 60 000 единиц хранения Основного фонда и 180 000 единиц хранения Научно-вспомогательного фонда, сгруппированных в 174 коллекции. На сайте размещены 72 (53 археологических, 5 петроглифических, 7 этнографических, 7 зоологических) музейные коллекции Основного фонда, опубликованные в 1 и 2 выпусках печатного Каталога коллекций музея [рис. 2], с общим количеством единиц хранения 20 571. Страничка по каждой коллекции включает ее описание, как в печатном Каталоге, а также содержит фотографии отдельных экспонатов, которые можно увеличить и получить более подробную информацию о данном предмете. Общее количество страниц сайта – 170.

Таким образом, опыт работы музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ над сайтом <http://museum.kemsu.ru> может использоваться другими вузовскими музеями для популяризации историко-культурного и природного наследия.

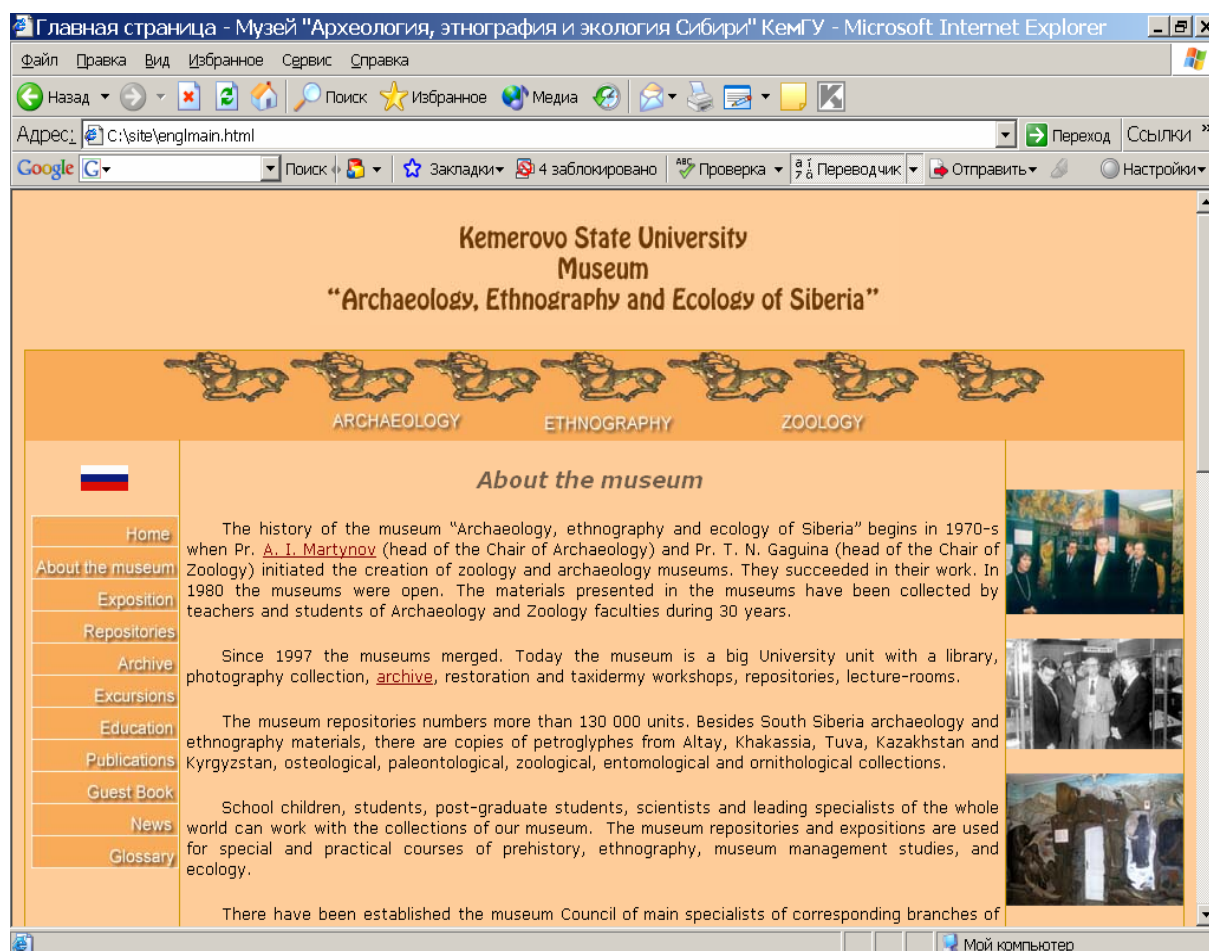

Рис. 1. Раздел «О музее» на английском языке.
Фрагмент страницы сайта <http://museum.kemsu.ru>

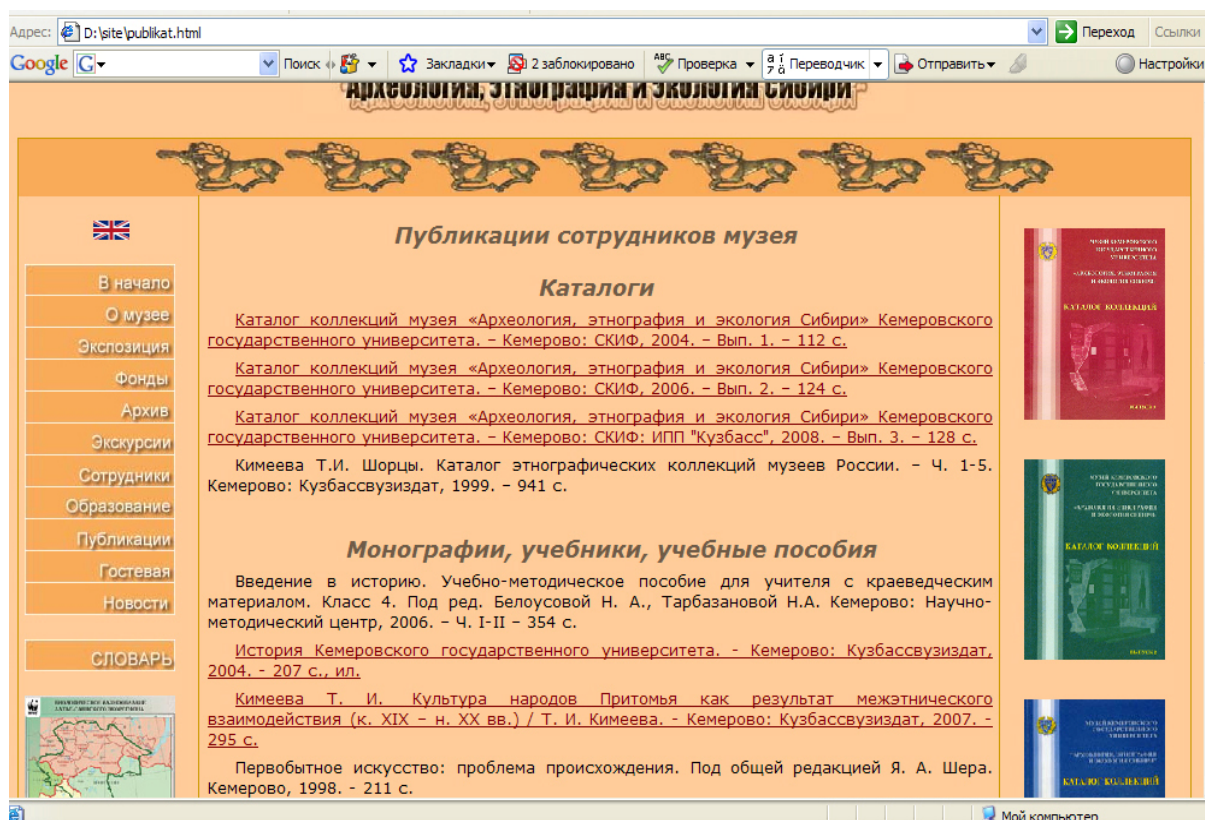

Рис. 2. Раздел «Публикации». Фрагмент страницы сайта

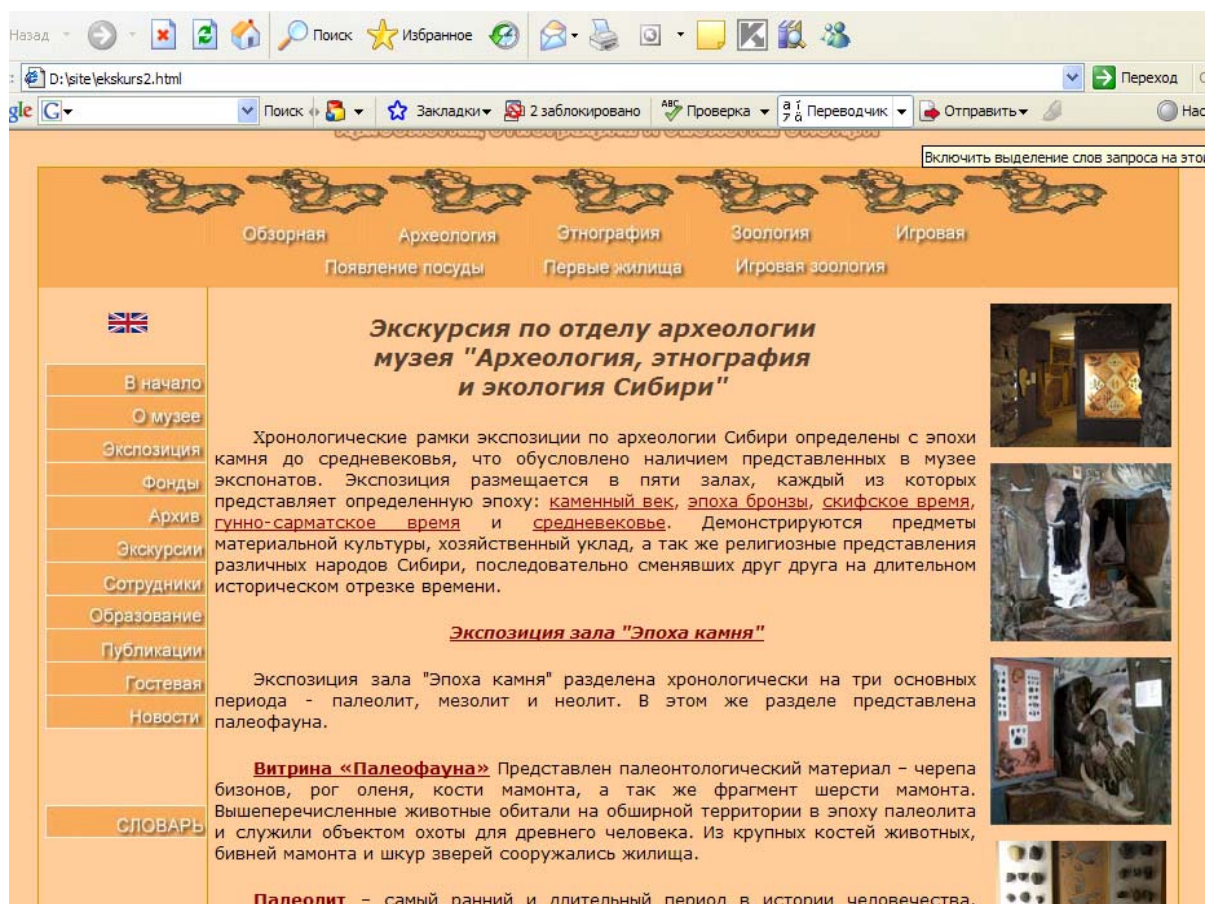

Рис. 3. Раздел «Экскурсии». Фрагмент страницы сайта

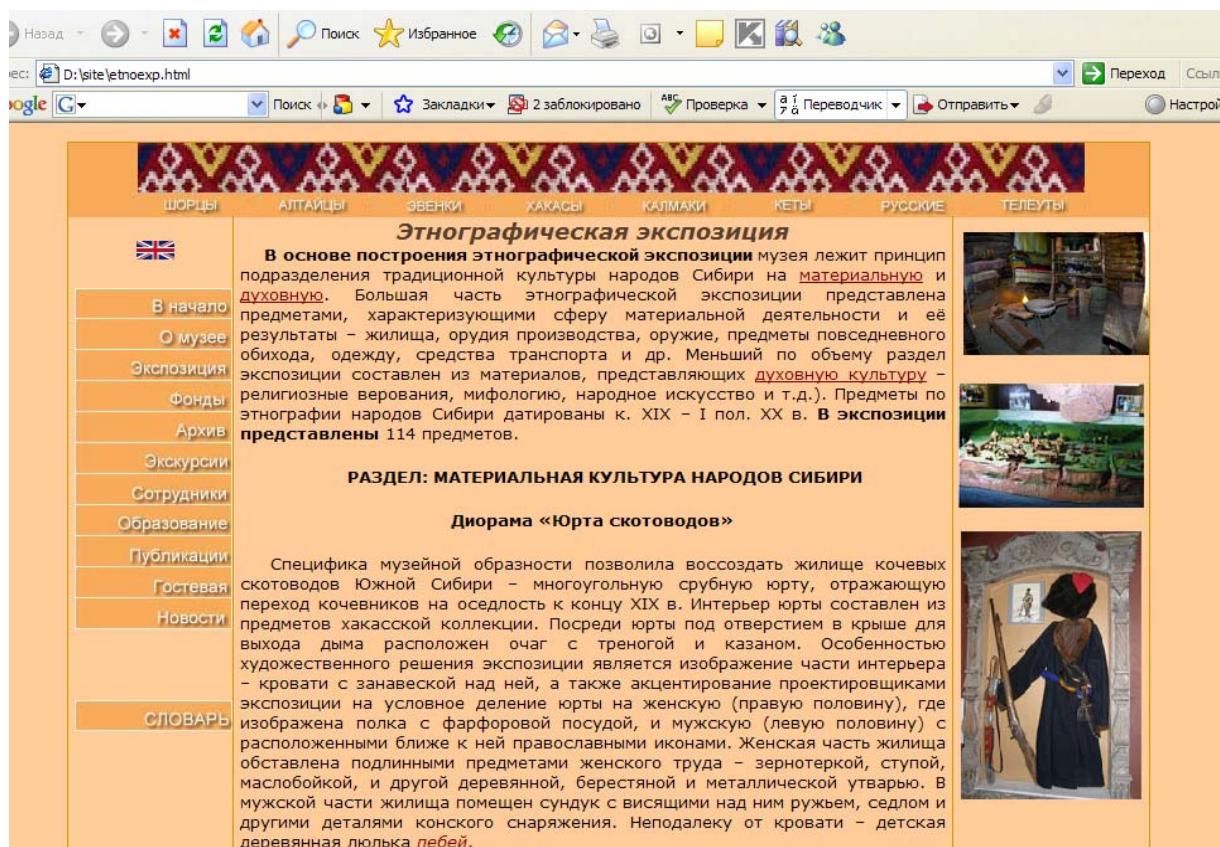

Рис. 4. Раздел «Экспозиция». Фрагмент страницы сайта

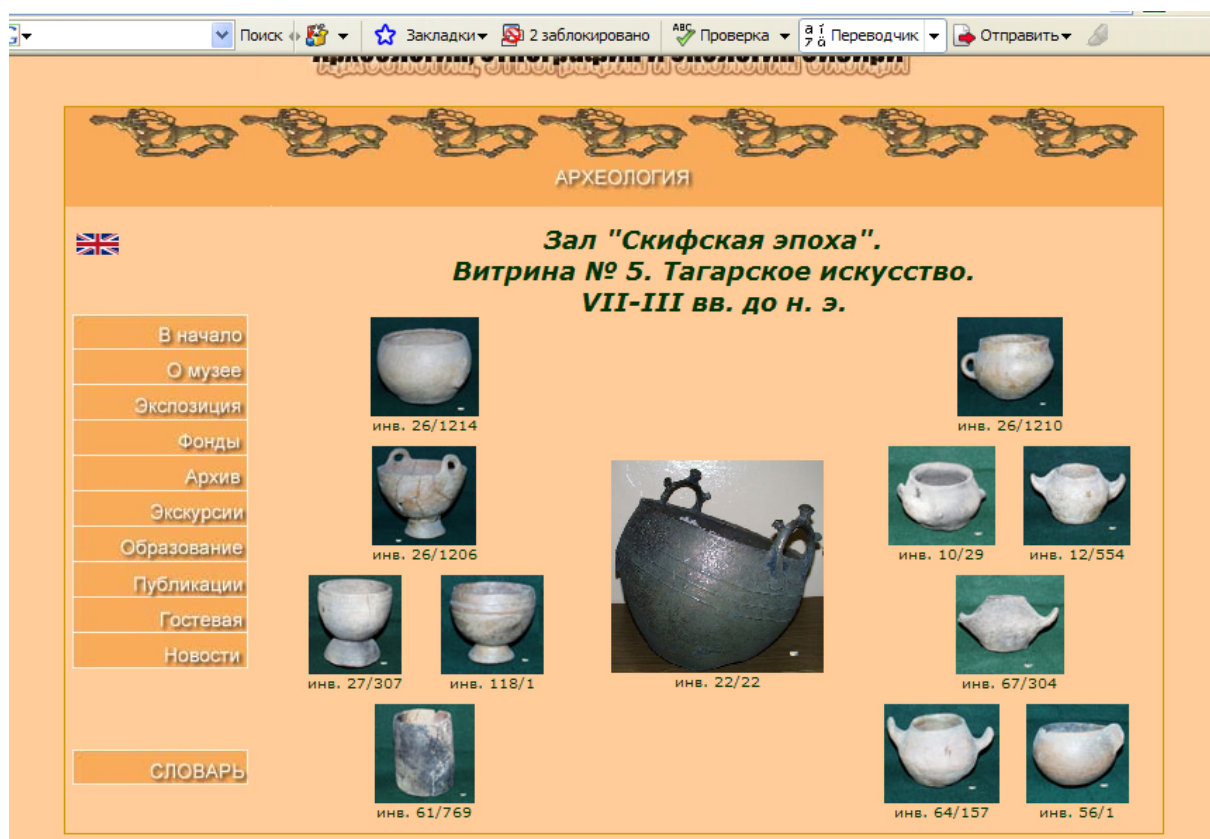

Рис. 5. Раздел «Экспозиция». Предметы из витрины в археологическом отделе.
Фрагмент страницы сайта

Рис. 6. Раздел «Фонды». Фрагмент страницы сайта

Рис. 7. Раздел «Образование». Фрагмент страницы сайта

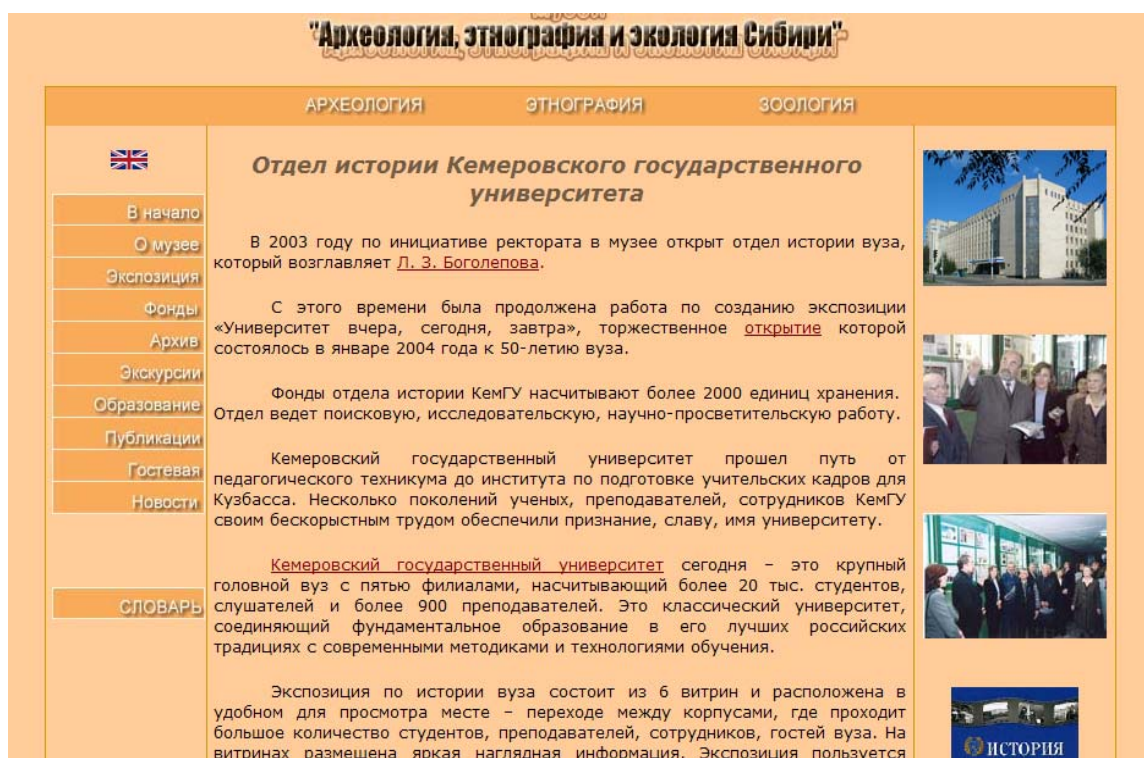

Рис. 8. Раздел «О музее». Отдел истории вуза. Фрагмент страницы сайта

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина, И. Н., Назаров, П. А., Нявро, В. Ф. К проекту создания электронной версии музея физики Томского государственного университета // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 401–403.
2. Белоусова, Н. А. Вузовские музеи и их вклад в сохранение историко-культурного наследия // Основные концептуальные подходы к определению социокультурной роли музеев в общественной жизни региона. Материалы заседания Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры РФ 5–9 августа 2002 г. – Иркутск: «Оттиск», 2002. – С. 133–136.
3. Белоусова, Н. А., Боброва, Л. Ю., Кимеева, Т. И., Шрайбман, О. Б. Культурно-образовательные и информационные ресурсы музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Краеведение: право на жизнь: материалы областной научно-практической конференции. – Кемерово: «Притомское», 2004. – С. 104–106.
4. Белоусова, Н. А., Касастикова, Л. Ю. Электронные ресурсы музея КемГУ «Археология, этнография и экология Сибири» и их применение на примере археологических коллекций // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во Кузбассвуиздат, 2006. – С. 139–148.
5. Загоскин, Д. В., Пономарев, А. А. Информационные технологии как способ расширения музейной аудитории // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 396–398.
6. Корусенко М. А. Создание web-ресурса «Музей археологии и этнографии ОмГУ»: проект и решения // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: материалы Всероссийской научной конференции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 388–391.
7. Шрайбман, О. Б. Роль музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета в экологическом образовании // Непрерывное экологическое образование: проблемы, опыт, перспективы. Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции. – Томск: ОГУ РЦРО, 2008 – С. 264–265.

ИНТЕРНЕТИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА И СЕРВИСА

Кемеровский государственный институт культуры и искусств

г. Кемерово

Если представить историю развития информационных технологий в виде хронологической лестницы (рис. 1), то легко убедиться, что «судьбоносными» для библиотек были *вторая «ступень»*, знаменовавшая собой появление нового способа фиксации информации – книгопечатания, а также *четвертая*, обеспечившая переход к машинным способам реализации информационных процессов, и *пятая*, связанная с развитием компьютерных телекоммуникаций, появлением новых средств и способов передачи и распространения информационных сообщений.

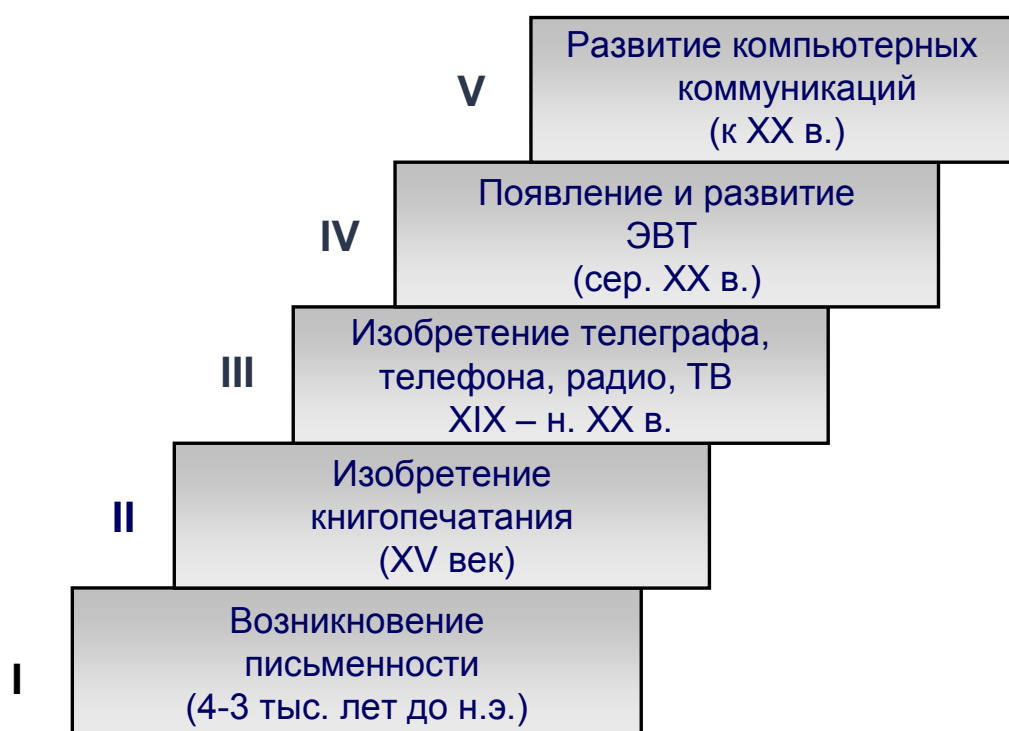

Рис. 1. Этапы развития информационных технологий

Изобретение книгопечатания стимулировало появление общедоступных библиотек, призванных обеспечивать формирование и сохранение книжных коллекций, предоставление книг во временное пользование, продвижение чтения. Развитие электронно-вычислительной техники и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) существенным образом повлияло на содержание деятельности библиотек, реализацию их функций как информационного и социокультурного института общества. На характеристике влияния ИКТ на библиотечное производство и сервис сосредоточим свое внимание.

Модернизация информационных процессов под влиянием ИКТ

Информационный процесс	Суть модернизации
Сбор информации	Многообразие и доступность источников библиографических и фактических сведений, полнотекстовой информации, мультимедийных ресурсов. Возможность заказа (получения) информации (документов) через сеть Интернет. Возможность формирования электронных «досье», дайджестов, подборок
Обработка информации	Освоение машинных способов переработки информации (перевод, реферирование, расчеты, графическая интерпретация данных и зависимостей и др.). Неограниченные возможности смыслового и технического редактирования, авторизации. Диверсификация форм визуализации информации. Простота копирования и тиражирования информации без потери качества. Возможность отчуждения информации от документа
Организация информационных массивов	Распространение гипертекстовых структур (www). Базы и банки данных. Электронные библиотеки
Хранение информации	Уменьшение объемов хранения. Простота создания резервных копий. Необходимость новых способов защиты информации от несанкционированного доступа, кражи, искажения, уничтожения
Поиск информации	Упрощение процедуры поиска, возможность осуществлять его на естественном языке. Оперативность поиска. Значительный удельный вес «информационного шума». Необходимость дополнительных затрат и интеллектуальных усилий на фильтрацию и отбор информации
Распространение информации	Диверсификация форм и каналов предоставления и распространения информации за счет компьютерных телекоммуникаций. Простота и оперативность передачи (доведения) информации. Глобализация коммуникационных процессов

Глобальные трансформации коснулись *всех* информационных процессов (табл. 1), вызвав изменения во *всех* сферах информационного производства, включая библиотечную отрасль. В «доинтернетовскую» эпоху освоение библиотеками компьютерных технологий ограничивалось автоматизацией внутренних библиотечных процессов (комплектование, обработка, учет, отчетность), созданием электронных каталогов, фрагментарной оцифровкой подфондов редких книг, региональных и местных газет, краеведческих изданий и т. п., приобретением ограниченного ассортимента электронных ресурсов на локальных носителях (мультимедийные издания, библиографические базы данных, электронные журналы). При этом библиотечный сервис «прирастал» преимущественно услугами копирования и трансформирования информации (переноса данных с одного носителя на другой). Эксплуатация ограниченного фонда электронных документов библиотечного хранения была затруднена из-за отсутствия достаточного количества точек доступа, опыта продвижения и эксплуатации электронных ресурсов, психологической и прагматической неготовности пользователей к работе с электронной информацией.

Интернет-технологии позволили вывести библиотечное производство на качественно новый уровень реализации «обеспечивающих» процессов (формирование фонда, каталогизация документов библиотечного хранения, библиографирование и др.), расширить ресурсную базу информационного обслуживания до трудно поддающихся количественной оценке масштабов web-пространства, и, главное, разнообразить ассортимент предоставляемых библиотечным пользователям информационных услуг.

Обозначим наиболее яркие проявления интеграции сетевых технологий в основные процессы библиотечного производства.

Логично начать с процесса **комплектования библиотечного фонда**. Бурное развитие Интернет-рекламы (в том числе и в секторе книгораспространения и книжной торговли), формирование системы электронного заказа, появление книжных магазинов и книготорговых фирм on-line, реализация национальных корпоративных проектов («Комплектование.ru», «КОРБИС») позволили библиотекам оформлять заказы через Интернет, оплачивать их через систему электронных платежей, получать электронные издания по каналам связи, а книжную продукцию и периодические издания – традиционными средствами доставки. Электронный заказ, помимо очевидных преимуществ оперативности и снижения затрат на комплектование, позволяет формировать базу данных «Заказанная литература» на основе библиографических записей, заимствованных из источников электронной рекламы.

Новые возможности снижения трудоемкости процесса **каталогизации** поступающих в библиотеку **печатных и электронных документов** и избавления от многократного дублирования библиографической обработки одних и тех же изданий предоставляет базирующаяся на телекоммуникационных технологиях «**каталогизация заимствованием**». У участников масштабных корпоративных проектов («Сводный каталог библиотек России», Библиографическая база данных «Вся Россия», «Сводный каталог периодики библиотек России», «Межрегиональная аналитическая роспись статей» и др.) появилась реальная возможность при обработке новых поступлений заимствовать

библиографические записи, подготовленные квалифицированными специалистами национальных библиотек, Российской книжной палаты, партнерами по проектной деятельности, редактируя их и конвертируя в собственные каталоги. Таким образом, сформирован и «запущен» в действие механизм реализации принципа однократной обработки поступающих в библиотечные системы и сети документов и многократного и многоаспектного использования библиографических записей.

Именно Интернет вдохнул новую жизнь в нереализованные ранее многочисленные проекты создания сводных библиотечных каталогов отдельных *видов изданий*: «База данных книг периода ручного прессы (НРВ)» – коллекция объемом более 1 000 000 записей, отражающая европейское печатное наследие со времени появления печатной книги до 1830 г. (Консорциум европейских научных библиотек / Российская национальная библиотека), «Книги на западноевропейских иностранных языках, изданные в России в 1701–1800» (Российская национальная библиотека); *территорий*: Корпоративный каталог «Тверь и партнеры», Сводный каталог библиотек г. Воронежа, Сводный каталог муниципальных библиотек Белгородской области и др.; конкретного *тематического профиля*: «Российский сводный каталог по научно-технической литературе; (ГПНТБ России); «Сводный каталог периодики и аналитики по медицине» Некоммерческое Партнерство «МедАрт», «Сводный электронный каталог неопубликованных документов и малотиражных изданий по культуре и искусству» (Российская государственная библиотека, ИНФОРМКУЛЬТУРА).

Web-ресурсы Интернет как наглядный пример глобального гипертекста способствовали продвижению гипертекстовых технологий в библиотечную среду. Так, при *организации информационных массивов* (фондов, каталогов, баз данных) библиотеки отдавали абсолютное предпочтение иерархическим и реляционным структурам. Потребность в формировании полнотекстовых баз данных и обеспечении доступа к внутренним и внешним электронным ресурсам обусловили интерес к сетевым способам организации информационных массивов по принципу гипертекста, созданию поисковых систем, обеспечивающих смысловой поиск *методом навигации* – продвижения по логически связанным данным в целях поиска требуемой информации.

Интернет обеспечил реальную возможность формирования распределенных информационных массивов, «породил» феномен *электронной библиотеки как распределенной информационной системы*, позволяющей формировать, хранить и эффективно использовать разнородные коллекции электронных документов, предоставляя доступ к ним через глобальные сети передачи данных в удобном для пользователя виде. Сегодня удаленные пользователи через реальную библиотеку или минуя ее, могут пользоваться «фондами» универсальных, отраслевых, политематических электронных библиотек («Научная электронная библиотека eLIABRARY.RU»; «Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор» (<http://feb-web.ru/>); электронными коллекциями отдельных видов изданий («Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов» (<http://school-collection.edu.ru/>); ориентированными на конкретные группы пользователей («Электронная библиотека детской литературы KidsBook» (<http://www.kidsbook.ru/>) примеры); сформированными по территориальному признаку

(«Электронная библиотека Томской областной универсальной научной библиотеки имени А.С. Пушкина» (<http://elib.tomsk.ru/>) и т. п.

Серьезность ресурса, кумулируемого электронными библиотеками, требует разработки новых механизмов полнотекстового поиска с учетом морфологии и семантики. На это ориентирован, в частности, проект Ассоциации региональных библиотечных консорциумов (АРБИКОН) «Электронное полнотекстовое объединенное собрание» (ЭПОС), имеющий целью отработать технологию поиска в едином информационном массиве электронных библиотек участников проекта (более 500 тыс. электронных документов).

Серьезным трансформациям подвергся процесс *поиска информации*. Это обусловлено расширением (до масштабов Интернет-пространства) информационной базы удовлетворения библиографических и фактографических запросов пользователей, дополнительными возможностями и сложностями полнотекстового поиска. Наряду с традиционными методами поиска по ключевым словам, типовым алгоритмам, библиографическим ссылкам, широкое распространение получили методы *навигации* – использования ассоциативных связей между поисковыми признаками и другими понятиями в процессе продвижения по гиперссылкам в гипертекстовых информационных системах и *броузинга* – беглого просмотра полных текстов в процессе навигации по установленным связям. С одной стороны, эти методы более «гостеприимны» к пользователю: не предъявляют жестких требований к формулировке запроса (он может быть задан на естественном языке). С другой, когда количество подлежащих просмотру ссылок превышает некоторую «критическую массу», броузинг может оказаться неприемлемо продолжительным, и возникает опасность дезориентации в гиперпространстве. Избежать этой опасности помогают профессионально подготовленные библиографы-поисковики, либо специально создаваемые поисковые средства (графические браузеры, графические карты, логические схемы), путеводители по ресурсам Интернет («Регистр полнотекстовых и библиографических ресурсов WWW для библиотек» (<http://www.nlr.ru/res/webpro.htm>)).

Самым важным в контексте заявленной темы нам представляется ответ на вопрос: какие дополнительные сервисы обеспечил Интернет реальным и виртуальным пользователям библиотек.

Компьютерные технологии вообще и телекоммуникационные, в частности, стимулировали библиотеки к расширению ассортимента создаваемых ими *информационных продуктов*. Освоив мультимедийные технологии, научившись иллюстрировать библиографические, аналитические, учебные, рекламные тексты статичной и динамичной графикой, аудиосопровождением, получив возможность «публиковать» свою продукцию в сети Интернет, библиотеки избавились от диктата издательств, преодолели скромные возможности собственных издательских подразделений и бюджетные ограничения.

Конечно, главным Интернет-продуктом стали сайты – виртуальные представительства библиотек в глобальной сети. Долго и трудно шло освоение библиотечным сообществом технологии сайтостроения. Однако сегодня, благодаря усилиям програм-

мистов, дизайнеров, психологов, ученых-исследователей феномена Интернет можно говорить о сформированных структурно-семантических моделях библиотечных сайтов, согласованных требованиях к их программному обеспечению и дизайнерскому оформлению, разработке концептуальных подходов к оценке качества. Сайты обычно привлекают внимание пользователей наличием: «представительской» информации о библиотеке (история, структура, ресурсы, услуги, график работы, контакты), онлайн-ового электронного каталога, актуальных для пользователей полнотекстовых ресурсов, востребованной региональной информации (преимущественно справочного характера), регулярно обновляемого новостного блока, ссылок на востребованные и информативные сайты, электронные библиотеки и другие источники. Дополнительную «посещаемость» сайту обеспечивают интерактивные формы общения (форум, гостевая книга, опросы, викторины) а также возможность получить дополнительные услуги (виртуальная справка, предварительный заказ изданий, электронная доставка документов и т. д.).

Особое значение имеет «публикация» на библиотечном сайте уникального ресурса – краеведческой информации. Таким образом историческое, экономическое и социокультурное своеобразие региона оказывается «вписанным» в доступную сетевому сообществу картину глобального мира. Результаты библиографической, аналитической, исследовательской краеведческой деятельности библиотек нашли воплощение в разнообразных жанрах представленной в Интернет информационной продукции.

Библиотеки предлагают вниманию Интернет-сообщества как традиционные виды краеведческой информации (текущие и ретроспективные библиографические указатели, библиографические списки, календари знаменательных и памятных дат и др.), так и новые продукты – результат активного освоения ИКТ (мультимедийные базы данных, путеводители по Интернет-ресурсам, виртуальные экскурсии, лекции и др.).

На эмпирическом уровне можно выделить следующие виды краеведческих электронных продуктов, представленных в глобальной сети: *библиографические, полнотекстовые и фактографические* (табл. 2). На основе анализа Web-сайтов 50 областных (краевых) библиотек России установлено, что среди виртуальных краеведческих продуктов преобладают библиографические (их содержат 54 % сайтов); полнотекстовые краеведческие ресурсы обнаружены на 30 % сайтов. Фактографические краеведческие продукты представлены на web-сайтах 16 % библиотек. Среди библиографических краеведческих продуктов доминируют краеведческие электронные каталоги (ЭК) книг, периодических изданий, новых поступлений; библиографические указатели, списки; базы данных (БД) (универсальные, тематические, отдельных видов изданий и др.).

Полнотекстовые краеведческие продукты включают: издания библиотеки (проекты, материалы конференций, семинаров, библиотечных чтений, выставок); редкие книги; исторические документы по проблемам края; информацию об отдельных уроженцах края, статистику и др.

Среди фактографических электронных продуктов на Web-сайтах библиотек преобладают календари знаменательных дат (хронографы); различные справочные БД (названий улиц городов, памятников, архитектурных сооружений, телефон и адресов и др.); путеводители по Интернет-ресурсам.

**Виды краеведческих электронных продуктов,
представленных на сайтах универсальных научных библиотек**

Виды краеведческих электронных продуктов	Примеры
Библиографические	БД «Фольклор Красноярского края», «Изобретения и изобретатели Красноярского края» (УНБ Красноярского края); «Новые поступления краеведческой литературы», «Герои Советского Союза – Кузбассовцы» (Кемеровская ОНБ); «Освоение Сибири: аннотированный библиографический указатель по фондам Новосибирской областной универсальной научной библиотеки» (Новосибирская ОУНБ); Электронный каталог «Пушкинский Томск»; Сводная база «Краеведение Томской области» (Томская ОУНБ)
Фактографические	«Календарь памятных дат Кузбасса 2001–2006 гг.» (Кемеровская ОНБ); «Альбом с видами Ново-Николаевска, 1904 г.» (Новосибирская ОУНБ); «Город многоликий (300-летию Омска посвящается...)» (Омская ОНБ); «Экологическая служба Архангельской области» (Архангельская ОНБ)
Полнотекстовые	«Общая информация о Кемеровской области» (Кемеровская ОНБ); «Памятники истории и архитектуры федерального значения г. Томска» (с 2004 г.), «Сибирское областничество» (Томская ОУНБ)

Одной из перспективной форм систематизации краеведческих Интернет-ресурсов и способом информирования удаленных пользователей являются путеводители (каталоги Интернет-ресурсов). *Каталог Интернет-ресурсов* (англ. *web directory*) – структурированный набор ссылок на сайты с кратким их описанием. Каталог обычно имеет тематическую структуру, внутри рубрик сайты могут быть ранжированы по индексу цитирования, дате отражения сайта в каталоге, алфавиту или по другому признаку.

Анализ сайтов областных (краевых) библиотек позволил выявить наличие данного информационного продукта лишь у 44 % объектов анализа. Представленные на Web-

сайтах библиотек путеводители можно разделить на четыре категории: *путеводители по краеведческим ресурсам Интернет* («Сайты о Красноярском крае», «Томск, Сибирь и краеведение на страницах Интернет»); *путеводители по библиотекам региона или областного города* («Библиотеки Тверского региона», «Путеводитель по библиотекам Брянской области», «Библиотеки г. Владимира»); *путеводители по библиотеке* («Экскурсия по библиотеке» (Омская ОНБ); *тематические путеводители* («Томск литературный», «Исторические Интернет-ресурсы» (Томская ОУНБ).

Таким образом, внедрение Интернет-технологий в библиотечную практику содействовало решению приоритетных задач краеведческой деятельности: обеспечение доступности краеведческих ресурсов региона в самом регионе и за его пределами; распространение информации о регионе; формирование и развитие региональных информационных потребностей; привлечение удаленных пользователей.

Наконец, интернетизация дала значительный «прирост» ассортимента **информационных услуг**, доступных читателям библиотеки и ее виртуальным пользователям. Это: удаленный (включая мобильный) доступ к электронным ресурсам самой библиотеки и других фондодержателей, услуги виртуальной справочной службы, электронный междубиблиотечный абонемент (МБА), электронная доставка документов (ЭДД), электронная подписка на периодические издания для внешних пользователей, обслуживание пользователей в режиме текущего информирования по долговременно действующим запросам (путем передачи информационных сообщений по электронной почте), предоставление web-сайта для публикации документов других организаций и физических лиц, создание специализированных виртуальных читальных залов и др. На базе Интернет-технологий библиотека получила возможность оказывать широкий спектр образовательных услуг: организация доступа к электронным библиотекам учебного назначения, образовательным ресурсам Интернет; размещение на сайтах интерактивных учебных комплексов, обучающих методике информационного самообслуживания (поиск в электронных каталогах, ресурсах Интернет, правила библиографического описания документов, оформление библиографических ссылок, списков литературы и т. п.); проведение библиотечными Центрами открытого доступа в Интернет дистанционных тренингов по формированию информационной культуры пользователей; проведение учебных теле- и видеоконференций и т. п.

Согласно взвешенным прогнозам, Интернет будет развиваться в направлении его интеллектуализации. Прообразами доступных рядовым пользователям семантических сервисов Интернет второго и третьего поколений становятся блоги, технология wiki, методика автоматической систематизации электронных ресурсов и др. Это дает основания надеяться, что новые сервисные возможности Интернет будут освоены библиотеками и позволят им более полно проявлять свою самобытность в глобальной информационной сети, качественно удовлетворять информационные и социокультурные потребности реальных и виртуальных пользователей.

БИБЛИОТЕКА В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Чаньчуньский педагогический университет,

г. Чаньчунь (КНР)

前言

计算机与通信结合把人类带进了网络时代。进入90年代以后，随着卫星通信和光纤通信在内的数据通信技术的发展，现代信息网络方兴未艾。局域网、城域网、广域网、国家网、国际网以及各类网络软件日趋成熟；计算机网、通信网和信息资源网相互渗透、相互融合、互连互通，出现了全球网络化趋势。

计算机技术

和通信技术的迅猛发展所带来的网络化，对图书馆的影响是全方位的、多层次的。它既毫不留情地从资源结构、信息服务、管理手段、人员素质和图书馆形态等角度改造了图书馆系统的实践基础

，又深深地触动了图书馆系统的理论基础、体系结构和相关学科等理论根基，同时也给图书馆管理学方法论体系带来了极大的震撼。信息组织的网络化，不仅意味着传统的文献情报工作模式的变革及文献情报服务与组织理论的深化和拓展，而且给图书馆系统的组织与管理活动施加了新的压力，从而也为以图书馆系统的组织与管理活动为研究对象的图书馆的发展奠定了新的实践基础，同时也提出了以全新的视野和相对前瞻的高度深化研究的要求。

面对全球性

信息网络化浪潮、各种信息媒介的发展和融合以及激烈的信息市场竞争，目前世界范围的图书馆事业出现了重新起步、重新设计、重新培训和重新构筑的从头越热潮。图书馆事业这一转机，对我们既是严肃的挑战，更是难得的机会。面向网络时代重新设计和重新构筑我国图书馆系统，是摆在我们面前的一项重要课题。

1 观念务实

所谓观念务

实，是指图书馆管理学理论研究要密切联系网络化对图书馆管理活动的渗透和侵蚀这一实际

。具体而论，这一实际的内涵包括：第一，信息网络化已深深地动摇了图书馆管理学的实践基础，图书馆信息资源结构的综合化、信息服务的电子化、多元化、系统化和科学化、图书馆管理手段的高技术化与复合化、图书馆形态的高级化与多极化等趋势日益明朗；第二，网络化环境下图书馆用户的信息需求表现出一些新的特点，如社会化、综合化、集成化和高效化等；第三，世界经济的发展对网络信息资源的依赖程度正在增强

，网络信息资源的开发与利用已成为社会经济发展和图书馆事业发展的重要推动力，网络信息资源管理将成为国际竞争的新的战略制高点；第四，我国社会主义市场经济的发展要求建立全新的信息保证体制，按市场经济的规律提供全方位、多功能的信息服务，即按产业化模式组织社会信息工作，构造联系社会各部门、各行业的信息服务网络。

由于以实践

为基础和显著特点的图书馆管理学，其科学性、真理性以及旺盛的生命力的保证就在于它同实际的紧密联系，因此我们应将图书馆管理学的研究火力集中于图书馆管理事业的发展方面，多研究一些网络化

过程中图书馆的实际管理问题，少虚构一些空洞的玄妙理论。要有时代紧迫感，坚持理论与实践统一、领导与群众相结合的科学传统，脚踏实地，循序渐进。那种无视网络化冲击下图书馆管理活动中新滋生的大量实际问题，热衷于引进或移植其他学科领域的新原理、新方法或新技术，津津乐道于构筑图书馆管理学空中楼阁的研究倾向，不仅不能对图书馆管理实践发挥指导作用，而且有可能把图书馆管理学研究引入歧途，给图书馆管理实践带来不可估量的损失。

2 学科定位

现代社会发

展的一个重要特征是信息组织网络化和信息服务社会化，信息技术和包括信息服务在内的信息经济活动已成为社会进步的一大关键。这就要求人们进行合理规划和组织，从优化信息管理入手加速社会的发展进程。自70年代以来，各国所进行的信息技术管理、信息系统与网络、信息经济以及社会信息化机制等方面的研究极大地丰富了信息管理的研究内容，因而客观

地形成了一个新的跨学科研究领域信息管理科学研究领域。信息管理科学是信息网络化浪潮催生出来的一门发展中的学科，其研究内容正处于不断完善之中。从目前情况看，该学科只是处于初期发展阶段，未能形成严格的层次结构。例如，有的学者将信息管理科学划分为两大部类，即理论与应用基础学科和应用性学科，其中前者包含信息管理基础、信息资源管理学、信息系统开发与管理、信息技术管理等分支学科，后者包含管理信息学、科技信息管理学、经济信息管理学、文书信息管理学、新闻信息管理学、广告信息管理学、专利信息管理学等分支学科〔1〕。也有学者将信息资源管理学划分为文献信息管理类学科和现代信息管理类学科两大部类，其中前者又析出图书馆学、情报学、文献学、档案学、编辑学、出版发行学等分支，后者又析出经济信息管理、行政信息管理、卫生信息管理、市场信息管理等分支〔2〕。

由于信息管理是图书馆管理活动的一个核心组成部分，图书馆管理学不可能不研究信息管理，因此图书馆管理学与信息管理科学具有不可分割的天然联系。在信息管理科学的结构框架尚无定论、当代科学既高度分化又高度综合、新兴学科不断涌现的背景下，如何找准图书馆管理学在科学总结构中的位置，关系到图书馆管理学的前途和命运。众所周知，每一门学科都具有符合自身目标与任务的特定对象、适合该对象的概念系统、该对象所固有的规律以及能够解释大量事实的原则和理论。这就是一个学科的体系构成或规范，也是这一学科区别于其它学科的个性。因此，明确图书馆管理学的目标和基本任务，划定图书馆管理学的对象、内容和范围，正确给图书馆管理学定位，是我们加强网络时代图书馆管理学学科建设、促进图书馆管理学发展的前提和基础。

任何不恰当的学科定位，哪怕是出于良好的愿望，也会影响学科发展。图书馆管理学的目标和基本任务是什么呢？我们认为，图书馆管理学的目标和基本任务是在充分认识图书馆系统结构的内在联系和网络化环境下系统运动规律的基础上，揭示人对图书馆系统整体进行优化控制的原理、原则和方法，以及实现其最佳控制实践的过程，即图书馆系统管理的科学化。这就是我们给图书馆管理学定位的出发点和准绳。

在图书馆管

理学的定位问题上，最容易引起混乱的地方莫过于如何看待图书馆管理学与信息管理科学的关系。目前人们对这一问题的看法或明或暗，众说纷纭。尤其随着信息网络社会化进程的加速，信息管理科学的体系逐渐膨胀，信息管理科学也日益成为众多学者关注的焦点，人们对图书馆管理学的兴趣锐减，图书馆管理学遭到了不应有的冷落。这种局面极大地妨碍了图书馆管理学的发展。我们认为，图书馆管理学与信息管理科学既有联系又有区别，二者之间是一种共存共荣的关系。信息管理科学是在许多学科的交叉处产生的新兴学科，信息管理科学所研究的许多问题甚至是图书馆管理学发展中的关键性前沿课题。但是，这一情况并不意味着信息管理科学已取代图书馆管理学，更不能由此推断图书馆管理学的消失。相反，信息管理科学的发展将为图书馆管理学提供新的生长点和新的研究方法，促进与实践密切联系的图书馆管理学的加速发展。主要原因在于，信息管理科学的研究内容是存在于图书馆管理活动和其它社会管理活动中的具有普遍性的问题，不包括具体的图书馆管理学某些特殊问题的研究。虽然随着实践的发展和理论研究的深入，它们的关系可能会发生新的变化，然而图书馆管理学利用信息管理科学的理论拓展深层研究领域、确立新的体系、调整其研究内容的趋势是不会改变的。

3 重筑图书馆管理学研究工程

尽管图书馆

管理学仅仅是图书馆学的一门分支学科，然而由于网络化对图书馆管理学实践基础的变革、理论空间的整合以及方法论的激荡，因此我们不得不重新审视图书馆管理学研究，不得不将图书馆管理学研究视作一项系统工程。重筑图书馆管理学研究工程既是当务之急，也是振兴图书馆管理学的前提和必然。

3.1 改造研究体制

研究体制是

研究活动的组织形式，它是研究活动的机构设置、职责权限和活动方式的综合系统。在信息网络社会化迅速发展的今，几乎任何重大的图书馆管理学研究上的突破都

需要社会有关领域和方面的共同努力，这就牵涉到研究体制问题。研究体制问题已成为图书馆管理学研究工程的重要组成部分。

3.1.1 加强宏观管理

对图书馆管

理学研究的宏观管理，从社会管理的角度，从图书馆、信息网络、经济、社会协调发展的角度

，由政府统一动员和组织社会力量参与和支持图书馆管理学创新，可以使图书馆管理学的发展达到前所未有的高度。尤其从目前图书馆管理学理论研究的现状看，仍存在着一些弱点，主要表现在：第一，程度不同地存在着理论脱离实际的现象。研究课题主要来自书本和各种知识载体提供的科研信息，满足于纯理论纯知识的研究，忽视对网络化过程中提出的管理问题的研究，因而削弱了图书馆管理学理论研究对管理实践的巨大推动作用

；第二，研究力量分散，难于承担重大理论问题的研究；第三，在网络环境下，图书馆管理学研究信息的获取方式、图书馆管理学研究成果的创作、出版和发表方式与过程管理规范都有别于传统，违反著作权法的行为更易得逞，这就加大了对图书馆管理学研究活动的管理难度；第四，由于受职称评定中强化量化指标等因素的影响，图书馆管理学研究往往重视成果的数量，忽视成果的质量和价值；第五，由于经费拮据，科研资料陈旧，研究手段落后，难以确保图书馆管理学研究成果的质量。因此，加强对图书馆管理学研究的宏观管理迫在眉睫

。这不仅关系到图书馆管理学的进展与深化，而且具有巨大的社会现实意义。

就具体措施

而论，对图书馆管理学研究的宏观管理应着重强调下列几点：第一，由中国图书馆协会定期组织制定图书馆管理学研究发展纲要，指导全国图书馆管理学的研究活动；第二，将网络化过程中图书馆出现的重大实际管理问题纳入国家社会科学基金项目、国家教育部人文社会科学研究项目、信息产业部、文化部、科学技术部等部委项目、省、市项目甚至国家自然科学基金项目之中，从多层面、多角度加大对图书馆管理学研究的支持力度；第三，在研究与开发的职责权限方面，以图书馆实际管理部门为主，高校、科研院所、社会团体为辅，两方面的力量实现优势互补，密切

协作，共同推动图书馆管理学的发展；第四，著作权法虽然不是关于图书馆管理学的专门法律，但它所规定的许多具体行为规范都适合于图书馆管理学研究活动，在一定程度上改变了图书馆管理学研究无法可依的状况，因此在图书馆管理学研究活动中应强化著作权意识，真正使著作权法成为图书馆管理学研究活动的保护神。

3.1.2 组建网上研究共同体，开展网上学术交流与合作

一般来说，

任何交流方式的实现，总要凭借一定的交流媒介。交流媒介一旦发生了变化，交流方式必然如影随形地更新。现代信息网络作为一种先进的交流媒介，消除了地域的自然障碍，冲破了过去那种地缘、血缘交流的狭小圈子。人与人之间、地区与地区之间的联系越来越广泛，人们的交流区间不断扩大，不断向更广的范围辐射：个人→家庭→邻里→单位→社区→国家→世界。此外，通讯卫星、光导纤维的问世，电话、电视、

电脑三者组合而成的多媒体的出现，信息高速公路的建立，使得通讯技术产生了质的飞跃，不仅达到快速、及时、准确，而且做到视听结合、图文并茂，远在天际，却似近在咫尺。交流方式的这种变革，无疑为我们组建图书馆管理学网上研究共同体，开展网上学术交流与合作，创造了良好的技术条件。

网上研究共同体作为一种科学建制，是图书馆管理学进步的载体，它有着自身的特点、运行规则 and 行为规范。网上研究共同体是一个具有一定自我调节功能和一定自主性的系统，它包括规范系统、评价系统、奖励系统和交流系统四个既相互联系，相互补充，又相对独立的子系统。加强网上研究共同体的建设，主要内容就是加强这四个子系统的建设。

首先是网上

研究共同体行为规范的建设。主要包括普遍性规范、公有性规范、无偏见性规范以及合理的怀

疑性规范等四种规范的建设。普遍性规范的建设包含两个方面的内容，即图书馆管理学研究的非个人特性和保障学术的民主与自由。公有性规范的含义包括：图书馆管理学研究者对其研究成果只能享有优先权，而不享有占有权；公开交流图书馆管理学研究成果。无偏见性规范要求图书馆管理学研究者应把观察、调查或实验所得

的数据视为至高无上的权威，绝不允许为了自己理论的需要或者为了沽名钓誉而胡编滥造和修改数据；要求图书馆管理学研究者在事实和真理面前，应克服学术上的偏爱心理和荣誉上的虚荣心；图书馆管理学研究者的成果要受到同行的严格审查。合理的怀疑性规范的建设内容包括：网上研究共同体对自己的理论持有批判的态度，它不断言有绝对的权威，也不承认有永恒的真理；图书馆管理学依据其对真理的认识，其精神内涵日益深入到其他社会领域。能否建立起崇尚科学、激励创新的宏观环境，对于促进图书馆管理学进步和经济社会的发展，都有着十分重要的意义。

其次是网上

研究共同体评价系统的建设。网上研究共同体同行评议的机制就在于，人们对图书馆管理学真理的探索是无穷无尽的，评价成果的标准只能是图书馆管理实践和共同体大多数学者的认识，方能把谬误减少

到最低程度。同行评议还有助于网上研究共同体对其内部进行有效的控制。在网上研究共同体内，同行评议的社会控制体现在两个方面：其一，任何图书馆管理学研究成果都要接受科学同行的严格审查，从而有效防止伪劣知识产品流入网络和社会；其二，图书馆管理学研究者的科研成果得到社会承认或获得社会奖励或科学荣誉，必须通过同行评议，即只有他们的科研成果具有科学价值和符合科学的行为规范，这种奖励的获得才能得到研究共同体的肯定与承认。

再次是网上

研究共同体奖励系统的建设。合理和完整的图书馆管理学奖励系统，是由网上研究共同体内部

和外部两个密切相关联的子系统构成的，即网上研究共同体内部奖励系统和外部奖励系统。内部奖励系统是指由网上研究共同体的各种学会、协会、学术基金会及独立的科研机构等颁设和开展的各种奖励活动而构成的奖励系统，它由图书馆管理学同行独立行使承认职能，由网上研究共同体把荣誉和承认通过网络传递给那些作出创造性贡献的图书馆管理学研究者。外部奖励系统是由国家各级政府部门、国际组织、企事业单位、群众团体、知名人士等颁设和开展的各种奖励活动构成的奖励系统，它体现了国家、社会对图书馆管理学研究者创造性贡献的承认、奖赏和鼓励。

最后是网上研究共同体交流系统的建设，学术交流是网上研究共同体的重要活动之一。在网络社会，图书馆管理学研究者的创造活动并不是封闭的，而是开放的，学术交流贯穿于图书馆管理学研究的始终。没有学术交流，图书馆管理学研究活动就无法进行，学术交流已成为网络时代图书馆管理学赖以生存和发展的基本机制。现代信息网络对图书馆管理学的学术交流已产生革命性的影响，例如：用户可在网上传送电子邮件；用户可在网上参加电子会议；用户可获得电子发行物；用户可在全网范围内检索资料；用户可获得共享的软件，用户可动用各种远程计算机设施，等等。总之，电子交流预示着将来的图书馆管理学学术交流不再有层次上的区别。网上研究共同体交流系统建设的主要内容包括学术活动交流和科学文献交流。

3.2 置换思维方式

图书馆管理

学现代化的核心问题是研究队伍的现代化，而对研究队伍的现代化产生重大和深远影响的则是其思维方式的现代化。由于思维方式在最高层次上属于世界观和方法论的范围，因此，它一旦形成就具有相对稳定性，并作为一种恒定的因素对图书馆管理学研究活动产生重大影响，为图书馆管理学研究活动建构起合理的思维前提和方法论前提，而且还不断地对这些前提进行哲学的自我审视和批判，从而实现对这些前提的更加合理和有效的重构。因此，探讨网络时代科学技术对图书馆管理学思维方式的影响，研究图书馆管理学思维方式现代化的历史趋势，寻找图书馆管理学思维方式现代化的基本途径，就既具有重大的理论意义，又具有重大的现实意义。

网络时代科

学技术的发展日新月异，全球性的网络革命正在兴起。由于思维方式具有世界观和方法论的意义，它牢牢地植根于人类物质生产实践的基础之上，并随着生产方式、生活方式和行为方式的变化而变化，因而这种趋势必然会带来图书馆管理学思维方式的变革，必然会对我们原有的图书馆管理学思维方式产生巨大的冲击和影响。第

一，现代网络革命极大地拓宽了图书馆管理学的研究视野和领域；第二，图书馆管理学的研究

对象在当代呈现出既高度分化又高度综合的态势，形成了图书馆管理学的立体网络和交叉结构；第三，现代网络革命要求图书馆管理学研究者必须具有较高的思维创造性和逻辑抽象能力；第四，信息网络的社会化向图书馆管理学研究者提出了强化社会合作的客观要求；第五，网络时代科学技术的发展改变了图书馆管理学研究者传统的封闭式的思维模式，为当代图书馆管理学研究者提供了新的反映模式和科学方法；第六，信息网络的新发展为图书馆管理学研究者提供了现代化的物质技术手段和操作体系。

总之，网络

时代科学技术的发展既向我们提出了变革图书馆管理学思维方式的客观要求，也为我们指明了变革的基本方向。我们认为，图书馆管理学思维方式现代化的必由之路，就是把西方先进的图书馆管理学思维方式移植到中国图书馆管理学优秀研究传统的土壤中，把中国传统的实践理性精神同西方的科学认知传统结合起来，形成适应网络时代图书馆管理学发展新特点的现代化的思维方式，即实践理性与科学理性的统一、系统分析与系统综合的统一、精确性与模糊性的统一以及决定论与非决定论的统一。

3.3 突出研究重点

3.3.1 图书馆管理学专业理论和方法论基础

随着网络化

管理模式的出现。图书馆管理对象随之变得广泛和复杂起来，这就必然导致图书馆管理学专业理论和方法论基础的多样性和多层次性。一方面，由于其丰富而特殊的活动方式和内容，使它必然地包容着或相关着一系列学科知识；另一方面，由于其内容与所包容或所相关学科知识的程度差异，又必然地有着专业基础理论和方法论与一般基础理论和方法论等不同的层次。由系统论、控制论、信息论、耗散结构论、协同论和突变论等横断科学和现代方法论组成的系统科学体系，由于其丰富的、多方面和多层次的内容，能够对图书馆

网络化管理实践发挥巨大的理论指导和方法论工具作用，理应成为当代图书馆管理学

重要的专业理论和方法论基础。我国图书馆管理学在这方面的研究已有一定的基础，但随着时间的推移和管理实践的发展，尚需不断深化和完善。

3.3.2 图书馆网络人才开发与管理

当前，信息

技术环境的变化，正在对信息的鉴别、获取、加工、存贮、分配、处理、传输和利用产生全面影响，借助于微电子技术处理有关声音，图形、文字、数据等信息的适用成果，以及数字化网络、多媒体技术和电脑控制全方位信息技术的新发展，在更大范围内和更深层次上改变着信息资源的形成和开发方式。不仅如此，图书馆管理活动也发生着深刻的变革，如管理内容信息化、管理手段自动化、管理结构网络化、管理决策民主化和管理队伍科学化等等。这些方面所提出的理论问题，使得图书馆网络人才的开发与管理问题日显突出

。只有做好这项工作，始终最大限度地沿着正确的轨道发挥网络人才的主动性和创造性，调动其积极性，才能实现图书馆网络化管理的良性运行，从而实现图书馆系统整体功能优化和目标优化。因此，图书馆网络人才的开发与管理问题应成为当代图书馆管理学的中心议题。无论是管理手段论、管理方法论、管理职能论的研究，还是管理目标论、管理绩效论的探讨，均应以此为轴心来展开。唯其如此，图书馆管理学才会富有时代气息，才有可能真正走向繁荣。

3.3.3 图书馆组织与管理体制

一定的组织

方式与体制结构是为一定的图书馆系统运行方式服务的。由于社会信息组织与服务体系的变化

，网络化管理模式的发展，以及信息技术变革的全面影响，现行图书馆组织与管理体制蕴藏着大量的新问题和矛盾。因此，探讨如何从网络化实际出发，克服我国图书馆事业组织与管理上的分散多头，从宏观上建立集中统一的领导体系和从微观上建立一个适应政治体制、经济体制和网络化管理需要的，管理机制、组织机构和管理制度三位一体的管理体制，是广大图书馆管理学研究者义不容辞的责任。由于为适应网络化而进行的图书馆

组织与管理体制变革具有整体性和全局性，需要广泛征求各方面的意见，并涉及到人

员素质的提高、基层组织的建设、群体关系、组织文化和气氛、职业心理等多种因素，因此需要进行较为详细的设计和论证。

3.3.4 面向电子信息的信息管理

目前，我国图书馆的信息管理模式基本上是图书馆时代在向数据处理时代过渡，但国外图书馆的信息管理模式正在从数据处理时代向信息技术时代变化〔3〕，因此研究以电子信息服务为主体的图书馆信息管理模式，现在应该提上日程。与模式转换相适应，图书馆的基础结构、业务结构、信息设备、信息资源、信息采集、信息加工、情报研究、信息存贮、信息服务、技术开发、投资结构和计划管理等方面，均应纳入图书馆管理学的研究范畴。

3.3.5 图书馆管理活动中的法律问题

图书馆是从事信息采集、加工、处理、存贮、传递和提供等活动的社会服务部门，其业务活动的客体在本质上上是精神状态的信息，而这些信息在某种意义上都是人类智力活动的结果。在市场经济法制化的环境中，这些信息在理论上各有其特定的知识产权状态。在图书馆管理活动中，必然要涉及到智力成果主体的人身权和财产权的得失、归属、转移和处分问题，知识产权的专有性、地域性和时间性等特点也会对图书馆管理活动产生不同程度和不同角度的制约作用。尤其是，现代电子信息技术对知识产权的影响既全面又深刻，网络环境下有关科技信息的知识产权管理所面临的问题既多又复杂，诸如多媒体与数字化作品的版权问题、作品在网络中的传播与发行问题、技术保护及信息安全问题、登记管理问题、知识产权的许可和权利金的支付与收取问题、作品的展示和信息合理使用问题、首次销售原则问题、多媒体作品创作中对现有作品的使用问题、数据库的保护和使用问题、网络系统管理者的权限和承担的法律 responsibility 问题等等〔4〕。因此，图书馆管理人员应具有较强的知识产权意识，对于图书馆管理活动中的法律问题应从知识产权的角度予以分析，确保既最大限度地利用现有信息资源，又不违背法律；既为用户提供更多的方便，又妥善解决对外交流中的法律问题。为了实现这一理想，图书馆管理学理论工作

者责无旁贷。当务之急是与法学战线的理论工作者加强协作，并肩作战，尽快推出一系列科学性与实用性兼备的理论产品来指导图书馆管理实践。

4 再造图书馆管理专业教育体系

信息网络化

的浪潮，使高技术成了提高劳动生产率的最重要手段和发展社会生产力的主要方向，社会生产力就其性质、规模和发展速度来讲，将进入一个崭新的质的阶段。这将猛烈地冲击社会生活的各个领域，带动全方位的社会性变革。作为整个图书馆事业重要组成部分的图书馆管理专业教育事业同其他事业一样，正面临着网络革命的严峻挑战，图书馆管理专业教育的目标、观念、内容和方法都将受到冲击。正如约翰奈斯比特所言：我们所面临的最大挑战是如何训练人员为信息社会服务，工作岗位不会缺乏，但谁具有操纵这些技术的能力来胜任这些工作呢？〔5〕

因而在这种背景下，我们应根据国家科技、经济和社会发展总体规划，结合我国信息队伍建设的需要

，把图书馆管理专业教育的重点放在发展高层次的专业教育上，加速双学位教育，扩大硕士点和博士点。在宏观上既要满足90年代我国对图书馆管理人才的需求，又要放眼21世纪为培养网络社会所需要的智能型信息人才打下坚实的基础。当前应着重培养二个方面的信息专门人才：一是适应市场经济发展需要的图书馆管理与经营方面的信息专家；二是适应图书馆网络化发展需要的信息技术与通信方面的信息工程技术专家。

课程建设服

务于培养目标。因为课程是教育过程的基本环节，是组成教学计划的基本细胞。只有每门课程都具备高质量，教学计划规定的培养目标才能顺利实现。那么，如何优化我国图书馆管理专业教育课程体系的设计呢？笔者认为：第一，通过国际图书馆管理专业教育项目交流，以加强同世界的联系，掌握最新的图书馆管理专业教育课程体系设计信息，并作为设计我国图书馆管理专业教育课程体系的借鉴；第二，开展国际图书馆管理专业教育课程体系研究的信息网络建设；第三，与国外大学联合培养图书馆管理专业教育人才，互派访问学者，聘请客座教授，直接引进和吸收国外先进的图书馆管理专业教育课程体系研究成果。

在目前的技

术环境中，图书情报工作者要承担知识信息组织的任务，同时成为高速信息网络的导航员、协调员和管理员，应当熟练掌握计算机信息加工处理和网络方面的知识及信息系统与信息组织方面的知识。这些知识基本上可由下列课程涵盖：图书馆管理学、信息论、系统论和控制论原理、图书馆系统评估、知识产权法学、人工智能原理、系统仿真技术、计算机原理、程序设计语言、程度设计基础、数据结构、操作系统、数字逻辑电路、离散数学、编译方法、数据库系统、计算机信息网络、信息组织方法、信息资源管理、图书馆系统设计、信息检索、信息传播及信息服务等。上述课程可作为图书馆管理学本科教育的基本课程结构。至于研究生的课程设计，应根据具体的研究方向和培养目标，在此基础上进一步深入。

参考文献

1. 胡昌平.信息管理科学导论.北京：科学技术文献出版社，1995：17
2. 谢阳群.21世纪的信息资源管理学科体系建设展望.
情报理论与实践，1997（6）：329～332
3. 中国国防科学技术信息学会.情报学进展：1994～1995年度评论：164
4. 邹忞，胡骏.网络环境下信息知识产权保护的初步探讨.
情报理论与实践，1996（2）：9～11
- 5.〔美〕约翰奈斯比特.大趋势改变我们生活的十个方向.北京：社会科学出版社，1984：257

Ананьин Валерий Владимирович, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Араева Людмила Алексеевна, доктор филол. наук, зав. кафедрой риторики и стилистики Кемеровского государственного университета, профессор, г. Кемерово

Астаурова Галина Алексеевна, кандидат философ. наук, доцент кафедры философии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Белоусова Наталья Александровна, директор музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Боброва Лариса Юрьевна, зав. отделом археологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Бондаренко Светлана Васильевна, кандидат филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Бородина Елена Михайловна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологи Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Бурнаков Венарий Алексеевич, кандидат ист. наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск

Ван Чаньцзуань, Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь (КНР)

Гаврилов Евгений Олегович, кандидат философ. наук, преподаватель кафедры конституционного и административного права Кузбасского института ФСИН России, г. Кемерово

Гаврилов Олег Федорович, кандидат философ. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Кузбасского института экономики и права, г. Кемерово

Гендина Наталья Ивановна, доктор пед. наук, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор, г. Кемерово

Гениева Екатерина Юрьевна, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, директор Благотворительного фонда «Институт толерантности», доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, г. Москва

Гололобов Евгений Ильич, кандидат ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут

Гончарова Наталья Викторовна, международная школа иностранных языков «Бенедикт», директор по обучению, г. Кемерово

Грунина Людмила Петровна, кандидат филол. наук, доцент Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Даваа Екатерина Карбий-ооловна, старший преподаватель кафедры философии Тывинского государственного университета, аспирант Тывинского государственного университета, г. Кызыл

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философ. наук, доцент, зав. кафедрой социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета, г. Кемерово

Евдокимова Елена Алексеевна, кандидат филол. наук, преподаватель «Военная академия тыла и транспорта им. генерала армии А. В. Хрулева», г. Санкт-Петербург

Кимеева Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, зав. отделом этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Ковешникова Елена Анатольевна, кандидат ист. наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор пед. наук, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор, г. Кемерово

Кузнецова Елена Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, зам. Директора института культуры, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, зав. кафедрой музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор, г. Кемерово

Курбатов Владимир Петрович, кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела региональной культуры НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Куркова Наталья Сымжитовна, старший преподаватель кафедры фотовидеотворчества Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Лу Хунмэй, Чаньчуньский педагогический университет, г. Чаньчунь (КНР)

Лушникова Галина Игоревна, кандидат филол. наук, зав. кафедрой английской филологии № 2 Кемеровского государственного университета, доцент, г. Кемерово

Ма Жуйюань, Чаньчуньский педагогический университет, г. Чаньчунь (КНР)

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, проректор по научной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор, г. Кемерово

Матевосян Аветик Жораевич, аспирант Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Межова Марина Вячеславовна, преподаватель кафедры иностранных языков Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Модоров Николай Семенович, доктор ист. наук, профессор кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета, зав. лабораторией по комплексному изучению истории и культуры коренных народов Южной Сибири, г. Барнаул

Мухарева Анна Николаевна, кандидат ист. наук, сотрудник отдела археологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Насонов Александр Александрович, преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, аспирант Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Пилко Ирина Семеновна, доктор пед. наук, профессор, зав. кафедрой технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Писаревская Галина Николаевна, преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Поддубиков Владимир Валерьевич, кандидат ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Института угля и углехимии СО РАН Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор пед. наук, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор, г. Кемерово

Родионова Дарья Дмитриевна, кандидат филос. наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Садовой Александр Николаевич, доктор ист. наук, профессор кафедры социологии Кемеровского государственного университета, зав. лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Института угля и углехимии СО РАН Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Селезнева Наталья Викторовна, ассистент Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск

Сокол Ольга Васильевна, кандидат пед. наук, доцент кафедры теории и истории искусств Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Спекторова Надежда Анатольевна, зав. лабораторией «Декоративная роспись по металлу» кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Стрыганова Татьяна Ивановна, преподаватель кафедры декоративно-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Тараненко Любовь Геннадиевна, кандидат пед. наук, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Ташкенова Юлия Ивановна, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Ултургашева Ирина Григорьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Ултургашева Надежда Торжуевна, доктор культурологии, зав. кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного университета культуры и искусств, профессор, г. Кемерово

Фетисов Антон Сергеевич, аспирант кафедры истории России Горно-Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Хилько Николай Федорович, доктор пед. наук, доцент Сибирского филиала Российского института культурологии, г. Омск

Цветус-Сальхова Татьяна Эдуардовна, преподаватель кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Черняк Максим Витальевич, аспирант Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово

Чжань Юйси, Чаньчуньский педагогический университет, г. Чаньчунь (КНР)

Чжао Хунцзун, Чаньчуньский педагогический университет, г. Чаньчунь (КНР)

Шарикова Людмила Анатольевна, кандидат филол. наук, профессор кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, доцент, г. Кемерово

Шрайбман Ольга Борисовна, зав. отделом природы и экологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

Шунков Александр Викторович, кандидат филол. наук, зав. кафедрой литературы и русского языка, доцент, г. Кемерово

Ananyin V. V., Pisarevskaya G. N., Stryganova T. I. INNOVATIONS IN DEVELOPMENT OF FOLK ARTS AT THE CHAIR OF DECORATIVE AND APPLIED ARTS OF THE VISUAL ARTS DEPARTMENT (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article discusses decorative art of peoples of Siberia (Altai, Mountain Shoria, Tyva) and shares the experience of creative activity of students performing their practical assignments in the course of Chromatics and Colouristics at the chair of Decorative and Applied Arts of the Kemerovo State University of Culture and Arts.

Arayeva L. A. ELECTRONIC PROPOSITIONAL FRAME MULTILINGUAL DICTIONARY AS THE BASIS FOR EFFICIENCY OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article presents the propositional frame analysis of word-formation processes which allows to reveal specific of mentality of this or that nation. The proposition frame approach explains originality associated by (metonymical and metaphorical) communications actualized in a language and caused by it. Understanding of these features of a parity of a language, thinking and cultural behaviour allowed to realise necessity of creation of the dictionary of new type, lexical units in which are presented in their propositional frame connection. The offered dictionary will help a person to plunge virtually into the languages, cultural environment of several nations at once observing the originality of each of them, undoubtedly, that promotes tolerance of intercultural dialogue.

Astaurova G. A. NATIONAL FEATURES IN RUSSIAN PHILOSOPHY (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

The article focuses on the “globalization” issue – unity, integrity of planetary and human lives. The author examines the problem of forming of Russian philosophical thought in the 19th – early 20th centuries in accordance with national, social and cultural traditions.

Belousova N. A., Bobrova L. Yu., Kimeyeva T. I., Mukhareva A. N., Shraibman O. B. MUSEUM “ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND ECOLOGY OF SIBERIA” OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY ON THE INTERNET <http://museum.kemsu.ru>. (Museum “Archeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

The article considers the problems of strengthening communication ties in society by means of information technologies, and the increasing tendency of university museums of Southern Siberia to display their collections on the Internet. The structure of the Museum “Archeology, Ethnography and Ecology of Siberia” of Kemerovo State University is presented.

Bondarenko S. V., Mezheva M. V. TRANSLATION IN THE CONTEXT OF CULTURES' DIALOGUE (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article is devoted to the role of translation in interaction of various cultures. Approaches to translation are analyzed and differentiated. The author argues that translation from a standpoint of cultural approach is the effective means of intercultural communication.

Borodina E. M. VARIETY OF WEDDING SONGS AND THEIR MEANING IN A RITUAL (USING FIELD INVESTIGATION MATERIALS OF THE KEMEROVO REGION) (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article focuses on wedding songs which as a genre are diverse and which aim to express attitude of participants of the ritual to its events. We can find signs and attributes of local traditions in wedding songs of the Kemerovo region, namely musical and style standards (two-voice polyphony, varied heterophony, additional insertion of vowels).

Burnakov V. A. ON THE ISSUE OF BEAR-WORSHIP AMONG THE KHAKAS PEOPLE (Ethnography Department of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia)

The article discusses the problem related to worshipped animals which are considered the most archaic images in spiritual culture of Siberian peoples. The Khakas world-view and mythic and ritual practice allocate the bear with a sacral value, connected with the ancestor cult.

Davaa E. K. PRESENT DAY SOCIAL AND CULTURAL SITUATION OF TUVA-TODZHIN PEOPLES (Tuva State University, Kyzyl, Russia)

The article examines the issues related to preserving traditional culture of Tuva-Todzhin peoples in connection with a changing economical situation in Russia in general, and in the Republic of Tyva in particular, and in connection with raising a problem of sustainable development of the Republic of Tyva.

Evdokimova E. A. ON THE ISSUE OF FORMING LINGUO-CULTUROLOGICAL COMPETENCE IN TEACHING FOREIGN MILITARY PERSONNEL (A.V. Khrulyov Military Academy of Logistics and Transport, St. Petersburg, Russia)

The article highlights teaching methods of Russian as a foreign language in which forming linguo-culturological competence of students takes the core position. The author argues that the teaching methods under discussion provide both fast language learning and understanding and awareness of national culture and traditions which are fixed on each level of linguistic paradigm.

Gavrilov O. F. (Kuzbass Institute of Economics and Law, Kemerovo, Russia), **Gavrilov E.O.** (Kuzbass Institute of Federal Service for Execution of Punishment, Novokuznetsk, Russia). ON THE COMMUNICATION PRECONDITIONS FOR RELIGIOUS TOLERANCE AND INTOLERANCE

The article focuses on the problem of religious tolerance and realization of freedom of conscience in the Russian Federation. Tackling this issue largely depends upon identifying the character of interaction of religion and society in Russia and its development at present and in the future.

Gendina N. I. INFORMATION CULTURE, ART AND CREATIVITY OF A HIGHER SCHOOL GRADUATE IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT IN INFORMATION SOCIETY (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

Human capital as a condition and a transfer factor to information society is regarded. The following questions are discussed: Who needs a creative graduate or what does a modern employer want? What is creativity and what is the difference between creativity and art? Interconnection and consequence of two processes are examined: a creative person formation and a person's information culture formation. The concept of a person's information culture formation under conditions of higher school. The content and structure of the course: "Principles of a person's information culture" for students and post-graduates of humanitarian higher establishments are characterized. The possibilities of the given course for artistic and creative person are revealed.

Genieva E. Yu. MAXIMILIAN VOLOSHIN'S GARDENS (*M. I. Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature, Moscow, Russia*)

The article considers the issues connected with the origin of phenomenon of «intelligentsia» as social consciousness typical for both Russian and Western civilizations, delves into «the road to Calvary of the Russian intelligentsia» using the example of life and creative work of Maximilian Voloshin, a brilliant poet, translator, artist, essayist, critic of literature and the arts.

Gololobov E. I. TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT OF PEOPLES OF THE OB-IRTYSH NORTH AREA IN CONDITIONS OF SOCIAL AND ECONOMICAL MODERNIZATION IN THE 1920s. (Surgut State Pedagogical University, Russia)

The article discusses the problem of indigenous peoples of the North and the national policy in the 1920s. The author also points to the issue of rates and trends of development of peoples of the North.

Grunina L. P. THE PRESENT IN THE MIRROR OF THE NATIVE LANGUAGE (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

Freedom, ease, carelessness, and spontaneous connivance characterize modern usage of the Russian language. Examining mental abilities allows to understand leading semantic components, traditionally permanent in the language.

Khilko N. F. NATIONAL AND GENERALIZED CIVILIZATION ASPECTS IN FOLK ART OF SIBERIA (Siberian Branch of Russian Institute of Culturology, Omsk, Russia)

The article deals with the following issues: dialogue and interaction of cultures aimed at creating a common cultural space; interrelation of national and international; influence of polyethnicity on the process of interaction of national and generalized civilization aspects; development of ethnic culture in conditions of polyethnicity. Recommendations on forming the national cultural policy are provided.

Kimeyeva T. I. FORMING OF INTEREST IN REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE BY MEANS OF MUSEUM EXPOSITION (Kuzbass Museum of Physical Culture and Sports, Kemerovo, Russia)

The article highlights the issue of systematization and research of museum materials as part of educational process for students majoring in “Museum Studies and Protection of Monuments”, specialization “Historical and Cultural Heritage of Siberia.”

Koveshnikova E. A. INTERCULTURAL EXCHANGE AND INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE ON THE BASIS OF MUSEUM COMMUNICATION (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article highlights the problem of correct understanding of terminology and the essence of intercultural exchange in connection with considering the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage.

Koveshnikova E. A. MUSEUM COMMUNICATION AND INTERCULTURAL DIALOGUE (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article focuses on the necessity to preserve traditional culture through development of museum communication. The museum from a standpoint of communication approach is a fairly mobile institution that efficiently tackles local issues of any culture, both in theory and practice, based on models of museum communication.

Kudrina E. L. HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF CULTURE AND ARTS IN THE PRESENT-DAY WORLD OF GLOBALIZATION (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article deals with the issues of globalization, conservation and development of traditional culture, tolerance in multicultural society, and the role of higher educational institutions of culture and arts in the globalization processes.

Kulemzin A. M. CULTURAL AND ECOLOGICAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF SHAPING OF PUBLIC AWARENESS (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article is devoted to human environment which among many other factors affects shaping of personality. One of the environment components is artificial environment in which historical and cultural objects take a significant place. The author suggests that social awareness of people living in a certain historical and cultural environment will largely depend upon knowledge about history and culture communicated by monuments.

Kurbatov V. P. MULTICULTURALITY OF A CELEBRATION. POSSIBILITY FOR CREATING A UNIVERSAL MODEL (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article examines a concept of multiculturalism. Some examples of celebrating St. Valentine's Day in different countries are given. Then the author presents a detailed analysis of New Year celebrations by Slavs, Shors, Teleuts living in the Kuzbass area. The findings suggest creating a universal model of a celebration, its structure and sequence of actions. The author argues the possibility for various ethnic cultures to coexist on one territory.

Kurkova N. S. FOLK ART AS INEXHAUSTIBLE POTENTIAL FOR ANIMATION ARTWORKS (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article examines the relation between animated films and folk art. The nature of folk art is very close to the nature of animation. It is folk art where animation finds kindred means of artistic generalization: the figurative structure and power of artistic impact of animation are based on metaphor and hyperbole, symbols and personification, allegory and typification; all of these are related to the centuries-old experience and traditions of folk art.

Kuznetsova E. S. MULTISUBJECTS OF REGIONAL EDUCATIONAL POLICY AS A FACTOR OF RE-GLOBALIZATION OF NATIONAL CULTURE (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article examines present day anthropological, sociocultural, geocultural factors of development of national education, influenced by the globalization process.

Lu Hongmei. REASONING IN PERCEPTION OF THE RUSSIAN-LANGUAGE TEXT – CREATING A MODEL OF HERO'S CHARACTER WITH HELP OF REASONING MODELS (Changchun Normal University, Changchun, China)

The article discusses the problem of text comprehension. On the one hand, text is considered as some autonomous substance; on the other hand, it is viewed as a mechanism for perception, hence is closely connected with social activities of communicants. Kintsch's models of reasoning effectively contribute to text comprehension and creation of a model of hero's character.

Ma Ruiyun. INFLUENCE OF CULTURE DIVERSITY ON THE LANGUAGE (Changchun Normal University, Changchun, China)

Translation is by nature a cross-cultural communication. During translation, culture often meets various negative factors originated from cultural pluralism. This paper mainly discusses the translator's thinking pattern and outlook for the purpose of revealing some internal principles during the process of translation and emphasized great importance on translation.

Markov V. I. TOLERANCE IN THE CONTEXT OF PRESENT-DAY GLOBAL PROCESSES (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The main problem of this article is connected with the very critical discussions about the concept of tolerance in its actual sense in global relations. The author suggests a hypothesis that

there are two global processes, which differ from each other – globalization and policy of globalism. Meanings of tolerance are different too, when we investigate them in connection with those processes.

Matevosyan A. Zh. EVOLUTION OF RUSSIAN-ARMENIAN CULTURAL RELATIONS (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The author highlights that Russian-Armenian relations have evolved through a number of stages and each stage had its own specific meaning depending upon historical periods and circumstances. However, at any given period of time these relations were determined by commonly-shared interests, and thus reflected the objective process of development.

Modorov N. S., Fetisov A. S. FROM HISTORY OF NON-TRADITIONAL SECTS IN THE ALTAI REPUBLIC: A FAILED VENTURE (Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia)

The article examines the confessional situation in the Altai Republic where at the end of the 20th century new, non-religious teachings appeared and became active alongside with traditional religions (Orthodox, Muslim, Buddhism in the form of Lamaism).

Nasonov A. A. ESSENCE OF THE SINCRETISATION PROCESS (USING THE EXAMPLE OF INTERACTION OF BUDDHISM AND TRADITIONAL SPIRITUAL SYSTEMS OF SOUTHERN SIBERIA) (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

The article focuses on the issue of terminological definition of processes underlying genesis of beliefs and church organization and introduction of the term “sincretisation process” into the scholar language. The characteristic of interconfessional interaction happening in an ethnic environment and under the influence of goal-directed government policy is given.

Pilko I. S., Taranenko L. G. INTERNETIZATION OF LIBRARY SERVICES (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article examines transformation of information processes under influence of information and communications technology; shows incorporation of network technology into main processes of library services. The article proves that Internet technology has contributed to bringing library service up to a new standard of implementation of “supporting” processes (library stock creation, cataloging of library storage, bibliographing, etc.), expanding resource data base of information service and, above all, diversifying the range of information services available to library users.

Poddubikov V. V. PROBLEMS OF CONSERVING ETHNOCULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS NUMERICALLY SMALL PEOPLES ON SPECIALLY PROTECTED NATURE RESERVES (USING THE EXAMPLE OF THE ALTAI-SAYAN ECOREGION) (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article presents the experience from specially protected nature reserves of the Altai-Sayan ecoregion in the sphere of conservation of ethnocultural heritage of indigenous peoples. Some results of field investigation conducted by the author, funded by the UNDP/GEF project «Biodiversity Conservation in the Russian Portion of the Altai-Sayan Ecoregion» in 2007–2008, are given.

Ponomarev V. D. PLAY-CENTRISM OF CREATIVITY AND PEDAGOGY OF PLAY (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article discusses the problem of play as the first experience of culture acquired by an individual. Considering the dynamic processes of globalization, the following contradictions should be noted: limitation and reduction of play space of individual's life (conventional play landscapes, in particular, and options to choose from creative plays), deterioration of quality and values of play culture, shaping of play kitsch – simplified and utilitarian play-forms. Pedagogy of play as a system of scientific knowledge and professional practice reveals new scope in a sociocultural sphere.

Sadovoy A. N. NATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS: ON THE ISSUE OF MONITORING IMPROVEMENT (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

The article discusses the problem of formation of the State National Policy Concept in the 1990s – early 2000s and the issues related to legal control with respect to ethnos of the Russian Federation; development of ethnic cultures and fostering tolerance; implementation of ethnological monitoring and early prevention of ethnic conflicts.

Seleznyova N. V. MODELS OF CHINESE SPACE (USING MYTHOLOGY MATERIAL) (Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia)

The article deals with the problem of world national scope of the Chinese through perception and representation of space in Chinese mythology. The main features of the space model are given: isomorphism, hierarchy, sacrament. The author highlights the core status of the emperor in the Chinese universe model.

Sharikova L. A. GLOBAL WORLD AS A METAPHOR (CONCEPTUAL NEGATIVE AT THE TURN OF THE CENTURY) (Kemerovo State University, Kemerovo, Russia)

The article analyses the conceptual metaphor GLOBAL\ GLOBALISIERUNG in texts of sociological journalistic discourse.

Shunkov A. V. LITERARY CLASSICS IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION AGE (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article is devoted to the problem of a declining role of literature in modern education. The reasons leading to loss of interest in books and literary reading among young readers are presented. The author also suggests possible solutions for restoring and strengthening the role of literature to the centre of Russian culture.

Sokol O. V. RUSSIAN MUSIC: SPACE FOR CROSS-CULTURAL INTERACTION (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article is devoted to the Russian national composer school of the 17th–19th centuries, based on all-European traditions.

Spektorova N. A. KEMEROVO PAINTED TRAYS: FROM HISTORY OF LACQUER PAINTING ON METAL IN RUSSIA (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article is devoted to the history of Russian lacquer craft, traditional painting technique of the Ural-Siberian area, and Kemerovo decorative painting on metal.

Tchernyak M. V. PERSPECTIVES OF TOLERANT CONSCIOUSNESS IN PRESENT-DAY RUSSIA (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article considers the concept of «tolerance» from standpoints of existential-humanistic, diversified, cognitive, behavioural and dialogic approaches.

Tsvetus-Salkhova T. E. FORMATION AND DEVELOPMENT OF CHINESE THEATRE (SEMIOTICAL ASPECT) (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article highlights specific areas in history of Chinese theatre.

Ulturgasheva N. T., Ulturgasheva I. G., Tashkenova Yu. I. SPIRITUAL WORLD AND ECOLOGICAL TRADITIONS OF INDIGENOUS TURKIC PEOPLES OF SIBERIA (Kemerovo State University of Culture and Arts, Kemerovo, Russia)

The article discusses ecological culture of indigenous Turkic peoples of Siberia – Altais, Teleuts, Tuvinians, Khakas, Shors, which is manifested through worshipping native land: mountains, woods, steppes, rivers, etc.

Zhang Yuxi. LIBRARY IN THE INTERNET AGE (Changchun Normal University, Changchun, China)

In the modern society, the library which has old selling module has been facing more and more pressure for living. If we put the library online, the future will be bright and wise. The most special thing of web library is to organize the complex information efficiently. In the information age, everything is mess. As a lot of information is coming, it not only makes us excited but also brings us a lot of trouble. Just like Peter said, “A lot of information which is not ordered, it is not resource but disaster.” How to organize the information becomes a question for the information age. On this part, library has its own advantages. Its labes have already improved that works and the billions of the books are the valuable resource for the “COM”.

Zolotukhin V. M. CULTURE, INNOVATIONS AND TOLERANCE (Kusbass State Technical University, Kemerovo, Russia)

The article considers tolerance as a possible field (space) for applying innovations into sociocultural environment. Discussion of tolerance from sociocultural and political viewpoints is aimed at reaching situational consensus of socially “active” subjects (ethnic groups, classes, civil society, etc.).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Кудрина Е. Л.</i> Вузы культуры и искусств в современном мире глобализации	6
<i>Садовой А. Н.</i> Федеральные и региональные компоненты национальной политики (по итогам Всероссийского совещания по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России, г. Москва, Министерство регионального развития РФ, 22–23.10.2009 г.)	18
<i>Хилько Н. Ф.</i> Национальное и общецивилизационное в народной культуре Сибири	23
<i>Марков В. И.</i> Толерантность в контексте современных глобальных процессов	30
<i>Садовой А. Н.</i> Национальная политика субъектов Российской Федерации: к проблеме совершенствования мониторинга	34
<i>Поддубиков В. В.</i> Проблемы сохранения этнокультурного наследия коренных малочисленных народов на особо охраняемых природных территориях (на примере Алтае-Саянского экорегиона)	42
<i>Гололобов Е. И.</i> Традиционное природопользование народов Обь-Иртышского севера в условиях социальной и экономической модернизации 1920-х гг.	48
<i>Даваа Е. К.</i> Современное социокультурное положение тувинцев-тоджинцев	52
<i>Ковешникова Е. А.</i> Межкультурный обмен и нематериальное культурное наследие на основе музейной коммуникации	57
<i>Кулемзин А. М.</i> Культурно-экологическая среда – фактор формирования общественного сознания	60
<i>Ултургашева Н. Т., Ултургашева И. Г., ТаиKENOVA Ю. И.</i> Духовный мир и экологические традиции коренных тюркоязычных народов Сибири	65

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

<i>Гениева Е. Ю.</i> Сады Максимилиана Волошина	69
<i>Золотухин В. М.</i> Культура, инновации и толерантность	79
<i>Астаурова Г. А.</i> Национальные особенности русской философии	85
<i>Bondarenko S. V., Goncharova N. V.</i> Dialog of theoretical and scientific programmes in culturology/anthropology: Russia – The USA	89
<i>Матевосян А. Ж.</i> Эволюция русско-армянских культурных взаимосвязей	95
<i>Бурнаков В. А.</i> К вопросу о культе медведя у хакасов	101
<i>Модоров Н. С., Фетисов А. С.</i> Из истории деятельности нетрадиционных религиозных течений в Республике Алтай: провал одной авантюры	106

<i>Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О.</i> О коммуникационных предпосылках религиозной толерантности и нетерпимости	113
<i>Насонов А. А.</i> Сущность процесса синкретизации (на примере взаимодействия буддизма и традиционных духовных систем Южной Сибири)	117
<i>Кимеева Т. И.</i> Формирование интереса к региональному историко-культурному наследию средствами музейной экспозиции	121
<i>Ковешникова Е. А.</i> Музейная коммуникация и межкультурный диалог	128
<i>Кузнецова Е. С.</i> Мультисубъекты региональной образовательной политики как фактор ре-глобализации национальной культуры	136
<i>Черняк М. В.</i> Перспективы толерантного сознания в условиях российской действительности	144

«ВСЕ РАЗНЫЕ, ВСЕ УНИКАЛЬНЫЕ»: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

<i>Пономарев В. Д.</i> Игроцентризм творчества и педагогика игры	150
<i>Бородина Е. М.</i> Жанровые разновидности свадебных песен и их предназначение в обряде (на примере экспедиционных материалов Кемеровской области)	155
<i>Курбатов В. П.</i> Мультикультурность праздника. Возможность создания универсальной модели	163
<i>Куркова Н. С.</i> Народное искусство как неисчерпаемый потенциал анимационного творчества	172
<i>Родионова Д. Д.</i> Коммуникативно-символические функции моды в контексте гендерных отношений на современном этапе развития общества	177
<i>Цветус-Сальхова Т. Э.</i> Становление и развитие китайского традиционного театра (семиотический аспект)	182
<i>Родионова Д. Д.</i> Мода как язык: семиотика моды и ее знаковые коммуникативно-символические функции	189
<i>Спекторова Н. А.</i> Кемеровский расписной поднос: из истории лаковой живописи по металлу в России	196
<i>Сокол О. В.</i> Русская музыка: поле межкультурных взаимодействий	199
<i>Ананьин В. В., Писаревская Г. Н., Стрыганова Т. И.</i> Инновации в развитии народного художественного творчества на кафедре декоративно-прикладного искусства факультета визуальных искусств	207

ЯЗЫК КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Араева Л. А.</i> Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа эффективности межкультурной коммуникации	209
<i>Евдокимова Е. А.</i> К вопросу о формировании лингвокультурологической компетенции при обучении иностранных военнослужащих	213

<i>Бондаренко С. В., Лушникова Г. И.</i> Cultural and language pictures of the world: Russian – English Communication	219
<i>Грунина Л. П.</i> Современность в зеркале родного языка	222
<i>Бондаренко С. В., Межова М. В.</i> Перевод в контексте диалога культур	224
<i>Селезнева Н. В.</i> Модели китайского пространства (на материале мифологии)	230
<i>Шарикова Л. А.</i> Глобальный мир как метафора (концептуальный негатив на рубеже тысячелетий)	236
<i>Шунков А. В.</i> Литературная классика в контексте информационной эпохи	242
<i>Ван Чаньцзюань.</i> Формирование лингвокультурологической компетенции у китайских студентов при изучении русских поговорок и пословиц	248
<i>Лу Хунмэй.</i> Роль рассуждения в восприятии русскоязычного текста – обзор построения модели характера героя с помощью моделей рассуждения	251
<i>Ма Жуйюань.</i> Влияние многообразия культуры на язык	260
<i>Чжао Хунцзун.</i> The Relationship, Contrast, and Nuances Between Cohesion and Coherence, and Its Apparent Linguistic Interdependence	264

КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ЧТО ДАЕТ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЧЕГО ЛИШАЕТ?

<i>Гендина Н. И.</i> Информационная культура, творчество и креативность выпускника высшей школы в контексте проблем развития человеческого капитала информационного общества	268
<i>Белоусова Н. А., Боброва Л. Ю., Кимеева Т. И., Мухарева А. Н., Шрайбман О. Б.</i> Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета в Интернете: http://www.museum.kemsu.ru	283
<i>Пилко И. С., Тараненко Л. Г.</i> Интернетизация библиотечного производства и сервиса	291
<i>Чжань Юйси.</i> Библиотека в эпоху Интернета	299
СПИСОК АВТОРОВ	312
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	316

Научное издание

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПУТИ СОХРАНЕНИЯ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
г. Кемерово, 16 ноября 2009 года

Дизайн обложки *А. В. Сергеев*
Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 12.11.2009. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 500 экз. Заказ № 432.

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru